ФИЛИП ДИК

СОХРАНЯЮЩАЯ МАШИНА

Сохраняющая машина
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Дик. Сохраняющая машина
Сохраняющая машина
Военная игра
На тусклой Земле
Рууг
Ветеран войны
Высшая резервная должность
Вкус Вуба
Мы вам всё припомним
Рынок сбыта
Если бы Бенни Цемоли не было…
Синдром
Ползуны
Что за счастье быть блобелем!
Что сказали мертвецы
Плата за услуги

Аннотация

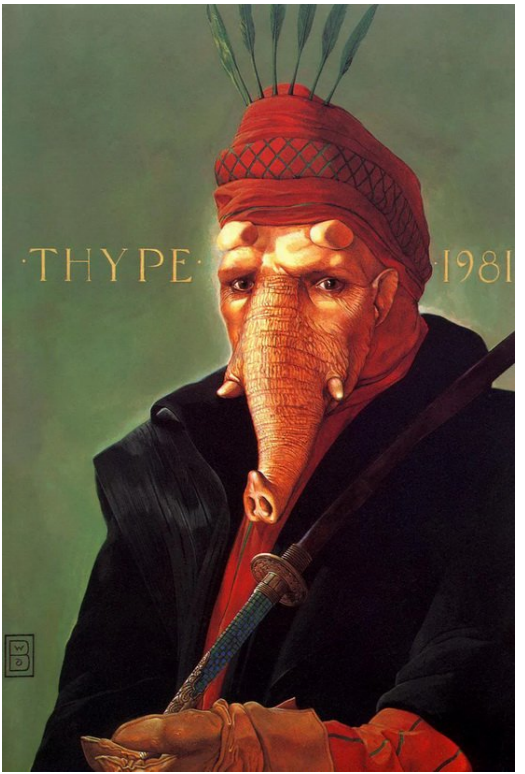
Авторский сборник Филипа Дика (1928–1982) «Сохраняющая машина» (1969) представляет известного американского фантаста как блестящего мастера короткого жанра; каждая новелла в нем может быть легко развернута в роман или стать сценарием фильма. Здесь и история девушки Сильвии, запросто общавшейся с ангелами (из рассказа «На тусклой Земле»), и рассказ-шутка о последствиях брака с инопланетянкой («Что за счастье быть блобелем!»), и сага о попытках землян спасти произведения искусства от гибели с помощью самой Природы (рассказ, давший название сборнику).

Обложка: Барклай Шоу
Иллюстрация: У. Барлоу «Thype», 1981 г.

Филип Дик
Сохраняющая машина

PHILIP K. DICK
The Preserving Machine and other stories, 1969

Авторский сборник
© Перевод, оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2004.
Серия: Кенгуру
Перевод: М. А. Пчелинцев


·THYPE·
·1981

Сохраняющая машина

Доктор Лабиринт откинулся в шезлонге, подтянул сползшее с коленей одеяло и отрешенно закрыл глаза.

— Ну и?.. — спросил я.

Я стоял у небольшого костерка и грел озябшие руки. Вечер был холодный и солнечный, лос-анджелесское небо сверкало почти незамутненной голубизной. За скромным жилищем Лабиринта виднелись на горизонте горы, к ним убегали пологие, мягко колышащиеся волны — небольшой лес, создававший иллюзию девственной природы, хотя мы и находились в пределах городской черты.

— Ну и?.. — повторил я. — Так, значит, машина работает в полном соответствии с вашими ожиданиями?

Не получив ответа, я повернулся. Старик угрюмо наблюдал, как по одеялу медленно ползет огромный тускло-коричневый жук. Жук поднимался медленно и методично, на его лице застыло выражение нерушимого собственного достоинства. Перевалив через вершину, он скрылся на

дальнем от меня склоне; мы с Лабиринтом снова остались одни.

Лабиринт взглянул на меня и вздохнул.

— Да работает она, работает, и вполне прилично.

Я поискал жука, но тот уже куда-то исчез. Небо понемногу темнело, легкий вечерний бриз приносил с гор зябкий холодок; я придвинулся поближе к костру.

— Расскажите мне поподробнее, — сказал я.

Подобно большинству людей, которые много читают и располагают избытком свободного времени, доктор Лабиринт постепенно пришел к убеждению, что нашей цивилизации уготована та же судьба, что и античной. Думаю, Лабиринт видел, как образуются те же самые трещины, которые разорвали древний мир, мир Греции и Рима; во всяком случае, он был твердо убежден, что со временем наш мир, наше общество тоже погибнут, после чего наступит долгая тьма.

Эта безрадостная перспектива естественным образом заставила Лабиринта подумать обо всех милых, прекрасных вещах, обреченных на уничтожение в грядущих общественных катаклизмах. Он заранее скорбел о живописи и литературе, об этикете и музыке, обо всем, что

будет безвозвратно утрачено. И ему казалось, что изо всех этих великих, благородных вещей музыка погибнет первой и наиболее полно.

Музыка, думалось ему, есть самое ранимое изо всех искусств, самое хрупкое и утонченное, наиболее подверженное разрушению.

И это глубоко беспокоило Лабиринта, потому что он любил музыку и не мог без содрогания представить себе время, когда не будет больше ни Брамса, ни Моцарта, не будет благородной камерной музыки, вызывавшей у него представления о пудреных париках и натертых канифолью смычках, о тонких, высоких свечах, медленно оплывающих в вечернем сумраке.

Каким сухим и несчастным будет этот мир, мир без музыки! Каким затхлым и невыносимым!

В конце концов Лабиринт пришел к мысли о сохраняющей машине. Было это так: однажды вечером, когда он сидел в мягком, глубоком кресле и слушал приглушенные звуки льющейся из проигрывателя музыки, его посетило видение. Его мысленному взору предстала партитура шубертовского трио, последний, изрядно потрепанный экземпляр, валяющийся на полу какого-то разгромленного, разграбленного здания, скорее всего — музея.

В небе проплывает бомбардировщик. Бомбы разносят музей в клочья, превращают в груду битого кирпича и штукатурки. Последняя партитура исчезает, ей суждено сгнить под обломками.

И тут доктор Лабиринт увидел, как партитура начинает прокапывать себе выход наружу, выбирается на поверхность, подобно засыпанному землей кроту. *Весьма* подобно кроту, потому что она обладает когтями, острыми зубами и яростной, неуемной энергией.

Если бы музыка была наделена самым обычным, заурядным инстинктом самосохранения, какой есть у любого крота, у любого червяка, насколько все было бы иначе! Если бы удалось трансформировать музыкальные произведения в некое подобие живых существ, в когтистых, зубастых животных, они могли бы и выжить. Для этого нужно построить машину — машину, переводящую музыкальные партитуры в живые формы.

Но доктор Лабиринт не мог сделать этого сам, он не был инженером. Поэтому он набросал несколько эскизов и разослал их по лабораториям. Нетрудно догадаться, что едва ли не все эти лаборатории были предельно загружены выпол-

нением военных контрактов. Но в конце концов Лабиринту повезло. Его замысел привел в восторг сотрудников одного небольшого провинциального университета, и они тут же приступили к разработке машины.

Через какое-то время Лабиринт получил открытку. Работа продвигалась весьма успешно, более того, машина была уже почти закончена. Для заключительного испытания ей скормили пару популярных песенок. Результат? Две мышевидные зверюшки, которые выскочили из машины и начали метаться по лаборатории; в конечном счете их поймала и съела лабораторная кошка. Но машина удалась, в этом не было никаких сомнений.

Вскоре ее доставили, надежно упакованную в деревянный контейнер, полностью собранную и полностью застрахованную. Полный радостного предвкушения Лабиринт тут же вооружился ломиком и начал отдирать от контейнера доски. Можно себе представить, сколько надежд и опасений промелькнуло в его мозгу, пока он настраивал машину, готовил ее к первой трансформации. Он решил начать с воистину бессмертного произведения, с соль-минорного квинтета Моцарта. Перелистывая драгоценные

страницы, Лабиринт настолько увлекся, что на какое-то время даже забыл о предстоящем испытании, однако затем он очнулся, подошел к машине и закинул партитуру в ее приемный лоток.

Время тянулось мучительно долго. Лабиринт стоял перед машиной в нервном ожидании, тревожный и не вполне уверенный, что предстанет его глазам, когда — наконец-то — можно будет открыть выходной отсек. Он возложил на себя высокую и трагическую задачу навечно сохранить музыку великих композиторов. Ждет ли его награда? И какая? Что он сейчас увидит? В какой форме явится итог всех его стараний?

Вопросов было много, и ни один из них не имел — пока что — ответа. Погруженный в раздумья, Лабиринт не сразу заметил, что на панели машины вспыхнула красная лампочка. Процесс завершился, первая трансформация состоялась. Он открыл дверцу.

— Боже! — сказал Лабиринт. — Это до крайности странно.

Наружу вышла не зверюшка, но птица. Моцартова птица была просто загляденье: миниатюрная и изящная, с ярким, как у павлина, хохолком. Она немного побегала по комнате, а затем вер-

нулась к Лабиринту, дружелюбно поглядывая на него круглыми, любопытными глазами. Дрожа от волнения, Лабиринт нагнулся и протянул руку. Моцартова птица подошла еще ближе, а затем вдруг вспорхнула.

— Поразительно, — пробормотал Лабиринт.

Он принялся ласково, терпеливо уговаривать птицу, и в конце концов та к нему вернулась. Лабиринт долго гладил ее, размышляя, какими же окажутся остальные? Ответа у него не было, даже предположительного. Он осторожно поднял моцартову птицу с пола и поместил ее в ящик.

Еще большее удивление ждало его назавтра, когда появился бетховенский жук, суровый и величественный. Именно этого жука и видел я чуть раньше, когда он сосредоточенно и отрешенно карабкался по красному одеялу, преследуя какие-то свои, непонятные нам цели.

Следующей была шубертова овечка. Она действительно очень походила на молодую овцу, все время бегала, дурачилась и любила, чтобы с ней играли. На этот раз Лабиринт сел и тяжело задумался.

«Так *какие же* характеристики обеспечивают выживание? Неужели яркий, пышный хохолок лучше когтей, лучше острых зубов?» Лабиринт

был в полном недоумении. Он ожидал получить полки сильных, крепких кротообразных существ, оснащенных когтями и клыками, защищенных прочной чешуей, умеющих грызть и царапать, готовых рыть и сражаться. «То ли получается, что надо? Но с другой стороны — кто может сказать, *что* хорошо для выживания? Динозавры были прекрасно вооружены, и где они теперь? Как бы там ни было, машина построена, идти на попятную поздно».

И Лабиринт пошел вперед, он скармливал Сохраняющей машине музыку одного композитора за другим, и вскоре лес за его домом уже кишел ползающими и бегающими существами, по ночам оттуда непрестанно доносились крики и какой-то треск. Среди этих существ встречались и очень странные, чей вид не лез буквально ни в какие ворота. Брамсовское насекомое имело уйму тонких, торчащих во все стороны лапок и походило на громадную, тарелкообразную сороконожку. Приземистое и плоское, оно было сплошь покрыто густым коротким мехом. Брамсовское насекомое любило одиночество, оно пугливо сторонилось всех других существ, а особенно — вагнеровского зверя, который появился чуть раньше.

Этот крупный, сплошь усеянный яркими разноцветными пятнами зверь отличался крайне несдержанным характером, и если даже сам Лабиринт относился к нему с некоторой опаской, что уж там говорить о баховых букашках, шаровидных существах, целая стая которых, больших и маленьких, получилась из «Сорока восьми прелюдий и фуг». А еще была стравинская птица, словно сцепленная из самых неожиданных кусков и фрагментов, и многие, многие другие.

Выпущенные на свободу, они поселились в лесу и теперь прыгали там и ползали, катались и летали по собственному своему разумению. А Лабиринта все больше и больше охватывало тягостное ощущение неудачи. Каждое новое существо становилось для него новым источником недоумения, он снова и снова убеждался в непредсказуемости результатов трансформации. Этот процесс подчинялся никак не ему, но некоему властному, невидимому закону, и это очень его тревожило. Существа формировались некоей глубинной, безликой силой, силой, ни увидеть которую, ни понять Лабиринт не мог. И он не просто тревожился, он боялся. Лабиринт смолк. Я немного подождал, однако продолжения не последовало. Я повернулся и взглянул на старика;

в его глазах стояла какая-то странная мольба.

— Это практически все, что я знаю, — сказал он. — Я давно уже туда не ходил, в этот лес. Я боюсь, попросту боюсь. Я знаю, что там что-то происходит, однако…

— А почему бы нам не сходить туда вместе?

— Так, значит, вы не против? — облегченно улыбнулся Лабиринт. — Я очень надеялся, что вы сделаете такое предложение. Эта история начинает меня угнетать. — Он откинул одеяло и встал, отряхивая с коленей соринки. — Ну так что же, идем, пока не стемнело.

Мы обогнули дом, вышли на узкую тропинку и углубились в лес. Нас окружали дикие, беспорядочные, совершенно неухоженные заросли, буйная, непролазная масса зелени. Доктор Лабиринт шел впереди, отодвигая преграждавшие нам путь ветки, нагибаясь и протискиваясь там, где это не удавалось.

— Да тут у вас настоящие джунгли, — заметил я.

Наш поход продолжался порядочное уже время. Было темно и сыро. Солнце почти уже зашло, и сквозь низко нависающие кроны деревьев сочился легкий вечерний туман.

— Сюда никто не ходит, — сказал доктор и тут

же остановился, настороженно озираясь. — Может быть, нам лучше вернуться и прихватить мое ружье. Кто его знает, что тут может случиться.

— Вы как-то слишком уж уверены, что эти твари совсем отбились от рук. — Я догнал доктора и встал рядом с ним. — Может быть, все совсем не так плохо, как вам думается.

Лабиринт продолжал озираться. Он покопался ногой в чахлых кустиках, росших рядом с тропинкой.

— Они же здесь, вокруг нас, везде, они за нами наблюдают. Неужели вы не чувствуете?

— Да, пожалуй, — рассеянно отозвался я. — А это что такое?

Я поднял тяжелый полусгнивший сук и отодвинул его в сторону, обнаружив странный продолговатый бугор, вернее — нечто непонятное, полузакопанное в рыхлую землю.

— Что это такое? — повторил я.

Лабиринт поковырял бугор ногой, на него было жалко смотреть. По моей спине пробежал неуютный холодок.

— Господи, — сказал я, — да что же это такое? Вы-то сами понимаете?

Лабиринт медленно поднял голову.

— Шубертовская овца, — убито пробормотал

он. — Только от нее мало что осталось.

Шубертовская овца — та самая, которая носилась и скакала, как веселый щенок, игривая и дурашливая. Я наклонился и разгреб листья, частично прикрывавшие несчастную тварь. Мертвая, мертвее и не придумаешь. Глаза остекленели, рот полуоткрыт, брюхо вспорото, вывалленные наружу внутренности сплошь усеяны трудолюбиво копошащимися муравьями. И явственный запах дохлятины.

— Но как, почему?.. — Лабиринт недоуменно потряс головой. — Кто мог это сделать?

Негромкий, но явственный треск заставил нас резко обернуться.

В первый момент я ничего не увидел. Затем кусты шевельнулись, и мы с Лабиринтом различили вдруг его очертания. Без всяких сомнений, это существо стояло там все время, стояло и смотрело, что мы делаем. Тощее и очень длинное, со злобным блеском в глазах, оно слегка походило на койота, только койота небывало огромного. Густо поросшее длинной, неопрятно свалявшейся шерстью, оно смотрело на нас, чуть приоткрыв зубастую пасть и вроде бы удивляясь, по какому праву мы вторглись в его владения.

— Вагнеровский зверь, — хрипло пробормотал

Лабиринт. — Только он изменился. Сильно изменился. Я едва его узнаю.

Существо понюхало воздух, шерсть на его загривке встала дыбом. Затем оно попятилось и растворилось в сумраке леса.

Мы стояли и молчали. В конце концов Лабиринт стряхнул с себя оцепенение.

— Так вот чья это работа, — медленно сказал он. — Я почти не верю своим глазам. Но почему? Что…

— Адаптация, — сказал я. — Если выгнать обычную домашнюю кошку в лес, она либо погибнет, либо одичает. То же и с собакой.

— Да, — кивнул Лабиринт. — Чтобы сохранить себе жизнь, собака становится волком. Закон джунглей. Странно, что я не подумал об этом раньше. Так бывает всегда.

Я взглянул на мертвое животное, затем обвел глазами немые заросли. Адаптация — если не что-нибудь похуже. У меня появилась некая идея, но пока что я не хотел ее высказывать.

— Мало мы их видели, взглянуть бы еще, — сказал я. — На каких-нибудь других. Давайте поищем.

Мы начали обшаривать окрестности, раздвигая траву и отводя лезущие под ноги ветки. Если я

помогал себе подобранной палкой, то Лабиринт ползал на четвереньках, ощупывая каждую кочку и близоруко всматриваясь в землю.

— Даже дети превращаются в зверенышей, — сказал я. — Вы помните индийских детей-волчат? Никто не верил, что когда-то они были самыми обыкновенными детьми.

Лабиринт молча кивнул; он был крайне удручен, и по слишком понятной причине. Его первоначальная идея оказалась ошибочной, в корне ложной, и сейчас он увидел последствия этой ошибки. Да, музыка, превращенная в живых существ, может выжить, однако он не учел уроков Сада Эдемского: после того, как существо создано, оно начинает свою собственную жизнь, тварь перестает быть собственностью творца, он не может более формировать его и направлять в соответствии со своими желаниями. Бог должен был испытывать ту же самую печаль — и то же самое унижение, что и Лабиринт, когда бессильно наблюдал, как Его твари, и в частности человек, изменяются ради выживания. Выживание музыкальных существ утратило всякий смысл: созданные, чтобы защитить прекрасное от зверства внешнего, они озверели сами, внутренне. Доктор Лабиринт прервал на секунду свои

поиски и поднял на меня полные муки глаза. Да, он обеспечил им выживание, но кому и зачем оно теперь нужно? Я попытался изобразить ободряющую улыбку, но он поспешно отвернулся.

— Ну стоит ли вам так убиваться? — сказал я. — По сути, вагнеровский зверь не так уж и переменился. Он ведь и прежде не отличался особой сдержанностью. Агрессивность всегда была одной из его главных…

Моя фраза осталась незаконченной. Доктор Лабиринт болезненно вскрикнул и вскочил на ноги, сжимая левой рукой правую.

— Что там такое? — воскликнул я, подбегая к содрогавшемуся от боли Лабиринту. Он жалобно протянул мне руку. — Что там такое? Что с вами?

Я перевернул маленькую, иссохшую ладонь. На ее тыльной стороне ярко краснели царапинки. Еле заметные в первый момент, они быстро, прямо на глазах, вспухали. Доктора ужалила, ужалила или укусила, какая-то ядовитая тварь. Я наклонился, внимательно всматриваясь в траву, и наугад потыкал палкой. Что-то шевельнулось. Из-под сухой ветки вынырнул небольшой золотистый шарик, негусто усеянный шипами; он торопливо покатился от меня, явно намереваясь

улизнуть в кусты.

— Ловите же, ловите! — крикнул Лабиринт. — Быстрее!

Я выхватил из кармана носовой платок и бросился в погоню, ни на секунду не забывая о шипах. Шарик отчаянно уворачивался, но в конце концов мне удалось закатать его в платок.

Лабиринт пораженно смотрел на недовольно шевелящийся узелок.

— Это просто не укладывается в голове, — вздохнул он. — Думаю, нам лучше вернуться домой.

— Так что же это такое?

— Одна из баховых букашек. Но она неузнаваемо изменилась…

Быстро темнело, так что, возвращаясь, мы не столько видели тропинку, сколько искали ее на ощупь. Теперь уже я отводил лезущие в лицо ветки, Лабиринт же уныло плелся позади, то и дело потирая пострадавшую руку.

В конце концов мы добрались до дома и поднялись по ступенькам на заднее крыльцо. Лабиринт отпер дверь и сразу же пошел на кухню. Здесь он включил свет и поспешил к раковине.

Я достал из буфета пустую банку и осторожно вытряхнул туда свою добычу. Золотистый шарик раздраженно заметался, и я счел за лучшее за-

крыть банку крышкой. На кухне повисло долгое молчание. Лабиринт дул на ужаленную руку, я сидел за столом и опасливо смотрел, как бахова букашка пытается найти выход из стеклянной тюрьмы.

— Ну и?.. — сказал я наконец.

— С фактами не поспоришь. — Лабиринт закрыл воду и сел напротив меня. — Она претерпела некую метаморфозу. Первоначально у нее не было никаких колючек, тем более — ядовитых. Слава еще богу, что я проявил определенную осторожность, иначе все эти игры в Ноя могли бы плохо кончиться.

— Что вы имеете в виду?

— Я сделал их всех бесполыми. Они не могут производить потомство, второго поколения не будет. Эти мало-помалу вымрут, чем дело и кончится.

— Правду говоря, я очень рад, что такая мысль вовремя пришла вам в голлову.

— А вот интересно, — задумчиво пробормотал Лабиринт, — интересно, как она будет звучать теперь, в этом виде.

— Кто?

— Колючая сфера, бахова букашка. Это будет настоящей, критической проверкой. С помощью

машины я могу снова преобразовать ее в ноты, вот тогда мы все и увидим. Как вы относитесь к такой идее?

— Тут уж не мне решать, доктор, а вам, — сказал я. — Только я бы на вашем месте не питал особо радужных надежд.

Лабиринт взял банку и решительно направился к крутой, ведущей вниз лестнице; я последовал за ним. В дальнем углу обширного подвала тускло поблескивала огромная металлическая колонна; со странным, близким к благоговению чувством я понял, что это и есть Сохраняющая машина.

— Так это, значит, она и есть, — сказал я.

— Да, это она и есть.

Лабиринт включил машину и начал ее настраивать. Через пару минут он взял банку, поднес ее к загрузочному бункеру, открыл и перевернул; бахова букашка неохотно упала в темнеющее отверстие, после чего Лабиринт задвинул заслонку бункера.

— Ну, поехали, — сказал он, щелкнув тумблером на панели управления, а затем скрестил руки на груди, и мы стали ждать.

Время тянулось мучительно долго, но в конце концов на панели вспыхнула красная лампочка. Доктор выключил машину, и мы снова замерли

— ни он, ни я не решались посмотреть, что же в результате получилось.

— Ну так что? — спросил я, прерывая затянувшееся молчание. — Кто из нас самый смелый?

Лабиринт неохотно отодвинул заслонку, сунул руку в широкий лаз и извлек оттуда несколько листков с нотными знаками.

— Вот вам и результат, — сказал он, передавая листки мне. — Теперь мы пойдем наверх и попробуем это сыграть.

Мы поднялись по лестнице и прошли в музыкальную гостиную; Лабиринт сел за рояль, и я вернул ему изготовленные машиной ноты. Бегло их проглядев — и не выказав никаких чувств, — Лабиринт положил руки на клавиши.

Ни до, ни после этого случая мои уши не слышали звуков столь омерзительных. Эта дьявольская, извращенная музыка была лишена всякого смысла и значения; вернее сказать, она имела некое чуждое, бесчеловечное значение, которого в ней никак не должно было быть. Мне стоило огромных трудов убедить себя, что *это* было когда-то одной из фуг Баха, частью произведения в высшей степени упорядоченного и гармоничного.

— Вот мы со всем и разобрались, — печально улыбнулся Лабиринт; он встал из-за рояля, взял

нотные листы и разорвал их в клочья.

Уже во дворе, подходя к своей машине, я сказал:

— Трудно сомневаться, что стремление к выживанию представляет собой силу много большую, чем любые человеческие идеалы. В сравнении с ней все наши обычаи и традиции выглядят малость жидковато.

— Да, — кивнул Лабиринт, — и ничего тут не поделаешь. Бессмысленно даже пытаться сохранить эти обычаи и традиции.

— Время покажет, — сказал я. — Этот подход оказался неудачным, но какой-нибудь другой может и сработать. Откуда нам знать, что уже завтра не появится что-нибудь такое, о чем сегодня мы и помыслить не можем?

Было уже за полночь. Я попрощался с Лабиринтом, включил фары и тронул машину с места. Пустынная дорога казалась мостом через море чернильной, непроглядной тьмы. Мне было одиноко и очень холодно.

На повороте я слегка сбросил газ и вдруг заметил впереди, чуть поодаль от дороги, какое-то шевеление. Я остановил машину и начал всматриваться в полутьму, пытаясь понять, что же это там такое.

Под древним, кряжистым платаном огромный тускло-коричневый жук трудолюбиво сооружал какую-то странную, неуклюжую конструкцию; не обращая на меня внимания, он пытался прилепить к ней очередной комок глины. Минуту или две я с любопытством наблюдал за этой сценой, но в конце концов жук заметил меня, бросил свою работу, вошел в недостроенный дом и плотно, со стуком закрыл за собою дверь.

Я поехал дальше.

Военная игра

В одном из кабинетов Земного Бюро Сертификации Импорта высокий мужчина взял из корзины для входящих утреннюю почту, сел за стол и аккуратно разложил бумаги. Потом он надел контактные линзы и закурил.

— Доброе утро, — сказало первое письмо, когда Уайзман провел пальцем по приклеенной к бланку ленте.

С тоской глядя в открытое окно, словно школьник на скучном уроке, он вполуха слушал жестяной, дребезжащий голосок.

— Вы что там, ребята, совсем уснули? Мы послали вам эту самую партию… — Голос смолк; судя по всему, кипящий негодованием коммерческий директор какой-то там нью-йоркской розничной сети копался в своих бумагах. — Этих самых ганимедских игрушек. Нам же нужно включить их в план закупок, купить, распространить по магазинам — и все к Рождеству. А вы там тянете с разрешением. В этом году, — ворчливо добавил голос, — военные игрушки снова будут хорошим товаром. Мы хотим сделать большие закупки.

Уайзман перевел палец на ленточку с фамилией и должностью корреспондента.

— Джо Хок, — продребезжало письмо. — Детские магазины Аппели.

«А-а», — сказал про себя Уайзман. Отложив письмо, он взял служебный бланк и приготовился отвечать. А затем задумчиво пробормотал:

— И верно, что же там такое с этими ганимедскими цацками? Ведь их давно передали в испытательную лабораторию. Недели две, не меньше.

Ясно, ко всем ганимедским товарам сейчас приглядываются с большим подозрением; в экономических вопросах Спутники[1] всегда отличались жадностью и агрессивностью, но за последний год они — по разведданным — поднялись в этом деле на новую ступеньку и начали замышлять прямые военные действия против конкурентов.

А кто их главные конкуренты? Три Внутренние Планеты[2]. Однако пока все было тихо. Качество товаров вполне пристойное, никаких хитрых фо-

---

[1] Примечания: 1

Спутники Юпитера; Ганимед — один из них. (Здесь и далее примеч. пер.).

[2] Примечания: 2

Венера, Земля, Марс. Меркурий, видимо, не в счет.

кусов, никакой там ядовитой краски или капсул с бациллами.

И все-таки…

Ганимедцы — народец до крайности ушлый; они просто обязаны блеснуть своей изобретательностью в любом деле, за которое возьмутся. К подрывной работе они подойдут ровно так же, как и к любому деловому предприятию, — изобретательно и осторожно.

Уайзман поднялся, вышел из кабинета и направился в лабораторный корпус.

Окруженный грудами каких-то полуразобранных устройств, Пинарио поднял глаза и увидел, что в лабораторию вошел не кто иной, как его непосредственный начальник Леон Уайзман.

— Очень рад, что ты заглянул, — соврал Пинарио; он знал, что отстает от графика по крайней мере на пять дней и ничего хорошего от предстоящей беседы ждать не приходится. — Только надень защитный костюм — чего не бывает…

Показное радушие не сработало, лицо начальника сохраняло недоброе выражение.

— Я насчет этих ударных отрядов, штурмующих крепость, по шесть долларов за пучок, — сказал Уайзман, осторожно пробираясь среди сложенных штабелями нераспечатанных коробок,

дожидавшихся своей очереди на проверку.

— А, — облегченно вздохнул Пинарио, — эти ганимедские игрушечные солдатики.

Тут его совесть была чиста. Каждый испытатель знал специальную инструкцию Шайенского[7] правительства «Об Опасностях Загрязнения Мирного Городского Населения Вкраплениями Враждебной Культуры» — абсолютно неудобоваримый бюрократический «указ», как выражаются русские «товарищи». Теперь при задержках в работе всегда можно было сослаться на номер этого бюрократического шедевра.

— С ними работают особо, — пояснил он. — В связи с особой опасностью.

— Давай взглянем, — предложил Уайзман. — Кстати, ты как считаешь, есть что-нибудь во всех этих предосторожностях или просто очередной психоз насчет «враждебной среды»?

— Думаю, лучше уж перестраховаться, — пожал плечами Пинарио. — Особенно когда дело касается детей.

Несколько движений рукой — и массивный блок стены, отгораживавшей соседнее помещение, отъехал в сторону.

---

[7] Примечания: 7

Европа — здесь не часть света, а спутник Юпитера.

От зрелища, открывшегося их глазам, Уайзман немного опешил. Посреди комнаты в окружении игрушек сидел пластиковый манекен ребенка лет пяти в самой обычной детской одежде.

— Мне надоело, — проговорил манекен. — Сделайте что-нибудь еще.

По всей видимости, игрушки, разложенные на полу, управлялись голосом; бросив прежние свои занятия, они начали все заново.

— Экономим лабораторные расходы, — объяснил Пинарио. — Тут у нас — хлам самой новейшей модели, покупатель получает за свои денежки целый репертуар различных представлений. Если бы мы приводили их в действие сами, пришлось бы торчать здесь днем и ночью. Прямо перед говорящим пупсом располагалась группа ганимедских солдатиков и предмет их воинственного пыла — крепость. Солдатики подбирались к ней — осторожно, какими-то хитрыми путями; произнесенная капризным голосом команда прервала намечавшийся штурм, теперь они перегруппировывались.

— А вы снимаете все это? — спросил Уайзман.

— Само собой.

Изготовленные из практически неразрушимых термопластиков — гордости ганимедской инду-

стрии — солдатики имели рост дюймов шесть или около того. Их чисто вымышленная форма представляла собой дикую мешанину военного обмундирования Спутников и внутренних планет. Сама крепость, мрачное угловатое сооружение из чего-то вроде металла, напоминала форт — древнее, известное из книжек военное укрепление; по верхнему краю стен — многочисленные смотровые щели, подъемный мост убран, на верхней башенке — яркий, аляповатый флажок.

Резкий хлопок и свист, это крепость выстрелила в своих противников; снаряд громко, но безвредно взорвался посреди группы солдатиков, взметнулся клуб дыма.

— Сопротивляется, — заметил Уайзман.

Но все равно в конце концов сдается, — сказал Пинарио. — Так надо. Психологически она символизирует внешний мир. Ну а солдатики, само собой должны олицетворять старания ребенка совладать с этим самым миром. Участвуя в штурме, ребенок начинает чувствовать, что способен вступать во взаимоотношения с грубой действительностью. В конце концов он побеждает, но лишь ценой долгих, терпеливых усилий. Во всяком случае, так говорится в инструкции, —

добавил он, передавая Уайзману яркий буклет.

— Так что же, схема атаки каждый раз меняется? — спросил Уайзман, бегло пролистав брошюрку.

— Они у нас воюют уже восемь дней подряд, и схема ни разу не повторилась. В общем-то неудивительно, в этой игре очень много элементов.

Теперь солдатики двигались по комнате перебежками, постепенно приближаясь к крепости. Какие-то устройства, появившиеся на темных, мрачных стенах, начали выслеживать противников, однако те ловко прятались за другими игрушками, в изобилии разбросанными по полу.

— Эти заразы умеют использовать случайные детали рельефа местности, — объяснил Пинарио. — И их притягивают некоторые предметы; увидев, к примеру, испытываемый здесь кукольный домик, они залезают в него, прямо как мыши. Ни один не пройдет мимо.

Для доказательства своих слов он поднял с полу большой космический корабль, изготовленный на Уране, и встряхнул его; на пол вывалились две пластиковые фигурки.

— А как часто им удается взять крепость? — поинтересовался Уайзман. — В процентах.

— Пока что они брали ее в одной из каждых

девяти попыток. На задней стенке крепости есть регулировка, можно поставить, чтобы им везло почаще. Пинарио начал осторожно пробираться через боевые порядки атакующих войск, Уайзман последовал за ним. Они склонились над крепостью.

— Там же сидит и источник питания, — сказал испытатель. — Оригинально придумано. Солдатики получают от нее и энергию, и управляющие сигналы. Формируются сигналы в дробовой ячейке, а передаются по радио на УКВ.

Сняв заднюю стену крепости, он показал своему начальнику коробочку с дробью; каждая из дробинок содержала какой-то элемент управляющей инструкции. Для создания плана атаки дробь встряхивалась и укладывалась каждый раз в новой последовательности, таким образом вводился фактор случайности. Однако так как число дробинок в коробке конечно, конечным оказывалось и число тактических планов.

— Хотим проверить все варианты, — сказал Пинарио.

— Поскорее никак нельзя?

— Нет, надо просто запастись терпением. Как знать, может, тысячу раз все будет хорошо, а потом…

— А потом, — закончил Уайзман, — они развернутся и бросятся на ближайшего человека.

— Или даже хуже того, — мрачно добавил Пинарио. — В этом источнике уйма энергии. Он рассчитан на пять лет работы, но если вся энергия выделится мгновенно…

— Проверяйте дальше, — пожал плечами Уайзман. Они посмотрели друг на друга, а затем снова на крепость. Солдатики подобрались к ней почти вплотную. Неожиданно одна из стен крепости откинулась, в отверстии появился орудийный ствол, на чем сражение и закончилось — вскоре все отважные воины валялись на полу.

— А вот такое я в первый раз вижу, — удивленно пробормотал Пинарио.

Несколько секунд в комнате царила полная тишина, а затем прозвучал капризный голос пластикового пупса:

— Мне надоело. Сделайте что-нибудь еще.

Сейчас картина того, как игрушечные солдатики поднимаются с полу и строятся заново, вызывала какое-то странное, жутковатое чувство.

Через два дня в кабинете Уайзмана появился его начальник.

Фаулер — человек невысокий, коренастый и

несколько лупоглазый.

— Послушайте, — сказал он с плохо скрываемой яростью. — Сколько можно возиться с этими проклятыми игрушками? Чтобы к завтрашнему дню все было кончено.

Считая, по-видимому, предмет разговора исчерпанным, он повернулся и направился к двери.

— Тут все не так просто, — остановил его Уайзман. — Пойдемте в лабораторию, я покажу.

По пути Фаулер не утихал ни на секунду.

— Да вы хоть представляете себе, — говорил он, входя в лабораторию, — сколько денег угрохали некоторые фирмы на эту дребедень? Ведь за каждой из этих игрушек, с которыми вы тут возитесь, — набитый под завязку склад на Луне, а то и корабль, болтающийся в космосе, и все они ждут вашего милостивого разрешения на ввоз!

Пинарио куда-то запропастился, так что Фаулеру пришлось обойтись без сигналов рукой, открывавших вход соседнего помещения, и воспользоваться вместо этого своим ключом.

Неутомимый ребенок сидел на прежнем месте, многочисленные игрушки, окружавшие его, все так же занимались своими делами. Шум, стоявший в комнате, заставил Фаулера болезненно сморщиться.

— Я имел в виду вот эту модель. — Уайзман склонился над крепостью; одна из пластиковых фигурок подползала к ней на животе. — Как вы видите, всего солдатиков двенадцать. Если принять во внимание их количество, значительный запас энергии и сложность инструкции…

— А я вижу только одиннадцать, — прервал его Фаулер.

— Наверное, один куда-нибудь спрятался, — отмахнулся Уайзман.

— Нет, он прав. — Откуда-то сзади появился Пинарио, на его лице застыла тревога. — Я только что все обыскал. Один куда-то делся.

Никому не хотелось говорить. Первым нарушил молчание Уайзман.

— А может, его уничтожила крепость?

— Но ведь есть еще законы сохранения, — возразил Пинарио. — Пусть «уничтожила», но *что она сделала с останками*?

— Ну, может, преобразовала в энергию, — не очень уверенно предположил Фаулер, разглядывая крепость и уцелевших солдатиков.

— Заметив, что один исчез, — сказал Пинарио, — мы кое-что придумали. Взвесили оставшихся и крепость. Их общий вес в точности совпадает с начальным весом набора — двена-

дцати солдатиков и крепости. Так что искать надо где-то здесь. — Он указал на крепость, как раз в этот момент сумевшую точным огнем накрыть группу атакующих.

Изучавший тем временем крепость Уайзман не мог избавиться от ощущения — что-то здесь не так. Она изменилась. Какая-то она не такая.

— Прогоните пленки, — сказал он.

— Что? — недоуменно повернулся Пинарио и тут же покраснел. — Конечно.

Подойдя к манекену, он выключил его и открыл какую-то дверку. Когда Пинарио нес видеокассету к проектору, было видно, как дрожат его ноги.

На экране мелькали ускоренные воспроизведения записей, Фаулер, Уайзман и Пинарио сидели и смотрели одну атаку за другой, смотрели, пока у всех троих не покраснели от усталости глаза. Солдаты наступали, отступали, падали, прижатые к земле огнем, поднимались, снова шли в атаку.

— Останови-ка, — неожиданно сказал Уайзман. Последний эпизод прогнали наново.

Один из атакующих медленно, неуклонно подбирался к основанию крепости. Близкий разрыв снаряда на какое-то время скрыл его из виду; тем временем остальные одиннадцать бросились вперед, отчаянно пытаясь взобраться на стены.

Облако дыма рассеялось, солдатик двинулся дальше. Он подобрался к стене. Перед ним открылся проход.

Почти неразличимый на тусклом фоне стены солдатик отвинтил свою голову, затем одну из рук, затем обе ноги; в качестве отвертки он использовал приклад винтовки. Все снятые части передавались в крепость. Когда от недавнего бесстрашного воина осталась только одна рука с винтовкой, эта рука тоже заползла, слепо извиваясь, внутрь и исчезла.

Проход закрылся, будто его и не было. Наступило долгое молчание.

— Родители, — хрипло сказал наконец Фаулер, — решат, конечно же, что это ребенок потерял либо поломал игрушку. Потихоньку набор будет уменьшаться — и виноват будет исключительно ребенок.

— Ну и что же вы рекомендуете? — спросил Пинарио.

— Гоняйте их дальше, — ответил Фаулер; Уайзман выразил свое согласие кивком. — Пусть отработают весь цикл. Но ни на секунду не оставляйте их без присмотра.

— Посажу здесь кого-нибудь, — согласился Пинарио.

— А лучше — посидите с этими игрушками сами, — посоветовал Фаулер.

«А еще бы лучше, — подумал Уайзман, — посидеть нам тут всем. Или хотя бы двоим — мне и Пинарио. И что она сделала с этими кусками? — думал он. — Что она из них такое смастерила?»

К концу недели крепость поглотила еще четверых солдатиков. Наблюдая ее на экране, Уайзман не замечал никаких видимых изменений. Мало удивительного. Все изменения должны быть сугубо внутренними, укрытыми от глаз.

Раз за разом все те же вечные штурмы; солдаты рвутся вперед, крепость отстреливается. А тем временем на него свалились новые партии ганимедских товаров. Новые игрушки, тоже нуждавшиеся в проверке.

«Ну и что там еще?» — спросил он себя.

Первой шла относительно простая модель — ковбойский костюм в стиле древнего Американского Запада. Во всяком случае, так он назывался; но теперь Уайзман уделял очень мало внимания инструкции — написать можно что угодно.

Открыв коробку, он разложил костюм на столе. Ткань серая, рыхлая, очень скверная. Вот уж барахло так барахло. На ковбойский костюм эта

тряпка походила слабо; линии покроя какие-то вялые, неопределенные. К тому же ткань растягивалась при малейшем прикосновении. Один из боков костюма, за который неосторожно взялся Уайзман, свисал теперь длинной неопрятной кишкой.

— Что-то я не понимаю, — повернулся он к Пинарио. — Кто же такое купит?

— А ты надень, — посоветовал испытатель. — Вот тогда посмотришь.

После некоторых усилий Уайзман сумел-таки втиснуться в детский костюмчик.

— А он ничего со мной не сделает?

— Не укусит, не бойся, — успокоил его Пинарио. — Я уже надевал. Тут подход не такой грубый. Но при соответствующих обстоятельствах тоже вполне эффективный. Чтобы запустить эту штуку, надо что-нибудь себе представить.

— Что представить?

— А что угодно.

Костюм напоминал о ковбоях, так что Уайзман оказался мыслями в детстве, на ранчо. Он шел не спеша по проселку, мимо поля. В поле паслись овцы, белые с черным; они делали эти свои быстрые характерные движения нижней челюстью, словно не жевали траву, а перетирали ее на терке. Он

остановился у забора — колючая проволока, натянутая на редкие столбики, — и начал смотреть на овец. Затем без всякого предупреждения овцы выстроились в неровную шеренгу и двинулись прочь, к далеким туманным холмам.

Где-то у горизонта на фоне неба четко рисовались деревья, кипарисы. Высоко над ними мощными, глубокими движениями крыльев взбивает воздух ястреб. «Словно, — думал Уайзман, — накачивает себя воздухом, чтобы взлететь повыше». Широко расправив крылья, ястреб быстро скользнул вниз, а затем полетел дальше медленно, неторопливо. Уайзман попытался увидеть, на что он там охотится. Ничего, кроме выжженного солнцем, дочиста объеденного овцами поля. Уйма кузнечиков. А рядом на дороге — жаба. Жаба глубоко закопалась в рыхлую, сыпучую землю, наверху осталась одна голова.

Нагнувшись, он осторожно протянул руку, чтобы потрогать усеянную бородавками лупоглазую голову, но не мог набраться смелости.

— Ну и как впечатления? Голос был мужской и звучал где-то совсем рядом.

— Здорово, — сказал Уайзман. Он глубоко вдохнул воздух, напитанный запахами жухлой травы. — Слышь, а как отличить жабу от жаба?

По пятнам или как?

— А что?

Мужчина стоял где-то сзади, чуть-чуть не попадая в поле зрения Уайзмана.

— А тут вот жаба.

— Кстати, — сказал мужчина, — можно задать тебе пару вопросов?

— Конечно.

— Сколько тебе лет?

«Мог бы придумать что потруднее».

— Десять лет и четыре месяца, — гордо сообщил Уайзман.

— Где ты находишься, вот сейчас, в этот момент?

— В деревне, на ранчо мистера Гэйлорда. Папа возит нас с мамой сюда каждые выходные, ну, если ничто не мешает.

— Повернись и посмотри на меня, — сказал мужчина. — И скажи, знаешь ли ты меня.

С крайней неохотой он оставил полупогребенную жабу и посмотрел на мужчину. Взрослый, с узким лицом и чуть кривоватым носом.

— Вы — тот человек, который развозит газ в баллонах, — сказал Уайзман. — Из газовой компании.

Он оглянулся — ну конечно же, так и есть. У

ворот, где всегда сгружают газовые баллоны, стоял грузовик.

— Папа говорит, готовить на газе очень дорого, но все равно приходится, потому что…

— А просто вот так, из любопытства, — прервал его мужчина, — как называется газовая компания?

— Да вон же, на грузовике написано, — сказал Уайзман и указал на большие, изображенные по трафарету буквы. — Пинарио, доставка газа. Петалума, Калифорния. А вы — мистер Пинарио.

— Ты мог бы поклясться, что тебе десять лет и что стоишь ты сейчас в поле, в окрестностях Петалумы? — не унимался мистер Пинарио.

— Конечно.

Вдалеке, за полем, виднелись вершины поросших деревьями холмов. Ему хотелось посмотреть на них поближе, да и вообще надоело так вот торчать на одном месте и чесать зазря языком.

— До свидания, — сказал он и двинулся прочь. — Мне тут надо в одно место.

Он бросился бежать по дороге, подальше от надоедливого мистера Пинарио. Из-под ног во все стороны разлетались кузнечики. Задыхаясь, он бежал все быстрее и быстрее.

— Леон, — крикнул вслед ему мистер Пина-

рио. — Пора это кончать! Перестань бегать!

— Мне надо вон на ту гору, — крикнул Уайзман, не останавливаясь. И тут вдруг что-то ударило его спереди и бросило на землю. Оказавшись на четвереньках, Уайзман попытался встать, но сквозь сухой полуденный воздух смутно проглядывало нечто непонятное, и он испуганно отшатнулся. Непонятный предмет оказался плоской поверхностью стены.

— Не добраться тебе до той горы, — произнес сзади голос мистера Пинарио. — Стой лучше на месте. А то ты на все натыкаешься.

Руки Уайзмана оказались почему-то мокрыми. Поглядев на них, он с удивлением обнаружил кровь, текущую из глубоких ссадин.

— Самая кошмарная игрушка, какую только можно придумать, — говорил Пинарио, помогая ему выбраться из серого неопрятного костюма. — Несколько минут в нем — и ребенок потеряет всякое представление о реальности. Посмотрел бы ты сейчас на себя.

С трудом держась на ногах, Уайзман рассматривал костюм; Пинарио силой отнял у своего начальника опасную игрушку.

— Неплохо, — выдавил он дрожащим голосом. — По всей видимости, он усиливает уже

имевшиеся тенденции к уходу от действительности. Я всегда знал за собой склонность к фантазиям, связанным с детством, и даже конкретнее — с тем периодом детства, когда мы жили в деревне.

— Обрати внимание, как легко в иллюзию вплетались элементы действительности — для того чтобы продлить эту иллюзию как можно дольше, — сказал Пинарио. — Будь у тебя время, ты и стену лаборатории сделал бы частью своего воображаемого мира — ну, скажем, стенкой амбара.

— Да, — признал Уайзман, — я и вправду начал уже видеть здание старого молочного заводика, куда фермеры свозили свое молоко.

— Еще немного, и тебя было бы просто не вытащить из этого милого костюмчика.

— «Если он так действует на взрослого, — думал Уайзман, — даже подумать страшно, что может случиться с ребенком». А последняя штука, которая осталась, — сказал Пинарио, — какая-то там настольная игра, это просто чушь. Сейчас посмотришь или как? Если устал, можно отложить.

— Я уже вполне очухался.

Уайзман взял коробку и начал ее открывать.

— Очень похоже на старинную «Монополию», — продолжал Пинарио. — Только называется «Синдром».

В коробке оказались: складное поле, игрушечные деньги, фишки, игральные кости и акции.

— Нужно набрать побольше акций, — объяснил Пинарио, даже не заглядывая в инструкцию. — То же самое, что и во всех подобных играх. Позовем сюда Фаулера и сыграем партию, меньше трех нельзя.

Вскоре все они, включая начальника отдела, сидели вокруг стола, изучая новую игру.

— Все как всегда, — объяснил Пинарио. — Сперва участники игры находятся в равном положении, но в ходе игры они приобретают акции различных экономических синдромов[6]; в соответствии со стоимостью этих акций меняется и статус играющих.

«Синдромы» представлялись маленькими яркими пластиковыми фишками, на манер «домов» и «гостиниц» древней «Монополии».

Игра началась; они с азартом бросали кости, двигали по доске фишки, торговались и получали акции, платили штрафы, получали вознаграждение, отправлялись в «карантин», а тем временем за их спинами семеро солдатиков все с той же мрачной решимостью раз за разом штурмовали

---

[6] Примечания: 6
Поднятый большой палец — просьба подвезти.

вражескую цитадель.

— Мне надоело, — сказал неутомимый пластиковый ребенок. — Сделайте что-нибудь еще.

Солдатики перестроились и снова бросились в атаку, подбираясь все ближе и ближе к желанной цели. Уайзман чувствовал раздражение; он буквально не находил себе места.

— Интересно, — спросил он, — скоро мы наконец поймем, в чем фокус этой хреновины? Долго нам еще на нее любоваться?

— Кто его знает, — не оборачиваясь, ответил Пинарио. Его глаза приковывала только что полученная Фаулером пурпурно-золотая акция. — А вот это мне пригодилось бы. Это же урановая шахта на Плутоне. Сколько вы за нее хотите?

— Ценная акция, очень ценная, — пробормотал Фаулер, любовно перебирая свои сокровища. — Продавать не буду, а вот поменять могу.

«Ну как тут сосредоточишься на игре, — думал Уайзман, — когда эта штука все приближается и приближается… к чему? А черт его знает к чему. К тому, к чему она должна приближаться. К некоей критической массе…»

— Минуточку, — сказал он негромко и положил свои карточки на стол. — А может, это сборка?

— Чего еще сборка? — рассеянно спросил

Фаулер, с головой ушедший в изучение своего финансового положения.

— Послушайте, — сказал Уайзман, на этот раз громче. — Бросьте эту дурацкую игру.

— Мысль интересная, — заметил Пинарио, также отложивший свои карточки. — Там внутри создается атомная бомба, кусочек за кусочком. Она становится все больше и больше, пока… Нет, — прервал он себя. — Мы об этом думали. Тут нет никаких сверхтяжелых элементов. Только батарея с запасом энергии на пять лет и некоторое количество мелких механизмов, управляемых по радио. Из такого материала атомную бомбу не сделаешь.

— А вот я бы, — возразил Уайзман, — убрал это хозяйство отсюда, и подальше. На всякий случай.

После личного знакомства с ковбойским костюмом он проникся большим уважением к ганимедским искусникам. И если костюм вел себя относительно тихо, то здесь…

— А солдатиков уже только шесть, — заметил глядевший через его плечо Фаулер.

Уайзман и Пинарио вскочили как подброшенные. Фаулер оказался прав. Теперь оставалась ровно половина первоначального набора, еще

один пластиковый воин добрался до крепости и был ею проглочен.

— Позвоним-ка мы военным, — предложил Уайзман, — и попросим прислать сюда сапера, эксперта по хитрым бомбам. Пусть он посмотрит, это уже не по нашей части. Вы согласны? — повернулся он к своему начальнику. Закончим сперва игру, — сказал Фаулер.

— Зачем?

— Нужно проверить ее до конца. — Фаулер немного кривил душой; было видно, что он вошел в азарт и просто хочет доиграть. — Ну так что вы можете дать за эту урановую акцию? Готов выслушать ваши предложения.

Непродолжительная торговля окончилась полюбовно — они с Пинарио обменялись акциями. Игра продолжалась еще час. В конце концов стало ясно, что Фаулер захватывает контроль над самыми различными областями игровой экономики. У него скопилось пять горнодобывающих синдромов, две фабрики по производству пластмасс, монополия на добычу водорослей и все семь синдромов розничной торговли. Благодаря контролю над таким количеством предприятий он получил — в качестве побочного продукта — и большую часть имевшихся в игре денег.

— Я вылетаю, — сказал Пинарио. У него осталось только несколько мелких акций, ровно ничего не контролировавших. — Вот эти кто-нибудь купит?

Истратив все свои последние деньги, Уайзман переторговал Фаулера и купил акции; теперь они играли вдвоем.

— Совершенно ясно, — сказал Уайзман, — что эта игра схематически изображает основные черты экономических взаимоотношений между различными цивилизациями. Вот, к примеру, розничные синдромы — это ганимедские торговые предприятия на других планетах.

В нем тоже шевельнулся азарт; после нескольких удачных бросков костей появился шанс немного увеличить свой жалкий портфель акций.

— Играя в эту игру, дети будут приобретать здравый подход к экономической реальности. Игра подготовит их к вхождению во взрослый мир.

Но еще через несколько минут фишка Уайзмана нарвалась на сплошную полосу владений Фаулера, штрафы не только поглотили все его деньги, но и заставили расстаться с двумя акциями; исход игры становился очевиден.

— А знаешь, Леон, — сказал Пинарио, на-

блюдавший тем временем за продвижением атакующих войск, — я уже склонен с тобой согласиться. Эта штука вполне может быть чем-то вроде бомбы-терминала. Таким себе принимающим устройством. Когда она будет окончательно собрана, с Ганимеда пошлют мощный импульс энергии.

— А что, такое бывает? — спросил Фаулер, аккуратно раскладывая свои игрушечные деньги пачками по достоинству купюр.

— Знал бы кто, что они там научились делать, — сказал Пинарио, задумчиво бродивший по комнате. — Так вы кончили баловаться или нет?

— Почти, — мрачно ответил Уайзман.

— А говорю я это потому, — продолжал Пинарио, — что их уже осталось только пять. Процесс ускоряется. На первого ушла целая неделя, а на седьмого — какой-то час. Не удивлюсь, если оставшиеся исчезнут часа за два, все пятеро.

— Ну вот и кончили, — провозгласил Фаулер. Он получил последнюю акцию и последний доллар. Позвоню я все-таки военным, пусть проверят эту крепость. — Уайзман поднялся из-за стола, оставив Фаулера упиваться своими сокровищами. — А эта игра просто до последней запятой

содрана с нашей же родной земной «Монополии».

— А может, они просто не знают, — вступился за ганимедцев Фаулер, — что у нас уже есть такая игра, правда под другим названием.

По всеобщему согласию «Синдром» разрешили к ввозу, о чем и были поставлены в известность импортеры. Уайзман позвонил из своего кабинета в Министерство обороны и объяснил дежурному, что ему нужно.

— Эксперт будет у вас в самое ближайшее время, — сообщил невозмутимый голос с другого конца провода. — А вам стоило бы до его приезда оставить объект в покое.

Остро чувствуя свою никчемность, Уайзман поблагодарил дежурного и повесил трубку. Они так и не сумели разобраться в этой игре в солдатики и свалили свою работу на других.

Долгожданным специалистом по бомбам оказался совсем еще молодой, коротко стриженный парень в самом обыкновенном комбинезоне, без всякой там непробиваемой брони; расставляя свою аппаратуру, он дружелюбно улыбался окружающим.

— Первым делом, — сказал он, осмотрев крепость, — нужно бы отсоединить выводы батареи.

Или, если вас такое больше устраивает, позволим этой штуке закончить свой цикл, а затем отсоединим выводы, пока ничего не случилось. Другими словами, дадим последним подвижным элементам проникнуть в крепость и сразу вырвем провода. А тогда уже, в спокойной обстановке, вскроем эту штуку и посмотрим, что у нее там внутри делается.

— А это вполне безопасно? — с сомнением поинтересовался Уайзман.

— Думаю, да, — улыбнулся бомбовед. — Я не обнаружил ни малейших признаков радиоактивности.

Вооружившись самыми обыкновенными кусачками, он сел на пол рядом с задней стеной неприступной цитадели.

Солдатиков оставалось только трое.

— Теперь уже скоро, — самым веселым голосом обрадовал их юный эксперт.

Через пятнадцать минут один из троих подполз к основанию крепости, отвинтил себе голову, руку, ноги, тело и по кусочку исчез в гостеприимно открывшемся проеме.

— Осталось два, — констатировал Фаулер. Через десять минут та же судьба постигла еще одного пластикового героя.

Четверо живых людей переглянулись.

— Уже совсем скоро, — сказал Пинарио с нервной хрипотцой в голосе.

Последний воин погибшей армии пробирался к крепости. Вокруг него сыпались снаряды, но он неустрашимо двигался к цели.

— Из статистических соображений, — прервал становившееся невыносимым молчание Уайзман, — можно было бы ожидать, что промежуток времени будет увеличиваться — ведь противников становится меньше и ей все легче и легче наблюдать за ними, отгонять их или убивать. Все должно было начаться быстро, потом пойти медленнее, и в конце концов последний солдатик должен бы потратить по крайней мере месяц на попытки…

— Стихните, пожалуйста, — тихим рассудительным голосом сказал сапер. И добавил вежливо: — Если не возражаете.

Последний солдатик подобрался к основанию крепости. Он начал разбирать себя на части — в точности, как и все предыдущие.

— Вы там кусачки свои приготовьте, — почти проскрипел Пинарио.

Части солдатского тела одна за другой исчезали в крепости. Проем начал закрываться.

Послышалось гудение, глухое сперва, но быстро нараставшее, становившееся все пронзительнее; внутри что-то происходило.

— Скорее, ради бога, — закричал Фаулер.

Юный эксперт сомкнул кусачки на положительном выводе батареи. Сверкнула ослепительная вспышка, и сапера отбросило в сторону.

— Ни хрена себе, — с уважением пробормотал сапер, ошалело ощупывая пол в поисках вылетевшего из руки инструмента. — Заземлился, похоже.

— Да вы же держались за корпус! — Пинарио торопливо выхватил у него из-под рук кусачки и присел на корточки. — Может, носовым платком обернуть, — сказал он через мгновение, отдернув руку от батареи и судорожно ощупывая карманы. — Есть у кого-нибудь чем обернуть эту штуку? А то ведь зашибет насмерть. Кто его знает, сколько там…

— Дай мне, — решительно вмешался Уайзман. Оттолкнув Пинарио в сторону, он вырвал у него кусачки и сомкнул их на проводе.

— Поздно, — невозмутимо произнес Фаулер.

Уайзман еле расслышал голос начальника, его голову пронизало надсадное, монотонное гудение. Попытка заткнуть уши оказалась тщетной

— исходящее от крепости гудение даже не стало тише, оно словно проникало сквозь кости черепа. «Слишком долго мы тянули, — подумал он. — И теперь эта штука сделает с нами что захочет. Она выиграла потому, что нас было слишком много, мы мешали друг другу…»

— Поздравляю, — сказал появившийся прямо внутри его головы голос. — Упорством и силой духа ты победил.

Уайзмана охватило умиротворяющее чувство достигнутого успеха.

— Трудности были огромны, — продолжал голос. — Любой другой сдался бы перед ними.

Теперь он знал, что все в порядке, они ошибались.

— Сделанное тобой сегодня — только начало, — пообещал голос. — Ты можешь делать такое и дальше, всю свою жизнь. Ты можешь справиться с любыми трудностями и любыми противниками. Ведь мир, если разобраться, совсем не такое уж страшное место…

«Это точно, — усмехнулся он про себя. — И нечего было так суетиться».

— Ведь все они — самые обыкновенные люди. — Голос убаюкивал, обволакивал, буквально лез в душу. — Так что хотя ты и один, личность

против толпы, бояться тебе нечего. Просто выжди время и не беспокойся.

— Не буду, — сказал он вслух. Гудение смолкло, а вместе с ним и голос.

— Вот и все, — сказал Фаулер после долгого молчания.

— Я что-то не понимаю, — откликнулся Пинарио.

— Именно это она и должна была делать, — объяснил Уайзман. — Ведь это — психотерапевтическая игрушка. Она помогает ребенку обрести уверенность в своих силах. Отрывание рук и ног у солдатиков, — ухмыльнулся он, — устраняет барьер между ним и внешним миром. Он становится частью этого мира. И таким вот образом покоряет его.

— Так, значит, она безвредна, — подытожил Фаулер.

— А вся эта суета была ни к чему, — проворчал Пинарио. — Простите, что устроили вам лишнюю работу, — повернулся он к саперу.

Крепость тем временем распахнула ворота, и оттуда бодро вышли все двенадцать пропавших было без вести воинов — живые и невредимые. Цикл окончился, можно было снова приниматься за нелегкий ратный труд.

— А все-таки я ее не разрешу, — неожиданно сказал Уайзман.

— Чего? — удивился Пинарио. — Почему?

— Не верю я этой штуке. Слишком она хитрая для такой простой задачи.

— Объясните, — нахмурился Фаулер.

— А нечего тут и объяснять, — сказал У айзман. — Перед нами на редкость хитроумное устройство. И — нате вам, оно всего-то и умеет, что разбирать себя и собирать. Должно быть что-то еще, хотя мы пока и не сумели…

— Она же психотерапевтическая, — вставил Пинарио.

— Знаете, Леон, делайте, как считаете нужным, — решил Фаулер. — Есть у вас сомнения — не разрешайте. Лишняя осторожность не помешает.

— Может, я и не прав, — объяснил Уайзман, — но из головы не идет мысль: *для чего же ее придумали?* И я чувствую, что мы этого так и не узнали.

— И этот самый ковбойский костюм, — добавил Пинарио. — Его тоже нельзя разрешать.

— Только настольную игру, — сказал Уайзман. — «Синдром» или как ее там.

Наклонившись, он следил за солдатиками,

упорно продвигавшимися к крепости. Облачко дыма, еще и еще… перебежками, ложные атаки, осторожные упорядоченные отступления…

— О чем ты думаешь? — спросил Пинарио, следивший за Уайзманом с тем же вниманием, как тот — за игрушечными солдатиками.

— А может, это — отвлекающий маневр, — поднял голову Уайзман. — Чтобы занять наши мысли. Чтобы мы не заметили чего-то другого.

Интуиция что-то подсказывала ему, какая-то мысль крутилась в голове, но он никак не мог ее ухватить.

— Ложный след, — размышлял он вслух. — А тем временем происходит что-то другое. И именно поэтому она такая сложная. *Чтобы мы ее заподозрили*. Для того ее и придумали.

Растерянный, злой на самого себя за неспособность что-либо понять, он поставил ногу перед солдатиком. Тот не преминул сразу же использовать столь удачную возможность укрыться от наблюдательной аппаратуры крепости.

— Ведь что-то такое должно быть прямо у нас под носом, — сказал Фаулер. — А мы ничего не видим.

— Да.

«А может, — подумал Уайзман, — и никогда не

увидим».

— Как бы там ни было, — сказал он, — эта штука останется здесь, где за ней можно наблюдать.

Он сел неподалеку от осажденной крепости, устроился поудобнее и приготовился к долгому, долгому ожиданию.

В шесть часов вечера Джо Хок, коммерческий директор «Детского мира» Аппели, остановил машину перед своим домом, вышел из нее и бодро зашагал по лестнице.

Под мышкой он нес большую плоскую коробку — безвозмездно позаимствованный на работе «образец».

— Папочка! — радостно завизжали Бобби и Лора. — Ты это для нас?

От восторга они буквально сшибали его с ног, не давали пройти. На кухне жена подняла голову и отложила журнал.

— Я подобрал вам новую игру, — сказал Хок.

Он развернул коробку, купаясь в детской благодарности. И не чувствуя ни малейших угрызений совести — почему бы, собственно, не прихватить с собой новую игру, ведь он неделями висел на телефоне, пробивая товар через импортный контроль. И после такой-то нервотрепки разрешение выдали всего на один образец из трех.

— Еще один случай коррупции в высших эшелонах власти, — негромко сказала его жена, когда дети убежали знакомиться с содержимым коробки. Она не любила таких вот заимствований из магазина.

— Да у нас их там тысячи, — немного сник Хок. — Склад забит под потолок. Никто и не заметит.

За обедом дети не столько ели, сколько изучали приложенную к игре инструкцию — они вчитывались в каждое ее слово.

— За столом не читают, — укоризненно сказала миссис Хок.

Откинувшись на спинку стула, Джо Хок продолжил свой рассказ о событиях дня.

— И что же они в конце концов пропустили? Один какой-то вшивый образец. Нам сильно повезет, если удастся продать достаточно много, чтобы получить хоть самую мизерную прибыль. Вот «Штурмовой отряд» — он бы дал настоящие деньги. Но тут дело глухо, и, похоже, надолго.

«Все-таки как это хорошо, — думал он, закуривая, — иметь дом, куда можно прийти после работы, жену и детей, которые любят тебя и ждут».

— Пап, а ты сыграешь? — спросила Лора. — Тут

написано: чем больше участников, тем лучше.

— Конечно сыграю, — умиротворенно пообещал Хок.

Пока жена убирала со стола, они развернули поле, аккуратно разложили фишки, кости, деньги и акции. Игра захватила Хока почти сразу, нахлынули детские воспоминания о «Монополии», и он начал играть азартно, с выдумкой, набирая акции всеми возможными и невозможными способами. В конце концов почти все синдромы оказались в его руках.

— Ну вот, собственно, и все, — удовлетворенно объявил он. — Боюсь, ребята, что иначе и быть не могло. Это вы впервые увидели такую игру, а я знаком с ней давным-давно.

Пачки разноцветных акций и денег, лежавшие перед ним, переполняли Хока прямо-таки детской гордостью.

— Простите, что я обыграл вас, ребята.

— Но ведь ты нас не обыграл, — сказала Лора.

— Ты проиграл, — уточнил Бобби.

— *Что?* — пораженно воскликнул Джо Хок.

— Игрок, имеющий в конце игры наибольшее количество акций, *проигрывает,* — объяснила Лора. Для доказательства она продемонстрировала отцу инструкцию. — Видишь? Вся идея игры

в том, чтобы избавиться от своих акций. Так что, папа, ты вылетел.

— Ну и шут с ним, — сказал все еще недоумевавший Хок. — Дурацкая какая-то игра. Никакого интереса.

Недавние радость и гордость куда-то улетучились.

— А теперь играть должны мы вдвоем, оставшиеся, — сказал Бобби. — Чтобы окончательно определить победителя.

— Не понимаю я этого, — проворчал Джо Хок, вставая из-за стола. — Какой интерес в игре, где победитель остается с пустыми руками?

А за его спиной продолжалась игра. Деньги и акции переходили из рук в руки, детей охватывал все больший и больший азарт. Под конец игры они впали в настоящий транс и не замечали уже ничего вокруг.

«Они не знакомы с “Монополией”, — сказал себе Джо Хок. — Вот и не видят ничего странного в этой дурацкой игре».

Как бы там ни было, дети играли в «Синдром», и играли с удовольствием; значит, ее будут покупать, а это — самое главное.

Тем временем двое детей учились расставаться со своей собственностью. Они отдавали деньги

и акции легко, охотно, даже, как это ни странно, жадно.

— Это самая лучшая учебная игра, какую ты когда-нибудь приносил, папочка!

Глаза Лоры сияли восторгом.

На тусклой Земле

Заливаясь смехом, Сильвия неслась сквозь сияние ночи — длинными, летящими шагами по усыпанным щебенкой тропинкам и бездонным глубинам космоса, среди роз и махровых маргариток, мимо сладко пахнущей травы, которую скосили и сгребли в кучи, туда, за кирпичный забор, к крутому склону. И на каждом шагу под ногами — звезды, вселенная, отраженная в овалах дождевой воды. Кедры, державшие на своих плечах небо, не обратили внимания на промелькнувшую мимо них узкую стройную тень, их не заинтересовали ни развевающиеся каштановые волосы, ни сверкающие в полумраке глаза.

— Подожди меня, — пожаловался Рик, осторожно пробиравшийся следом, неуклюжий и неуверенный на полузнакомых тропинках. Но Сильвия летела, не останавливаясь. — Помедленнее не можешь? — сердито крикнул он.

— Нельзя, мы опаздываем.

И вдруг, без всякого предупреждения, Сильвия появилась прямо перед ним, загораживая дорогу.

— Выверни карманы, — выдохнула она. — Выкидывай все металлическое. Они не выносят металла, ты же знаешь.

Порывшись в карманах, Рик извлек из них два десятицентовика и полтинник.

— Это тоже считается? — Да!

Схватив монеты, Сильвия швырнула их в темневшие по соседству заросли лилий. С легким шелестом круглые пластинки металла исчезли среди толстых и влажных стеблей.

— Еще что-нибудь есть? — тревожно схватила она его руку. — Они уже в пути. У тебя не осталось металла, Рик?

— Только часы.

Пальцы Сильвии метнулись к его запястью.

— Нет уж, — Рик отодвинул свою руку. — Уж их-то я не дам закинуть в кусты.

— Положи тогда на солнечные часы, или на забор, или в это дупло. — Сильвия снова побежала.

— Выкинь свой портсигар, — донесся до Рика ее звонкий, возбужденный голос, — и ключи, и пряжку ремня — все металлическое. Ты же знаешь, как ненавистен им металл. Быстрее, мы опаздываем.

Нахмурившись, Рик двинулся следом.

— Хорошо, ведьмочка.

— Никогда так не говори, — яростно откликнулось из темноты. — Это неправда. Ты наслушался глупостей у моих сестричек и у мамы и…

Новый звук заглушил ее слова. Отдаленное хлопанье и шорох, — словно огромные листья, шелестящие под холодным, зимним ветром. Частые тяжелые удары заполнили ночное небо, сегодня они слетались очень уж быстро. Слишком отчаянная их обуревала жажда, слишком жадны они были, чтобы ждать. В сердце Рика шевельнулся страх, он бросился догонять Сильвию.

Рик с трудом разглядел зеленую юбку и зеленую блузку, крошечным столбиком выделялась девушка посреди бьющейся, копошащейся массы. Расталкивая их одной рукой, другой она пыталась справиться с деревянным краном. Кипящий водоворот крыльев и тел гнул Сильвию, словно тростинку. А затем ее вообще не стало видно.

— Рик, — донеслось до него еле слышно. — Иди сюда и помоги мне.

Растолкав их, Сильвия с трудом поднялась на ноги.

— Я от них задыхаюсь.

С трудом прорвав белую трепещущую стену, Рик оказался у самого лотка. Они жадно лакали кровь, вытекавшую из деревянного крана. Рик

подтащил к себе содрогающуюся от ужаса девушку, крепко обнял ее и разжал руки только тогда, когда окружавшая их яростная возня постепенно стихла.

— Они голодные, — еле слышно проговорила Сильвия.

— Ты совсем сдурела, ну зачем было меня обгонять? Они же могли тебя испепелить!

— Знаю, они могут что угодно. — Ее охватила дрожь страха и восторга. — Только посмотри на них, — прошептал задыхающийся от благоговения голос. — Какие они огромные, какой размах крыльев. И какие белые, Рик. Безукоризненно белые, ни одного пятнышка. В нашем мире не бывает ничего подобного — огромные, чистые и прекрасные. — Кровь ягненка, они прямо рвались к ней.

Раздуваемые хлопающими со всех сторон крыльями, волосы Сильвии трепетали на его лице. Теперь эти уходили, взмывали вверх, в глубины неба. Даже не вверх, конечно, а куда-то прочь. Назад, в свой мир, откуда слетелись сюда, учуяв кровь. Но не только кровь — они пришли к Сильвии. Их привлекала она.

Серые глаза девушки расширились. Ее руки поднялись вслед исчезающим белым теням.

Одно из существ развернулось и пролетело совсем близко от нее, совсем низко; трава и цветы зашипели, обожженные взметнувшимся на мгновение ослепительно белым пламенем. Рик отскочил; какую-то долю секунды огненная фигура парила прямо над Сильвией, затем раздался хлопок, словно кто-то открыл огромную бутылку, и последний из снежнокрылых исполинов исчез. Воздух и земля постепенно остыли, успокоились, снова стало темно и тихо.

— Прости, пожалуйста, — виновато прошептала Сильвия.

— Никогда больше так не делай, — с трудом выдавил из себя все еще не оправившийся от потрясения Рик. — Это очень опасно.

— Иногда я забываю. Прости, Рик, я совсем не хотела привлекать их так близко.

Она попыталась улыбнуться.

— Такая неосторожность — это у меня первый раз за много месяцев, во всяком случае — с того времени, как я привела тебя.

На мгновение по лицу Сильвии скользнуло жадное, нетерпеливое выражение. — А ты видел его? Мощь и пламя! И ведь он нас даже не трогал. Он только посмотрел на нас. Только посмотрел — и все вокруг вспыхнуло.

Рик крепко сжал ее руку.

— Послушай. — Голос его звучал хрипло, настоятельно. — Ты не должна их вызывать — никогда. Это неправильно, плохо. У них свой мир, у нас свой, им здесь не место.

— И ничего в этом плохого — такая красота.

— Это очень опасно! — Пальцы Рика впивались все глубже и глубже; Сильвия слабо вскрикнула. — Прекрати заманивать их сюда!

Истерически захохотав, Сильвия вырвала свою руку и бросилась в центр почерневшего круга, который выжгла эта орда ангелов перед тем, как унестись в небеса.

— Я не могу прекратить, — выкрикнула она. — Я одна из них. Они — мой народ, моя семья. Многие поколения, уходящие в далекое прошлое.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать?

— Они — мои предки. Когда-нибудь я с ними соединюсь.

— Ты ведьма! — в ярости закричал Рик.

— Нет, — серьезно ответила Сильвия. — Нет, Рик, не ведьма. Неужели ты еще не понял? Я — святая.

Свет, тепло и уют кухни. Сильвия включила кофеварку, достала из висящего над раковиной шкафчика большую красную жестянку с ко-

фе. — Не слушай их, — сказала она, расставляя блюдца и чашки, вынимая из холодильника сливки. — Они ничего не понимают, ты только на них посмотри.

Из гостиной за молодой парой наблюдали мать Сильвии и ее сестры, Бетти Лу и Джин, тесно сбившиеся вместе, напряженные и перепуганные. Отсутствующее, ушедшее в себя лицо стоявшего рядом с камином Уолтера Эверетта не выдавало никаких эмоций.

— Ты послушай меня, — сказал Рик. — Ты обладаешь этой самой силой привлекать их. Так ты хочешь сказать, что ты не… Разве Уолтер не настоящий твой отец?

— Да нет, конечно же настоящий. Я самый настоящий человек, разве не видно?

— Но ты единственная в семье, у кого есть такая сила.

— Физически я такая же, как и остальные, — задумчиво сказала Сильвия. — Просто я умею видеть, вот и все. Эта способность встречалась и прежде у разных людей — у святых, у мучеников. Когда я была маленькой, мама читала мне вслух про святую Бернадетту. Ты помнишь, где была ее пещера? Рядом с больницей. Они слетались туда, и она увидела одного из них.

— Но кровь! Это уродливо, чудовищно! Ничего подобного никогда не бывало.

— Бывало. Кровь притягивает их, особенно кровь агнца. Они кружат над полями сражений. Валькирии, уносящие погибших в Валгаллу. Именно поэтому святые и мученики часто резали себя и калечили. Ты знаешь, откуда появилась у меня такая мысль? Сильвия надела кухонный передник и заправила кофеварку.

— Когда мне было девять лет, я прочитала об этом у Гомера в «Одиссее». Улисс вырыл канаву и наполнил ее кровью, чтобы привлечь духов. Теней из мира иного.

— Было там такое, — неохотно согласился Рик. — Припоминаю.

— Духи умерших людей. Все они когда-то жили. Каждый сначала живет здесь, а потом умирает и уходит туда. — Глаза Сильвии сверкали от возбуждения. — У нас у всех будут крылья! Мы будем летать! Каждый из нас будет полон мощи и пламени! Мы не будем больше червями.

— Черви! Ты всегда называешь меня червяком.

— Ну конечно же, ты червяк. И все мы червяки, противные черви, ползающие по земной корке, пресмыкающиеся в грязи и прахе.

— А почему их тянет на кровь?

— Потому, что это жизнь, а жизнь их привлекает. Кровь — это uisge beatha, жизненная влага[5].

— Кровь — это смерть. Корыто, в которое льется кровь…

— Но это не смерть. Ведь не считаешь же ты, что гусеница умирает, когда она забирается в свой кокон?

Теперь Уолтер Эверетт стоял в дверях. Лицо его потемнело. Он стоял и слушал, что говорит дочь.

— А вот один раз, — сказал он хрипло, — они схватят ее и утащат. Она хочет к ним. Ждет не дождется этого дня.

— Вот видишь? — повернулась Сильвия к Рику. — И он тоже ничего не понимает. — Она выключила кофеварку и наполнила чашки. — А ты будешь кофе?

— Нет, — покачал головой Эверетт.

— Сильвия, — вразумительно, как маленькому ребенку, сказал Рик, — ты же понимаешь, что, уйдя с ними, ты не сможешь больше вернуться сюда, к нам.

— Нам всем предстоит переправа, раньше или позже, это часть нашей жизни.

— Но ведь тебе всего девятнадцать лет, — на-

---

[5] Примечания: 5
В переводе с гэльского языка.

стаивал Рик. — Ты юная, здоровая, красивая. И мы хотим пожениться — об этом ты подумала? Сильвия, — полупривстал он из-за стола, — ты должна все это прекратить.

— Я не могу прекратить. Мне было семь лет, когда я увидела их впервые.

Глаза Сильвии приобрели зачарованное, отсутствующее выражение; машинально сжимая ручку кофеварки, она застыла у раковины.

— Помнишь, папа? Мы тогда жили в Чикаго. Это было зимой. Я упала по пути из школы. Видишь этот шрам? — Она вытянула руку. — Я поскользнулась на слякоти, упала и ободралась о щебенку. Я шла домой и плакала, падал мокрый снег, ветер завывал, было холодно. Из руки текла кровь, вся перчатка намокла в крови. А потом я подняла глаза и увидела их. — Сильвия смолкла.

— Они хотят тебя, — нарушил наступившую тишину Эверетт. Сейчас он выглядел совершенно несчастным. — Они же как мухи, толстые зеленые мухи, которые крутятся вокруг тебя. Зовут тебя к себе.

— А почему и нет? — Серые глаза Сильвии сияли, сейчас вся она светилась радостью и предвосхищением. — Ты же видел их, папа. Ты знаешь, что это такое. Преображение — из праха

в богов.

Рик вышел из кухни. В гостиной сестры Сильвии так и стояли бок о бок, на их лицах было любопытство, смешанное со страхом. Миссис Эверетт стояла поодаль, глаза ее, прикрытые очками в стальной оправе, смотрели мрачно, лицо закаменело. Когда Рик проходил мимо, она отвернулась.

— А что там было? — громким шепотом спросила Бетти Лу, пятнадцатилетняя девочка, костлявая и довольно некрасивая, с маленьким худым личиком и жидкими, белесыми волосами. — Сильвия никогда не берет нас с собой и не разрешает ходить.

— Ничего не было, — ответил Рик.

— Неправда! — Унылое, безрадостное лицо девочки загорелось злостью. — Это неправда. Вы с ней ходили в сад, в темноту, и…

— Не разговаривай с ним, — оборвала ее мать. Отдернув обеих девочек в сторону, она бросила на Рика взгляд, полный боли и ненависти. А потом быстро отвернулась.

Рик открыл дверь подвала, включил свет и начал медленно спускаться в помещение с бетонными стенами, сырое, холодное и грязное, уныло освещенное тусклой лампочкой, свисаю-

щей с потолка на покрытом толстым слоем пыли проводе.

В одном углу подвала вздымалась отопительная печь с толстыми, как слоновьи ноги, воздушными трубами. Рядом — нагреватель воды, кипы какого-то барахла, коробки с книгами, пачки газет, старая мебель — все покрытое пылью и паутиной.

В дальнем конце — стиральная машина и сушильная центрифуга. А также хозяйство Сильвии, насос и охладительная система.

Пошарив на верстаке, Рик выбрал молоток и два массивных разводных ключа. Он уже направился к хитросплетению баков и труб, когда на верхней ступеньке неожиданно появилась Сильвия с кофейной чашкой в руке.

— Что ты здесь делаешь? — Серые глаза смотрели напряженно, с подозрением. — Для чего тебе молоток и гаечные ключи?

— Я думал разрешить этот вопрос здесь, раз и навсегда. — Рик бросил инструменты назад на верстак.

— А я думала, что ты понимаешь. Они всегда были частью моей жизни. Когда я первый раз взяла тебя с собой, мне показалось, что ты…

— Я не хочу отдавать тебя, — резко сказал

Рик, — кому бы то ни было и чему бы то ни было — хоть из этого мира, хоть из какого другого. Я не намерен тебя отдавать.

— И вот таким, значит, образом ты меня не отдашь? — Ее глаза сузились. — Ты пришел сюда, чтобы все сломать и уничтожить. И как только я отойду, ты разобьешь все это, так что ли?

— Именно так.

Теперь злость на ее лице сменилась страхом.

— Неужели ты хочешь, чтобы я была здесь прикована? Мне нужно двигаться дальше, эта часть пути для меня закончена. Я пробыла здесь достаточно долго.

— Ты что, подождать не можешь?! — почти выкрикнул Рик, в его голосе звучало с трудом сдерживаемое отчаяние. — Ведь и так это будет скоро, чересчур скоро.

— А ты хотел бы так и остаться червяком? — Пожав плечами, Сильвия отвернулась; ее руки были сложены на груди, яркие красные губы плотно сжаты. — Червяком. Маленькой, мохнатой, ползающей в пыли гусеницей.

— Я хочу тебя.

— А ты не можешь иметь меня, — в ярости повернулась она. — У меня не так много времени, чтобы попусту его тратить.

— Ну конечно же, — чуть не с ненавистью сказал Рик. — У нас на уме одни высокие материи.

— Конечно, — уже более спокойно ответила Сильвия. — Прости меня, пожалуйста. Рик, ты же помнишь про Икара? Ведь ты тоже хочешь летать, я знаю.

— Всему свое время.

— А почему не прямо сейчас? Зачем ждать? Ты просто боишься. — Сильвия гибко скользнула в сторону, на ее губах появилась лукавая усмешка. — Рик, я хочу тебе что-то показать. Только ты обещай, что никому не скажешь.

— А что это?

— Обещаешь? — Она приложила ладонь к его рту. — Мне нужно быть очень осторожной. Это стоило уйму денег. И никто об этом не знает. Так делают в Китае — ведь все идет к этому. — Интересно, — сказал Рик. В нем шевельнулось какое-то неясное, неприятное чувство. — Покажи.

Дрожащая от возбуждения Сильвия исчезла за огромным холодильником, в темноте и путанице заиндевевших змеевиков. Рик услышал скребущие, скрежещущие звуки — она волокла по полу что-то тяжелое и громоздкое.

— Видишь? — выдохнула Сильвия. — Помоги мне, Рик. Он очень тяжелый. Дуб и латунь, и

внутри еще металлическая прокладка. Дерево мореное, ручная полировка. А резьба, ты только посмотри на резьбу! Красиво, правда?

— И что это такое? — Рик еле сдерживал ужас.

— Мой кокон, — невинно объяснила Сильвия. Со счастливым выражением лица она опустилась на пол и прислонила голову к полированной крышке дубового гроба.

Схватив девушку за руку, Рик одним рывком поставил ее на ноги.

— Ты что еще придумала, сидеть рядом с этим гробом здесь, в подвале, где… — он осекся. — В чем дело?

Лицо Сильвии было искажено болью. Отшатнувшись от Рика, она сунула в рот палец.

— Я поцарапалась о гвоздь или еще обо что. Это когда ты меня поднял.

По руке Сильвии бежала тоненькая струйка крови, другой рукой она пыталась вытащить из кармана носовой платок.

— Дай посмотреть. — Рик сделал движение в ее сторону, но девушка снова отдернулась. — Ты что, сильно порезалась?

— Не подходи ко мне, — прошептала Сильвия.

— В чем дело? Дай я посмотрю.

— Рик, — сказала Сильвия каким-то странным,

напряженным голосом. — Достань воду и лейкопластырь. И как можно скорее. — Было видно, что она еле сдерживает охватывающий ее страх. — Мне надо остановить кровотечение.

— Идти наверх? — Он неуверенно направился к лестнице. — Ведь вроде ничего у тебя такого особенного. Ты могла бы сама…

— Быстрее. — Голос девушки был полон ужаса. — Умоляю тебя, быстрее.

В полном смятении Рик начал бегом подниматься по лестнице. Он физически ощущал исходивший от Сильвии ужас.

— Нет, уже поздно, — вскрикнула она. — И только не возвращайся, держись от меня подальше. Я сама во всем виновата. Я приучила их прилетать. И только не подходи! Прости меня, Рик. Оо-о!..

Больше Рик ничего не услышал — в этот самый момент часть стены разлетелась вдребезги, сквозь образовавшийся пролом в подвал протиснулось белое сверкающее облако.

Они хотели Сильвию. Сильвия сделала несколько шагов к Рику, неуверенно замерла, и тут ее поглотила белая копошащаяся масса тел и крыльев. Раздался отчаянный вскрик, а затем подвал содрогнулся от страшного взрыва, воздух в нем раскалился, как в горне.

Рика швырнуло наземь, теперь бетон пола стал сухим и обжигающе горячим, весь подвал буквально трескался от жары. Окна разлетелись, сквозь них лезли наружу пульсирующие белым светом формы. Языки дыма и пламени жадно облизывали стены, потолок вдруг провис, с него дождем посыпалась штукатурка.

С большим трудом Рик заставил себя подняться на ноги. Яростное движение затихло где-то вдали. Помещение превратилось в хаос, все в нем было выжжено, почернело, покрылось слоем дымящегося пепла. И везде щепки, клочья материи, обломки бетона. Печь и стиральная машина разбиты, насос и сложная охладительная система сплавились в сплошную сверкающую массу, одна из стен сдвинулась в сторону. И все усыпано штукатуркой.

Руки и ноги Сильвии были странным, невозможным образом вывернуты, изогнуты, ее ссохшееся, обугленное тело лежало невысоким холмиком серого, добела выжженного пепла. От нее не осталось почти ничего — только хрупкая обгорелая шелуха.

И снова была ночь, темная, холодная, натянутая, как струна. Поднимая голову, он видел над собой редкие, колючие льдинки звезд. Порыв

ветра качнул мокрые лилии, пошевелил гравий укрытой промозглым туманом, петляющей среди угольно-черных розовых кустов тропинки.

Он присел на корточки и замер, вслушиваясь и вглядываясь в ночь. Позади, за кедрами, угадывается высокий силуэт дома. Внизу под обрывом по шоссе проскользнула машина, затем другая. А больше — ни звука. Впереди четко выделялись приземистые, угловатые очертания — фаянсовый лоток и труба, когда-то подводившая кровь из установленного в подвале холодильника. Сейчас лоток был сухой и пустой — только несколько принесенных ветром желтых листьев.

Рик глубоко вдохнул холодный ночной воздух и надолго задержал его в легких. А потом неловко — плохо гнулись затекшие ноги — встал. Внимательно оглядев небо, он не заметил в нем ни малейшего движения. Но все равно они где-то там, смотрят и ждут — смутные тени, вереницей уходящие в незапамятное прошлое, словно отзвуки эха, словно отражение в параллельных зеркалах, династия богов.

Он поднял с земли тяжелые фляги, подтащил их поближе, и в лоток полилась бычья кровь с ньюджерсийской бойни — бросовая, грошовая жидкость, густая и комкастая. Кровь плеснула

Рику на одежду, и он нервно отшатнулся. Но в небе, в воздухе над головой так ничто и не шелохнулось. Окутанный тьмой и ночным туманом сад молчал.

Рик стоял у лотка, ждал и не знал — стоит ли ждать, прилетят ли они. Они приходили к Сильвии, а не просто за кровью. А теперь тут осталась одна приманка — вот эта кровь. Он отнес пустые металлические посудины в кусты и пинками отправил их вниз с обрыва. Затем он тщательно проверил свои карманы, в них тоже не осталось ничего металлического.

Сильвия годами приучала их приходить. А теперь она на той стороне. Значит ли это, что они не придут? В мокрых кустах зашуршало. Зверек? Или птица? Кровь поблескивала в лотке, тусклая и тяжелая, словно окисленный свинец. Пора бы уже, но ничто не шевелило вершины огромных кедров. Он разглядел ряды кивающих головками розовых кустов, дорожку, по которой бежали они с Сильвией… Сделав усилие, он отбросил недавние воспоминания — сверкающие возбуждением глаза, красные яркие губы. Шоссе под обрывом — пустой, безлюдный сад — молчащий дом, в котором ждет притихшая семья. Услышав неясный, свистящий звук, он напрягся — нет, просто

тяжелый дизельный грузовик несется по шоссе, яркими фарами вспарывает ночь.

Он стоял, широко расставив ноги, глубоко вдавив каблуки в податливую черную землю, стоял и мрачно ждал. Он не уйдет. Он останется здесь, пока они не придут. Он хотел вернуть ее — любой ценой.

Расплывчатые, смятые волоконца тумана проплыли по диску луны. Необъятная бесплодная пустыня неба, лишенная жизни и тепла. Смертельный холод космоса, не прогреваемого ни одним солнцем, не оживляемого ни одной тварью. Он глядел вверх, пока не заболела шея. Холодные звезды, скользящие в почти нематериальном слое тумана. А есть ли что-нибудь еще? Собираются они прилетать? Их интересовала Сильвия — и теперь они ее получили.

Какое-то движение позади, совершенно беззвучное. Он ощутил это движение и начал поворачиваться, но тут зашевелились деревья и кусты — везде, со всех сторон. Словно вырезанные из картона декорации, они качались, сталкивались, сливались друг с другом, что-то пробиралось между ними, быстро и молчаливо. Затем все стихло. Они пришли. Рик их чувствовал. Они прятали свое пламя и свою мощь. Холодные, ко

всему безразличные статуи, возвышающиеся среди деревьев, могучие кедры — карлики рядом с ними. Безучастные, бесконечно далекие от него и его мира, привлеченные сюда любопытством и — отчасти — привычкой.

— Сильвия, — спросил он громко и отчетливо. — Которая здесь ты?

Никакого ответа. Возможно, ее здесь и нет. Он почувствовал себя обманутым. Еле заметный белый проблеск проплыл мимо лотка, на мгновение завис и скользнул дальше, не задерживаясь. Затем воздух над лотком задрожал и вновь замер — это еще один из гигантов взглянул и мгновенно удалился.

Рика охватил панический страх. Они уходили, возвращались в свой мир. Они отвергли лоток, они им не заинтересовались.

— Подождите, — хрипло проговорил он. Белые призраки задержались, некоторые из них.

Рик приблизился к ним, приблизился медленно, осторожно, все время остро ощущая их мерцающую огромность. Если кто-либо из них дотронется до него, он мгновенно вспыхнет, превратится в кучку серого пепла. Не доходя нескольких футов, он остановился.

— Вы знаете, что мне нужно, — сказал он. — Я

хочу вернуть ее. Вы не должны были ее забирать — пока.

Молчание.

— Вы были слишком жадны, — сказал он. — Вы сделали то, чего не надо было делать. Она и так пришла бы к вам в конце концов. Она все уже продумала.

Толпа зашелестела. Огромные мерцающие формы качались и пульсировали, чуткие к словам. «Правда», — прозвучал бесстрастный отклик. Звук рассеивался от дерева к дереву, лишенный места и направления, а затем превратился в еле слышные отголоски, замер, унесенный ночным ветром.

Огромное облегчение охватило Рика. Они задержались — они его заметили — они его слушают.

— Вы что, думаете, это правильно? — спросил он уже с вызовом. — Ей предстояла долгая жизнь здесь. Мы бы поженились, у нас были бы дети.

Ответа не было, но напряжение росло, Рик чувствовал это всем телом. Он вслушивался изо всех сил, но ничего не слышал. Наконец он понял, что между ними идет спор, борьба. Напряжение становилось невыносимым, смутных мерцающих теней становилось все больше; облака, льдистые звезды скрывались из глаз, заслоненные

тем необозримо огромным, которое толпилось вокруг.

— Рик!

Голос звучал совсем рядом — слабый, дрожащий, уносящийся куда-то вдаль, к деревьям и сочащимся влагой кустам. Рик едва разбирал слова; прозвучав, они пропадали почти сразу.

— Рик, помоги мне вернуться.

— Ты где? — Он не мог понять, откуда идет этот голос. — Что я должен сделать?

— Не знаю. — Еле слышные звуки были полны боли и недоумения. — Я ничего не понимаю. Что-то вышло не так. Наверное, они подумали, что я… что я хочу перейти сейчас же. А я не хотела.

— Я знаю, — ответил Рик. — Это был несчастный случай.

— Они ждали. Кокон, лоток… но все случилось слишком быстро.

И словно волна, примчавшаяся из безмерных далей другой вселенной, на Рика накатился ее ужас.

— Я передумала, Рик. Я хочу назад.

— Это не так просто.

— Я знаю. Здесь совсем другое время, Рик. Я здесь уже так долго — ваш мир, он еле движется. Ведь прошли годы, верно?

— Одна неделя, — сказал Рик.

— Во всем виноваты они. Ведь ты не винишь меня, правда? Они понимают, что сделали плохо. Сделавшие наказаны, но мне это не поможет. — Ужас и боль так искажали ее голос, что Рик едва разбирал слова. — Как мне вернуться?

— А они не знают?

— Они говорят, этого сделать нельзя. — Голос задрожал еще сильнее. — Они говорят, что уничтожили глиняную оболочку, испепелили ее. Что мне некуда возвращаться.

Рик глубоко вздохнул.

— Пусть они что-нибудь придумают. Это уже их дело. Ведь у них есть всякие там силы. Они унесли тебя слишком рано — вот пусть и присылают назад. Это на их ответственности.

Белые тени заколыхались. Неожиданно спор обострился, они не могли договориться. Рик осторожно отодвинулся на несколько шагов.

— Они говорят, это опасно, — донесся ниоткуда голос Сильвии. — Они говорят, один раз была такая попытка. — Она старалась говорить спокойно. — Переходная область между этим миром и вашим неустойчива. Там огромные количества свободной энергии. Мощь, которой мы — на этой стороне — обладаем, это не наша мощь. Это

универсальная энергия, которую мы берем и направляем.

— А почему они не могут…

— Здесь континуум высшего уровня. Естественный переход энергии идет от низших областей к высшим. Обратный путь рискован. Кровь — это вроде путевого указателя, яркого знака.

— Как мошки на свечу, — с горечью произнес Рик.

— Если они пошлют меня назад и что-нибудь выйдет не так… — На мгновение она смолкла, а затем продолжила: — Если они ошибутся, я могу затеряться между двух миров. Меня может поглотить свободная энергия. Возможно, она тоже живая — какой-то своей жизнью. Этого никто не понимает. Помнишь, Прометей и огонь…

— Понятно, — сказал Рик, с огромным трудом сохраняя спокойствие в голосе.

— Милый, если меня попробуют отослать назад, мне нужно будет подыскать какую-нибудь форму и войти в нее. Понимаешь, у меня теперь нет больше формы. На этой стороне нет настоящей материи; то, что ты видишь — крылья, белизна — всего этого в действительности нет. Если я сумею вернуться к тебе…

— Тебе придется что-то сформировать, — ска-

зал Рик.

— Мне придется что-то занять, что-то ваше, от праха. Занять и преобразовать — как это сделал Он, давным-давно, когда в ваш мир была привнесена первоформ а.

— Если они сделали это однажды, могут сделать и еще раз.

— Не так все просто; Он, сделавший это, ушел. Преставился вверх. — В ее голосе мелькнула печальная ирония. — За этим миром есть и другие, лестница здесь не кончается. Никто не знает, где она кончается, она идет все выше и выше, мир за миром.

— А кто решает про тебя? — спросил Рик.

— Все в моих руках, — еле слышно ответила Сильвия. — Они говорят, если я хочу рискнуть — они попробуют.

— Ну и что ты решила?

— Я боюсь. А если что-нибудь пойдет не так? Ты его не видел — этот промежуток между мирами. Там могут происходить невероятные вещи. Только Он имел достаточно смелости, все остальные боялись.

— Это их вина. Они должны взять ответственность на себя.

— Они это знают.

Сильвия смолкла, а когда она заговорила снова, еле слышный голос звучал совсем несчастно.

— Рик, милый, скажи мне, что же мне делать?

— Возвращайся!

Снова молчание, а затем ее голос, тихий и жалкий:

— Хорошо, Рик. Если ты думаешь, что так нужно.

— Нужно, — сказал он твердо. Он заставлял себя не думать, не рисовать себе никаких картин, никаких образов. Нужно ее вернуть. — Скажи им, чтобы начинали прямо сейчас. Скажи им… Оглушительный треск и страшный, непереносимый жар. Его подняло и швырнуло в огненное море чистой энергии. Они уходили, обдав Рика ревом и громом, всесжигающим пламенем своей невыразимой мощи. На какую-то долю секунды он подумал, что видит Сильвию, неуверенно, с мольбой тянущую к нему руки.

А затем пламя исчезло, оставив Рика во тьме насквозь пропитанной влагой ночи. Одного, в полном безмолвии.

Уолтер Эверетт помог ему подняться на ноги.

— Ты идиот, — повторял он раз за разом. — Ты полный идиот. Зачем ты привел их сюда? Они и так причинили нам все горе, какое могли.

Затем он оказался в просторной, уютной гостиной, и перед ним стояла миссис Эверетт, стояла молча, с закоченевшим в безразличную маску лицом. Две ее дочери взбудораженно крутились рядом, дрожащие от любопытства, с глазами, в которых горело болезненное возбуждение.

— Все будет в порядке, — пробормотал Рик.

Его одежда обуглилась и почернела. Проведя рукой по лицу, он увидел на своей ладони пепел. В волосах застряли сухие травинки — улетая, они опалили все вокруг него. Рик прилег на диван и закрыл глаза. Когда он открыл их, Бетти Лу Эверетт совала ему в руку стакан с водой.

— Спасибо, — пробормотал он.

— Тебе ни в коем случае не надо было ходить туда, — повторил Уолтер Эверетт. — Зачем? Зачем ты это сделал? Ты же знаешь, что случилось с ней. Ты что, хочешь, чтобы то же самое было и с тобой?

— Я хочу ее вернуть, — тихо сказал Рик.

— Ты что, спятил? Ее нельзя вернуть. Ее больше нет. — Губы Уолтера судорожно передернулись. — Ты же ее видел.

— А что там было? — спросила Бетти Лу. Она напряженно смотрела на Рика. — Ведь они пришли еще раз, правда?

Тяжело поднявшись, Рик вышел из гостиной. На кухне он вылил воду в раковину и наполнил стакан из стоявшей на полке бутылки. Появившаяся в дверях Бетти Лу так и застала его рядом с раковиной; он стоял, устало прислонившись к стене.

— Чего тебе? — спросил Рик.

Лицо девочки болезненно раскраснелось.

— Я знаю, там что-то случилось. Ты ведь кормил их, правда? — Она сделала шаг вперед. — Ты пытаешься вернуть ее?

— Да, — сказал Рик.

— Но ведь ничего не получится, — нервно хихикнула Бетти Лу. — Она умерла, ее тело сгорело — я сама это видела. — На лице девочки светилось возбуждение. — Папа всегда говорил, что не доведет это ее до добра, так и вышло. — Бетти Лу приблизилась к Рику. — Она была ведьма! Она получила все, что ей и полагалось.

— Она возвращается, — сказал Рик.

— Нет! — Серенькое, невзрачное лицо исказилось ужасом. — Она не может вернуться. Она умерла — червяк превратился в бабочку, она всегда так говорила, — она теперь бабочка!

— Иди в гостиную, — сказал Рик.

— Ты не имеешь права мной командовать! —

истерически выкрикнула Бетти Лу. — Это мой дом. Мы больше не хотим тебя здесь. Папа тебе еще скажет. Он не хочет тебя, и я не хочу тебя, и мама, и сестра тоже…

Изменение произошло неожиданно, без всякого предупреждения. Словно в проекторе остановилась кинопленка. Бетти Лу застыла с полуоткрытым ртом и поднятой рукой, слова ее замерли на языке. Она повисла в воздухе, безжизненный предмет, приподнятый над полом, словно зажатый между двумя кусками стекла. Оболочка насекомого, лишенная дара речи, пустая и косная. Не мертвая, но мгновенно возвращенная к предвечной безжизненности.

И на эту захваченную скорлупу опускалась новая сила, новое бытие. Оно проникало в нее, многоцветие жизни властно вливалось в пустоту, заполняло — словно кипящая, обжигающая жидкость — каждый ее уголок. Девочка покачнулась и застонала, ее тело судорожно дернулось, ударилось о стену и сползло на пол. Фарфоровая чашка упала с полки и тысячью осколков разлетелась по полу. Оцепенело, неуверенно девочка отодвинулась назад и сунула палец в рот, ее глаза расширились от боли и ужаса.

— Ой! — Она встряхнула головой и с мольбой

посмотрела на Рика. — Я поцарапалась о гвоздь или еще обо что.

— Сильвия!

Схватив девочку за запястье, Рик поднял ее на ноги, оттащил от стены. Теплая рука, которую он сжимал, была полной, зрелой. Ошеломленные серые глаза, каштановые волосы, груди, вздрагивающие под платьем, — сейчас она была такой же, как и тогда, в последние моменты, в подвале.

— Дай посмотрю. — Оторвав ее руку ото рта, он со страхом осмотрел поврежденный палец. Царапины не было, только тонкая белая полоска, быстро истончавшаяся, исчезавшая. — Все в порядке, лапа. Ты в полном порядке, ничего с тобой не случилось.

— Я ведь была там, Рик. — Голос звучал слабо, сипло. — Они пришли и утащили меня с собой. — Она в ужасе содрогнулась. — Я совсем вернулась, Рик?

— Совсем. — Он крепко прижал ее к себе.

— Это так долго. Я была там целое столетие. Бессчетные века. Я думала… — Она резко отстранилась и посмотрела ему в глаза. — Рик…

— В чем дело?

— Тут что-то неправильно. — Лицо Сильвии исказилось страхом.

— Ничего тут нет неправильного. Ты вернулась, это самое главное.

— Но ведь они взяли живую форму, верно? — Сильвия попятилась. — Живую, а не отброшенный прах. У них нет власти, Рик. Они не умеют сами — и вместо этого изменили Его творение. — Она почти кричала, голос ее звенел ужасом. — Ошибка, страшная ошибка, они не должны были изменять равновесие. Оно неустойчиво, а никто из них не умеет управлять…

Рик заслонил собой дверь в гостиную.

— Прекрати, — резко сказал он. — Перестань так говорить! Ты вернулась, для этого мне ничего не жалко. Если они что-то там вывели из равновесия — их ошибка, сами пусть и разбираются.

— Но мы не можем его восстановить! — Ее голос взвился, он звучал тонко, визгливо, жестко, как туго натянутая струна.

— Мы сдвинули его, раскачали волны, которые начнут теперь выплескиваться из берегов. Установленное Им равновесие изменилось.

— Успокойся, милая, — сказал Рик. — Пойдем в гостиную, посидим с твоей семьей. Тебе станет легче. Тебе надо оправиться от всего этого.

Семья. Три сидящие фигуры, две на диване, одна в кресле рядом с камином. Недвижные фигуры

с пустыми бессмысленными лицами. Безвольно расслабленные, словно ватные, тела. И — никакой реакции на появившуюся в двери пару.

Ничего не понимая, Рик остановился. Тело Уолтера Эверетта вдруг как-то обмякло: газета в руке, шлепанцы на ногах, на подлокотнике кресла — большая пепельница, в ней лежит трубка, из трубки тянется струйка дыма… На коленях миссис Эверетт шитье, лицо хмурое, строгое, но — какое-то странное, смутное. Неопределенное, несформировавшееся лицо — можно было подумать, что оно плавится, тает. Джин сидела, сжавшись в комок. Смятый, как глина, все более бесформенный с каждой секундой.

Неожиданно из Джин словно что-то ушло, ее руки обвисли, голова упала на грудь. А затем черты бесцветного лица начали быстро изменяться. Волосы, глаза, кожа — все возвращалось к жизни, наполнялось цветом. От восковой бледности не осталось и следа. Не изменялась только ее одежда. Прижав пальцы к губам, девочка подняла на Рика широко раскрытые, непонимающие глаза, несколько раз моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Ой! — прозвучал негромкий возглас. Ставшие красными губы двигались странно, словно

неумело, голос звучал, как скверная звукозапись, — слабо и неровно. Она начала вставать, подергивающимися, угловатыми движениями, плохо справляясь со своим телом. Поднявшись на ноги, она двинулась к Рику — скованно, неловко, словно марионетка на ниточках.

— Рик, — сказала она. — Я поцарапалась о гвоздь или еще обо что.

То, что было миссис Эверетт, зашевелилось. Бесформенное и неопределенное, оно издавало приглушенные звуки и колыхалось, словно студень. Мало-помалу оно обрело упругость и форму.

— Мой палец, — негромко вскрикнул ее голос.

— Мой палец, — эхом откликнулась третья фигура, сидевшая в кресле. Через мгновение все они повторяли эти слова — четыре пальца, засунутые в рот, синхронно двигающиеся губы, голоса, звучащие в унисон.

— Мой палец… Рик, я поцарапалась.

Отражения, отражения отражений, как в поставленных рядом зеркалах, бесконечной чередой уходящие во тьму подобия, подобия слов и движений. И эти подобия — знакомы, верны до мельчайшей детали. Повторенные вокруг него вновь и вновь — в кресле, дважды на ди-

ване, рядом — настолько рядом, что он слышал ее дыхание, видел, как дрожат ее губы. — Что это? — спросила Сильвия. Та, которая рядом.

Одна из сидевших на диване Сильвий снова начала шить — она шила аккуратно, методично, не замечая ничего вокруг. Сидящая в кресле Сильвия подняла с пола газету, взяла свою трубку и углубилась в чтение. Еще одна сжалась в комок, взволнованная и напуганная. Когда Рик направился к двери, за ним последовала только одна — та, которая была рядом. Она задыхалась от неуверенности, серые глаза расширились, ноздри нервно подергивались.

— Рик…

Распахнув дверь, Рик вышел на крыльцо, в ночь. На ощупь, механически он спустился по ступенькам и сквозь озера темноты пошел прочь, к дороге. Позади, в желтом прямоугольном свете, остался силуэт Сильвии, молча, обреченно глядящей ему в спину. А за ней, в глубине гостиной, еще три фигуры, абсолютно идентичные, точные подобия друг друга, занимались каждая своим делом.

Найдя машину, он вывел ее на шоссе.

Мимо окон мелькали темные, мрачные дома и деревья. Как далеко это зайдет? Выплескиваю-

щиеся волны, убегающие все дальше и дальше, расширяющийся круг нарушенного равновесия.

Рик свернул на главное шоссе, теперь стали попадаться встречные машины. Он пытался заглянуть в них, но машины мелькали слишком быстро. Впереди ехал красный плимут. Плотный мужчина в синем деловом костюме разговаривал с сидящей рядом пассажиркой. Говорили они о чем-то веселом — время от времени из их машины доносились взрывы хохота. Рик догнал плимут и поехал следом за ним, совсем близко. Мужчина сверкал золотыми зубами, улыбался, размахивал пухлыми руками. Девушка — темноволосая и очень хорошенькая. Она улыбнулась мужчине, поправила белые перчатки, пригладила волосы и закрыла окно со своей стороны.

Рик потерял плимут из виду, между ними влез тяжелый дизельный грузовик. Отчаянно крутанув руль, он обогнал грузовик и по другой полосе понесся следом за быстро удалявшейся красной машиной. В конце концов он догнал ее и на мгновение ясно разглядел мужчину и девушку. Девушка напоминала Сильвию. Та же изящная линия миниатюрного подбородка, те же пухлые темные губы, чуть раздвигающиеся, когда она улыбается, те же изящные руки и плечи. Это была

Сильвия. Затем плимут свернул с шоссе, и больше машин впереди не было.

Он ехал и ехал сквозь густой ночной мрак. Стрелка индикатора горючего опускалась все ниже и ниже. По бокам шоссе расстилалась мрачная, унылая местность — какие-то поселки, между ними голые, пустынные поля, в тусклом небе висят пристальные неприветливые звезды. Засверкало скопление красных и желтых огней. Перекресток, а на нем автозаправка с яркой неоновой вывеской. Рик промчался мимо.

Около маленькой, об одном насосе, заправочной станции он свернул с бетона шоссе на пропитанную тавотом обочину. Выйдя из машины, он отвинтил крышку бензобака и взялся за шланг. Скрип щебенки под его ногами громко разносился в тишине. Бак был полон уже почти доверху, когда открылась дверь облезлой будки и наружу вышла стройная девушка в белом комбинезоне, синей рубашке и маленькой шапочке, едва заметной в ее каштановых кудрях.

— Добрый вечер, Рик, — сказала она спокойно. Рик вытащил шланг из бака. Через мгновение он уже мчался по шоссе. Закрыт бак или нет? Он не помнил, он гнал машину все быстрее и быстрее. Рик проехал больше сотни миль и уже прибли-

жался к границе штата. Теплый, желтый огонек маленького придорожного кафе приветливо светился в промозглом сумраке еле занимающегося утра. Рик сбросил скорость, свернул на обочину, на пустынную стоянку для машин. Густые горячие запахи черного кофе и поджариваемой ветчины, уютная, вселяющая спокойствие картина завтракающих людей. В углу орет музыкальный автомат. Рик тяжело опустился на табуретку и бессмысленно уронил голову в ладони. Костлявый фермер, сидевший рядом, с интересом посмотрел на него и снова уткнулся в газету. В другом углу комнаты — две женщины с хмурыми, жесткими лицами; на мгновение вскинув глаза, они вернулись к своему разговору. Симпатичный парень в джинсах и джинсовой куртке, перед ним фасоль с рисом и большая, тяжелая кружка дымящегося черного кофе.

— Что будем брать? — спросила официантка, бойкая девица с увязанными в тугой узел соломенными волосами и карандашиком, заткнутым за ухо. — Малость перебрали вчера?

Рик заказал овощной суп и кофе. Ел он автоматически, почти не замечая, что делает. Потом вдруг оказалось, что он ест бутерброд с ветчиной и сыром. Разве он заказывал? Музыкальный ав-

томат играл и играл, люди приходили и уходили. Рядом с шоссе, на невысоких пологих холмах раскинулся городок. А вот и утро — в окна кафе сочился солнечный свет, серый, холодный и безжизненный. Рик доел горячий, только что из духовки, яблочный пирог и теперь тупо, отсутствующе вытирал рот бумажной салфеткой.

В кафе царила тишина. За окнами тоже ни звука, везде было какое-то нелегкое спокойствие. Музыкальный автомат смолк, люди, сидящие за стойкой, молчали и не шевелились. Иногда мимо проносился грузовик, мокрый от утренней росы, с плотно закрытыми окнами.

Когда Рик поднял глаза, перед ним стояла Сильвия. Сложив руки на груди, она невидящими глазами смотрела куда-то поверх его плеча. Ярко-желтый карандаш за ухом, каштановые волосы увязаны в тугой узел. За стойкой сидят другие Сильвии, перед ними — тарелки. Одни едят, другие читают газеты. И все — абсолютно одинаковые, если не считать одежды.

Рик не помнил, как добрался до своей машины; через полчаса он пересек границу штата. На покрытых росой крышах и тротуарах проносящихся мимо крохотных незнакомых городков яркими холодными искрами рассыпалось солнце.

И по этим сверкающим утренним улицам двигались они — те из них, которые встали пораньше, чтобы пораньше взяться за работу. По двое, по трое, в напряженной тишине четкий перестук каблуков. Автобусные остановки, здесь они собирались группами побольше. А в домах — сотнями, бессчетными легионами они встают с постели, завтракают, умываются, одеваются… Целый город их готовился к наступающему дню, готовился уйти в обычные свои дела и заботы. Круг расширялся.

Городок остался позади — и тут Рик непроизвольно сбросил скорость, его нога сама ушла с педали. Две знакомые фигуры пересекают поле. С учебниками в руках. Дети спешат в школу. Повторения, отражения, подобия, точные и неизменные копии образца. Вокруг них весело носится собака, не замечая ничего странного, ничем не омрачая своей радости.

Он поехал дальше. Впереди показался город, на фоне неба четко вырисовывались строгие прямоугольники высоких зданий. Улицы делового района кипели шумом и суетой; примерно в центре города он догнал, а затем и пересек границу все расширяющегося круга. Бесчисленные фигуры Сильвии сменились разнообразием. Теперь за

окнами машины место серых глаз и каштановых волос заняли непохожие друг на друга мужчины и женщины, взрослые и дети — люди различной внешности, различного возраста. Рик увеличил скорость и помчался к выезду из города, где начинался широкий четырехрядный хайвей.

В конце концов ему пришлось сбавить скорость. Он чувствовал себя совершенно выжатым. После многих часов сидения за рулем все тело дрожало от навалившейся усталости.

На обочине морковно-рыжий парень призывно тычет в небо большим пальцем[8]. Тощая, как жердь, фигура в коричневых брюках и тонком верблюжьем свитере. Рик затормозил и открыл дверцу.

— Прыгай сюда.

— Спасибо, друг. — Парень подбежал, вскочил в уже тронувшуюся с места машину, захлопнул дверцу и блаженно откинулся на спинку сиденья. — А то уже жарковато становилось.

— Далеко едешь? — спросил Рик.

— До самого Чикаго. Конечно же, — смущенно улыбнулся парень, — я совсем не ожидаю, что вы подвезете меня так далеко. Сколько ни провезете

---

[8] Примечания: 8

Уайнд Джайант (Wind Giant) — буквально «Ветровой Гигант» (или великан).

— за все спасибо. А куда вы сами едете? — вопросительно посмотрел он на Рика.

— Куда угодно, — ответил Рик. — Если хочешь — поедем в Чикаго.

— Это же двести миль!

— Вот и чудесно, — сказал Рик. Он вывел машину на крайнюю левую полосу и прибавил скорость. — Если хочешь в Нью-Йорк — отвезу в Нью-Йорк.

— Вы не против? — Парень неловко заерзал на сиденье. — Я, конечно, очень благодарен, что вы меня взяли… — Он замялся. — Я хотел сказать, не надо вам из-за меня ехать куда-то в сторону.

Рик сосредоточенно глядел на дорогу, его руки крепко сжимали баранку.

— Только я еду быстро. Я не буду ни тормозить, ни останавливаться.

— Вы поаккуратнее, — нервно предостерег парень. — Не хотелось бы попасть в аварию.

— Беспокоиться буду я.

— Но ведь это опасно. А вдруг что-нибудь случится? Чересчур рискованно.

— Вот тут-то ты и ошибаешься, — мрачно пробормотал Рик, не отрывая глаз от дороги. — Это стоит риска.

— Но если что-нибудь выйдет не так… — Голос

неуверенно смолк, а затем продолжил: — Там же можно затеряться. Это так просто. Все так неустойчиво… — Голос дрожал от страха и беспокойства. — Прошу тебя, Рик…

— Откуда ты знаешь мое имя? — рывком повернулся Рик.

Словно лишившись всех костей, тело парня бесформенной грудой навалилось на дверцу машины. Лицо его таяло, плавилось, казалось еще немного — и оно сольется в ровную однородную массу.

— Я хочу вернуться, — говорил он откуда-то изнутри себя, — только я боюсь. Ты его не видел — этот промежуток между мирами. Там нет ничего, кроме энергии, Рик. Давным-давно Он научился ею пользоваться, но теперь никто не знает как.

Голос изменился, теперь он звучал ясно, звонко. Ярко-рыжие волосы стали каштановыми. На Рика испуганно глядели большие серые глаза. Судорожно вцепившись в баранку, он пригнулся вперед, в мозгу осталась одна мысль — только не шевелиться, только не сделать неверного движения. Постепенно напряжение спало, Рик уменьшил скорость и перевел машину в крайний правый ряд.

— Мы останавливаемся? — спросила сидящая

рядом с ним фигура; теперь это был голос Сильвии. Подобно новорожденному насекомому, только что появившемуся из личинки и подсыхающему на солнце, фигура твердела, начинала обживать действительность. Сильвия выпрямилась, поглядела в окно. — Где мы? Мы между какими-то городами.

Резко затормозив, Рик перегнулся через нее и рывком распахнул дверь.

— Выходи!

— Как это? — непонимающе посмотрела Сильвия. — В чем дело, Рик? Что-нибудь случилось?

— Выходи!

— Я не понимаю, Рик. — Сильвия развернулась к двери, ее ноги коснулись бетона шоссе. — Что-нибудь с машиной? Я думала, теперь все хорошо.

Осторожно подтолкнув ее, Рик захлопнул дверцу, резко рванул с места в густой — как и всегда по утрам — поток машин. Позади осталась маленькая фигурка, неуверенно поднимавшаяся на ноги, обиженная и потрясенная. Усилием воли он заставил себя отвести взгляд от зеркала заднего обзора и до упора вдавил педаль газа.

Рик включил приемник, но услышал только треск и вой помех. Немного покрутив ручку, он поймал какую-то сильную станцию. Тихий, удив-

ленный голос. Женский голос. Сперва слова были непонятны, но затем, разобрав их и узнав, он в ужасе щелкнул выключателем. Ее голос. Бормочущий просьбы и извинения. Где эта станция? Чикаго. Значит, круг добрался и туда.

Рик поехал медленнее. Спешить нет смысла. Граница обогнала его и движется дальше. Канзасские фермы — покосившиеся магазинчики маленьких городков на берегу Миссисипи — унылые, блеклые улицы промышленных городов Новой Англии — и везде кишат сероглазые женщины с каштановыми волосами.

А потом круг пересечет океан. Вскоре он охватит весь мир. Странно будет выглядеть Африка. Туземные поселки, а в них — белокожие женщины, абсолютно одинаковые, и все они заняты первобытными работами — охотятся, собирают фрукты, растирают в ступках зерно, свежуют дичь. Разжигают костры, плетут грубые ткани, трудолюбиво мастерят острые как бритва ножи.

А Китай… против воли он улыбнулся. Там она будет выглядеть весьма пикантно. В строгом костюме со стоячим воротничком, почти монашеском одеянии молодых коммунистов. Парад, шествующий по центральным улицам Пекина. Шеренга за шеренгой длинноногих, полногрудых

девушек с тяжелыми русскими автоматами. А также с лопатами, заступами, кирками. Солдаты в матерчатых ботинках, колонна за колонной. Рабочие, движущиеся почти бегом, с инструментами в руках. А над всеми ними, на высокой разукрашенной трибуне — еще одна неотличимая от остальных фигура, рука, такая знакомая, изящная, поднята в приветствии, нежное, прекрасное лицо застыло тупой деревянной маской. Он свернул на боковую дорогу и уже через пару минут ехал по тому же шоссе назад, ехал медленно, безразлично.

Перекресток. Дорожный полицейский, пробирающийся к нему, петляя среди остановившихся машин. Рик сидел, вцепившись руками в баранку, сидел прямо, как истукан, и тупо ждал.

— Рик, — моляще прошептала она в открытое окно машины. — Ведь теперь все хорошо, правда?

— Конечно, — безразлично ответил он.

Она просунула руку в окно и осторожно потрогала его локоть. Такая знакомая ладонь — тонкие пальцы, красный лак ногтей.

— Я очень хочу быть с тобой. Ведь мы снова вместе? Ведь я вернулась?

— Конечно.

Она грустно покачала головой.

— Я ничего не понимаю. Я думала, теперь опять все в порядке.

Он рванул с места. Перекресток остался позади. Время шло уже к вечеру. Рик совершенно выдохся, его качало от усталости. Механически, не очень понимая, что делает, он ехал в свой город. Она толпилась на улицах, она была вездесуща. Рик подъехал к своему дому и вышел из машины.

В вестибюле стоял дворник; Рик узнал его по грязной тряпке в руке, большой швабре и ведру опилок.

— Рик, — сказала она, — скажи мне, в чем дело? Пожалуйста, скажи. Не глядя, Рик прошел мимо, но она его догнала.

— Я вернулась, Рик. — В голосе ее звучало отчаяние. — Разве ты не понимаешь? Они взяли меня слишком рано, а потом отправили назад. Это была ошибка. И я никогда не буду больше их звать, это все в прошлом. — Она шла за ним по вестибюлю к лестнице. — Я никогда их больше не позову.

Рик начал подниматься по лестнице. Секунду Сильвия стояла в нерешительности, а потом села на нижнюю ступеньку и вся сжалась — крохот-

ная фигурка в грубой рабочей одежде и огромных подкованных ботинках.

Он вошел в свою квартиру. За окном густо-синее небо, крыши соседних домов ослепительно сверкают, словно расплавленные вечерним солнцем.

Его тело нестерпимо ныло. Спотыкаясь, он пробрался в ванную — найти ее было крайне трудно, все вокруг казалось чужим и незнакомым. Он наполнил раковину горячей водой, закатал рукава, вымыл руки и лицо. От воды шел пар. Затем Рик поднял глаза.

И увидел в зеркале заплаканное лицо. Рассмотреть отражение было трудно — оно словно текло, переливалось. Серые глаза блестят ужасом. Мелко дрожащие яркие губы, жилка, отчаянно пульсирующая на горле, мягкие каштановые волосы. Какоето время это лицо обескураженно глядело на себя, а затем стоящая у раковины девушка начала вытираться.

Она повернулась, вышла из ванной и направилась в гостиную, еле передвигая ноги. Постояв некоторое время в недоумении, она упала в кресло и закрыла глаза, чуть живая от усталости и тоски.

— Рик, — прерывающийся голос был полон

мольбы и отчаяния. — Помоги мне, пожалуйста. Постарайся. Я ведь вернулась, правда?

В полном замешательстве она несколько раз встряхнула головой.

— Ну, пожалуйста, Рик, я ведь думала, что теперь все в порядке.

Рууг

— Рууг! — сказал пес. Он стоял у забора, положив лапы на верхнюю планку, и осматривался.

Через открытую калитку во двор вбежал рууг.

Утреннее солнце не успело еще толком подняться, воздух оставался серым и стылым, а стены дома — влажными от покрывшей их за ночь росы. Осматриваясь, пес слегка приоткрыл пасть, когти больших черных лап крепко вцепились в деревянный брусок.

Рууг остановился сразу за калиткой и начал глядеть во двор. Это был маленький рууг, белесый и тощий, на тоненьких шатких ножках. Рууг посмотрел на пса и несколько раз моргнул. Пес оскалил зубы.

— Рууг! — сказал он снова, звук раскатился и заглох в тишине окутанного утренним полумраком двора. И ничто вокруг не пошевелилось. Тогда пес скинул лапы на землю, пересек двор и сел на нижнюю ступеньку крыльца, продолжая осторожно наблюдать за руугом. Рууг взглянул на пса. А затем растянул свою шею. Прямо над головой рууга находилось одно из окон дома. Рууг

понюхал окно.

Пес молнией метнулся через двор и ударился о забор, калитка вздрогнула и затрещала. Рууг уже уходил, он торопливо семенил по тропинке, быстро, забавно перебирая ножками. Пес лег на землю, боком привалился к доскам калитки. Он тяжело дышал, длинный красный язык свесился из пасти. Он смотрел, как уходит рууг.

Пес лежал молча, не закрывая черных блестящих глаз. Наступил день. Небо немного посветлело, в зябком утреннем воздухе со всех сторон доносились звуки — люди просыпались и вставали. За опущенными шторами вспыхивали лампы. Открылось окно.

Пес не шевелился. Он наблюдал за тропинкой.

На кухне миссис Кардосси залила кофейник кипятком. Поднявшийся от воды пар на секунду ослепил ее. Она оставила кофейник на краю плиты и пошла в кладовую. Когда она вернулась, в дверях кухни стоял Альф. Он был уже в очках.

— Ты принесла газету? — спросил он.

— Нет еще.

Альф Кардосси пересек кухню. Отодвинув засов задней двери, он вышел на крыльцо. Он посмотрел на серое, промозглое утро. У забора лежал Борис, черный и шерстистый; язык пса свесился

наружу.

— Спрячь язык, — сказал Альф.

Пес мгновенно повернул голову к хозяину. Черный хвост застучал по земле.

— Язык, — повторил Альф. — Спрячь язык. Пес и человек смотрели друг на друга. Пес тонко заскулил. Его глаза лихорадочно блестели.

— Рууг! — негромко сказал он. — Что?

Альф огляделся по сторонам.

— Кто-то идет? Газетчик идет?

Пес смотрел на него молча, с открытой пастью.

— Что-то ты последнее время не в себе, — сказал Альф. — Не надо тебе так волноваться. У нас с тобой обоих не тот возраст, чтобы много волноваться.

Он вернулся в дом.

Солнце поднялось. Улица стала яркой, заиграла красками. По тротуару проследовал почтальон со своими письмами и журналами. Стайкой пропорхнули дети, они смеялись и о чем-то говорили.

Ровно в одиннадцать часов миссис Кардосси подмела парадное крыльцо. Остановившись на мгновение, она понюхала воздух.

— Хорошо сегодня пахнет, — сказала она. — Значит, будет тепло.

Прячась от жара полуденного солнца, черный пес растянулся под крыльцом. Его грудь тяжело поднималась и опускалась. На ветках вишни играли птицы, они пищали и что-то друг другу тараторили. Время от времени Борис поднимал голову и смотрел на них. В конце концов он встал на ноги и потрусил к дереву.

Он уже был под деревом, когда увидел двух руугов; сидя на заборе, рууги смотрели на него.

— Крупный, — сказал первый рууг. — По большей части стражи не такие крупные, как этот.

Второй рууг согласно кивнул, скорее мотнул болтающейся на тонкой шее головой. Не шевелясь, Борис смотрел на них. Его тело до дрожи напряглось. Теперь рууги молчали, они смотрели на большого пса, черного, с белой клочкастой полосой вокруг шеи.

— А как жертвенный ларец? — спросил первый рууг. — Он почти полон?

— Да, — кивнул второй. — Почти готов.

— Эй, вы! — крикнул первый рууг. — Вы слышите меня? Мы решили принять на этот раз вашу жертву. Так что помните, вы должны впустить нас. И чтобы без всяких штучек.

— И не забудьте, — добавил второй. — Уже скоро.

Борис ничего не сказал.

Рууги спрыгнули с забора и пошли вдоль него по тротуару. Затем один из них вытащил откуда-то карту, рууги остановились и начали ее изучать.

— Вообще-то эта зона не очень подходит для первой попытки, — сказал первый рууг. — Слишком много стражей. Вот северная зона…

— Решение принято наверху, — сказал второй рууг. — Приходится учитывать так много факторов…

— Я понимаю.

Они дружно посмотрели на Бориса и отодвинулись от забора. Остаток разговора пес не слышал.

В конце концов рууги убрали свою карту и ушли.

Тогда Борис подошел к забору и понюхал его. От досок шел гнилой, тошнотворный запах руугов, шерсть на спине пса встала дыбом.

Когда вечером Альф Кардосси вернулся домой, пес стоял у калитки и глядел на улицу. Альф открыл калитку и вошел во двор.

— Ну, как дела? — спросил он, похлопав пса по боку. — Кончил нервничать? Какой-то ты дерганый последнее время. Раньше ведь таким

не был.

Борис заскулил, не отрывая глаз от лица человека.

— Ты хорошая собака, Борис, — сказал Альф. — И большой для собаки. Ты и не помнишь, как давным-давно был вот таким крохотным щеночком.

Борис потерся о ногу хозяина.

— Хорошая ты собака, — негромко пробормотал Альф. — Знать бы только, о чем ты сейчас думаешь.

Он вошел в дом. Миссис Кардосси собирала на стол. Альф прошел в гостиную, снял плащ и шляпу. Поставив обеденный судок на буфет, он вернулся на кухню.

— В чем дело? — подняла голову миссис Кардосси.

— От этой собаки много шума, надо что-то делать с ее тявканьем. Соседи хотят снова пожаловаться в полицию.

— Не хотелось бы отдавать его твоему брату. — Миссис Кардосси сложила руки на груди. — Но он и вправду совсем сходит с ума, особенно по пятницам, утром, когда приезжают мусорщики.

— Может, он еще и успокоится, — сказал Альф. Он раскурил трубку и задумчиво выпустил облач-

ко дыма. — Раньше он таким не был. Возможно, он оправится, станет таким, каким был раньше.

— Посмотрим, — сказала миссис Кардосси.

Взошло солнце, холодное и зловещее. Остатки ночного тумана клочьями висели на деревьях, прятались в низинах. Сегодня была пятница.

Пес лежал под крыльцом, лежал с широко раскрытыми глазами и слушал. Черная шерсть стала седой и жесткой от покрывшего ее инея, выходящие из ноздрей облачка пара быстро рассеивались в неподвижном, холодном воздухе. Неожиданно пес резко повернул голову и вскочил на ноги.

Откуда-то издалека, с большого еще расстояния, донесся еле слышный звук, нечто вроде треска.

— Рууг! — крикнул Борис и огляделся. Он торопливо подбежал к калитке и поднялся на задние лапы, положив передние на верхний край забора.

Звук донесся снова, на этот раз громче, ближе. Хрустящий, лязгающий звук, словно катилось что-то тяжелое, словно открывалась огромная дверь.

— Рууг! — крикнул Борис. Повернув голову назад и вверх, он озабоченно посмотрел на темные провалы окон. Ничто не шелохнулось.

И вот показались рууги. Лязгая, треща и дребезжа, они и их грузовик двигались вдоль улицы, переваливались по неровной булыжной мостовой.

— Рууг! — крикнул Борис и подпрыгнул, глаза его пылали. Потом он немного успокоился. Он опустился на землю и начал слушать. И ждать.

А там, на улице, напротив дома, рууги остановили свой грузовик. Было слышно, как они открывают дверцы и выбираются на тротуар. Пес начал кругами бегать по двору. Затем он снова повернулся к дому и заскулил.

В темной теплой спальне мистер Кардосси приподнялся на локте и близоруко прищурился на часы.

— Вот же чертова собака, — пробормотал он. — Чертова собака.

Опустив голову на подушку, он закрыл глаза…

Теперь рууги двигались по тропинке, к дому. Первый из руугов толкнул калитку, и она распахнулась. Рууги вошли во двор. Пес попятился от них.

— Рууг! Рууг! — крикнул он. Жуткая кислая вонь руугов заполнила ноздри пса, и он отвернулся.

— Жертвенный ларец, — сказал первый рууг. — Он уже полон, я думаю.

Рууг улыбнулся яростно напрягшемуся псу.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал он. Рууги подошли к металлическому баку, один из них открыл его.

— Рууг! Рууг! — снова крикнул Борис и вжался в нижнюю ступеньку крыльца. Он трясся от ужаса. А рууги поднимали большой металлический бак, опрокидывали его. Содержимое бака посыпалось на землю, и рууги начали сгребать туго набитые бумажные пакеты. Многие пакеты лопнули, и рууги подхватывали высыпающиеся из них огрызки хлеба, апельсиновую кожуру, яичную скорлупу.

Один из руугов засунул яичную скорлупу себе в рот. Его зубы начали с хрустом ее перемалывать.

— Рууг! — крикнул Борис без всякой надежды, скорее сам себе.

Рууги почти покончили со своей работой, почти собрали пожертвование. Остановившись на мгновение, они посмотрели на Бориса.

А затем молча, медленно рууги подняли глаза вверх. Их взгляды скользили по штукатурке стены, словно притягиваемые окном с плотно задернутой коричневой шторой.

— Рууг! — во весь голос крикнул Борис и двинулся в их направлении, неуверенно пританцовывая

от ярости и ужаса.

Очень неохотно рууги отвернулись от окна. Они ушли, прикрыв за собой калитку.

— Вы посмотрите на него, — презрительно сказал последний рууг, подтянув на плече свой угол одеяла.

Борис просунул голову между планками забора, почти вылез наружу. Он открывал и захлопывал пасть, громко клацая зубами. Самый крупный из руугов яростно замахал руками, и Борис отступил. Пес пристроился на нижней ступеньке крыльца, огромная пасть так и осталась открытой, где-то в самой глубине его тела родился ужасный страдальческий вой, стон тоски и отчаяния.

— Пошли, — сказал другой рууг тому, который задержался у забора.

Они пошли по тропинке.

— Ну что ж, вся эта зона хорошо очищена, если не считать небольших участков вокруг стражей, — сказал самый рослый из руугов. — И я буду крайне рад, когда будет покончено с этим конкретным стражем. Он причиняет нам очень много беспокойства.

— Куда так спешить, — сказал один из руугов и ухмыльнулся. — Наш грузовик и так уже достаточно наполнен. Оставим что-нибудь и на

следующую неделю.

Рууги дружно засмеялись. Они двинулись дальше, унося пожертвование в грязном, тяжело провисшем одеяле.

Ветеран войны

Старик сидел на скамейке под ярким, горячим солнцем и смотрел на гуляющих по парку людей.

Чистый и аккуратный парк, газоны искрятся от водяных брызг, рассыпаемых сотнями блестящих медных поливальных фонтанчиков. Безукоризненно начищенный робот-садовник перекатывается с места на место, вырывает из земли стебельки сорняков, собирает мусор в широкую щель на своей груди. Весело галдят и носятся дети. Сидящие на скамейках парочки держатся за руки, сонно греются на солнце. Тесными группами лениво разгуливают симпатичные армейские ребята; засунув руки в карманы, они с восторгом взирают на бронзовотелых обнаженных девушек, загорающих вокруг плавательного бассейна. Где-то дальше, за пределами парка, ревут машины, возносит к небу сверкающий хрусталь своих шпилей Нью-Йорк.

Старик с натугой прокашлялся и сплюнул в кусты. Яркое солнце раздражало, слишком оно желтое и греет так, что поношенная рваная курт-

ка насквозь промокла от пота. Кроме того, в этом безжалостном свете старик еще острее ощущал свой давно небритый подбородок и стекляшку на месте, где когда-то был левый глаз. И глубокий, безобразный шрам — след ожога, после которого от одной из его щек не осталось почти ничего. Старик раздраженно подергал слуховую петлю, висевшую на серой костлявой шее. Затем он расстегнул куртку и разогнул спину. Одинокий, полный скуки и горечи, он ерзал на матово поблескивающих металлических планках скамейки, крутил головой, пытаясь вызвать в себе интерес к мирной идиллии деревьев, зеленой травы и беззаботно играющих детей.

Скамейку напротив заняли трое молодых солдатиков; совсем незагорелые, с бледными лицами, они начали раскрывать коробки со своими завтраками.

Слабое, отдававшее кислятиной дыхание старика замерло в горле. Изношенное сердце часто, болезненно заколотилось, он снова чувствовал себя живым — впервые за много часов. Кое-как всплыв из глубин своего оцепенения, старик сделал мучительное усилие и сфокусировал на солдатах мутный взгляд. Вынув носовой платок, он промокнул усеянное крупными каплями пота

лицо, а затем заговорил:

— Хороший денек.

Глаза солдат рассеянно скользнули по странной фигуре.

— Ага, — сказал один из них.

— Хорошая работа. — Рука старика указала на желтое солнце и силуэт города. — Отлично смотрится.

Солдаты не отвечали; все их внимание было сосредоточено на кусках яблочного пирога и чашках с дымящимся черным кофе.

— Все совсем как настоящее, — заискивающе добавил старик. — А вы, ребята, минеры? — спросил он наобум.

— Нет, — мотнул головой один из молодых парней. — Ракетчики.

— А я служил в истребительных. — Старик покрепче перехватил свою алюминиевую трость. — Еще в прежней флотилии Б-3.

Никто ему не ответил. Солдаты перешептывались, поглядывая в сторону, — их заметили девушки, сидевшие на одной из соседних скамеек.

Старик сунул руку в карман куртки и извлек какой-то серый, грязный пакет. Медленно, дрожащими пальцами развернув рваную бумагу,

он так же медленно встал, а затем, пошатываясь и неуверенно переставляя подламывающиеся ноги, пересек посыпанную мелкой щебенкой дорожку.

— Хотите посмотреть? — На его ладони лежал блестящий металлический квадратик. — Я получил его в восемьдесят седьмом. Думаю, вас тогда еще и на свете не было.

В глазах молодых солдат вспыхнуло любопытство.

— Ничего себе, — уважительно присвистнул один из них. — Хрустальный Диск первого класса. Вас наградили такой штукой? — вопросительно поднял он глаза.

Старик гордо хохотнул — правда, этот звук больше походил на хриплый кашель.

— Я служил на «Уайнд Гайанте» под командованием Натана Уэста. Меня ведь вырубили только в самом конце, в последнюю их атаку. А так я все время был там, с нашим истребительным отрядом. Вы, наверное, помните, как мы раскинули сеть на всем протяжении от…

— Вы уж нас извините, — развел руками один из солдат. — Мы такие древности не очень знаем. Нас же, наверное, тогда и на свете не было.

— Что да, то да, — согласился старик. — Шесть-

десят с лишним лет прошло. Вы ведь слыхали о майоре Перати? Как он загнал их флот в метеоритное облако, как раз когда они сходились для последнего удара? И как Б-третья месяцами сдерживала их? — Он горько, со злобой выругался. — Мы их не пропускали, и нас становилось все меньше. И вот когда у нас осталась всего пара кораблей, они ударили. Они налетели, как стервятники. И все, что попадалось им на глаза, они…

— Прости, папаша. — Солдаты дружно встали, собрали свои коробки и направились к соседней скамейке. Девушки искоса, застенчиво поглядывали на них и нервно хихикали. — Поговорим как-нибудь в другой раз.

Старик повернул и яростно заковылял к своей скамейке. Злой и разочарованный, он бормотал что-то неразборчивое, сплевывал в искрящиеся капельками влаги кусты и пытался хоть как-то успокоиться. Но яркое солнце раздражало, шум людей и машин доводил до бешенства.

Он снова сидел на скамейке, полуприкрыв глаза, скривив бескровные, иссохшие губы в безнадежной и горькой гримасе. Никто не интересуется дряхлым, полуслепым стариком. Никто не хочет слушать его путаные, бессвязные рас-

сказы о битвах, в которых он участвовал, никому не нужно его мнение об использованной в этих битвах стратегии. Никто уже вроде и не помнил войну, чье яростное, всесжигающее пламя все еще пылало в еле живом мозгу старика. Войну, о которой он страстно хотел говорить, — если только удастся найти слушателя.

Вэйчел Паттерсон резко остановил машину.

— Ну вот, — сказал он через плечо. — Устраивайтесь поудобнее. Здесь нам придется постоять.

До тошноты знакомая сценка. Несколько сотен, а то и тысяча землян в серых шапочках и с того же цвета нарукавными повязками. Плотными потоками они двигаются по улице, горланя лозунги и размахивая огромными, издалека заметными транспарантами:

ПЕРЕГОВОРАМ — НЕТ!

ПРЕДАТЕЛИ БОЛТАЮТ МУЖЧИНЫ ДЕЙСТВУЮТ!

НЕ НАДО НИЧЕГО ИМ РАССКАЗЫВАТЬ ПОКАЖИТЕ ИМ!

СИЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ ЛУЧШАЯ ГАРАНТИЯ МИРА!

— Почему мы стоим? В чем дело? — удивленно хмыкнул сидевший сзади Эдвин Ле Марр.

Отложив пленки с делами, он близоруко прищурился.

— Опять демонстрация, — устало откинулась на спинку Ивлин Каттер. — Ровно такая же, как и всегда. — Она закурила, всем своим видом выражая отвращение.

Демонстрация была в полном разгаре. Мужчины и женщины, взрослые и школьники, окончившие к этому времени свои уроки, напряженность и возбуждение, горящие ненавистью глаза. У некоторых в руках плакаты и транспаранты, у некоторых — палка, обрезки труб, прочее подручное оружие, вооруженные люди по большей части одеты в нечто вроде полувоенной формы. Прохожие останавливаются на тротуарах, смотрят на колонну, кое-кто к ней присоединяется. Одетые в синее полицейские остановили уличное движение, они стоят с безразличным видом и ждут — не попробует ли кто-либо помешать демонстрантам. Никто, конечно же, и не пытается, дураков нет.

— Но почему Директорат не прекратит такое безобразие? — возмущенно спросил Ле Марр. — Пара бронеколонн покончила бы с этим раз и навсегда.

— Директорат, — холодно засмеялся его сосед

Джон В-Стивенс, — финансирует их, организует их, дает им бесплатное время на телевидении. Даже избивает тех людей, которые изъявляют недовольство. Вы посмотрите на этих полицейских — они же прямо горят желанием кого-нибудь избить.

— Паттерсон, неужели это правда? — недоуменно сморгнул Ле Марр.

Теперь искаженные яростью лица были совсем близко, они с обеих сторон обтекали приземистый, сверкающий «Бьюик» выпуска шестьдесят четвертого года. Хромированная приборная доска вздрагивала и слегка дребезжала от тяжелого топота ног по мостовой. Доктор Ле Марр спрятал пленки в металлическую кассету и нервно огляделся по сторонам; втянувший голову в плечи, он очень напоминал перепуганную черепаху.

— А вы-то чего боитесь? — хрипло сказал В-Стивенс. — Вас они пальцем не тронут — ведь вы англичанин. Это мне надо бояться.

— Они свихнулись, — пробормотал Ле Марр. — Все эти идиоты, любители шагать строем и драть глотку.

— Ну зачем же так сразу: «идиоты», — спокойно повернулся к нему Паттерсон. — Они слишком доверчивы, вот и все. Они верят тому, что им го-

ворят, равно как и все мы, остальные. Беда только в том, что им говорят ложь.

Он указал на один из плакатов, огромный стереоскопический портрет, тяжело раскачивавшийся в руках тащивших его людей.

— Обвинять надо его. Это он выдумывает всю эту гору *лжи*. Это он давит на Директорат, разжигает ненависть и насилие — и имеет для этого достаточно денег.

С портрета смотрело суровое благородное лицо седовласого джентльмена, гладко выбритого и высоколобого. Крепко сложенный человек лет под шестьдесят, чем-то похожий на университетского профессора. Доброжелательные голубые глаза, твердый подбородок — одним словом, весьма впечатляющая фигура достойного и уважаемого человека с высоким общественным положением. А под этим портретом — его личный лозунг, рожденный в момент вдохновения:

ВСЕ
КОМПРОМИССЫ — ПРЕДАТЕЛЬСТВО!

— Фрэнсис Ганнет, — пояснил Ле Марру В-Стивенс. — Великолепный образчик человека, не правда ли? Земного человека, — поправил он себя.

— Но ведь у него очень благородное лицо, — запротестовала Ивлин Каттер. — Разве может человек такой интеллигентной внешности иметь что-нибудь общее со всем этим?

В-Стивенс затрясся от смеха, но веселья в его смехе не было.

— Эти изящные, белые, чистые руки гораздо грязнее рук водопроводчиков и плотников, которые орут за окнами нашей машины.

— Но почему…

— Ганнету и его группе принадлежит «Трансплан Индастриз», холдинговая компания, контролирующая чуть не все экспортно-импортные операции внутренних планет. Получив независимость, мы и марсиане неизбежно влезем в его поле деятельности. Появится конкуренция. А так нас ограничивает нечестная, да что там — откровенно жульническая система коммерческого законодательства.

Колонна приблизилась к перекрестку. Плакаты и транспаранты куда-то исчезли, в руках вожаков демонстрации замелькали булыжники и дубинки. Криками и жестами увлекая за собой остальных, эти вожаки мрачно двинулись к небольшому современному зданию, над которым мигала светящаяся надпись: «КОКА-КОЛА».

— Господи, да они же собрались громить отделение «Кока-Кола». — Паттерсон начал открывать дверцу машины.

— Ничего вы тут не сделаете, — остановил его В-Стивенс. — Да и вообще там никого нет. Обычно их предупреждают заранее.

Окна из толстого, прозрачного как хрусталь пластика разлетелись вдребезги, и толпа хлынула в маленькую, подчеркнуто щегольскую контору. Полицейские неторопливо профланировали мимо, зрелище явно им нравилось. Через разбитые окна на тротуар полетели столы, стулья, папки с какими-то документами, видеомониторы, пепельницы и даже веселенькие плакаты с изображением прелестей жизни на других планетах. Взметнулись черные полотнища едкого, копотного дыма — кто-то поджег помещение тепловым излучателем. Теперь участники погрома повалили наружу, счастливые и довольные.

На лицах стоявших вдоль тротуаров людей отражались самые разные чувства. У некоторых — восторг, у других — определенное любопытство, но у большинства — тревога и ужас. Они отворачивались и уходили, а мимо них грубо проталкивались погромщики — возбужденные, с перекошенными лицами, нагруженные до-

бычей.

— Видели? — спросил Паттерсон. — Все это сделали несколько тысяч человек за плату, полученную от Ганнетовского комитета. Впереди шли собственные люди Ганнета, его охранники и штрейкбрехеры, это для них — вроде сверхурочной работы. Они пытаются выдть себя за голос всего человечества, хотя ничем подобным в действительности не являются. Шумное, скандальное меньшинство, маленькая кучка фанатиков.

Группа демонстрантов рассыпалась и быстро таяла. Цель была достигнута — отделение «Кока-Кола» превратилось в черную, дотла выгоревшую коробку, жутко зиявшую пустыми провалами окон, уличное движение было остановлено, чуть не половина Нью-Йорка видела угрожающие кровожадные лозунги, слышала грохот ног по мостовой и полные ненависти крики. Видя, что представление закончилось, зрители тоже начали расходиться по своим конторам и магазинам, возвращаться к повседневным заботам.

И тут погромщики увидели венерианскую девушку, вжавшуюся в закрытый подъезд одного из домов.

Паттерсон бросил машину вперед. Дико скре-

жеща, чуть не вставая на дыбы, она пересекла улицу, вылетела на тротуар и помчалась вслед за группой побагровевших, бегущих со всех ног бандитов. Первую волну нос машины раскидал по сторонам, словно смятые бумажные игрушки, остальные, отброшенные сверкающим металлическим бортом, повалились бесформенной грудой бессмысленно барахтающихся рук и ног. Венерианская девушка увидела приближающуюся машину — и землян на переднем сиденье. На мгновение она застыла, парализованная ужасом, а затем повернулась и панически бросилась прочь по тротуару, в кипящую массу людей. Перегруппировавшиеся погромщики неслись за ней с дикими воплями:

— Держи утколапую!

— Утколапых на Венеру!

— Земля землянам!

А за всеми этими лозунгами — отвратительный привкус похоти и ненависти, не выраженных, да и не выразимых словами.

Паттерсон подал машину назад и вывернул на мостовую. Непрерывно сигналя, он мчался за девушкой и быстро обогнал погромщиков. В заднее стекло врезался увесистый булыжник, за ним последовал целый град какого-то хлама. Толпа,

заполнявшая улицу, безразлично расступалась, освобождая путь машине и погромщикам. В полном отчаянии, задыхаясь и всхлипывая, девушка бежала между стоящими у обочины машинами и группами людей. Ни одна рука не поднялась против нее — но ни один человек не попытался и помочь ей. Отстраненные зрители, наблюдавшие безразличный им спектакль.

— Я поймаю ее, — сказал В-Стивенс. — Обгони ее и тормози, а я за ней сбегаю.

Паттерсон обогнул девушку и резко затормозил. Словно перепуганный заяц, она развернулась и помчалась назад, прямо в руки погромщикам. В одно мгновение распахнув дверцу, В-Стивенс бросился за ней, схватил в охапку и так же бегом вернулся к машине. Ле Марр и Ивлин Каттер втащили их внутрь, Паттерсон резко рванул вперед.

Секунду спустя машина свернула за угол, резко щелкнул рвущийся трос полицейского заграждения, и они оказались на мирной, спокойной улице. Рев людских голосов, топот ног по мостовой быстро стихали, оставались позади.

— Все хорошо, все хорошо, — ласково повторял В-Стивенс. — Мы твои друзья. Посмотри, я ведь тоже утколапый.

Сжавшись в комок, плотно подтянув колени к

животу, девушка отодвинулась на самый край сиденья, к дверце. В широко раскрытых зеленых глазах застыл ужас, худое лицо мучительно передергивалось. На вид ей было лет семнадцать. Тонкие пальцы с перепонками между ними судорожно цеплялись за порванный воротник. Левой туфли нет, волосы всклокочены, ссадины на лице кровоточат; из дрожащих губ вылетают какие-то нечленораздельные звуки.

— Ее сердце чуть наружу не выскакивает, — пробормотал Ле Марр, пощупав пульс девушки, а затем вынул из кармана шприц-тюбик и ввел его содержимое в тонкую, мелкой дрожью дрожащую руку.

— Успокоительное, — пояснил он. — Повреждений, собственно, нет никаких — ведь они до нее не добрались.

Все в порядке, — продолжал говорить В-Стивенс. — Мы — врачи из Городской больницы, все, кроме мисс Каттер, которая заведует у нас канцелярией. Доктор Ле Марр — невролог, доктор Паттерсон — специалист по раковым опухолям, а я — хирург, видишь мою руку? — Он провел по лбу девушки пальцем своей хирургической руки.

— И я — венерианин, такой же, как и ты. Мы от-

везем тебя в больницу, немного поживешь у нас.

— Вы их видели? — Губы Ле Марра тряслись от возмущения. — Никто ведь и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ей. Стояли и смотрели.

— Трусят, — брезгливо поморщился Паттерсон. — Не хотят нарываться на неприятности.

— Все равно нарвутся, — пожала плечами Ивлин Каттер. — Эти неприятности никого не минуют. Никому не удастся остаться посторонним наблюдателем. Это не футбольный матч.

— Что теперь будет? — впервые заговорила девушка. Голос ее дрожал и срывался.

— Улетайте вы лучше с Земли, — вздохнул В-Стивенс. — Ни один венерианин не будет здесь в безопасности. Возвращайтесь домой и сидите там, пока все это не стихнет.

— А вы думаете — стихнет? — В глазах девушки стояла безнадежность.

— Раньше или позже. — В-Стивенс протянул ей взятую у Ивлин сигарету. — Такое положение не может долго сохраняться. Мы должны получить свободу.

— Спокойнее, спокойнее. — Теперь ровный голос Ивлин звучал угрожающе, ее глаза вспыхнули враждебным блеском. — Мне казалось, вы выше всего этого.

Темно-зеленое лицо В-Стивенса налилось кровью.

— Вы что думаете, я могу так вот стоять в стороне и смотреть, как мой народ оскорбляют и убивают, как нашими интересами пренебрегают, и все это для того, чтобы недопеченные морды вроде Ганнета могли жиреть на крови, выжимаемой из…

— Недопеченные морды? — недоуменно повторил Ле Марр. — Что это такое, Вэйчел?

— Это они землян так называют, — криво усмехнулся Паттерсон. — А вы бы, В-Стивенс, кончали этот треп. Для нас с вами нет и не может быть оппозиции «наш народ — ваш народ». Мы принадлежим к одной и той же расе. Ваши предки — земляне, поселившиеся на Венере в конце двадцатого века.

— Ваши отличия от землян — всего лишь мелкие мутации адаптивного плана, — заверил В-Стивенса Ле Марр. — Мы все еще можем производить совместное потомство, а значит, принадлежим к одному биологическому виду.

— Можем, — саркастически улыбнулась Ивлин Каттер. — Только кому же это вздумается производить потомство от утколапых или от ворон?

Какое-то время все молчали. В машине, при-

ближавшейся к больнице, стало душно от пропитавшей воздух враждебности. Венерианская девушка молча курила, опустив полные ужаса глаза к мелко вибрирующему полу.

У ворот Паттерсон притормозил и показал пропуск. Охранник сделал знак проезжать, и машина снова набрала скорость. Убирая пропуск в карман, Паттерсон наткнулся рукой на какой-то предмет и вдруг вспомнил.

— Вот, почитайте, может, сумеете отвлечься от всех этих неприятностей. — Он кинул утколапому короткий круглый металлический пенал. — Вояки вернули сегодня утром. Говорят, какая-то канцелярская ошибка. Изучите сами, а потом передайте Ивлин; вообщето это по ее части, но я посмотрел и заинтересовался.

Открыв пенал, В-Стивенс занялся его содержимым. Самое обычное прошение о предоставлении места в государственной больнице, помеченное регистрационным номером ветерана войны. Ветхие, покрытые грязью и пропитанные потом пленки, рваные и истертые бумаги. Чем-то заляпанные листики металлической фольги, которые бессчетное число раз складывались и разворачивались, годами лежали в кармане гимнастерки, надетой на чью-то немытую, поросшую неопрят-

ными волосами грудь.

— А это что, так важно? — раздраженно поднял голову В-Стивенс. — Неужели есть смысл вникать во всю эту дурацкую канцелярщину?

Паттерсон завернул на стоянку и заглушил мотор.

— Обратите внимание на номер, которым помечено прошение, — сказал он, открывая дверцу. — Если присмотреться внимательно, не торопясь, обнаруживается нечто до крайности необычное. У просителя имеется ветеранское свидетельство — с регистрационным номером, который до настоящего момента не присвоен еще даже никому из новобранцев, какие там ветераны.

Совершенно ничего не понимающий Ле Марр беспомощно перевел взгляд с Ивлин Каттер на В-Стивенса, но не получил никакого объяснения. Охватывавшая костлявую шею старика С-петля вывела его из беспокойного, волнами накатывавшего оцепенения.

— Дэвид Ангер, — повторил жестяной женский голос. — Вас просят вернуться в больницу. Вам нужно немедленно вернуться в больницу.

Что-то проворчав, старик потряс головой и кое-как пришел в себя. Крепко вцепившись в

свою алюминиевую трость, он поднялся с мокрой от пота металлической скамейки и заковылял в направлении спасательной эстакады — так он называл про себя выход из парка. Ведь только-только стал засыпать, отключился от этого слишком яркого солнца, от визгливого смеха детей, ото всех этих молокососов в форме и девиц, и тут обязательно…

На краю парка две неясные тени крадучись пробирались среди кустов. Не веря своим глазам, Дэвид Ангер остановился и начал приглядываться к беззвучно скользящим по тропинке фигурам.

Его поразил звук собственного голоса. Он орал изо всех сил, во все горло; полные ярости и отвращения вопли громким эхом раскатывались по парку, среди мирных кустов и газонов.

— Утколапые! — кричал он, пытаясь бежать следом за ними. — Утколапые и вороны! Помогите! Да помогите же кто-нибудь!

Задыхаясь, хватая воздух ртом, он размахивал тростью и ковылял за этими фигурами — марсианином и венерианином. Появились люди, на лицах большинства из них читалось полное недоумение. Собралась небольшая толпа, все стояли и смотрели, как этот странный, оборван-

ный старик пытается догнать полных ужаса мутантов. Истратив остаток сил он натолкнулся на питьевой фонтанчик и тяжело осел на землю; негромко звякнув, покатилась выскользнувшая из пальцев трость. Его сморщенное лицо приобрело багрово-синий оттенок, чудовищный след ожога еще отчетливее выступил на пятнистой коже. Единственный глаз старика налился кровью, сверкал гневом и ненавистью, на бескровных губах пузырилась слюна. Он жалко размахивал иссохшими, похожими на птичьи лапы руками, указывая на фигуры, скрывающиеся в кедровой роще на противоположном краю парка.

— Остановите их, — бормотал Дэвид Ангер заливая слюной подбородок. — Не дайте им уйти! Да что это с вами такое? У вас что, коленки дрожат? В штаны наложили? Что вы за мужчины!

— Ну чего ты расшумелся, папаша, — добродушно тронул его за плечо какой-то солдат. — Они же никому ничего не делают.

Трость, подобранная Ангером с земли, просвистела в сантиметре от головы солдата.

— Ты — болтун! — хрипло выкрикнул он. — Ну какой из тебя солдат?

Старика прервал приступ тяжелого удушающего кашля, он согнулся пополам, хватая воздух

ртом.

— В наше время, — прохрипел он наконец, — мы обливали их ракетным топливом, вздергивали и поджигали. Мы отрубали им ихние вонючие утиные и вороньи лапы. Уж мы-то им показали. Мутантов остановил выросший на их пути полицейский.

— А ну-ка, валите отсюда, — угрожающе приказал он. — Такие твари не имеют права здесь находиться.

Замершие было беглецы торопливо направились к выходу, но полицейскому этого было мало; лениво подняв дубинку, он ударил марсианина поперек глаз. Хрупкий, тонкокостный череп треснул, ослепленный, согнувшийся от страшной боли марсианин покатился в кусты.

— Вот это уже получше.

В задыхающемся голосе Дэвида Ангера появилось нечто вроде удовлетворения.

— Мерзкий, грязный старикашка. — На него смотрело побелевшее от ужаса женское лицо. — Вот из-за таких, как вы, все и происходит.

— А ты кто такая? — взвизгнул Ангер. — Тебе что, вороны нравятся?

Толпа начала расходиться. Тяжело опираясь на трость, Ангер снова заковылял к выходу. С тру-

дом передвигая ноги, он непрерывно бормотал какие-то угрозы и проклятья, отплевывался и сокрушенно тряс головой.

У дверей больницы старик все еще дрожал от ярости и возмущения.

— Чего вам еще? — грубо спросил он, подойдя к стоящему посреди приемного покоя столу. — Не понимаю, что тут у вас происходит. Сперва вы будите меня, как только я первый раз за все это время по-настоящему уснул, а что я вижу потом? Двух утколапых, нагло разгуливающих по парку, прямо среди белого дня, и…

— Вас хочет увидеть доктор Паттерсон, — терпеливо прервала его сестра. — Триста первый кабинет. Проводите мистера Ангера в триста первый, — кивнула она роботу.

Старик мрачно побрел за плавно шагающим роботом.

— А я-то думал, всех вас, жестяных, перебили еще на Европе[9], в восемьдесят восьмом. Ничего не понимаю, — пожаловался он механическому человеку. — Чем занимаются все эти пай-мальчики в военной форме? Шляются, понимаешь, развлекаются себе, хихикают и лапают девок,

---

[9] Примечания: 9

Астрономическая единица, равна расстоянию от Земли до Солнца (149,6 млн км).

которым, видно, делать больше нечего, кроме как валяться на траве в чем мать родила. Что-то тут не так. Нужно что-то…

— Сюда, пожалуйста, — сказал робот, открывая дверь триста первого, кабинета.

Цепляясь за свою алюминиевую трость, все еще горя возмущением, старик остановился перед столом врача. Вэйчел Паттерсон слегка привстал и кивнул головой; Дэвида Ангера он видел впервые. Они смотрели друг на друга внимательными, оценивающими глазами — тощий, горбоносый, изуродованный в бою старый солдат и респектабельно одетый врач, темные, начинающие редеть волосы аккуратно причесаны, добродушные глаза прикрыты очками в тяжелой черепаховой оправе. А рядом, с бесстрастным видом посторонней наблюдательницы, — Ивлин Каттер, в ярких губах зажата сигарета, золотистые локоны откинуты назад.

— Я — доктор Паттерсон, а это — мисс Каттер. Садитесь, пожалуйста, мистер Ангер. — Паттерсон задумчиво взял одну из разложенных мятых, грязных пленок, покачал ее на ладони и вернул на место. — Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. С одним из ваших документов возникли некоторые неясности. Скорее всего

— обычные канцелярские заморочки, но так или иначе все это вернулось ко мне.

Ангер осторожно присел на край стула.

— Сплошная бюрократия. Я здесь уже целую неделю, и каждый день у них что-нибудь новенькое. Наверное, они считают, что мне следовало лечь на улице и сдохнуть.

— Согласно этим документам, вы здесь уже восемь дней.

— Ну конечно же восемь. Если так сказано в бумажках, значит, так оно и есть. — Голос старика был полон желчного сарказма. — Разве же они могут записать что-нибудь неправильно?

— Вас взяли в больницу как ветерана войны. Все расходы по вашему здесь пребыванию несет Директорат.

— Ну и что? — ощетинился Ангер. — Уж хотя бы лечение я заслужил.

Привстав со стула, он ткнул в сторону Паттерсона корявым пальцем.

— Я в армии с шестнадцати лет. Сражался за Землю и работал на нее всю свою жизнь. И сейчас был бы в армии, не уделай они меня почти насмерть во время этого подлого налета. Счастливо еще отделался. — Он машинально провел рукой по своему страшному шраму. — Вот вы, смотрю,

никогда вроде не служили. Странно, что вообще были такие места, где можно было отсидеться. Никогда не думал.

Ивлин Каттер и Паттерсон переглянулись.

— Сколько вам лет? — неожиданно спросила Ивлин.

— А что, разве в ваших бумажках не написано? — возмущенно прохрипел Ангер. — Восемьдесят девять.

— И в каком году вы родились?

— В две тысячи сто пятьдесят четвертом. Вы что, считать не умеете?

Паттерсон что-то отметил на одном из листков фольги.

— А в каких частях вы служили?

Вот тут-то Ангер вышел из себя окончательно:

— Б-третья, если только вы о такой когда-нибудь слышали. Глядя, как тут у вас поставлено дело, я и сам начинаю уже сомневаться, что когда-нибудь была война.

— Б-третья, — повторил Паттерсон. — И как долго вы там служили?

— Пятьдесят лет. А потом вышел в отставку. Я имею в виду — в первый раз. Мне было тогда шестьдесят шесть. Обычный возраст. Получил пенсию и клочок земли.

— А потом вас снова призвали?

— Ну конечно призвали! Вы что, забыли, как Б-третья вернулась в строй? Все вот такие, как я, старые ребята. РІ почти сумели их остановить — тогда, в последний раз. Вы в это время еще в игрушки, наверное, играли, но ведь каждый знает, что мы тогда сделали.

Сунув руку в карман, Ангер вытащил свой Хрустальный Диск первого класса и со стуком опустил его на стол.

— Я получил вот это — как и все оставшиеся в живых. Все десять человек из тридцати тысяч.

Дрожащими, непослушными пальцами он подцепил медаль и зажал ее в ладони.

— Меня тяжело ранило. Видите, какое у меня лицо? Обожгло, когда взорвался крейсер Натана Уэста. А потом два года провалялся в лазарете. Это было, когда они прорвали оборону Земли.

Жалкие старческие руки сжались в кулаки.

— Мы сидели и смотрели, как они превращают Землю в дымящуюся пустыню. Не осталось ничего — только пепел и шлак, миля за милей — одна лишь смерть. Ни городов, ни деревень. Мы сидели и смотрели, а мимо неслись их снаряды с углеродными головками. Ну а потом они покончили с Землей и взялись за нас, сидевших

на Луне. И тоже быстро прикончили.

Ивлин Каттер попыталась что-то сказать, но не смогла. Лицо Паттерсона стало белым как мел.

— Продолжайте, — выдавил он с трудом. — Рассказывайте дальше.

— Мы держались там, в глубине, под кратером Коперника, а они долбили нас углеродными снарядами. Мы держались лет пять. А потом они начали высаживаться. Я и все остальные, кто остался жив, ушли на скоростных ударных катерах, организовали пиратские базы в области внешних планет.

Ангер неуютно поерзал на стуле.

— Об этом я не люблю говорить. Поражение, полный конец. Зачем вы меня расспрашиваете? Я строил 3-4-9-5, лучшую из наших баз. Между Ураном и Нептуном. А потом я снова вышел в отставку. А потом пришли эти грязные крысы и лениво, не спеша, разнесли ее в клочья. Пятьдесят тысяч человек. Мужчины, женщины, дети. Вся наша колония.

— А вы спаслись? — прошептала Ивлин Каттер.

— Конечно спасся, разве не видно? Я был в патруле. Я расшиб один из кораблей этих утколапых. Влепил заряд и смотрел, как они дохнут. Я переле-

тел на 3-6-7-7 и пробыл там несколько лет. Пока и ее не атаковали. Это было в начале этого месяца. Мы дрались до последнего, спиной к стене.

Рот старика мучительно скривился, мелькнули желтые, грязные зубы.

— Тут уж бежать было некуда. Во всяком случае, я таких мест не знал.

Он обвел роскошный кабинет взглядом единственного, налитого кровью глаза.

— Об этом я не знал. Вы, ребята, здорово оборудовали свою базу. Все почти точно так, как было на Земле. Ну — малость ярковато, да и суеты много, на Земле было гораздо спокойнее. Мирно на ней было. Но вот даже запах воздуха — в точности тот самый.

Некоторое время все молчали.

— Так, значит, вы попали сюда после того, как… как эта колония была уничтожена? — хрипло спросил Паттерсон.

— Ну да, — устало пожал плечами Ангер. — Последнее, что я помню, — купол треснул, воздух уходит, и тепло, гравитация. И всюду садятся корабли утколапых и ворон. Вокруг умирают люди. И все, я вырубился. Ну а потом лежу вдруг здесь, на улице, и кто-то помогает мне встать. А потом этот самый жестяной и один из ваших докторов

доставили меня в больницу.

Затаивший дыхание Паттерсон с дрожью выпустил из легких воздух.

— Понятно. — Его пальцы бесцельно перекладывали истрепанные, грязные документы. — Ну что ж, ваш рассказ вполне объясняет недоразумение.

— А разве всего этого нет в бумагах? Чего-нибудь не хватает?

— Все ваши документы на месте. Когда вас доставили, пенал висел на запястье.

— Само собой. — Цыплячью грудь Ангера распирало от гордости. — Этому меня научили еще в шестнадцать лет. Даже если ты погиб, трубка должна быть при тебе. Все документы нужно поддерживать в полном порядке.

— Документы в порядке, — глухим голосом согласился Паттерсон. — Вы можете вернуться в свою палату. Или в парк. Куда хотите. — Он сделал знак, и робот бесстрастно проводил иссохшего старика до коридора. Как только дверь за ним закрылась, Ивлин Каттер начала ругаться, ругаться медленно, монотонно и грубо. Бросив окурок на пол, она яростно раздавила его каблуком и нервно, словно запертый зверь, заходила по кабинету.

— Боже милосердный, это во что же такое мы влезли?

Схватив интервид, Паттерсон набрал шифр коммутатора.

— Свяжите меня с Генеральным Штабом. И сейчас же, — бросил он оператору.

— С Луной, сэр?

— Да, — резко кивнул Паттерсон. — С главной лунной базой.

На стене кабинета, вдоль которой продолжала нервно вышагивать Ивлин Каттер, висел календарь с датой: четвертое августа две тысячи сто шестьдесят девятого года.

Если Дэвид Ангер родился в две тысячи сто пятьдесят четвертом, ему сейчас пятнадцать. А он действительно родился в две тысячи сто пятьдесят четвертом. Так значилось в этих истрепанных, пожелтевших, насквозь пропитанных потом документах. В документах, которые он пронес через войну, которая еще не началась.

— Он действительно ветеран, — сказал Паттерсон В-Стивенсу. — Ветеран войны, которая начнется только через месяц. Чего уж удивляться, что айбиэмовские машины выкинули его заявление.

— Это будет война между Землей и двумя коло-

низованными планетами? — В-Стивенс нервно облизал темно-зеленые губы. — И Земля ее проиграет?

— Ангер прошел всю войну. Он видел ее от начала до самого конца — до полного уничтожения Земли.

Подойдя к окну, Паттерсон пустыми, отсутствующими глазами посмотрел наружу.

— Земля проиграла войну, и земная раса была стерта в порошок, перестала существовать.

Из окна кабинета В-Стивенса открывался прекрасный вид. Паттерсон смотрел на город. Миля за милей зданий — белых, сверкающих в косых лучах заходящего солнца. Одиннадцать миллионов людей. Огромный центр торговли и промышленности, ось, вокруг которой вращается вся система. А дальше, за горизонтом, весь мир с его городами, фермами и дорогами. Три миллиарда мужчин и женщин. Здоровая, процветающая планета, мир, из которого вышли предки этих мутантов, самоуверенных поселенцев Венеры и Марса. Бессчетные грузовые корабли, снующие между Землей и ее колониями, нагруженные рудами, сырьем, товарами. А экспедиционные корабли снуют тем временем вокруг внешних планет, столбят на имя Директории все новые и

новые источники сырья.

— Он видел, как все это стало радиоактивной пылью, — сказал, не оборачиваясь, Паттерсон. — Он видел последний штурм, который прорвал оборону Земли. А потом они уничтожили Лунную базу.

— Так вы говорите, вояки уже летят с Луны к нам в гости?

— Я рассказал достаточно, чтобы они задергались. Обычно эту публику не так-то сразу расшевелишь.

— Хотелось бы посмотреть на вашего Ангера, — задумчиво сказал В-Стивенс. — Нельзя ли как-нибудь…

— А вы его уже видели. Ведь как раз вы его и оживили, помните? Когда его подобрали на улице и притащили к нам в больницу.

— О-о, — вскинул голову В-Стивенс, — этот замызганный старик? — В темных глазах венерианина вспыхнуло удивление. — Так, значит, это и есть Ангер… ветеран войны, в которой мы будем воевать друг с другом.

— Войны, которую вы выиграете. Войны, в которой Земля будет разгромлена.

Резко повернувшись, Паттерсон отошел от окна.

— Ангер считает, что здесь у нас не Земля, а искусственная станция, расположенная где-то между Ураном и Нептуном. Реконструкция небольшой части Нью-Йорка, несколько тысяч человек и техника, прикрытые пластиковым куполом. Он даже не представляет себе, что случилось в действительности. Очевидно, каким-то непонятным образом его отбросило назад во временной траектории.

— Наверное, огромное высвобождение энергии… а может быть, и его страстное желание бежать куда-то, спастись. В этом есть что-то такое, — В-Стивенс на секунду смолк, подыскивая слово, — что-то мистическое. И правда, какого черта может это значить? Дьявольский искус? Явление пророка с небес?

Дверь открылась, и в кабинет проскользнула В-Рафия.

— Ой, — воскликнула она, увидев Паттерсона, — я не знала…

— Ничего страшного, — ободряюще кивнул В-Стивенс. — Ты должна помнить Паттерсона, ведь это он сидел за рулем, когда мы тебя поймали.

Сейчас В-Рафия выглядела значительно лучше, чем несколько часов назад. Ссадины исчезли, волосы причесаны, вместо порванной при бегстве

одежды — аккуратная юбка и серый пушистый свитер, ярко-зеленая кожа сверкает. Все еще взвинченная и беспокойная, девушка подошла к соплеменнику, словно ища у него поддержки.

— Мне надо остаться здесь, — нерешительно повернулась она к Паттерсону, а затем бросила умоляющий взгляд на В-Стивенса. — Я не могу туда вернуться, по крайней мере — в ближайшее время.

— У нее нет на Земле никого, — объяснил В-Стивенс. — Она прилетела сюда как биохимик второго класса. Работала в вестингаузовских лабораториях, рядом с Чикаго. Прилетела в Нью-Йорк, чтобы походить по магазинам, — и крупно нарвалась.

— Но ведь она может улететь в Денвер, там есть В-поселение.

Лицо венерианина потемнело:

— Вы считаете, что тут и без нее хватает уткколапых?

— Ну а что ей здесь делать? Мы же тут не в осаде, ничто не мешает нам входить и выходить. Пошлем ее в Денвер скоростной транспортной ракетой, никому и в голову не придет препятствовать.

— Поговорим об этом потом, — раздраженно

бросил В-Стивенс. — Сейчас у нас есть значительно более серьезная тема для беседы. Так вы подвергли экспертизе документы Ангера? Вы вполне уверены, что они настоящие? Лично я склонен поверить в рассказ Ангера, но нужна стопроцентная уверенность.

— Только все это строго конфиденциально, озабоченно сказал Паттерсон, искоса взглянув на В-Рафию. — Никто не должен ничего знать.

— Вы имеете в виду меня? — растерянно спросила В-Рафия. — Тогда мне, наверное, лучше уйти.

— Никуда не уходи, — В-Стивенс крепко схватил ее за руку. — Послушайте, Паттерсон, эту историю все равно нельзя сохранить в секрете. Ангер рассказал ее уже нескольким десяткам людей, он ведь круглый день сидит в парке, на этой самой скамейке, и цепляется со своими баснями к каждому прохожему.

— А что там такое? — заинтересовалась В-Рафия.

— Ничего особенного. — В голосе Паттерсона звучало предостережение, явно адресованное В-Стивенсу.

— Ничего особенного? — эхом отозвался В-Стивенс. — Ничего особенного, просто небольшая такая война, совсем маленькая. — Венерианин

говорил возбужденно, на его лице читалось жадное предвкушение. — Делайте ставки прямо сейчас. И не надо рисковать, ставьте на верного победителя. Ведь эта будущая война, если разобраться, уже в прошлом, в истории, как походы Александра Македонского. Разве я не прав? — повернулся он к Паттерсону. — Что вы на это скажете? Я не могу ее остановить — и вы тоже не можете. Верно? Паттерсон медленно кивнул.

— Думаю, вы правы, — сказал он упавшим голосом. И ударил. Изо всех сил.

И только слегка зацепил венерианина — бросившись на пол, тот выхватил из кармана фризер, карманный излучатель холода. Не дожидаясь, пока В-Стивенс прицелится, Паттерсон ногой выбил оружие из его дрожащей руки, а затем наклонился и одним рывком поставил противника на ноги.

— Получилась ошибка, Джон, — сказал он, задыхаясь. — Я не должен был показывать тебе документы Ангера. Нельзя было, чтобы ты все это узнал.

— Правильно, — с трудом прошептал В-Стивенс. Он смотрел на Паттерсона со снисходительной жалостью. — Но теперь я знаю. Мы оба знаем. Вы проиграете эту войну. Даже если вы запечатаете

Ангера в сейф и засунете его в центр Земли — все равно уже поздно. Как только я выйду отсюда, «Кока-Кола» все узнает.

— Нью-Йоркское представительство «Кока-Кола» сгорело.

— Ничего, свяжусь с Чикаго. Или с Балтимором. В самом крайнем случае — вернусь на Венеру. Надо ведь разнести добрую весть. Война будет долгой и трудной, но в конце концов мы победим. И ничего вам тут не сделать.

— Но я могу вас убить, — возразил Паттерсон. Его мозг работал с лихорадочной скоростью. Ведь еще не поздно. Если задержать В-Стивенса, а Дэвида Ангера передать военным…

— Я знаю, о чем вы думаете, — прохрипел В-Стивенс. — Если Земля не захочет сражаться, если вы уклонитесь от войны — тогда у вас появится какой-то шанс. — Его губы скривились в дикой, саркастической усмешке. — И вы надеетесь, мы позволим вам избежать войны? Только не теперь. Как там у вас говорят? «Все компромиссы — предательство»? Поздно, слишком поздно.

— Слишком поздно, — сказал Паттерсон, — только в том случае, если вы отсюда выйдете.

Не спуская глаз с В-Стивенса, он нащупал на столе тяжелый стальной брусок, которым при-

давливали бумаги, — и тут же в его ребра уперся ствол фризера.

— Я не совсем уверена, как стреляют из этой штуки, — медленно сказала В-Рафия, — но здесь только одна кнопка, так что ее я и нажму.

— Верно, — облегченно вздохнул В-Стивенс. — Только не нажимай сразу. Мне бы хотелось с ним немного поговорить. Может быть, прислушается все-таки к голосу разума.

Он вырвался из рук Паттерсона и отошел на несколько шагов, осторожно ощупывая рассеченную губу и сломанные передние зубы.

— Вот ты и доигрался, Вэйчел.

— Это безумие, — резко сказал Паттерсон, глядя на дрожащий в неуверенной руке В-Рафии фризер. — Вы что, думаете, мы будем участвовать в заранее проигранной войне?

— А у вас не будет выбора. — Глаза В-Стивенса горели мстительным восторгом. — Мы заставим вас драться. Когда мы ударим по городам, вам просто некуда будет деться. Вы начнете сопротивляться, это в человеческой природе.

Первый импульс из фризера прошел мимо — Паттерсон отшатнулся в сторону и попытался схватить узкую руку, державшую оружие. Не сумев этого сделать, он упал ничком — и вовремя,

луч опять просвистел мимо.

В-Рафия никак не могла направить фризер в сторону поднимающегося с пола врача, она пятилась, широко раскрыв полные ужаса глаза. Выбросив руки вперед, Паттерсон прыгнул на перепуганную девушку. Он увидел, как напрягся ее палец, увидел, как потемнел при включении поля конец ствола. И это было все.

Резко распахнулась дверь, и В-Рафия попала под перекрестный обстрел одетых в синее солдат. Едкий убийственный холод пахнул Паттерсону в лицо, вскинув руки, он снова повалился на пол, а над головой по-змеиному посвистывали смертельные лучи.

Вокруг дрожащего тела В-Рафии вспыхнуло белоснежное облачко абсолютного холода; какую-то долю секунды она еще двигалась, но затем резко замерла, словно пленка ее судьбы остановилась в проекторе. Все цвета жизни сменились одним — мертвенно-белым. Подняв одну руку в тщетной попытке защититься, посреди кабинета В-Стивенса стояла жуткая пародия на человеческую фигуру.

А потом она взорвалась. Превратившаяся в лед вода взломала клетки, превратила их в кристаллическую пыль, разметала по всему кабинету.

Следом за солдатами в комнату опасливо вошел потный, апоплексически побагровевший Фрэнсис Ганнет.

— Это вы, Паттерсон? — Хозяин «Интерплан Индастриз» протянул руку, но Паттерсон сделал вид, что ее не заметил. — Вооруженные силы оповестили меня в обычном порядке. Где этот старик?

— Да где-то здесь, — пробормотал Паттерсон. — Под охраной. — Он повернулся к В-Стивенсу и на какое-то мгновение их глаза встретились. — Вот видите? — хрипло сказал он. — Видите, что получается? Вы этого хотели?

— Извините, мистер Паттерсон, — нетерпеливо оборвал его Фрэнсис Ганнет, — у меня не так много времени, чтобы им разбрасываться. Если верить вашему рассказу, тут что-то действительно серьезное.

— Да уж, — спокойно сказал В-Стивенс, вытирая носовым платком струйку крови, сочившуюся из разбитой губы. — Вполне стоит полета с Луны на Землю. Можете не сомневаться — уж я-то знаю.

По правую руку Ганнета сидел высокий белокурый лейтенант. В изумлении, с благоговейным ужасом на привлекательном, совсем еще молодом лице он смотрел, как из заполняющей

экран серой мглы проступают очертания боевого корабля. Корабль был в страшном виде — один из реакторов разбит вдребезги, передние башни смяты, длинная пробоина вспарывает корпус.

— Боже милосердный, — еле слышно произнес лейтенант Натан Уэст. — Ведь это же «Уайнд Гайант». Наш самый большой корабль. Вы только посмотрите — он выведен из строя. Полностью.

— Это — ваш корабль, — сказал Паттерсон. — Вы будете командовать «Уайнд Гайантом» в восемьдесят седьмом, когда его уничтожат объединенные силы Марса и Венеры. Дэвид Ангер будет служить под вашим командованием. Вас убьют, но Ангеру удастся спастись. Немногие уцелевшие члены команды будут бессильно наблюдать с Луны, как углеродные снаряды с Марса и Венеры методично, не торопясь уничтожают Землю.

Теперь на экране виднелись маленькие светлые силуэты; они крутились, перепрыгивали с места на место, словно рыбки в грязном аквариуме. Неожиданно в самой их гуще вспух чудовищный водоворот, энергетический вихрь, хлеставший корабли мощными ударами. Немного помедлив, серебристые земные корабли сломали строй и бросились врассыпную. Сквозь

образовавшийся широкий проход проскочили угольно-черные марсианские корабли, а корабли Венеры, ждавшие этого момента, ударили по Земле с фланга. Два флота противников зажали земные корабли в стальные клещи — и раздавили. В разных местах экрана появлялись и тут же исчезали яркие вспышки — недавно грозные, корабли один за другим прекращали свое существование. А вдалеке медленно и величественно вращался огромный сине-зеленый шар. Земля.

На ней уже виднелись страшные, уродливые оспины — некоторые из вражеских снарядов сумели прорваться сквозь оборонительную сеть.

Ле Марр щелкнул тумблером, и экран потух.

— Здесь запись кончается. Все, что мы можем получить, — это такие вот визуальные фрагменты, краткие эпизоды, которые особенно сильно запечатлелись в его мозгу. Непрерывную последовательность снять невозможно. Следующая сцена происходит через много лет, на одной из искусственных станций.

Вспыхнул свет, зрители начали подниматься, разминать занемевшие ноги. Сейчас мертвенно-серое тестообразное лицо Ганнета вполне оправдывало кличку «недопеченный», данную мутантами с Венеры и Марса жителям Земли.

— Доктор Ле Марр, я хотел бы еще раз посмотреть эти кадры. Которые про Землю. — Он замялся, а потом безнадежно махнул рукой. — Ну, вы знаете, про какие я говорю.

Свет потух, экран снова ожил. На этот раз на нем была одна только Земля, быстро уменьшающийся в размерах шар, оставшийся за кормой скоростного катера, на котором Дэвид Ангер мчался к внешним планетам. Ангер до последней минуты смотрел на этот родной, уничтожаемый войной мир.

Земля была мертва. Из группы глядевших на экран офицеров раздались непроизвольные возгласы ужаса. Ничего живого. Никакого движения. Только мертвые облака радиоактивного пепла, бессмысленно вспухающие над изрытой гигантскими воронками поверхностью. То, что было живой планетой, домом трех миллиардов людей, превратилось в прах, в дотла выгоревшую головешку. Не осталось ничего, кроме мусора, обломков, уносимых в безжизненные моря беспрестанно завывающим ветром.

— Думаю, какая-нибудь растительная жизнь все же уцелеет, — хрипло сказала Ивлин Каттер, когда экран померк и в комнате снова зажегся свет. Судорожно передернувшись, она отвер-

нулась.

— Сорняки какие-нибудь, — предположил Ле Марр. — Темные сухие сорняки, пробивающиеся сквозь корку шлака. Возможно, и кое-что из насекомых, но это — позднее. Ну и, конечно же, бактерии. Думаю, со временем бактерии превратят этот пепел во вполне приличную почву. И там будет идти дождь — безостановочно, сотни миллионов лет.

— Давайте посмотрим правде в глаза, — сказал Ганнет. — Утколапые и вороны обязательно ее колонизируют. Они будут жить здесь, на Земле, а мы все сдохнем.

— Будут спать в наших постельках? — невинно поинтересовался Ле Марр. — Пользоваться нашими ванными и сидеть в наших гостиных?

— Не понимаю, что вы там говорите, — раздраженно отмахнулся Ганнет. — Вы уверены, что это не известно никому, кроме здесь присутствующих? — спросил он у Паттерсона.

— Знает В-Стивенс, — загнул палец Паттерсон, — но его заперли в психиатрическом отделении. Знала В-Рафия. Ее убили.

— Можно нам с ним поговорить? — подошел к Паттерсону лейтенант Уэст.

— Да, правда, а где же Ангер? — вскинулся Ган-

нет. — Мои люди горят желанием встретиться с ним.

— Вам и без того известны все основные факты, — ответил Паттерсон. — Вы знаете, чем кончится война. Вы знаете, что произойдет с Землей.

— Ну и что же вы предлагаете? — настороженно спросил Ганнет.

— Избежать войны.

— Но ведь нельзя же изменить историю, — пожал жирными плечами Ганнет. — А это — будущая история. У нас нет иного выхода — значит, будем драться.

— Во всяком случае, — ледяным голосом вставила Ивлин Каттер, — мы прихватим с собой на тот свет очень многих из них.

— О чем это вы? — возмутился Ле Марр. — Вы работаете в больнице — и ведете такие разговоры?

— А вы видели, что они сделали с Землей? — В глазах женщины сверкало холодное бешенство. — Видели, как они разнесли нас в клочья?

— Но мы должны быть выше этого, — горячо возразил Ле Марр. — Если мы позволим вовлечь себя во всю эту ненависть и насилие… Почему вы заперли В-Стивенса? — повернулся он к Паттер-

сону. — Он сошел с ума ничуть не больше, чем эта женщина.

— Согласен, — кивнул головой Паттерсон. — Только она — наша сумасшедшая. Таких сумасшедших не принято сажать под замок.

— Вы что, тоже собрались сражаться? — отшатнулся Ле Марр. — Вместе с Ганнетом и его солдатней?

— Я собираюсь сделать так, чтобы этой войны не было, — спокойно, без всякого выражения ответил Паттерсон.

— А это возможно? — В блеклых голубоватых глазах Ганнета вспыхнул и тут же потух жадный огонек.

— Думаю, возможно. А почему, собственно, нет? Возвращение Ангера вносит в картину новый элемент.

— Если будущее действительно можно изменять, — задумчиво сказал Ганнет, — то вариантов его, скорее всего, много — и самых различных. Если существуют два варианта будущего — почему их не может быть бесконечное количество? И каждое будущее ответвляется в какой-то определенной точке. — Глаза его сузились, лицо закаменело. — Вот тут-то нам и пригодится все, что Ангер помнит о сражениях.

— Давайте я поговорю с этим стариком, — возбужденно прервал Ганнета лейтенант Уэст. — Может быть, нам удастся получить достаточно ясное представление о военной стратегии утколапых. Ведь он, скорее всего, тысячи раз прогонял эти сражения в своем мозгу.

— Он вас узнает, — возразил Ганнет. — Не забывайте, он служил под вашим командованием.

Паттерсон надолго задумался.

— Сомневаюсь, чтобы Ангер вас узнал, — сказал он наконец. — Ведь вы гораздо его старше.

— Что вы хотите сказать? — недоуменно моргнул Уэст. — Он — совсем дряхлый старик, а мне и тридцать-то не скоро будет.

— Дэвиду Ангеру пятнадцать лет, — объяснил Паттерсон. — В данный момент вы чуть не вдвое его старше. Вы уже офицер, сотрудник Лунного генерального штаба, а мальчик Дэви даже не состоит на военной службе. Когда начнется война, он запишется в добровольцы, рядовым солдатиком без опыта и подготовки. Когда вы будете стариком, командиром крейсера «Уайнд Гайант», под вашим началом будет служить никому не известный Дэвид Ангер, один из номеров орудийного расчета одной из башен. Вы даже имя такое вряд ли когда услышите.

— Так Ангер уже жив? — озабоченно спросил Ганнет.

— Ангер где-то неподалеку, в ожидании своего выхода на сцену, — Паттерсон сделал мысленную заметку подумать об этом обстоятельстве попозже; тут могут возникнуть интересные варианты. — Так что вряд ли он вас узнает. Вполне возможно, он никогда и не видел капитана Уэста. «Уайнд Гайант» — корабль очень немаленький.

Уэст не заставил себя долго уговаривать.

— И направьте на меня всю эту подсматривающую-подслушивающую аппаратуру, чтобы командование получило полную картину откровений Ангера.

Под ярким, веселым утренним солнцем сидевший на своей излюбленной скамейке Дэвид Ангер выглядел особенно хмуро и уныло; крепко сжав узловатыми пальцами трость, он провожал прохожих тусклым, безрадостным взглядом единственного своего глаза.

Чуть правее скамейки робот-садовник раз за разом обрабатывал одну и ту же полоску газона; его металлические линзы ни на секунду не оставляли иссохшую, скрюченную фигуру старика. А по усыпанной щебенкой дорожке без всякого видимого дела прогуливалась группа

мужчин; время от времени они произносили какие-нибудь случайные фразы в направлении щедро расставленных по парку подслушивающих устройств — проверяли связь. Молодая женщина, загоравшая, обнажив грудь, около плавательного бассейна, еле заметно кивнула двум солдатам, слонявшимся в окрестностях все той же скамейки.

Этим утром здесь было около сотни людей, каждый из них — составная часть системы наблюдения, окружавшей полусонного, злого и обиженного старика.

— Ну — все в порядке, — сказал Паттерсон. Его машина стояла на краю парка. — Только не забывайте — Ангеру нельзя слишком волноваться. В первый раз его оживил В-Стивенс; если сердце старика снова откажет, помощи искать будет не у кого.

Лейтенант кивнул, поправил безукоризненно отутюженный синий китель и вышел на тротуар. Слегка сдвинув каску на затылок, он быстрым, уверенным шагом двинулся к центру парка. При его приближении гулявшие по дорожкам люди начали расходиться, один за другим они занимали позиции на газонах, на скамейках, вокруг плавательного бассейна. Лейтенант Уэст задер-

жался у питьевого фонтанчика; управляемая автоматом струйка ледяной воды сама нашла подставленный рот. Напившись, он медленно отошел, затем поставил ногу в черном блестящем сапоге на скамейку и несколько секунд рассеянно наблюдал, как симпатичная девушка неторопливо снимает одежду и вытягивается на разноцветной подстилке. Закрыв глаза, чуть раздвинув яркие, сочные губы, девушка расслабилась и блаженно вздохнула.

— Пусть он заговорит первым, — чуть слышно прошептала она стоявшему в нескольких футах от нее лейтенанту. — Сами не начинайте.

Полюбовавшись на нее еще секунду, лейтенант Уэст продолжил свой путь.

— Не так быстро, — торопливо сказал ему в ухо один из встречных, крепкий, плечистый мужчина. — Идите себе спокойно, не надо никакой спешки.

Теперь лейтенант Уэст пошел совсем медленно. Попинав немного какой-то камешек, он отфутболил его в искрящиеся от влаги кусты. Глубоко засунув руки в карманы, он подошел к плавательному бассейну и остановился, рассеянно глядя в воду. Затем закурил сигарету, подозвал проходившего мимо робота и купил у него мороженое.

— Накапайте мороженым себе на мундир, — еле слышно сказал робот. — Потом выругайтесь и начните вытирать пятно.

Лейтенант Уэст подождал, пока мороженое подтает. Когда сладкая жижа стекла по его пальцам и начала капать на до хруста накрахмаленный синий китель, он нахмурился, вытащил из кармана носовой платок, обмакнул его в бассейн, выжал и начал неуклюже стирать пятно.

Тощий старик с изуродованным лицом сидел, сжимая алюминиевую трость, на скамейке, наблюдая за происходящим и весело хихикая.

— Осторожнее, — просипел он. — Эй ты, там, осторожнее.

Лейтенант Уэст раздраженно оглянулся.

— Ты же еще облился, — хихикнул старик и бессильно откинулся на спинку скамейки; беззубый рот обвис в удовлетворенной ухмылке.

— И точно, — добродушно улыбнулся лейтенант Уэст. Выкинув недоеденное мороженое в урну, он кое-как дочистил свой китель.

— Да, жарко, — заметил он и сделал пару шагов — то ли подходя к старику, то ли собираясь идти дальше.

— Хорошо они поработали, — кивнул своей птичьей головкой Ангер. Прищурив единственный

глаз и вытянув шею, он попытался рассмотреть знаки различия на плечах лейтенанта. — А ты в ракетных служишь?

— Истребительные, — ответил Уэст. Сегодня утром он сменил нашивки. — Б-третья.

Старик задрожал, откашлялся и яростно сплюнул в ближайший куст. Опираясь о трость, он полупривстал, охваченный возбуждением и страхом, — лейтенант сделал вид, что собирается уходить.

— Знаете, а я ведь тоже когда-то служил в Б-третьей. — Дэвид Ангер изо всех сил пытался говорить спокойно, словно между прочим. — Очень, очень задолго до вас.

На лице лейтенанта Уэста появилось изумление и недоверие:

— Ну это вы бросьте. Я же знаю, что из старого состава осталось в живых всего два-три человека. Вы шутите.

— Служил я в ней, служил, — прохрипел Ангер, лихорадочно копаясь в кармане. — Вот вы поглядите на эту штуку. Подождите секунду, я вам сейчас кое-что покажу. — Он благоговейно продемонстрировал свой Хрустальный Диск. — Видите? Вы знаете, что это такое?

Лейтенант Уэст не мог оторвать взгляд от

сверкавшего на скрюченной дрожащей ладони ордена. Не было никакой необходимости притворяться, его охватило самое настоящее волнение.

— Можно я посмотрю? — сказал он в конце концов.

— Конечно, — не очень охотно ответил Ангер. — Берите, смотрите.

Уэст бережно взял орден и долго смотрел на него, взвешивая в руке, ощущая прикосновение твердой, прохладной поверхности. Потом он вернул его старику.

— Это у вас за восемьдесят седьмой?

— Точно. — Ангер снова завернул свою награду и вернул ее на прежнее место. — Так вы помните? Нет, вас же тогда и на свете не было. Но ведь вы слышали об этом, верно?

— Да, — сказал Уэст. — Слышал, и много раз. И вы не забыли? А то многие уже и не помнят, как это было, что мы там сделали.

— Расколошматили нас тогда, — сказал Уэст. Медленно, осторожно он присел на скамейку рядом со стариком. — Плохой это был день — для всей Земли.

— Мы проиграли, — согласился Ангер. — Нас оттуда спаслось совсем немного. Я добрался до Луны. И я видел, как уничтожали Землю, кусок за

куском, видел, как от нее не осталось вообще ничего. Это надорвало мне сердце. Я ревел и ревел, а потом и того уже не мог, а просто лег и лежал, как чурбан бесчувственный. Мы все там плакали — солдаты, рабочие, все. Стояли, плакали и ничего не могли сделать. А потом они направили свои ракеты на нас.

Лейтенант нервно облизнул пересохшие губы.

— А ведь ваш командир оттуда не выбрался, верно?

— Натан Уэст погиб вместе со своим кораблем, — сказал Ангер. — Самый лучший командир во всем флоте. Просто так ему не дали бы такого красавца, как «Уайнд Джайант». — Сморщенное, изуродованное лицо старика затуманилось воспоминанием. — Таких, как Уэст, больше уже не будет. Я его видел, один раз. Высокий широкоплечий человек с суровым лицом. Великан, как и его корабль[9]. Могучий был старик. Никто не мог бы командовать лучше.

— Так вы думаете, — сказал Уэст, немного помедлив, — если бы кораблем командовал кто-нибудь другой…

— Нет, — взвизгнул Ангер. — Никто не мог бы

---

[9] Примечания: 9

Астрономическая единица, равна расстоянию от Земли до Солнца (149,6 млн км).

справиться лучше. Слышал я такие разговорчики, слышал, знаю, о чем рассуждают некоторые из этих толстожопых кабинетных стратегов. Ни хрена они не понимают! Эту битву не смог бы выиграть никто. У нас не было ни малейших шансов. У них же было преимущество пять к одному — два огромных флота, один пер прямо на нас, а другой поджидал в сторонке, чтобы разжевать нас и проглотить.

— Понятно, — выдавил из себя Уэст. Голова у него шла кругом, но нужно было продолжать. — А какого черта говорят эти самые кабинетные стратеги? Я никогда особенно не прислушивался к болтовне начальства.

Он попытался улыбнуться, но мышцы лица не слушались.

— Я знаю, они всегда треплются насчет того, что можно было выиграть эту битву, а может, даже спасти «Уайнд Джайант», но только…

— Вот, смотрите сюда, — прервал его Ангер. Глубоко запрятанный среди морщин живой глаз старика лихорадочно блестел. Концом алюминиевой трости он начал чертить на усыпанной щебенкой дорожке глубокие неровные борозды.

— Вот это — наш флот. Помните, как выстроил его Уэст? В тот день наши корабли расставлял

великий стратег. Настоящий гений. Мы удерживали их целых двенадцать часов, и только потом они прорвались. Никому и в голову не приходило, что нам удастся хотя бы это. А вот здесь — вороний флот. — Яростно, с ненавистью Ангер процарапал еще одну линию.

— Понятно, — пробормотал Уэст. Он слегка наклонился, чтобы спрятанная на груди камера тоже увидела эти грубые, неумелые каракули и передала их в наблюдательный центр, лениво паривший сейчас где-то высоко над парком. А оттуда материал пойдет прямо на Луну, в Генеральный штаб. — А где были утколапые?

— А я вам еще не надоел? — осторожно взглянул на лейтенанта неожиданно застеснявшийся Ангер. — Старики всегда любят поболтать. Вот и я извожу иногда людей, отнимаю у них время.

— Продолжайте, — ничуть не покривил душою Уэст. — Рисуйте, я смотрю.

Сложив руки на груди, яростно поджав пухлые яркие губы, Ивлин Каттер буквально металась по залитой мягким светом гостиной своей квартиры.

— Не понимаю я вас. — На секунду она остановилась и смолкла, задвигая на окнах тяжелые шторы. — Совсем недавно вы были готовы свои-

ми руками убить В-Стивенса. А теперь вы даже не хотите блокировать Ле Марра. Вы же знаете, что Ле Марр попросту не понимает происходящего. Ему не нравится Ганнет, и он все время болтает о всемирном братстве ученых, о нашем долге перед человечеством и тому подобной чепухе. Неужели вы не понимаете? Если В-Стивенсу удастся с ними связаться…

— А может быть, он и прав, — сказал Паттерсон. — Мне тоже не нравится Ганнет.

— Но ведь они нас уничтожат! — взорвалась Ивлин. — Мы не можем воевать с ними — у нас нет никаких шансов на победу. — Бешено сверкая глазами, она остановилась прямо напротив врача. — Но они этого еще не знают. Поэтому следует нейтрализовать Ле Марра, по крайней мере — на какое-то время. Каждая лишняя минута, проведенная им на свободе, ставит под угрозу весь мир. От сохранения этой истории в тайне зависят жизни трех миллиардов людей.

Паттерсон немного задумался.

— Насколько я понимаю, Ганнет проинформировал вас о первоначальных итогах исследования, проведенного сегодня Уэстом.

— Пока никаких результатов. Старик знает до последней запятой все сражения войны — и мы

их все проиграли. — Ивлин устало провела рукой по лбу. — То есть, лучше сказать, мы их все проиграем. — Негнущимися пальцами она собрала со стола кофейные чашки. — Хотите еще кофе?

Поглощенный своими мыслями, Паттерсон не слушал. Он подошел к окну, раздвинул шторы и стоял, глядя наружу, пока Ивлин не вернулась в гостиную с двумя чашками крепкого горячего кофе.

— Вы не видели, как Ганнет убил эту девушку, — не оборачиваясь, сказал Паттерсон.

— Какую девушку? Утколапую? — Ивлин положила в свою чашку сахар и сливки, размешала ложечкой. — Она же собиралась вас убить. А тогда В-Стивенс смылся бы сразу в «Кока-Кола» — и началась бы война. — Она нетерпеливо пододвинула к Паттерсону его чашку. — Как бы то ни было, без нас ее все равно бы убили.

— Знаю, — кивнул Паттерсон. — Именно это и не дает мне покоя. — Он машинально взял чашку и сделал глоток, не чувствуя вкуса. — Какой был смысл спасать ее от погромщиков? Все это — работа Ганнета. Мы все работаем на Ганнета.

— Ну и что?

— Вы же сами знаете, в какие игры он играет.

— Я просто стараюсь быть разумной, — пожала

плечами Ивлин. — Я не хочу уничтожения Земли. И Ганнет тоже не хочет — он хочет избежать этой войны.

— Несколько дней назад он хотел начать войну. Когда считал, что мы ее выиграем.

— Ну конечно, — резко хохотнула Ивлин, — а кому же нужна заранее проигранная война? Это просто бессмысленно.

— А теперь Ганнет будет сдерживать войну, — задумчиво согласился Паттерсон. — Он позволит колонизованным планетам получить независимость. Он признает «Кока-Кола». Он уничтожит Дэвида Ангера и всех, кому известна эта история. Он примет позу добродетельного борца за мир.

— Конечно. Он уже составляет планы полета на Венеру, со всеми театральными эффектами. Переговоры с руководителями «Кока-Кола», в последнюю минуту, когда останется еще возможность предотвратить войну. Он нажмет на членов Директората, заставит их позволить Марсу и Венере отделиться. Он станет героем всей Солнечной системы, его будут носить на руках. А что, разве лучше, если вместо этого уничтожат Землю, а заодно с ней — и всю нашу расу?

— Так, значит, вся эта огромная машина разворачивается на сто восемьдесят градусов и с тем

же ревом устремляется против войны? — Губы Паттерсона изогнулись в трагической усмешке. — Мир и компромисс — вместо ненависти и разрушительного насилия.

Присев на подлокотник кресла, Ивлин быстро подсчитала что-то в уме.

— А сколько лет было Дэвиду Ангеру, когда он записался в армию?

— Пятнадцать, то ли шестнадцать.

— А ведь человек получает свой номер именно в тот момент, когда записывается на армейскую службу?

— Ну да. А что такое?

— Возможно, я что-то путаю, но у меня получается… — Она подняла глаза на Паттерсона. — Ангер должен получить свой билет в самом ближайшем будущем. Запись добровольцев идет очень быстро, так что очень скоро дойдет и до этого номера.

На лице Паттерсона появилось странное выражение.

— Да, Ангер уже где-то живет… Такой себе пятнадцатилетний мальчишка. Ангер-подросток и Ангер-дряхлый, еле живой ветеран войны. И оба они живут одновременно.

— Дикость какая-то, — зябко поежилась Ивлин. — А если они вдруг встретятся? Они же друг

друга даже не поймут.

Паттерсон буквально видел этого, другого Дэвида Ангера. Пятнадцатилетний мальчишка с горящими от восторга глазами. Рвущийся в бой, готовый направо и налево крушить утколапых и ворон. Убивать их со всем идеалистическим энтузиазмом юности. В этот самый момент Ангер неизбежно, неотвратимо двигается к офицеру, записывающему добровольцев… а полуслепой, изуродованный старик восьмидесяти девяти лет — большая часть жизни которого прошла в лишениях, крови и ужасе — неуверенно плетется из своей больничной палаты на парковую скамейку. Сжимая алюминиевую трость, жалким хриплым голосом сотый раз пересказывает свои истории каждому согласному их слушать.

— Нужно проследить за этим, — сказал Паттерсон. — Попросите кого-нибудь из военного министерства, чтобы нам сообщили, когда придет этот номер. Когда Ангер завербуется и получит его.

— Хорошая мысль, — кивнула Ивлин. — Стоило бы еще попросить департамент народонаселения провести проверку списков. Возможно, удастся найти…

Фраза прервалась на полуслове.

Дверь бесшумно распахнулась, на пороге стоял Ле Марр; попав после яркого наружного освещения в полумрак гостиной, англичанин моргал и щурился. Тяжело дыша, он прошел в комнату.

— Вэйчел, мне надо с вами поговорить.

— В чем дело? — резко спросил Паттерсон. — Что происходит?

— Он все узнал. — Ле Марр бросил на Ивлин взгляд, полный ненависти. — Я знал, что так и будет. Как только материал проанализируют и запишут на пленку…

— Ганнет? — По позвоночнику Паттерсона пробежал смертельный холодок. — Что узнал Ганнет?

— Критический момент. Старик бормочет что-то про конвой из пяти кораблей. Топливо для вороньего флота. Двигался к району боевых действий без всякой охраны. Ангер говорит, что наши наблюдатели и разведчики его прошляпили. — Частое дыхание с хрипом вырывалось из горла Ле Марра. — Он говорит, если бы знать заранее…

Сделав огромное усилие, Ле Марр взял себя в руки.

— Тогда мы могли бы уничтожить этот конвой.

— Понятно, — медленно кивнул Паттерсон. — И

сдвинуть чашу весов в свою пользу.

— Если Уэст сумеет вспомнить и нарисовать маршрут этого конвоя, — закончил Ле Марр, — Земля выиграет войну. А это значит, что Ганнет ее начнет — как только получит точную информацию.

В-Стивенс ссутулился на прикрученной к полу скамейке, служившей в палате психического отделения больницы одновременно и стулом, и столом, и кроватью. С темно-зеленых губ свисала сигарета. Голые стены квадратной, совершенно пустой комнаты отливали тусклым блеском. Время от времени В-Стивенс бросал взгляд на ручные часы, а затем снова уходил в созерцание странного предмета, ползавшего вокруг запора входной двери.

Предмет двигался медленно и предельно осторожно. Вот уже двадцать четыре часа подряд он исследовал этот запор. Массивную пластину прочно удерживало на месте магнитное поле; предмет нашел силовые кабели, подводившие электричество, нашел он и входы, где эти кабели присоединялись к электромагниту двери. Весь последний час предмет вспарывал толстую рексероидную обшивку, теперь до входов оставалось не больше дюйма. Этим почти разумным

предметом была хирургическая рука В-Стивенса, высокоточный полуавтономный робот, в обычное время постоянно прикрепленный к его правой кисти.

Но сейчас робот двигался совершенно самостоятельно; хозяин отстегнул его и направил на поиски выхода. Четыре металлические пальца отчаянно цеплялись за гладкую поверхность стены, а режущий большой трудолюбиво вгрызался все глубже и глубже. После такой грубой работы эту хирургическую руку вряд ли можно будет использовать за операционным столом, но В-Стивенс не очень беспокоился; в любом венерианском магазине можно без труда купить новую.

Металлический большой палец добрался до положительного входа и выжидательно замер. Остальные пальцы оторвались от поверхности стены и какое-то время колебались в воздухе, как усики насекомого; затем они, один за другим, погрузились в прорезанную щель и стали нащупывать отрицательный выход.

Полыхнула ослепительная вспышка, из щели повалил белый едкий дым, и тут же раздался резкий хлопок, вроде звука открываемой бутылки. Внешне с запором ничего не произошло, однако рука упала на пол, считая, очевидно, свою зада-

чу выполненной. В-Стивенс потушил сигарету, неторопливо встал, подошел к двери и подобрал свою механическую помощницу.

Когда рука была пристегнута и снова превратилась в составную часть нейромышечной системы В-Стивенса, венерианин осторожно ухватился за край двери и, немного помедлив, потянул. Дверь открылась без всякого усилия, за ней был совершенно пустой коридор. Никакого движения, никаких звуков. Ни одного охранника. Никакой наблюдательной аппаратуры в психическом отделении также не было. В-Стивенс двинулся вперед, свернул за угол, быстро миновал несколько коридоров.

Буквально через несколько секунд он стоял перед широким панорамным окном, из которого открывался вид на улицу, окружающие здания и больничный двор.

Венерианин разложил на подоконнике свои ручные часы, зажигалку, авторучку, ключи, монеты; из всего этого неожиданного материала ловкие пальцы хирурга — живые и металлические — быстро соорудили какое-то замысловатое устройство. Отщелкнув режущий большой палец, В-Стивенс сменил его нагревательным элементом и, вскочив на подоконник, торопливо

приварил странный механизм к верхнему краю оконного проема; следы его работы не были заметны ни со стороны коридора, ни со стороны больничного двора. Он направился назад — и резко замер, услышав какие-то звуки. Голоса. Больничный охранник и кто-то еще. Кто-то очень знакомый.

В-Стивенс бегом вернулся в психиатрическое отделение, в свою палату. Взломанный коротким замыканием замок неохотно встал на прежнее место; дверь едва успела закрыться, когда в коридоре послышались шаги. В замке не было, да и никак не могло быть магнитного поля, но неожиданный посетитель, конечно же, этого не знал. С легкой улыбкой В-Стивенс слушал, как тот выключает отсутствующее поле и начинает открывать дверь.

— Добро пожаловать, — сказал В-Стивенс. Вошедший в комнату доктор Ле Марр держал в одной руке портфель, а в другой — фризер.

— Идемте со мной, я все организовал. Деньги, фальшивые документы, паспорт, билеты, разрешение. Вы будете коммерческим представителем утколапых. Пока Ганнет узнает, вы уже пройдете военный контроль и окажетесь за пределами земной юрисдикции.

— Но… — пораженно начал В-Стивенс.

— Быстрее! — Ле Марр махнул фризером в сторону коридора. — По своему положению в больнице я имею право ставить диагноз психическим больным, а вас заключили сюда именно в таком качестве. С моей точки зрения вы сошли с ума ничуть не больше, чем вся их компания. Поэтому я и пришел.

— А вы хорошо понимаете, чем это грозит вам лично? — В-Стивенс посмотрел на Ле Марра с некоторым сомнением, однако без дальнейших споров проследовал за ним в коридор и, миновав равнодушного охранника, к лифту. — Если они узнают, то уничтожат вас, убьют, как изменника. Вас видел охранник; каким образом вы сумеете сохранить все в тайне?

— Я не собираюсь ничего сохранять в тайне. Вы же знаете, что Ганнет здесь. Он и его сотруднички работают над стариком.

— Почему вы мне все это рассказываете? Теперь они спускались по пандусу в подземный гараж. Служитель вывел машину Ле Марра, и двое врачей забрались в нее; за руль сел англичанин.

— Вам же известно, из-за чего в действительности меня засунули в эту психушку.

— Берите.

Кинув фризер В-Стивенсу, Ле Марр вывел машину из полумрака тоннеля под яркое полуденное небо, на оживленную нью-йоркскую улицу.

— Вы хотели связаться с «Кока-Кола» и сообщить им, что Земля неизбежно — и полностью — проиграет войну.

Резко повернув машину, он вывел ее на боковую улицу, ведущую к межпланетному космопорту.

— Так вот, скажите им, чтобы перестали искать компромиссы и нанесли удар — мощный, и как можно скорее. Полномасштабная война. Понятно?

— Понятно, — кивнул В-Стивенс. — В конце концов, если мы обязательно победим в этой войне…

— Не обязательно.

— Даже так? — Зеленые брови В-Стивенса удивленно поднялись. — А мне казалось, что Ангер — ветеран войны, окончившейся полным поражением.

— Ганнет собирается изменить ход будущей войны. Он нашел ее критический момент. Как только информация будет точной и полной, он заставит Директорат нанести удар по Венере и Марсу. Войны избежать нельзя — теперь нельзя. — Ле Марр резко затормозил на краю

взлетного поля. — И если война все равно будет, так пусть уж хотя бы без подлых внезапных нападений. Можете сообщить Координационному комитету колониальных администраций, что наш боевой флот уже выступил. Скажите им, чтобы приготовились. Скажите им…

Ле Марр неожиданно смолк. Словно игрушка, у которой кончился завод, он обмяк, беззвучно соскользнул вниз и замер на полу машины, уронив голову на рулевое колесо.

— Простите, пожалуйста, — негромко сказал В-Стивенс, подбирая упавшие с носа англичанина очки и водружая их на место. — Вы, конечно же, хотели, как лучше, но в результате все испортили.

Он бегло осмотрел голову Ле Марра. Импульс фризера не проник в ткани мозга; через несколько часов неудачливый доброжелатель придет в сознание без каких бы то ни было серьезных повреждений, разве что с жуткой головной болью. Сунув фризер в карман, В-Стивенс взял портфель Ле Марра, самого его отодвинул в сторону, занял водительское место и включил двигатель.

Гоня машину назад, к больнице, венерианин все время поглядывал на часы. Еще не поздно. Он подался вперед, опустил монету в щель уста-

новленного на приборной доске видеофона и продиктовал номер; на экране появилось лицо дежурной сотрудницы «Кока-Кола».

— Говорит В-Стивенс, — торопливо сказал хирург, — тут вышла неприятность. Меня увезли из больницы. Сейчас я туда возвращаюсь. Скорее всего, успею.

— Генератор собран?

— Да, собран, но он не у меня. Я уже настроил его на поляризацию магнитного потока, он полностью готов к работе, нужно только вернуться и добраться до него.

— Тут у меня какие-то помехи. — Зеленое лицо девушки озабоченно нахмурилось. — Вы говорите по защищенному каналу?

— Канал открытый, — признал В-Стивенс, — но это — случайный канал общественного пользования, вряд ли он прослушивается. — Венерианин бросил взгляд на прикрепленный к видеофону датчик мощности. — Утечек не заметно. Продолжайте.

— Корабль не сможет взять вас на борт в Нью-Йорке.

— Вот же черт, — выругался В-Стивенс.

— Вам придется действовать на свой страх и риск. Толпа уничтожила все оборудование Нью-

Йоркского космопорта. Лучше всего поезжайте автомобилем в Денвер, это ближайшее место, где может сесть корабль. А заодно — и последнее место на Земле, где мы пока что в безопасности.

— Вот всегда мне так везет, — простонал В-Стивенс. — Вы понимаете, что они сделают со мной, если поймают?

— Для недопеченных что один утколапый, что другой, — грустно улыбнулась девушка. — Они будут вздергивать нас без всякого разбора. Так что мы все в равном положении. Ну — удачи, будем вас ждать.

Со злостью отключив аппарат, В-Стивенс притормозил, свернул в маленький грязный переулок, поставил машину на стоянку, вышел из нее и захлопнул дверцу. Он находился на краю сверкавшего яркой зеленью парка; крепко сжимая портфель, венерианин бегом бросился к возвышавшимся чуть поодаль корпусам больницы.

Дэвид Ангер вытер рот рукавом и обессиленно откинулся на спинку кресла.

— Я не знаю, — повторил он хриплым, еле слышным голосом. — Говорю же вам, ничего я больше не помню. Ведь все это было очень давно.

Взмахом руки Ганнет подозвал офицеров, толпившихся вокруг старика, к себе.

— Уже близко, — сказал он, устало стирая со лба пот. — Приближаемся медленно, но верно. Еще полчаса — и получим то, что нам нужно.

В одной из палат терапевтического отделения на огромном столе была расстелена штабная карта; темные фишки, испещрявшие ее поверхность, обозначали подразделения флотов Марса и Венеры, а белые — земные корабли, тесным кольцом столпившиеся вокруг третьей планеты.

— Это где-то здесь. Повернувшийся к Паттерсону и указывавший на карту человек — покрасневшие от недосыпа глаза, щетина на подбородке, руки, дрожащие от усталости и напряжения, — очень мало напоминал лейтенанта Уэста.

— Ангер помнит, как офицеры говорили про этот конвой. Корабли взяли груз на Ганимеде, на базе снабжения. И ушли по какому-то намеренно случайному маршруту. — Его рука обрисовала на карте широкий, неопределенный круг. — В тот момент на Земле никто не уделил конвою ни малейшего внимания. Ну а потом — потом все поняли, какую упустили возможность. Некий военный эксперт ретроспективно изобразил маршрут конвоя, материал записали на пленку

и разослали по кораблям. Офицеры собирались обсуждать этот инцидент. Ангеру кажется, что маршрут проходил неподалеку от Европы. А может быть — от Каллисто.

— Этого недостаточно, — резко бросил Ганнет. — Пока что у нас не больше данных об этом маршруте, чем было у земных военных в тот момент. Нам нужна точная информация, материал, полученный при анализе событий.

Заметив, что трясущиеся, неуверенные пальцы Дэвида Ангера тянутся к стакану с водой и никак не могут его ухватить, один из молодых офицеров пришел на помощь.

— Спасибо, — благодарно пробормотал старик. — Я же, ребята, очень хочу вам помочь. Я стараюсь, вспоминаю. Вот только голова у меня какая-то мутная, не то что раньше. Сморщенное, изуродованное лицо перекосилось в тщетной попытке сосредоточиться.

— А знаете, мне вроде помнится, что этот конвой задержался неподалеку от Марса. Из-за какого-то там метеоритного облака.

— Продолжайте, продолжайте, — подался вперед Ганнет.

— Я же стараюсь помочь вам, изо всех сил стараюсь, — жалобно просипел Ангер. — Ведь как

обычно делают, когда пишут книги о войне? Прочитают другие книги, да и перепишут в свою.

На полумертвом лице появилось выражение какой-то жалкой благодарности.

— Ведь вы, наверное, упомянете и мое имя в своей книге где-нибудь.

Вот оно что. Паттерсон отвернулся, его тошнило от мерзости происходящего. Значит, Ганнет разыгрывает роль военного историка. Он, значит, пишет книгу о проигранной войне и хочет использовать в своем «трактате» воспоминания очевидца.

— Какой вопрос! — с энтузиазмом воскликнул Ганнет. — Ваше имя будет прямо на первой странице. А может — мы даже и фотографию вашу напечатаем.

— Я же знаю все, буквально все об этой войне, — пробормотал Ангер. — Дайте мне только время, и я вспомню, разберусь. Дайте мне только время. Я ведь стараюсь, как только могу.

Старик разваливался буквально на глазах. Сморщенное лицо приобрело мертвенно-серый оттенок. Подобно засыхающей замазке, старческая плоть все плотнее облегала его хрупкие, пожелтевшие кости. Дыхание вырывалось из горла неровным клекотом. Все присутствующие

знали, что Дэвид Ангер умрет — и скоро.

— Если он откинет копыта, так и не вспомнив, — тихо сказал Ганнет лейтенанту Уэсту, — то я…

— Что там такое? — вскинулся Ангер; единственный его глаз блестел остро, настороженно. — Я не расслышал.

— Не берите в голову, — устало отмахнулся Ганнет. — И попробуйте все-таки восполнить недостающие детали. Отведите его к карте, — повернулся он к офицерам. — Пусть посмотрит на расстановку, может, это освежит его голову.

Старика подняли на ноги и подтащили к столу. Подслеповатая, спотыкающаяся на каждом шагу, скрюченная фигура исчезла из виду, скрытая спинами техников и военного начальства.

— Он долго не протянет, — с ненавистью сказал Паттерсон. — Если вы не сделаете передышку, его сердце не выдержит.

— Нам необходима информация, — резко возразил Ганнет. Он смотрел на Паттерсона с явной неприязнью. — А где этот ваш другой врач? Ле Марр, кажется.

— Да что-то не видно, — Паттерсон окинул помещение взглядом. — Ушел, наверное, не захотел смотреть на весь этот кошмар.

— Ле Марр вообще сюда не приходил, — холодно процедил Ганнет. — Я уже думаю, не стоит ли послать кого-нибудь на его поиски.

И в этот момент появилась Ивлин Каттер; бледная от волнения, с широко раскрытыми черными глазами, она часто, прерывисто дышала.

— Вот она, например, предлагает… — махнул в сторону женщины заметивший ее Ганнет.

— Теперь все это не важно, — холодно оборвала его Ивлин, бросив на Паттерсона быстрый, требовательный взгляд. — Я не желаю иметь никаких дел ни с вами, ни с вашей войной.

— Как бы там ни было, — равнодушно пожал плечами Ганнет, — я вышлю обычную розыскную группу. На всякий случай.

Он отошел, оставив Ивлин и Паттерсона одних.

— Послушайте, — хрипло прошептала она Паттерсону на ухо. — Номер Ангера уже вышел.

Они посмотрели друг на друга.

— Когда вам сообщили? — спросил Паттерсон.

— Я как раз шла сюда. Я сделала, как вы сказали, — договорилась с одним из чиновников департамента.

— Сколько времени назад?

— Только что. Вэйчел, — губы Ивлин дрожа-

ли, — он здесь.

— Вы хотите сказать, — не сразу понял Паттерсон, — что его прислали сюда? В нашу больницу?

— Я об этом просила. Я сказала, чтобы, когда он придет вербоваться, когда выйдет его номер…

Схватив Ивлин за руку, Паттерсон вытащил ее из терапевтического отделения наружу, под яркое солнце, затем, все так же молча, толкнул на ведущий вверх пандус и пошел за ней следом.

— Куда его поместили?

— Он в приемной. Ему сказали, что это — обычная медицинская проверка. Какое-то там мелкое обследование. Что нам делать? — В голосе Ивлин звучал ужас. — И можем ли мы вообще что-то сделать?

— Ганнет думает, что можем.

— Ну а что, если его задержать? Если свернуть его с пути? — Она ошеломленно потрясла головой. — Что тогда будет? Каким окажется будущее, если мы остановим Ангера? Вы же врач и можете не пропустить его в армию. Всего-то и нужно — поставить на медицинской карте маленькую красную пометку. — Ее охватил неудержимый истерический смех. — Я вижу эти пометки каждый день. Маленький такой красный крестик — и нет больше никакого Дэвида Ангера. И Ганнет ни-

когда его не видел, и Ганнет так и не узнает, что Земля не может победить, а потом Земля возьмет и победит, а В-Стивенса не запрут в психушку, а эта утколапая девочка…

Паттерсон резко ударил ее ладонью по щеке.

— Перестаньте кричать и придите в себя. У нас нет на это времени.

По всему телу Ивлин Каттер пробежала судорога; Паттерсон схватил женщину обеими руками и крепко держал, пока не прошла дрожь.

— Извините, — невнятно пробормотала Ивлин; на ее щеке быстро вспухал багровой след удара. — Спасибо. Я уже в порядке.

Лифт поднялся на административный этаж; придерживая спутницу под локоть, Паттерсон вывел ее в холл.

— Вы его еще не видели?

— Нет. Когда мне сказали, что вышел этот номер и мальчика направляют сюда, — задыхаясь, Ивлин едва поспевала за врачом, — я сразу бросилась к вам. Может быть, мы уже опоздали. Может быть, ему надоело ждать, и он ушел. Ведь мальчику всего пятнадцать лет. Он очень хочет воевать. Может быть, мы придем, а он уже ушел.

— Вы сейчас заняты? — спросил Паттерсон проходившего мимо робота.

— Нет, сэр.

Паттерсон передал роботу карточку с номером Дэвида Ангера.

— Этот человек должен быть в приемной. Пришлите его сюда, а потом закройте этот холл. Заприте его с обеих сторон, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти.

Робот неуверенно пощелкал.

— А какие будут дальнейшие указания? Данный приказ по смыслу своему не может быть полным, и…

— Я скажу вам потом. Только позаботьтесь, чтобы он пришел сюда без какого-либо сопровождения. Я хочу побеседовать с ним один на один.

Взглянув на карточку, робот вышел в приемную.

— Боитесь?

Паттерсон крепко сжал руку Ивлин.

— У меня от страха голова идет кругом.

— Говорить буду я, вы просто стойте здесь и слушайте. — Он протянул ей пачку сигарет. — Раскурите сразу две, и вам, и мне.

— А может, уж сразу три? Одну для Ангера. — Вы забыли, сколько ему лет, — ухмыльнулся Паттерсон. — В его возрасте еще не курят.

Робот вернулся, а за ним следовал мальчик —

белокурый, голубоглазый, с пухлым, озабоченно нахмуренным лицом.

— Вы вызывали меня, доктор? — неуверенно спросил он, подходя к Паттерсону. — А что, со мной что-нибудь не так? Мне велели явиться в эту больницу, только не сказали, зачем.

С каждой секундой его озабоченность нарастала.

— Ведь у меня нет ничего такого, из-за чего не берут в армию?

Паттерсон выхватил из руки мальчика совсем новенькое, только что выданное удостоверение личности, взглянул на него и передал Ивлин. Негнущиеся, словно парализованные пальцы женщины взяли документ, но смотреть в него она не стала, ее глаза были прикованы к белокурому мальчику.

Перед ними стоял совсем не Дэвид Ангер.

— Как ваша фамилия? — спросил Паттерсон.

— Берт Робинсон, — ответил мальчик, заикаясь от смущения. — А разве в карточке не написано?

Паттерсон повернулся к Ивлин.

— Номер тот самый. Но это не Ангер. Что-то, видно, случилось.

— Доктор, — умоляюще произнес Робинсон, — вы только скажите, есть у меня что-нибудь, из-за

чего не берут в армию? Скажите мне честно.

Паттерсон подозвал робота.

— Откройте холл. Тут у меня все кончено. Можете возвращаться к своим занятиям.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Ивлин. — Это какая-то бессмыслица.

— С вами все в порядке, — сказал Паттерсон мальчику. — Можете направляться на сборный пункт.

Мальчик облегченно вздохнул, с его лица сразу исчезла озабоченность.

— Огромное вам спасибо, доктор. — Он повернулся к выходу. — Я очень, очень вам благодарен. Ведь так хочется врезать этим утколапым.

— Ну и что же получается? — напряженно спросила Ивлин, когда широкая спина Робинсона исчезла в двери. — Куда нам теперь?

Паттерсон помотал головой, пытаясь стряхнуть охватившее его отупение.

— Попросим департамент народонаселения провести проверку. Мы должны найти Ангера.

В центре связи стоял непрерывный гул от переговоров, на многочисленных экранах дрожали чьи-то лица. Протолкавшись к свободному аппарату, Паттерсон назвал номер.

— Эти сведения будут получены очень быст-

ро, — сказала девушка из департамента. — Подождете, или мы вам перезвоним?

Схватив висевшую рядом с аппаратом слуховую петлю, Паттерсон застегнул ее на своей шее.

— Как только будет какая-либо информация об Ангере, сообщите мне немедленно. Переключитесь на эту петлю.

— Хорошо, сэр, — кивнула девушка. Экран потух. Ни секунды не задерживаясь, Паттерсон вышел из центра связи и зашагал по коридору; Ивлин торопливо вылетела следом.

— Куда мы идем? — спросила она.

— В терапевтическое. Мне нужно поговорить с этим стариком. Хочу кое-что у него спросить.

— Этим занят Ганнет, — задыхаясь, сказала Ивлин. — Зачем же еще и вы…

— Я хочу спросить его не о будущем, а о настоящем. — Они снова оказались под ослепительными лучами вечернего солнца. — Хочу спросить его про некоторые вещи, которые происходят прямо в настоящий момент.

— А вы не могли бы объяснить что-нибудь и мне? — остановила его Ивлин.

— У меня есть некая теория. — Отодвинув ее в сторону, Паттерсон зашагал дальше. — Идемте, а то можем и опоздать.

В терапевтическом отделении техники и офицеры все так же толпились вокруг огромного стола с испещренной фишками и разноцветными линиями картой.

— Где Ангер? — спросил Паттерсон.

— Ушел, — обернулся к вошедшим один из офицеров. — Ганнет на сегодня завязал.

— Куда ушел? — Паттерсон начал яростно, однообразно ругаться. — Что тут произошло?

Ганнет и Уэст повели его в главный корпус. Старик совсем устал и не мог продолжать. Мы почти у цели. Ганнета чуть удар не хватил, но ничего не поделаешь, придется подождать. Повернувшись к Ивлин, Паттерсон схватил ее за руку:

— Объявите общую тревогу. Пусть оцепят здание. И быстрее, ради бога.

— Но… — в полном недоумении открыла рот Ивлин.

Не обращая на нее внимания, Паттерсон бросился на выход, а затем — к главному корпусу. Под ярким солнечным светом через двор медленно двигались три фигуры. Лейтенант Уэст и Ганнет с двух сторон поддерживали обессиленно ковыляющего старика.

— Прочь отсюда! — крикнул Паттерсон.

— Что тут, собственно, происходит? — оскорб-

ленно повернулся Ганнет.

— Уберите его отсюда!

Паттерсон бросился к Ангеру — но слишком поздно.

Мощный всплеск энергии опалил его лицо, мелькнул круг белого, режущего глаз пламени. Тощая скрюченная фигурка закачалась, вспыхнула, обуглилась. Расплавилась и блестящей лужицей стекла на землю алюминиевая трость. То, что недавно было Дэвидом Ангером. начало дымиться. Обугленное тело съежилось, потрескалось и медленно осело кучкой почти невесомого пепла. Огненный круг померк, а затем и совсем исчез.

Ганнет поковырял кучку пепла ногой, на его лице застыло растерянное выражение.

— Он умер. А мы так ничего и не узнали. Губы лейтенанта Уэста, ошеломленно глядевшего на все еще дымящиеся останки, презрительно скривились.

— И никогда уже не узнаем. Мы не можем ничего изменить. Мы не можем победить.

Его рука метнулась к плечу, сорвала знаки различия и яростно отшвырнула их в сторону.

— Отдать свою жизнь за то, чтобы вы могли прикарманить всю систему? Вот уж хрен, я вам

не баран и своей волей на эту бойню не попрусь. Я — пас, так и запишите.

И только теперь взвыла сирена общей тревоги. Перепуганные, в полном беспорядке, к Ганнету со всех сторон бежали солдаты и больничные охранники; Паттерсон не обращал внимания на эту суматоху; он смотрел на окно одного из верхних этажей.

Там стоял человек. Быстрые, ловкие руки что-то делали с непонятным устройством, прикрепленным к окну. В-Стивенс. Сняв наконец блеснувший металлом предмет, венерианин исчез.

К Паттерсону подбежала Ивлин Каттер.

— Что… — Увидев останки, она на мгновение смолкла. — Господи! — Голос Ивлин поднялся до крика. — Кто это сделал? Кто?

— В-Стивенс.

— Это Ле Марр его выпустил. Я же знала, что так и будет. — Из глаз женщины брызнули слезы, теперь она не кричала, а истерически визжала. — Я вас предупреждала, я говорила!

— Ну и что же нам теперь делать? — с почти детским недоумением повернулся к Паттерсону Ганнет. — Ведь его убили. Внезапная ярость смела с его лица всякие следы страха и растерянности.

— Я убью каждого утколапого на этой планете!

Я вздерну утколапых на столбы, сожгу их дома! Я… — он потерянно смолк. — Только ведь уже поздно, правда? Мы ничего не можем сделать. Мы проиграли. Нас разбили еще до начала войны.

— Да, — сказал Паттерсон. — Слишком поздно. Вы упустили свой шанс.

— Вот если бы мы заставили его говорить… — беспомощно отозвался Ганнет.

— Не могли вы этого сделать. Не было такой возможности.

— Почему не было? — недоуменно моргнул Ганнет. В растерянных глазах снова мелькнула животная, инстинктивная хитрость. — Почему вы так говорите?

Паттерсон не ответил, в этот момент громко загудела С-петля.

— Доктор Паттерсон, — произнес монитор. — Вам срочный звонок из Народонаселения.

— Свяжите меня.

— Доктор Паттерсон, — продребезжал голос секретарши. — Я получила затребованную вами информацию.

— Ну и как? — спросил Паттерсон. Он и сам уже знал ответ.

— Для полной уверенности мы вторично проверили свои результаты. Личность, описанная

вами, не существует. Ни в современных, ни в прежних архивных данных нет Дэвида Л. Ангера с описанными вами характеристиками. Структура мозга, зубы, отпечатки пальцев — в наших файлах нет ничего подобного. Вы желаете, чтобы мы…

— Нет, — прервал ее Паттерсон. — Я получил ответ на свой вопрос, так что на том и кончим. — Он отключил С-петлю.

— Вот этого я уже совсем не понимаю, — взмолился тупо слушавший их беседу Ганнет. — Объясните мне хоть что-нибудь.

Паттерсон не слушал промышленника. Присев на корточки, он потрогал пальцами останки Дэвида Ангера, а затем снова включил С-петлю.

— Отнесите все это в лабораторию, — негромко приказал он. — Немедленно пришлите сюда персонал. — А затем поднялся на ноги и добавил еще тише: — После чего я найду В-Стивенса — если удастся.

— Он давным-давно смылся и теперь пробирается на Венеру, — с горечью сказала Ивлин Каттер. — Ладно, тут уж ничего не попишешь.

— Да, сделать ничего нельзя, — согласился Ганнет. — А значит, будет война. — Он постепенно выходил из состояния прострации. Потребова-

лось огромное усилие, чтобы сфокусировать взгляд, разглядеть окружающих. Пригладить роскошную гриву седых волос и поправить костюм было уже легче. К его фигуре — столь импозантной совсем недавно — возвращалось нечто отдаленно напоминавшее достоинство. — И мы должны встретить эту войну как мужчины. Нет никакого смысла пытаться ее избежать. Паттерсон отодвинулся в сторону, освобождая место для бригады, присланной из лаборатории. Окружив обугленные останки, роботы начали осторожно сгребать их в одну кучу.

— Проведите полный анализ, — приказал он лаборанту, руководившему бригадой. — Подробно изучите клеточную структуру, а особенно — структуру нейронов. Как только будут результаты — сообщите мне.

Результаты появились через час.

— Смотрите сами, — сказал лаборант. — Ну вот, например, возьмите в руку этот кусок. Он даже на ощупь какой-то не такой.

Паттерсон взял предложенный образец — полоску пересохшей, хрупкой органики. По виду напоминает прокопченную шкуру какого-нибудь обитателя моря. Полоска треснула пополам, а затем, когда он положил ее на лабораторный

стол, рассыпалась почти в пыль.

— Понятно, — медленно сказал врач.

— Если учесть сложности — сделано очень здорово. Конечно, можно бы и покрепче. Скорее всего, эта штука отказала бы и сама не сегодня-завтра. Солнце, воздух — она не могла этого выдержать и быстро разлагалась. Отсутствовала внутренняя регенерационная система. Наши клетки постоянно очищаются, ремонтируются, заменяются. А эту штуку сделали, запустили — и все. Они сильно нас обошли в биосинтезе. Шедевр.

— Да, отличная работа, — согласился Паттерсон. Подобрав со стола еще один фрагмент того, что было прежде плотью Дэвида Ангера, он задумчиво разломал его на мелкие кусочки. — У нас не возникло ни малейших подозрений.

— Но вы-то ведь догадались?

— Далеко не сразу.

— Как видите, мы пытаемся воссоздать эту систему, собираем пепел в одно целое. Конечно, многого не хватает, но общие очертания мы получим. Хотел бы я поговорить с создателями этой штуки. Ведь она и вправду действовала. И не была механизмом.

Только теперь Паттерсон заметил собранное из

обугленных частичек пепла лицо андроида. Иссохшая, почерневшая, тонкая, как бумага, плоть. Единственный глаз, сейчас — мертвый, тусклый, слепой. В департаменте не ошиблись — Дэвида Ангера нет и никогда не было. Точнее говоря — не было такой личности, ни на Земле, ни на прочих планетах. Дэвидом Ангером называли созданное людьми устройство.

— Одурачили нас полностью, — еще раз признал Паттерсон. — Сколько человек знает об этом — если не считать нас с вами?

— Больше никто. Я — единственный человек в этой бригаде, — лаборант указал на своих роботов.

— Вы можете сохранить все в тайне?

— Конечно. Собственно говоря, вы — мой начальник, и ваше слово для меня — приказ.

— Спасибо, — сказал Паттерсон. — Но такая информация в любой момент даст вам другого начальника.

— Ганнета? — рассмеялся лаборант. — Не думаю, чтобы мы с ним сработались.

— Но он может хорошо заплатить.

— Может, — согласился лаборант. — А потом пройдет немного времени, и я окажусь на передовой. Уж лучше остаться здесь, в нашей больнице.

— Если будут задавать вопросы, — уже от двери обернулся Паттерсон, — скажите, что сохранилось слишком мало, и анализ был невозможен. Вы можете уничтожить эти останки?

— Очень не хочется, но могу. А вы не знаете случаем, кто собрал эту штуку? — с любопытством поглядел на него лаборант. — Хотелось бы пожать ему руку.

— В данный момент, — уклончиво ответил Паттерсон, — меня интересует только одна вещь. Нужно найти В-Стивенса.

Ле Марр почувствовал на своем лице тусклый свет предзакатного солнца, вяло сморгнул, попытался выпрямиться — и врезался головой. В приборную доску машины. Захваченный водоворотом невообразимой боли, он обмяк и на какое-то время погрузился в мучительную, беспросветную тьму. Затем, постепенно придя в себя, он поднялся с пола. И огляделся.

Машина стоит в глубине маленькой уличной стоянки. Часы показывают половину шестого. По узкой улочке, к которой примыкала стоянка, с шумом несутся машины. Подняв руку, Ле Марр осторожно обследовал свою голову. Онемевшее, утратившее всякую чувствительность пятно размером примерно с долларовую монету. Пятно

дышало запредельным холодом, полным отсутствием тепла — словно сумело каким-то образом соприкоснуться с безжизненными глубинами космоса.

Он все еще пытался прийти в себя, восстановить события, предшествовавшие утрате сознания, когда у входа на стоянку показался доктор В-Стивенс.

Держа одну руку в кармане, венерианин ловко, ни на мгновение не замедляя бега, огибал машины, его глаза смотрели остро, настороженно. Было в нем нечто странное, необычное, но что именно — затуманенная, слабо еще ориентирующаяся в окружающем голова англичанина не могла сообразить. В-Стивенс почти уже подбежал к машине, когда Ле Марр понял, в чем тут дело, а одновременно все вспомнил. Соскользнув на пол, он постарался придать себе тот же ватный, бесчувственный вид, что и прежде, и все-таки непроизвольно дернулся, когда венерианин рывком открыл машину и занял водительское место.

Куда-то исчез зеленый цвет кожи.

В-Стивенс захлопнул дверцу, вставил ключ зажигания и включил мотор. Он закурил, зачем-то осмотрел свои тяжелые перчатки, мельком

взглянул на Ле Марра и вывел машину со стоянки на улицу. Затем, набрав скорость, он вынул из кармана фризер, задержал его на мгновение в руке, а затем уронил на сиденье, рядом с собой.

Ле Марр рванулся к оружию. Краем глаза заметив движение, В-Стивенс нажал на тормоз, бросил руль и молча, яростно вцепился в столь неожиданно очнувшегося англичанина. Машину занесло, она с визгом остановилась — и тут же зазвучали протестующие гудки других автомобилистов. Двое врачей боролись отчаянно, не дыша; на момент они замерли, ни один не в силах превозмочь другого, но затем Ле Марр вырвался, отшатнулся к дверце машины. В бесцветное лицо В-Стивенса смотрел глазок ствола.

— Что случилось? — Голос Ле Марра хрипел, срывался. — Я был без сознания пять часов. Что вы сделали за это время?

В-Стивенс молча отпустил тормоз и поехал дальше. Из его губ сочилась серая струйка сигаретного дыма, полузакрытые глаза подернулись белесой пленкой.

— А ведь вы — землянин, — полувопросительно сказал Ле Марр, — никакой вы не утколапый.

— Я — венерианин, — безразлично откликнулся В-Стивенс. Он продемонстрировал перепонки

на своих руках, а затем снова надел тяжелые перчатки.

— Но каким образом…

— Вы что, думаете, мы не умеем изменять при необходимости свой цвет? — с тем же равнодушием пожал плечами В-Стивенс. — Синтетические гормоны, красящие препараты, несколько примитивных хирургических операций. Полчаса в ванной со шприцем и мазями. Эта планета мало подходит для человека с зеленой кожей.

Улицу пересекало на скорую руку возведенное заграждение, рядом стояла кучка мрачных людей с ружьями и дубинками, кое-кто из них — в серых шапочках Национальной гвардии. Самозваный патруль задерживал и обыскивал всех проезжающих. Какой-то толстомордый тип сделал В-Стивенсу знак остановиться. Лениво подойдя к машине, он приказал открыть окно.

— Что тут происходит? — нервно спросил Ле Марр.

— Утколапых ловим, — прорычал толстомордый; от его толстой парусиновой рубахи кисло тянуло потом и чесноком. Быстрыми, недоверчивыми глазами он осмотрел салон машины. — А вы их часом не встречали?

— Нет, — ответил В-Стивенс.

Вскрыв багажник, бдительный мордоворот проверил и там.

— А вот нам один попался, пару минут назад. — Толстым пальцем он ткнул куда-то в сторону. — Видите красавчика?

Венерианина повесили на уличном фонаре. Обдуваемое легким вечерним бризом зеленое тело крутилось и раскачивалось. Мертвое лицо застыло пятнистой, уродливой маской предельного страдания. Вокруг столба сбилась небольшая толпа людей — мрачных, злых. Выжидающих.

— Будут еще, — пообещал толстомордый, со стуком захлопывая багажник. — И много.

— А что случилось? — сумел наконец выдавить из себя Ле Марр. Его тошнило от ужаса и отвращения, голос дрожал и срывался. — Почему все это происходит?

— Утколапый убил человека. Земного человека. — Отступив на шаг, толстомордый хлопнул ладонью по капоту. — Ладно, проезжайте.

В-Стивенс тронул машину с места. Некоторые из людей, околачивавшихся рядом с заграждением, успели полностью экипироваться в военную форму; преобладала смесь синего цвета Земной Армии и серого — Национальной Гвардии. Сапоги, ремни с тяжелыми пряжками, фуражки,

револьверы, нарукавные повязки с крупными буквами «КО» по красному фону.

— Что это такое? — еле слышно спросил Ле Марр.

— Комитет обороны, — сквозь зубы процедил В-Стивенс. — Передовой отряд Ганнета. Защитим Землю от ворон и утколапых.

— Но… — беспомощно взмахнул руками Ле Марр. — Разве на Землю кто-нибудь напал?

— Во всяком случае, я о таком не слышал.

— Разверните машину. Возвращайтесь в больницу.

Слегка помедлив, В-Стивенс подчинился; через мгновение машина неслась к центру Нью-Йорка.

— Для чего это? — спросил он. — Почему вы решили вернуться?

Ле Марр не слышал, остекленевшими от ужаса глазами он наблюдал за выплеснувшими на улицы людьми. Мужчины и женщины, по-звериному озирающиеся в поисках жертвы, обуянные жаждой крови.

— Они сошли с ума, — бессильно пробормотал англичанин. — Они звери, скоты.

— Нет, — спокойно откликнулся В-Стивенс. — И все это стихнет, очень скоро. Когда Комитет обнаружит, что лишился финансовой поддержки.

Сейчас все летит вперед, полным ходом, но скоро передвинут рукоятку сцепления и эта огромная машина со скрежетом даст задний ход.

— Почему?

— Потому, что теперь Ганнет не хочет войны. Новой тенденции надо время, чтобы проявиться. Возможно, Ганнет начнет финансировать какой-нибудь КМ. «Комитет Мира».

Больницу окружало кольцо танков, грузовиков и тяжелых самоходок. Затормозив у входа, В-Стивенс раздавил свой окурок. Проезд был закрыт для всех машин. Между танками разгуливали солдаты с крупнокалиберным оружием на изготовку; на черных матовых стволах поблескивали следы плохо стертой упаковочной смазки.

— Ну и?.. — спросил В-Стивенс. — Что теперь будем делать? Фризер у вас, да и вообще, все это возвращение — ваша идея.

Ле Марр опустил монету в щель видеофона, заказал номер больницы, а затем сиплым от волнения голосом попросил Вэйчела Паттерсона.

— Где вы? — требовательно спросил Паттерсон. И тут же заметил зажатое в руке англичанина оружие. А затем и В-Стивенса.

— Значит, вы его поймали.

— Да, — кивнул Ле Марр, — только я не пони-

маю происходящего. Что мне делать? — беспомощно воззвал он к крошечному изображению Паттерсона. — Что все это такое?

— Скажите, где вы находитесь, — напряженным голосом оборвал его стенания Паттерсон.

— Хотите, я отведу его в больницу? — спросил Ле Марр, закончив объяснения. — Может быть, стоило бы…

— Вы только не выпускайте этого фризера из рук. Я сейчас подойду. — Экран потух.

Ле Марр недоумевающе покачал головой.

— Ведь я пытался вывезти вас отсюда, — сказал он В-Стивенсу. — А вы подстрелили меня. Но зачем, зачем? — И тут он вскинулся, поняв ситуацию. — Вы убили Дэвида Ангера.

— Совершенно верно, — невозмутимо согласился В-Стивенс.

Фризер плясал в дрожащей руке Ле Марра.

— Возможно, мне стоило бы убить вас, убить прямо сейчас. Или открыть окно и крикнуть этим полоумным, чтобы они вас взяли. Я просто не знаю.

— Поступайте, как вам заблагорассудится, — пожал плечами В-Стивенс.

Лихорадочные раздумья Ле Марра прервал стук в окно машины; Паттерсон упал на заднее

сиденье и захлопнул дверцу.

— Запускайте мотор, — сказал он В-Стивенсу, — и двигайтесь к выезду из города.

Мельком взглянув на Паттерсона, В-Стивенс включил двигатель.

— С тем же успехом вы можете сделать это и здесь, — сказал он. — Никто и не подумает вам мешать.

— Я хочу выехать из города, — ответил Паттерсон. — Мой лабораторный персонал, — добавил он, — проанализировал останки Дэвида Ангера. Они сумели в общих чертах реконструировать этого синтетика.

— О-о?

На этот раз лицо В-Стивенса не смогло остаться бесстрастным.

— Жму руку, — хмуро произнес Паттерсон, протягивая ему ладонь.

— Почему? — недоуменно поднял брови В-Стивенс.

— Меня попросил об этом один человек. Человек, считающий, что вы, венериане, проделали великолепную работу, изготавливая этого андроида.

С мягким урчанием машина неслась по шоссе сквозь вечерние сумерки.

— Денвер — последнее, что у нас осталось, — объяснил В-Стивенс. — Поэтому сейчас там слишком тесно. «Кока-Кола» сообщает, что какие-то комитетчики начали обстреливать наши учреждения, но Директорат самым неожиданным образом это прекратил. Возможно, под давлением Ганнета.

— Я бы хотел узнать побольше, — сказал Паттерсон. — Не про Ганнета, с ним все ясно. Мне хочется знать, что вы там задумали.

— Создатель этого синтетика — действительно «Кока-Кола», — признал В-Стивенс. — Мы знаем про будущее ничуть не больше вашего, то есть — абсолютно ничего. Дэвида Ангера никогда не было. Мы подделали документы, создали вымышленную личность, историю вымышленной войны — продумали буквально все.

— Зачем? — спросил Ле Марр.

— Чтобы Ганнет испугался и пошел на попятную. Чтобы, придя в полный ужас, он позволил Венере и Марсу получить независимость. Чтобы он перестал разжигать войну ради сохранения экономического ярма, надетого на наши шеи. Согласно мировой истории, заложенной нами в мозг Ангера, Ганнетовская империя, охватившая сейчас девять миров, была разбита и уничтоже-

на. А Ганнет — прагматик; он рискнул бы, имея приличные шансы, но наша история не дает ему ни одного шанса из ста.

— Так что теперь Ганнет не хочет войны, — задумчиво сказал Паттерсон. — А вы?

— Мы никогда ее не хотели, — спокойно ответил В-Стивенс. — Мы вообще не любители таких игр. Свобода и независимость — больше нам ничего не нужно. Я не знаю, на что эта война была бы похожа в действительности, но могу себе представить. Ровно ничего хорошего, ничего, кроме бед, ни для вас, ни для нас. А все шло именно к войне.

— Мне хотелось бы получить простые ответы на некоторые простые вопросы, — сказал Паттерсон. — Вы являетесь агентом «Кока-Кола»?

— Да.

— А В-Рафия?

И она тоже. Правду говоря, попадая на Землю, любой житель Марса или Венеры становится таким агентом. Мы хотели провести В-Рафию в больницу, мне на помощь. Была некоторая вероятность, что я не смогу уничтожить синтетика в нужный момент — тогда этим должна была заняться В-Рафия. Но ее убил Ганнет.

— А почему нельзя было попросту воспользо-

ваться фризером, зачем такие сложности?

— С одной стороны, нам хотелось уничтожить синтетическое тело полностью; это, конечно же, невозможно. Наилучший из возможных вариантов — превратить его в пепел. Достаточно мелкий, чтобы поверхностное обследование не дало никаких результатов. — Он искоса глянул на Паттерсона. — А что заставило вас провести такой серьезный анализ?

— Вышел номер Ангера. И Ангер не явился его получать.

— Вот как? — несколько обеспокоился В-Стивенс. — Это плохо. Мы не могли сказать точно, когда подойдет этот номер. Мы думали, что в запасе есть еще два-три месяца, но за последнюю неделю поток добровольцев сильно вырос.

— Ну а если бы вам не удалось уничтожить Ангера?

— Уничтожающий аппарат был сфазирован таким образом, что у Ангера не оставалось никаких шансов. Прямая настройка на тело синтетика, так что мне оставалось активировать цепь, когда он будет находиться где-нибудь рядом. Ну а если бы меня убили или еще как-нибудь помешали привести механизм в действие — синтетик умирает естественной смертью, так и не успев снабдить

Ганнета нужной информацией. Предпочтительным вариантом было уничтожение Ангера прямо на глазах у Ганнета и его сотрудников — таким образом они решили бы, что мы знаем исход войны. Ради такого психологического шока стоило рискнуть, что меня поймают. Паттерсон молчал.

— Ну и что же дальше? — спросил он наконец.

— Я возвращаюсь в «Кока-Кола». Сперва планировалось использовать Нью-Йоркский порт, но тут уж постарались бандиты Ганнета. Конечно же, «возвращаюсь» — если вы не намерены мне помешать.

На лбу Ле Марра выступил пот.

— А если Ганнет узнает, что его обманули? Если он узнает, что Дэвид Ангер никогда не существовал…

— Ну, об этом-то мы позаботимся, — пообещал В-Стивенс. — К тому времени, как Ганнет сообразит организовать проверку, Дэвид Ангер уже будет. А тем временем… — Он пожал плечами. — Тем временем все зависит от вас двоих. У вас в руках оружие.

— Отпустим его, — нервно сказал Ле Марр.

— Не очень-то это патриотично, — укорил его Паттерсон. — Таким образом мы поможем утколапым в их махинациях. Возможно, нам стоило

бы поискать этих, из комитета.

— К чертовой их матери! — выкрикнул Ле Марр. — Да я бы в жизни никого не сдал этой банде психов, у которой одна радость в жизни — линчевать. Даже…

— Даже утколапого? — уточнил В-Стивенс. Паттерсон смотрел на угольно-черное, усеянное звездами небо.

— Ну и что же получится в конце концов? — спросил он у В-Стивенса. — Вы думаете, этим все и кончится?

— Конечно, — уверенно кивнул В-Стивенс. — Недалеко то время, когда мы полетим к звездам. К другим системам. Мы наткнемся на другие расы — на действительно другие расы. На существ, которые в самом буквальном смысле этого слова не будут людьми. Вот тогда-то люди и сообразят, что все мы — побеги одного ствола. Это станет очевидным, когда появится материал для сравнения.

— О'кей, — сказал Паттерсон. Он вынул из кармана фризер и передал его В-Стивенсу. — Больше всего меня беспокоило именно это. Страшно подумать, чтобы такой ужас мог продолжаться.

— Не будет он продолжаться, — спокойно ответил В-Стивенс. — Скорее всего, некоторые из этих

негуманоидных рас будут выглядеть довольно кошмарно. Поглядев на них, земной человек будет счастлив отдать свою дочь человеку с зеленой кожей. — По его губам пробежала усмешка. — У некоторых негуманоидов может и вообще не оказаться никакой кожи…

Высшая резервная должность

За час до выхода в эфир новостной программы ведущий клоун шестого канала Джим Брискин собрал в своем кабинете всю свою команду, чтобы обсудить сообщение о неизвестной и, вполне возможно, враждебной космической эскадре, появившейся в восьмистах астрономических единицах от Солнца. Бесспорно, это была важная новость. Только вот как подать ее многомиллиардной аудитории телезрителей, рассеянных по трем планетам и семи лунам?

Пегги Джонс, секретарша Брискина, закурила сигарету и сказала:

— Ты бы полегче с ними, Джим-Джем, полегче. Не нагнетай атмосферу.

Она устроилась в кресле поуютнее и начала перебирать сводки, пришедшие на их телетайпы от Юницефалона 40-Д.

Гомеостатический проблеморазрешательный комплекс Юницефалон 40-Д квартировал по адресу Вашингтон, федеральный округ Колумбия, Белый дом; именно он обнаружил в глубинах космоса возможный источник внеш-

ней угрозы. Располагая всеми полномочиями президента Соединенных Штатов, Юницефалон незамедлительно отрядил линейные корабли для организации сторожевого заслона. Складывалось впечатление, что неизвестная эскадра прибыла из некоей другой звездной системы; уточнение этого обстоятельства также ложилось на долю сторожевых кораблей.

— «Полегче», — мрачно передразнил Джим Брискин. — Растяну я, значит, рот от уха до уха и скажу: ну, ребята, хохма, чего мы боялись, того и дождались, ха-ха-ха. — Он неприязненно взглянул на Пегги. — На Земле и на Марсе все животики надорвут, а вот насчет внешних лун я как-то не очень уверен.

Все прекрасно понимали, что при нападении извне первыми пострадают дальние колонии.

— Нет, они смеяться не будут, — согласился сценарист-консультант Эд Файнберг; он имел родственников на Ганимеде, а потому и особые причины для беспокойства.

— Неужели не найдется какой-нибудь новости повеселее? — спросила Пегги. — Для начала программы? Надо же и о спонсоре подумать, о его интересах. — Она передала Брискину всю свою охапку сводок. — Поищи тут что-нибудь такое.

Решение алабамского суда о предоставлении корове-мутантке права голоса… ну, ты знаешь.

Брискин знал — что-нибудь вроде той прелестной истории, она тронула сердца миллионов — про сойку-мутантку из Бисмарка, штат Северная Дакота, которая с огромным трудом, после многих попыток научилась шить. Памятным апрельским утром трудолюбивая сойка сшила гнездо для себя и для своих птенцов прямо перед телевизионными камерами под комментарии Брискина. Одно из сообщений резко выделялось на общем фоне; Брискин с первого взгляда понял: вот то, что поможет смягчить зловещий тон сегодняшних новостей. Наглядне́йшее доказательство того, что в мире все идет обычным порядком, и порядок этот неколебим, какие бы там ни приходили известия с окраин Солнечной системы.

— Ты только глянь, — ухмыльнулся он. — Старина Гэс Шатц помер. Наконец-то.

— А кто он такой? — удивилась Пегги. — Гэс Шатц… что-то вроде знакомое.

— Профсоюзник, — пояснил Брискин. — Да ты должна помнить. Резервный президент, которого назначили от профсоюза двадцать два года назад. Теперь он помер, и профсоюз… — он уронил на

стол листок с кратким, сухим сообщением, — они посылают в Белый дом нового президента. Я возьму у этого парня интервью — если только он умеет говорить.

— Ну да, — кивнула Пегги. — Я все время забываю. Там до сих пор держат в резерве человека — на случай, если Юницефалон откажет. А у него бывали отказы?

— Нет, — поморщился Эд Файнберг, — это полностью исключено. Типичнейший пример того, как профсоюзы создают пустопорожние рабочие места и заполняют их своими бездельниками. Чума нашего общества.

— И все равно, — твердо сказал Брискин, — людям понравится. Домашняя жизнь самого главного в стране резервиста… почему профсоюз выбрал именно его, какое у него хобби. Чем этот человек, кто бы он там ни был, намерен заниматься в течение своего президентского срока, чтобы не взбеситься от безделья. Старина Гэс изучил переплетное дело, он собирал старые редкие автомобильные журналы и переплетал их в сафьян. С золотым тиснением. Эд и Пегги согласно кивнули.

— Действуй, Джим-Джем, — сказала Пегги. — Ты сможешь подать это интересно — да ты все

что угодно можешь подать интересно. Я сейчас же звоню в Белый дом. Как ты думаешь, он уже туда добрался?

— Да нет, — вмешался Файнберг, — скорее всего, он еще в Чикаго, в штаб-квартире своего профсоюза. Попробуй позвонить туда. Профсоюз гражданских правительственных служащих, восточная секция.

Пегги подняла трубку и начала торопливо крутить диск телефона.

В семь утра Максимилиан Фишер проснулся от каких-то непонятных звуков; приподняв с подушки голову, он начал разбирать во все нараставшем гвалте сперва визгливый голос домохозяйки, а затем и другие голоса — мужские и вроде как незнакомые. Он помотал головой, чтобы стряхнуть остатки сна, и сел, стараясь перемещать немалую свою тушу как можно более плавно, без рывков и излишних усилий. Что бы там ни произошло, он не намеревался гнать спешку, — а то ведь доктор каждый раз говорит: не перенапрягайтесь и не перенапрягайтесь, у вас и так сердце увеличено, нужно беречь его от чрезмерной перегрузки. Макс медленно встал и начал спокойно, неторопливо одеваться.

«Ну точно, опять приперлись за взносом в ка-

кой-нибудь там свой фонд, — объяснил он себе происходящее. — Очень на этих мужиков похоже. Только что-то они сегодня рановато. — Он не чувствовал ни малейшей тревоги. — Я на прекрасном счету и связи тоже имею. Так что, — твердо подытожил он, — черта ли мне бояться».

Макс аккуратно застегнул все пуговки на своей любимой, в зеленую с розовым полоску, шелковой рубашке.

«Одежда должна быть классной», — думал он, сумев наконец согнуться достаточно сильно, чтобы натянуть на ноги аутентичные, из настоящей искусственной замши танцевальные мокасины.

«Нужно быть готовым говорить с ними на равных, — думал он, приглаживая перед зеркалом и с детства-то жидковатые, а за последнее время и вовсе поредевшие волосы. — Если они захотят вытрясти из меня слишком уж много, я стукну на них прямо Пэту Ноблу, в его Нью-Йоркское работодательное бюро, ну точно стукну, я не намерен мириться со всеми этими ихними закидонами, тоже мне мальчика нашли, я записался в союз, когда они все еще в пеленки мочились».

— Фишер, — проорал голос из соседней комнаты, — одевайся и пошли. Мы нашли тебе работу по душе. Прямо сегодня и приступишь.

Слово «работа» вызвало у Макса Фишера двойственные чувства, он не знал радоваться или плакать. К описываемому моменту он уже больше года кормился от профсоюзного фонда — как и большинство его знакомых. И вдруг — на тебе, пожалуйста. «Ну вот, — подумал он с тоской, — приехали. А если это тяжелая работа, ну, вроде, если там надо много нагибаться или бегать всю дорогу туда-сюда?» В нем вскипала злость. Ну это ж надо такую подлянку человеку устроить, то есть в смысле, что они о себе думают?

— Послушайте, — начал он, открывая дверь, но профбоссы отнюдь не намеревались что-то там слушать.

— Пакуй вещички, Фишер, — оборвал Макса один из них, наверное — главный. — Гэс Шатц отбросил коньки, так что ты теперь едешь в Вашингтон и становишься резервистом номер раз, и все это надо по-быстрому, пока они там не прикрыли это место, а то потом придется бастовать или в суд на них подавать. А кому это надо? Мы хотим заполнить вакансию тихо и спокойно, без никаких неприятностей, ясно? Сделать переход таким гладким, чтобы никто, считай, и не заметил.

— А какая ставка? — прищурился Мак.

— Ты не в таком положении, чтобы что-то там решать, — отрезал профбосс, — тебя отобрали. Мы же в пять минут можем снять тебя с профсоюзного пособия. Пойдешь на улицу, будешь искать работу, тебе что, этого хочется? Да и кто тебя возьмет, в твоем-то возрасте.

— А ты на меня бочку не кати, — взорвался Макс. — Я вот сейчас подниму эту трубку и позвоню Пэту Ноблу… Тем временем остальные профсоюзники скидывали в кучу его барахло.

— Мы поможем тебе собраться. Пэт хочет, чтобы к десяти ты уже сидел в Белом доме.

— Пэт! — убито повторил Макс. Его предали, продали ни за грош.

Профсоюзники, вытаскивавшие из чулана Максовы чемоданы, ухмыльнулись.

Вскоре они уже неслись на монорейле по бескрайним равнинам Среднего Запада. Максимилиан Фишер мрачно смотрел на поля, леса и прочие сельские радости, с головокружительной скоростью мелькавшие за окном; он не разговаривал с конвоировавшими его чиновниками, предпочитая снова и снова обдумывать сложившуюся ситуацию. Что ему известно про резервный пост номер один? Рабочий день начинается в 8:00 утра — это он вроде бы где-то читал.

А еще — что в Белом доме всегда пропасть туристов, желающих хоть краешком глаза взглянуть на Юницефалон 40-Д, а среди тех туристов чуть не половина школьники… а Макс ненавидел детей, потому что они всегда показывали на него пальцем и смеялись из-за его… ну, скажем, веса. А теперь это что же получается — они будут проходить мимо него тысячами, нескончаемым, как говорится, потоком, и никуда от них не убежишь, потому что он должен быть на рабочем месте! Согласно закону резервный президент не имеет права удаляться от Юницефалона более чем на сто ярдов ни днем ни ночью, и не сто даже вроде, а пятьдесят. Так или сяк, но ему придется считай что сидеть верхом на этом гомеостатическом проблеморазрешательном комплексе на случай, если тот вдруг откажет.

«А я вот возьму и потрачу это время с пользой, — решил Макс. — Пройду, скажем, телевизионный курс государственного управления — так, на всякий пожарный».

Повернувшись к профсоюзному чиновнику, сидевшему от него одесную, без пяти минут президент Соединенных Штатов спросил:

— Послушай, любезный сочлен, эта работенка, которую вы мне там подыскали, она дает какие-

нибудь реальные права? Это, значит, в смысле, могу ли я…

— Работа себе и работа. Профсоюзная. Точно такая же, как и все профсоюзные работы, — устало объяснил чиновник. — Ты сидишь, подстраховываешь, считаться. Ты что, так давно на пособии, что все уже перезабыл? Слышь, — он толкнул локтем одного из своих товарищей, — этот Фишер желает знать, какие властные права дает ему эта работа. — Профсоюзники дружно расхохотались.

— А знаешь, Фишер, — сказал другой из них, — когда ты малость обживешься в Белом доме, получишь в полное свое распоряжение стул и кровать, договоришься насчет еды, постирушек и когда смотреть телевизор, почему бы тебе не забежать тогда к Юницефалону 40-Д ну и вроде как поскулить немного — поскулишь, поскребешь пол, глядишь, он тебя и заметит.

— Кончай трепаться, — обиженно пробубнил Макс.

— А потом, — невозмутимо продолжал чиновник, — ты вроде как скажешь: — «Слышь, Юницефалон, я вроде как твой кореш. Ты — мне, я — тебе. Ты издаешь для меня какое-нибудь постановление, а я…»

— А он-то чего может взамен? — поинтересо-

вался другой чиновник.

— Позабавить. Он может рассказать Юницефалону историю своей жизни, как он родился в бедной семье и учился на медные деньги, как прилежно и неустанно смотрел телевизор и получил через то серьезное образование, как собственными своими силами, без чьей-либо помощи поднялся из нищеты и безвестности до — вы только послушайте — поста, — чиновник презрительно фыркнул, — резервного президента.

Макс покраснел и мрачно уставился в окно.

Изо всех многочисленных помещений Белого дома Максимилиану Фишеру отводилась одна маленькая комната, принадлежавшая прежде Гэсу Шатцу. Все старые автомобильные журналы были уже куда-то убраны, однако на стенках осталось несколько прикнопленных картинок — «Вольво С-122» 1963 года, «Пежо 403» 1957 года и прочая классика дней давно минувших. На опустевшей книжной полке Макс обнаружил пластмассовую, ручной работы модель двухдверного «Студебекера Старлайт» 1950 года, каждая деталь миниатюрного автомобильчика была вырезана с любовной тщательностью. — Он так и загнулся с этой штуковиной в руках, — сказал

один из профсоюзных чиновников, опуская на пол Максов чемодан. — Гэс наизусть знал каждый, какой только есть, факт про эти древние дотурбинные машины — прямо не мужик, а бездонный кладезь бессмысленных знаний.

Макс молча кивнул.

— А ты-то сам придумал, чем ты тут займешься? — не отставал чиновник.

— Кой хрен, — проворчал Макс, — у меня что, время было чего-то там придумывать? Вот осмотрюсь здесь и решу.

Он подцепил с полки «студебекер» и зачем-то посмотрел, что у него снизу, между колес. Чувствуя острое желание расшибить модель о стенку, он аккуратно поставил ее на прежнее место и отвернулся.

— А то делай шар из аптечных резинок, — предложил чиновник.

— Чего?

— Этот резервный, что до Гэса, Луи какой-то там, странная такая фамилия, так он собирал аптечные резинки, сделал из них здоровенный шар, с целый дом размером. Ну никак мне фамилию не вспомнить… Но когда он помер, шар отдали в Смитсонианский институт, он и сейчас там.

Сквозь неплотно прикрытую дверь донесся

какой-то шорох, затем в комнату просунулась женская голова.

— Мистер президент, — сказала знакомая уже Максу секретарша Белого дома, строго одетая дама средних лет, — тут какой-то ТВ-клоун просит у вас интервью. Постарайтесь, пожалуйста, разобраться с ним как можно быстрее, сегодня у нас по плану очень много экскурсионных групп, и некоторые из туристов могут выразить желание взглянуть на вас.

— Ладно, — сказал Макс и тут же оказался лицом к лицу с вынырнувшим из-за спины секретарши ТВ-клоуном — ни много ни мало, как самим Джим-Джемом Брискиным, ярчайшей из звезд новостной клоунады.

— Вы, что ли, ко мне? — спросил он, запинаясь. — То есть я в смысле — вы точно уверены, что вы хотите взять интервью именно у меня?

Макс не мог себе представить, чтобы такая знаменитость могла проявить интерес к его скромной особе. Он протянул Брискину руку и добавил:

— Это, в общем, моя комната, но все эти машинки и картинки не мои, они тут от Гэса остались. Если вы про них, так я ничего не знаю.

На голове Брискина сверкал непременный

яростно-рыжий шутовской парик; с близкого расстояния великий ТВ-клоун выглядел так же эксцентрично, как и на экране, хотя и чуть постарше, и улыбка тоже была та самая, простая и дружелюбная, заслужившая ему любовь миллионов. Свойский парень, спокойный и уравновешенный, хотя и могущий при необходимости блеснуть едким, убийственным остроумием.

«Отличный мужик, — думал Макс, — ну, как бы это сказать... за такого с легким сердцем отдашь замуж свою любимую сестру». — Вы уже в кадре, мистер Макс Фишер, — сказал Брискин, встряхивая неуверенно протянутую Максом руку. — Или, чтобы быть точным, мистер президент. С вами беседует Джим-Джем. Позвольте мне от имени миллиардов зрителей, рассеянных по всем уголкам нашей огромной, широко раскинувшейся Солнечной системы, задать вам следующий вопрос. Какие чувства испытываете вы, сэр, зная, что отказ, пусть даже самый кратковременный, Юницифалона 40-Д мгновенно вознесет вас на пост самый важный, какой только выпадал на долю человека — пост не резервного, а настоящего президента Соединенных Штатов. Сможете ли вы теперь спокойно спать?

Брискин ослепительно улыбнулся. Толпивши-

еся за его спиной операторы шустро крутили своими камерами, свет прожекторов слепил Максу глаза, от сгущавшейся жары у него взмокли подмышки, по верхней губе катились капельки пота.

— Какие чувства охватывают вас в этот момент? — тараторил Брискин. — Сейчас, когда вы вступаете на стезю, по которой, вполне возможно, вам придется идти до конца своих дней? Какие мысли теснятся в вашем мозгу сейчас, когда вы стали хозяином Белого дома?

— Это… — замялся Макс. — Это высокая ответственность.

— И тут же понял, увидел, что Брискин над ним смеется. Беззвучно смеется прямо ему в лицо. Потому что все это интервью было хохмой. И все, на всех планетах зрители тоже это поняли — кто же не знает, какой у Джим-Джема стиль юмора. Вы, мистер Фишер, мужчина крупный, — сменил тему Брискин. — Я бы даже сказал, грузный. Достаточно ли много вы ходите, двигаетесь? Я спрашиваю не из праздного любопытства, а потому, что ваша новая работа в значительной степени ограничит ваше передвижение пределами этой комнаты; нельзя не задаться вопросом: насколько это скажется на укладе вашей жизни?

— Ну, — протянул Макс, — я не хуже вас понимаю, что государственный служащий должен всегда находиться на своем рабочем месте. И то, что вы тут говорили, конечно, правильно, я не должен отлучаться отсюда ни днем ни ночью, но это меня не очень беспокоит. Я к этому готов.

— А скажите мне, — начал Брискин, — как вы…

Он осекся, повернулся к суетившимся с аппаратурой техникам и сказал совсем другим, напряженным голосом:

— Нас выкинули из эфира.

Мимо установленных на треногах камер протиснулся человек с наушниками на голове.

— Это с монитора, послушайте. — Он торопливо передал наушники Брискину. — Нас прервал Юницефалон, он передает сводку новостей.

Брискин поднес наушники к уху; прошло несколько секунд, и его лицо мучительно искривилось.

— Эти корабли, которые в восьмистах а. е.[9], они оказались враждебными, — сообщил он через пару минут. — Они нас атакуют.

Рыжий шутовской парик сбился набок, но Бри-

---

[9] Примечания: 9

Астрономическая единица, равна расстоянию от Земли до Солнца (149,6 млн км).

скин этого не заметил.

За следующие двадцать четыре часа чужаки сумели не только глубоко вторгнуться в Солнечную систему, но и вывести из строя Юницефалон 40-Д.

Известие об этом достигло Максимилиана Фишера несколько опосредованным образом, когда он мирно ужинал в кафе Белого дома.

— Мистер Максимилиан Фишер?

— Да, — сказал Макс, недоуменно глядя на сотрудников Сикрет Сервис, окруживших его столик.

— Вы являетесь президентом Соединенных Штатов.

— Не-а, — качнул головой Макс. — Я резервный президент, а это большая разница.

— Юницефалон 40-Д вышел из строя, его ремонт может занять до месяца, — сообщил главный секретник. — А потому, в соответствии с поправкой к конституции, вы являетесь теперь президентом, а также главнокомандующим вооруженными силами. Мы будем вас охранять.

Секретник нагло ухмыльнулся. Макс подумал и тоже ухмыльнулся.

— Вы меня поняли? — спросил секретник. — В смысле, дошло?

А то, — кивнул Макс. Теперь стали понятны обрывки разговоров, которые он ненароком подслушал, стоя с подносом в очереди к буфету. Да и персонал Белого дома как-то странно на него поглядывает, все одно к одному. Он допил кофе, поставил чашку на стол и тщательно, неторопливо вытер губы салфеткой. Изо всех сил стараясь изобразить на лице работу мысли. Только вот мыслей у него в голове не было. Никаких.

— Нам сказали, — сказал секретник, — что вам следует срочно прибыть в бункер Совета национальной безопасности. Требуется ваше участие в финализации стратегической диспозиции.

Они вышли из кафе и направились к лифту.

— Стратегия, — сказал Макс, опускаясь в секретные пучины Белого дома. — У меня есть на этот счет кой-какие соображения. Думаю, сейчас самое время серьезно разобраться с этими чужими кораблями. Вы согласны?

Секретники дружно кивнули.

— Да, — провозгласил Макс, — мы должны ясно показать, что ничуть их не боимся. Разнесем этих засранцев, вот тебе и будет финализация диспозиции.

Секретники хором засмеялись.

— Слышь, — Макс дружелюбно ткнул главного

секретника в бок, — ведь мы же охренеть какие сильные, в смысле, у США не все еще зубы повыпадали.

— Вот ты им это и скажи, — сказал один из секретников, и все они, включая Макса, от души расхохотались.

На выходе из лифта их ждала застава.

— Мистер президент, — торопливо заговорил высокий, прекрасно одетый джентльмен, — я Джонатан Кирк, пресс-секретарь Белого дома. Прежде чем удалиться на совещание с членами СНБ, вам следовало бы обратиться к народу в этот час величайшей опасности. Люди хотят посмотреть, на что похож их новый лидер. Здесь, — он протянул Максу несколько листов очень хорошей бумаги, — ваше заявление, подготовленное коллегией политических советников, в нем подробно…

— На фиг это дело, — отмахнулся Макс, даже не глядя на бумажки. — Это я президент, а не вы. Я вас и вообще не знаю. Кирк? Бирк? Шмирк? В жизни о таком не слыхал. Покажите мне, где тут микрофон, и я сам произнесу свою речь. Или доставьте сюда Пэта Нобла; может, у него есть какие-нибудь идеи, и… — Он осекся, вспомнив, что как раз Пэт и втравил его во всю эту историю,

продал ни за понюх табаку. — Да нет, его тоже не надо, просто дайте мне микрофон.

— Это час величайшей опасности, — проскрипел Кирк.

— Само собой, — кивнул Макс, — а поэтому оставьте меня в покое. Давайте так: я не лезу в ваши дела, вы не лезете в мои, согласны? — Он дружелюбно хлопнул Кирка по спине. — Вот все и будет путем.

Пресс-секретарь не успел ответить, в холл ввалилась толпа людей, вооруженных переносными телекамерами и софитами, в авангарде этого полчища двигался Джим-Джем Брискин со своей верной командой.

— Привет, Джим-Джем! — заорал Макс. — Видишь, я стал президентом!

Лицо великого телеклоуна не выражало особого восторга.

— И я не намерен мотать клубок из резинок и корабли в бутылке собирать не буду, найдутся дела получше, — сказал Макс, протягивая Брискину руку. — Большое тебе спасибо. За поздравление.

— Поздравляю, — неохотно пробормотал Брискин.

— Еще раз спасибо. — Макс стиснул ему руку с такой медвежьей силой, что хрустнули косточ-

ки. — Ну да, рано или поздно они отменят это дело, и я снова уйду в резерв. Но пока… — Он широко ухмыльнулся, обводя глазами холл, битком набитый телевизионщиками и государственными чиновниками, армейскими офицерами, охранниками из Секретной службы и какими-то совсем уж непонятными людьми.

— Перед вами, мистер Фишер, стоит весьма серьезная задача, — сказал Брискин.

— Ага, — согласился Макс.

«А вот справишься ты с ней или нет, это еще большой вопрос, — говорил скептический взгляд Брискина. — Как-то сомнительно, чтобы ты смог достойно распорядиться такой огромной властью».

— И я смогу с ней справиться, — заявил Макс в брискинский микрофон, передавший его слова многомиллиардной аудитории, рассеянной по всей Солнечной системе.

— Может, и сможете, — сказал Брискин; его лицо выражало крайнее сомнение.

— Это что же такое? — удивился Макс. — Да никак я тебе больше не нравлюсь?

Брискин молчал, в его глазах появился нехороший блеск.

— Слушай, — сказал Макс, — я же теперь пре-

зидент. Я могу в любой момент прикрыть твою дурацкую телевизионную сеть: натравлю на тебя фэбээровцев — и дело с концом. Для твоего сведения, я прямо сегодня уволю Генерального прокурора, как уж там его фамилия, и заменю его человеком, которого я знаю, которому я могу доверять.

— Да, конечно, — сказал Брискин; недавнее сомнение сменилось на его лице твердой, непонятной Максу решимостью. — Да, все это в вашем праве. При условии, что вы действительно президент…

— Поосторожнее на поворотах, — озлился Макс. — Рядом со мной ты — ничто, пустое место, сколько бы там зрителей у тебя ни было.

Он отвернулся от телекамер и гордо прошествовал в бункер СНБ.

Много позднее, уже под утро, Максимилиан Фишер сидел в подземном бункере Совета национальной безопасности, сонно прислушиваясь к неумолчному стрекоту приглушенного телевизора. Согласно последней сводке, за прошедшие сутки разведывательные источники зафиксировали появление в Солнечной системе еще тридцать чужих кораблей, что доводило общее их число до семидесяти; все передвижения вра-

жеской эскадры непрерывно отслеживались.

Макс понимал, что долго так продолжаться не может; рано или поздно ему придется отдать приказ о начале активных военных действий. Но он никак не мог решиться. Знать хотя бы, кто они такие и откуда. Цэрэушники разводят руками. Насколько они сильны? Тоже неизвестно. Вот и думай в таких условиях, чем увенчаются эти самые активные действия — успехом или, упаси боже…

А тут еще домашние проблемы. Юницефалон все время что-то там подкручивал в экономике, стимулировал ее, когда надо, снижал налоги, менял учетную ставку… а теперь, когда он вырубился, несчастная экономика осталась без пригляда. «Ну что, что я знаю о безработице? — с тоскою думал Макс. — В смысле, не о том, как сидеть на пособии, а какие заводы надо снова открыть, а какие, может, и закрыть?»

Сидевший с ним рядом генерал Томпкинс изучал только что поступивший доклад о выдвижении тактических кораблей на непосредственную защиту Земли.

— Ну как там они с этими кораблями? — спросил Макс. — Правильно их расставили?

— Да, мистер президент.

Макс чуть поморщился. «Издевается? Да вроде нет, голос звучит вполне уважительно».

— О'кей, — пробормотал он, — рад это слышать. И организуйте только эту спутниковую завесу, чтобы без никаких дырок, вроде как когда вы позволили этому кораблю вырубить Юницефалон. Я не хочу, чтобы такое случилось снова.

— Мы ввели состояние Дефкон-один, — отрапортовал Томпкинс. — Полная боевая готовность, с шести ноль-ноль по вашингтонскому времени.

— А как там эти стратегические корабли? — Макс уже выяснил, что армейские предпочитают называть свои наступательные ударные силы таким вот обтекаемым образом.

— Мы можем нанести удар в любой момент. — Генерал Томпкинс скользнул взглядом вдоль длинного стола; все его сотрудники и соратники согласно кивнули. — Мы сумеем разобраться с каждым из семидесяти враждебных кораблей, вторгшихся в нашу систему.

— Ни у кого нет соды? — страдальчески вопросил Макс. Эта неприятная история вгоняла его во все большее уныние. «Сколько ж тут работы и нервотрепки, — думал он. — Сплошные заморочки и неопределенности, ну неужели эти засранцы не могут тихо, без шума покинуть нашу

систему? Оставить ее в покое. В смысле, неужели мы и вправду должны лезть в эту войну?» Кто его знает, на какие ответные меры может пойти их родная система с негуманоидными жизненными формами, тут нужно держать ухо востро — ненадежные они какие-то.

— Только меня вот что беспокоит, — вздохнул Макс. — Ответные меры.

— Совершенно очевидно, — поджал губы генерал Томпкинс, — что никакие переговоры с ними невозможны.

— Ну, тогда действуйте. Влепите им по полной, — сказал Макс и с надеждой оглянулся на остальных членов высокого собрания — не предлагает ли кто-нибудь ему соду.

— Мне кажется, вы сделали мудрый выбор, — сказал генерал Томпкинс; все как один участники совещания согласно кивнули.

— Тут какое-то странное сообщение, — сказал один из советников, протягивая Максу только что снятый с телетайпа листок. — Джеймс Брискин подал против вас иск в Федеральный суд Калифорнии; он утверждает, что вы не являетесь президентом, потому что никогда не выдвигали свою кандидатуру и не прошли через процедуру выборов.

— Это значит, — поразился Макс, — потому, что не было голосования? И всего-то?

— Да, сэр. Брискин просит Федеральный суд подтвердить этот факт; одновременно он объявил, что выдвигает свою собственную кандидатуру.

— Что?!

— Брискин говорит, что нужно провести предвыборную кампанию и выборы и что он будет вашим соперником. Зная свою популярность, он, надо думать, надеется…

— Вот же зараза, — убито пробормотал Макс. — Ну как вам такое нравится?

Длинный стол безмолвствовал.

— Ладно, — сказал Макс, — так или иначе, но по сегодняшнему вопросу мы все решили. Вы, военные, делайте все, что там надо, чтобы расшибить эти чертовы корабли, а тем временем… — Решение возникло у него мгновенно. — Мы организуем экономическое давление на спонсоров Джим-Джема, на «Калбест электроникс» и пиво «Рейнландер», чтобы отбить у него охоту баллотироваться.

Сидевшие за столом люди Дружно кивнули, бункер наполнился шорохом убираемых в портфели бумаг; совещание закончилось или, вернее сказать, было временно прервано. «Он нечест-

но пользуется своим преимуществом, — думал Макс. — Ну как я могу противостоять ему на выборах, когда у нас такие неравные силы — он телевизионная знаменитость, а я нет. Это нечестно, я не могу этого допустить».

«Джим-Джем может баллотироваться сколько ему угодно, — решил он в конце концов, — все равно он меня не победит. Не доживет он до своей победы».

За неделю до выборов межпланетное агентство по изучению общественного мнения «Телескан» обнародовало результаты последнего опроса. Ознакомившись с этими цифрами, Максимилиан Фишер окончательно впал в тоску.

— Вот, полюбуйся. — Он перекинул доклад «Телескана» своему двоюродному брату Леону Лейту, провинциальному юристу, ставшему с недавних пор генеральным прокурором.

Его собственный рейтинг был смехотворно мал; все вело к тому, что Брискин без труда одержит на выборах сокрушительную победу.

— А почему это так? — удивился Леон; подобно Максу, это был высокий, плотный мужчина, отпустивший за долгие годы резервной работы весьма солидное брюхо. Он давно уже отвык от всякой активной деятельности, откровенно тяготился

своим новым постом и не оставлял его исключительно потому, что боялся подвести брата.

— Это что, — спросил он, оторвавшись от банки с пивом, — все потому, что его показывают по телевизору?

— Нет, — съехидничал Макс, — потому, что у него пуп в темноте светится. Конечно же из-за телевизора, придурок ты несчастный. Этот гад не слезает с экрана ни днем ни ночью. Имидж себе создает.

— Да еще парик этот дурацкий, — добавил он после долгого, мрачного молчания. — Для телеведущего это еще как-то, но для президента…

И смолк окончательно.

А дальше было еще хуже.

Тем же самым вечером ровно в девять Джим-Джем Брискин запустил по всем своим станциям семидесятидвухчасовой телемарафон — с явным намерением поднять свою популярность до совсем уж заоблачных высот, окончательно гарантировать себе победу.

Одним из его зрителей был президент Фишер, уныло сидевший в специальной президентской кровати с целым подносом еды под рукой.

«Вот же гад!» — думал он в миллионный раз.

— Гляди, — сказал Макс своему двоюродному

брату, генеральному прокурору, который сидел напротив в глубоком кресле и с аппетитом жевал чизбургер.

— Просто возмутительно, — неразборчиво промямлил Леон.

— И ты знаешь, где у него студия? В глубоком космосе, далеко за орбитой Плутона, там у них самый дальний передатчик, до которого твои фэбээровские герои и в мильон лет не доберутся.

— Доберутся, — пообещал Леон. — Я сказал им, что они обязаны его сделать — по личному указанию президента, моего родного кузена.

— Да когда то будет, — безнадежно махнул рукой Макс. — Расторопности, вот чего тебе, Леон, не хватает, расторопности. Но я скажу тебе по секрету одну вещь. У меня есть в тех местах линейный корабль «Дуайт Д. Эйзенхауэр». Ему прихлопнуть эту ихнюю станцию — все равно что чихнуть, и он готов это сделать по первому моему слову.

— Ну и давай, Макс.

— Только мне очень этого не хочется, — вздохнул Макс.

Тем временем передача набирала обороты. Вспыхнули софиты, и на сцену томно выплыла Пегги Джонс в блестящем и переливающемся

платье с голыми плечами. «А теперь нам покажут классный стриптиз, — пронеслось у Макса в голове, — в исполнении классной девочки». Он уставился в экран, совершенно позабыв о своем недавнем отвращении. Ну, может, взаправдашнего стриптиза и не будет, но вот что Брискин и его команда поставили себе на службу секс, в этом сомнения не было. Генеральный прокурор был настолько потрясен зрелищем, что даже перестал на секунду жевать; его мирное чавканье резко стихло, а затем снова начало разгоняться.

А на экране Пегги приплясывала и пела:

— Я Джим-Джема обожаю, Мне Джим-Джем отец и брат. Самый лучший в Штатах парень Наш с тобою кандидат.

— Господи, — простонал Макс. Но, с другой стороны, то, как она все это подавала, не столько даже голосом, сколько каждой частью своего длинного, стройного тела… здорово, тут уж и слов нет. — Пожалуй, мне следует сейчас же связаться с «Эйзенхауэром», сказать, чтобы действовали, — сказал он, не сводя глаз с экрана.

— Если ты считаешь это необходимым, — твердо заявил Леон, — можешь быть уверен, что я подтвержу полную законность твоих действий, с этой стороны тебе опасаться нечего.

— Передай-ка мне тот красный телефон. — Макс с хрустом потянулся. — Это сверхзащищенная линия связи, ею может пользоваться только главнокомандующий для передачи особо секретных распоряжений. Недурственно, как тебе кажется? — Президент США подмигнул генеральному прокурору. — Я позвоню генералу Томпкинсу, а он уж передаст мой приказ кораблю. Жаль мне так делать, Брискин, — добавил он, взглянув на экран, — но ты ведь сам во всем виноват. Ну зачем ты ввязался в эту историю, попер против меня и все такое?

В этот момент серебристая девушка исчезла с экрана, и на ее месте появился сам Джим-Джем; Макс опустил телефон и начал с интересом смотреть.

— Привет, дорогие друзья. — Брискин вскинул руки, призывая аудиторию к тишине. Записанные на пленку аплодисменты — Макс прекрасно знал, что в такой дыре нет и не может быть ни одного зрителя — чуть стихли, но тут же разразились с удвоенной силой. Брискин дружелюбно улыбнулся и начал покорно ждать.

— Липа это все, — буркнул Макс. — Липовая аудитория. Ушлые они ребята, он и его команда. Потому-то у него и рейтинг такой.

— Верно, Макс, — согласился генеральный прокурор. — Я тоже так думаю.

— Друзья, — начал Брискин; его голос звучал на удивление спокойно и рассудительно. — Скорее всего, вы и сами знаете, что поначалу у нас с президентом Максимилианом Фишером установились вполне приличные отношения.

«А ведь это правда», — подумал Макс; его рука все так же лежала на красном телефоне.

— Когда же мы разошлись, — продолжал Брискин, — это произошло по вопросу о силе — о прямом использовании грубой, жестокой силы. Для Макса Фишера президентская власть является всего лишь механизмом, орудием, посредством какого он может достигать своих собственных целей, исполнять свои желания. Я искренне верю, что по большей части Фишер стремится ко вполне благородным целям, старается продолжать благодатную политику Юницефалона, но вот что касается средств, это разговор отдельный.

— Ты слушай, Леон, слушай, — сказал Макс, не отрывая глаз от телевизора. «Что бы ты там ни говорил, — думал он, — я сделаю, что задумал. Я не допущу, чтобы кто-то там встал у меня на пути, это моя обязанность, это работа, прямо связанная с моей должностью; окажись ты на моем месте,

стань ты президентом, делал бы ровно то же самое, если не хуже». — Даже президент, — говорил Брискин, — должен подчиняться закону; при всей необъятности своей власти он не может стоять вне закона, над законом. — Он на мгновение смолк, а затем продолжил, медленно и отчетливо: — Я знаю, что в этот самый момент агенты ФБР по прямым указаниям новоназначенного генерального прокурора Леона Лейта пытаются закрыть наши станции, заглушить мой голос. Это является лишним примером того, как Макс Фишер использует силу, одно из государственных учреждений, в качестве орудия для достижения собственных своих целей…

Макс поднял красную трубку.

— Да, мистер президент, — сказал далекий голос. — Это озаэс генерала Томпкинса.

— Какой еще озаэс? — рявкнул Макс.

— Ответственный за связь, армейский номер 6001000, сэр. На борту линейного корабля «Дуайт Д. Эйзенхауэр» связь ведется через релейную станцию на Плутоне.

— Да, да, — кивнул Макс. — Слушай, вы там, ребята, будьте наготове, ясно? Будьте готовы к приему дальнейших указаний. Леон, — он прикрыл трубку рукой и повернулся к двоюродному

брату, который к этому времени успешно покончил с чизбургером и взялся за земляничный молочный коктейль. — Ну как я могу это сделать? Это в смысле, что Брискин, он же говорит правду.

— Приказывай Томпкинсу. — Леон громко рыгнул и постучал себя кулаком по груди. — Пардон.

А Брискин все разливался и разливался.

— Вполне возможно, что, говоря сейчас с вами, я рискую своей жизнью. Нужно смотреть фактам в лицо: игрой судьбы мы получили президента, который без малейших угрызений совести пойдет на все, вплоть до убийства, — лишь бы добиться своего. Так поступают все тираны, и это именно то, свидетелями чего мы сейчас являемся, в нашем обществе зародилась тирания, сменившая разумное, бескорыстное правление гомеостатического проблеморазрешательного комплекса Юницефалон 40-Д, сконструированного, построенного и введенного в действие лучшими умами нашей страны, людьми, безгранично преданными сохранению всего самого лучшего, самого ценного, что создало наше общество за свою многовековую историю. То же, что видим мы сейчас, это переход к единоличной тирании, представляется мне по меньшей мере

печальным.

— Теперь я просто не могу этого сделать, — вздохнул Макс.

— С чего бы это? — поразился Леон.

— А ты что, не слышал? Он же говорит обо мне. Это же я и есть, тот самый тиран, про которого он тут столько наплел. Вот же зараза. — Макс решительно положил трубку красного телефона. — Сам же я и виноват, не надо было так долго рассусоливать.

— Ничего не понимаю, — потряс головою Леон. — Почему это ты не можешь сделать все, как было задумано?

— Мне не очень хочется это говорить, — замялся Макс, — но… а ладно, кой черт. Это только докажет, что он прав.

«Я-то и так знаю, что Брискин прав, — думал он, — но вот знают ли это они? Знает ли это народ? Я не могу допустить, чтобы они узнали про меня такое. Они должны смотреть на своего президента снизу вверх, уважать его. Почитать. Мало удивительного, что телескановский опрос дал такие результаты. Мало удивительного, что Джим Брискин без малейших колебаний решил выставить свою кандидатуру против моей. В глубине души они все про меня знают, они это

чувствуют, чувствуют, что Джим-Джем говорит правду. Ну куда мне быть президентом? Я попросту не подхожу для этой должности».

— Знаешь, Леон, — сказал Макс, — я, пожалуй, кончу все-таки этого Брискина, а потом подам в отставку. Это будет мой последний официальный акт. — Он снова поднял трубку красного телефона. — Я прикажу им стереть его в порошок, а потом президентом станет кто-нибудь другой. Любой, кого захотят люди. Да хоть Пэт Нобл или ты, мне все равно. Эй, озаэс, — он раздраженно постучал по рычагу, — отвечай, куда ты там делся? Ты там оставь мне хоть немного коктейля, — на этот раз Макс обращался к Леону, — вообще-то половина была моя.

— Да я бы и сам тебе оставил, — обиделся генеральный прокурор.

— Да есть там хоть кто-нибудь? — спросил Макс у трубки. Трубка не отвечала. — Что-то там не так, — повернулся он к Леону. — Связь поломалась. Снова, наверное, эти пришельцы.

И только тут они заметили, что телевизор потух и заглох. — Да что же это такое? — растерялся Макс. — Что они со мной делают? Кто это делает? — Он испуганно обвел глазами комнату. — Ничего не понимаю.

Леон, чей рот был занят молочным коктейлем, стоически пожал плечами в знак того, что он тоже ничего не понимает, однако его мясистое лицо заметно побледнело.

— Слишком поздно, — сказал Макс. — Не знаю уж почему, но слишком поздно. Наши с тобой враги, Леон, сильнее нас. И я даже не знаю, кто они такие.

Он медленно положил трубку и уставился в темный, немой экран телевизора. Ожидая самого худшего.

— Сейчас вы услышите квазиавтономную сводку новостей, — сказал долго молчавший телевизор. — Будьте наготове.

Джим Брискин взглянул на Эда Файнберга, на Пегги и начал ждать. Через несколько минут телевизор снова заговорил, все тем же скучным, бесцветным голосом.

— Друзья, граждане Соединенных Штатов. Смутное время закончилось, ситуация снова вошла в норму. — Одновременно те же самые слова появлялись и на экране в режиме бегущей строки. Юницефалон 40-Д по своему обыкновению — и ставшему традицией праву — вмешался в чужую передачу. Из динамиков звучал голос самого гомеостатического комплекса, порожден-

ный речевым синтезатором.

— Избирательная кампания прекращается и отменяется, — сказал Юницефалон. — Это параграф первый. Резервный президент Максимилиан Фишер аннулируется, это параграф второй. Параграф третий: мы находимся в состоянии войны со вторгшимися в нашу систему пришельцами из дальнего космоса. Параграф четвертый: Джеймс Брискин, обращавшийся к вам…

«Вот оно», — с тоскою подумал Брискин. А тем временем ровный, безликий голос продолжал:

— Параграф четвертый: Джеймс Брискин, обращавшийся к вам через посредство телевизионных сетей, настоящим обязуется полностью прекратить свою противоправную деятельность, в дополнение к чему издается постановление, предписывающее ему обосновать причину, по которой ему должна быть предоставлена свобода заниматься в дальнейшем какой бы то ни было политической деятельностью. Исходя из интересов народа, мы предписываем ему хранить политическое молчание.

— Ну вот и дождались, — широко ухмыльнулся Брискин. — Конец этим играм. Я должен политически заткнуться.

— Ты можешь обжаловать это в суде, — вски-

нулась Пегги. — По всей цепочке судов, вплоть до Высшего. Им уже случалось отменять решения Юницефалона. — Она тронула Брискина за плечо, но тот отдернулся. — Или ты хочешь бороться с ним напрямую?

— Слава еще богу, меня не аннулировали, — криво улыбнулся Брискин. — В общем-то, я даже рад, что эта машина снова заработала, — добавил он, чтобы успокоить Пегги. — Все-таки возврат к чему-то стабильному. И это нам совсем не помешает.

— Так чем же ты теперь займешься? — спросил Эд. — Пойдешь в «Рейнландеровское пиво» и «Калбест электроникс», попробуешь получить свою старую работу?

— Ну уж нет, — отрезал Брискин. — Только не это.

Но — он не мог политически смолкнуть, не мог подчиниться приказанию этой проблеморазрешалки. Не мог органически — рано или поздно он снова начнет говорить, чем бы это ни грозило. «И, — подумал он, — зуб даю, что Макс тоже не сможет подчиниться… ни один из нас не сможет.

«Может быть, — думал он, — я и вправду оспорю это решение. Встречный иск… Я притащу Юницефалона в гражданский суд, Джим-Джем

— истец, Юницефалон 40-Д — ответчик. — Такая пикантная перспектива заставила его улыбнуться. — Для этого мне потребуется хороший адвокат. Кто-нибудь малость посильнее, чем главный юрист Макса Фишера, этот его братец Леон Лейт».

Брискин достал из стенного шкафа крошечной студии пальто и начал одеваться, Не было смысла оттягивать возвращение на Землю, тем более что полет предстоял долгий и утомительный.

— Так ты что, вообще не вернешься в эфир? — спросила не отставaвшая от него ни на шаг Пегги. — Даже не закончишь эту передачу?

— Нет.

— Но ведь Юницефалон скоро кончит, и что тогда останется? Пустой экран? Знаешь, Джим, уходить подобным образом… я не верю, что ты так сделаешь, это просто на тебя не похоже.

Брискин остановился в дверях студии.

— Ты же слышала, что он там говорил. Что он мне приказал.

— Никто никогда не оставляет экран пустым. Природа не терпит пустоты. И если ее не заполнишь ты, это неизбежно сделает кто-нибудь другой. Смотри, Юницефалон уже уходит из эфира. — Пегги указала на монитор. Цепочка слов

остановилась. Еще мгновение, и экран снова превратился в тусклый серый прямоугольник. — Это твоя ответственность — да что там я рассказываю, словно ты сам не понимаешь.

Брискин повернулся к Эду.

— Так мы что, снова в эфире?

— Да. Эта штука наговорилась, во всяком случае — на какое-то время. — Эд замолк и не нуждающимся в пояснениях жестом указал на освещенную софитами сцену.

Как был, в пальто, засунув руки в карманы, Брискин встал перед камерой, улыбнулся и сказал:

— Перерыв закончился, и мы снова вместе, дорогие друзья, не знаю уж — надолго ли. Так что продолжим.

Эд Файнберг включил запись оглушительных аплодисментов; Брискин вскинул руки, призывая несуществующую аудиторию к тишине. — А нет ли у кого-нибудь из вас на примете приличного адвоката? — вопросил он саркастически. — Если есть, сведите нас с ним, и поскорее, пока ФБР сюда не добралось.

Как только замер голос Юницефалона и экран телевизора потух, Максимилиан Фишер повернулся к своему двоюродному брату Леону и горько сказал:

— Ну вот я и отставлен от должности.

— Да, Макс, — тяжело вздохнул Леон, — вроде как так оно и есть.

— А заодно и ты, — отметил Макс. — Тут уж все будет подчищено, можешь быть уверен. «Аннулируется». — Он скрипнул зубами. — А ведь это даже и оскорбительно. Неужели ж он не мог сказать «уходит в отставку»!

— Думаю, у него это просто такая вот манера выражаться, — успокоил его Леон. — Да ты не расстраивайся, Макс, не заводись, тебе нельзя, с твоим-то сердцем. И не забывай, что ты сохранил свою резервную должность, а это главная резервная должность, какая только есть, — Резервный президент Соединенных Штатов. А что тебя избавили ото всех этих усилий и заморочек, так это ты просто счастливчик.

— А вот интересно, дозволяется мне закончить этот ужин или нет? — сказал Макс, поглядывая на поднос с едой; отставка мгновенно вернула ему исчезнувший было аппетит. По размышлении экс-президент остановил свой выбор на сандвиче с курятиной и разом отхватил от него весьма солидный кусок. — Мой он, и все тут, — решительно пробубнил он набитым ртом. — Я же все равно должен и жить здесь, и питаться регулярно

— верно?

— Верно, — поддержал брата юридически подкованный Леон. — Это предусмотрено в контракте, который наш профсоюз заключил с Конгрессом, помнишь, как это было? Зря мы тогда, что ли, бастовали?

— А все-таки приятно мы тут пожили, — констатировал Макс, успевший уже покончить с куриным сандвичем и перейти к эгногу[10]. Но скинуть со своих плеч тяжелую обязанность принимать ответственные решения было еще приятнее; он глубоко, с облегчением вздохнул и откинулся на высокую гору подушек.

«А с другой стороны, — думал он, — мне вроде как нравилось принимать решения. В смысле, что это вроде как… — ему потребовалось большое усилие, чтобы поймать ускользающую мысль, — вроде как совсем по-другому, чем сидеть в резерве или на пособии. В этом было что-то такое… Удовлетворение, — разобрался он наконец. — Удовлетворение, вот что я получал. Вроде как я что-то свершал».

Прошли какие-то минуты, а Максу уже недоставало этого чувства, ему казалось, что из него

---

[10] Примечания: 10

Эгног — напиток из сбитых яиц, сливок, сахара и рома.

словно что-то вынули, словно все окружающее стало вдруг бессмысленным, ненужным.

— Леон, — сказал он, — а я совсем не отказался бы побыть президентом еще месяц. Мне нравилась эта работа. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, — пробубнил Леон, — пожалуй, понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, — отрезал Макс.

— Я стараюсь, Макс, — обиделся Леон. — Честно.

— Не надо было мне давать им волю, — горько посетовал Макс. — Позволять, чтобы эти инженеры-шминженеры латали своего драгоценного Юницефалона. Нужно было притормозить этот проект хотя бы на время. На полгода там или больше.

— Да что там теперь говорить, — вздохнул Леон. — Поздно, раньше надо было.

«А поздно ли? — спросил у себя Макс. — Ведь с этим Юницефалоном 40-Д всегда может что-нибудь случиться. Несчастный случай».

Он обдумывал эту идею, параллельно вгрызаясь в обширный кусок яблочного пирога, покрытый толстым ломтем сыра. Если считать знакомых, способных устроить подобную штуку — и не раз доказавших свое умение на практике, — так это

и пальцев не хватит…

«Серьезная, почти неустранимая поломка, — думал он. — Как-нибудь ночью, когда все уже спят, и во всем Белом доме бодрствуем только мы — он и я. Пришельцы сумели, а мы что, глупее?»

— Ты смотри, Джим-Джем Брискин снова в эфире! — воскликнул Леон, указывая на телевизор. И правда, там ослепительно сверкал знаменитый, до боли знакомый рыжий парик, и Брискин выдавал нечто до колик смешное, а в то же время и глубокомысленное, нечто такое, что заставляет задуматься. — Ну, вообще, — сказал Леон. — Он же там насчет ФБР прикалывается, и это теперь, после всего этого. Этот мужик, он вообще ничего не боится.

— Отстань, — отмахнулся Макс. — Я думаю.

Он подошел к телевизору и выкрутил звук до упора. Мысли у Макса были очень серьезные, и он не хотел, чтобы что-то его отвлекало.

Вкус Вуба

Погрузку почти закончили. Скрестив на груди руки, Оптус стоял рядом с кораблем. Выглядел он до крайности хмуро. Зато лицо капитана Франко, неторопливо спускавшегося по сходням, просто сияло.

— А в чем, собственно, дело? — ухмыльнулся он. — Вам же за все заплатили.

Оптус промолчал. Отвернувшись, он начал подбирать полы своей одежды. Нога капитана опустилась на край длинной хламиды.

— Минутку. Не спеши, я еще не кончил.

— Да? — повернулся Оптус. В движениях туземца чувствовалось достоинство, чуть ли не величавость. — Я возвращаюсь в поселок.

Он скользнул глазом по сходням, по животным и птицам, которых загоняли на борт космического корабля.

— Мне нужно организовать новую охоту. Франко закурил сигарету.

— А в чем проблема? Вы-то здесь всегда можете сходить в вельдт и снова их наловить. Это мы, болтаясь между Марсом и Землей…

— Оптус удалился, не сказав больше ни слова. Франко подошел к первому помощнику, стоявшему рядом со сходнями. Ну что? — спросил он, скосив глаза на часы. — Видал, какая дешевка?

— А как вы можете это объяснить?

Лицо помощника выражало что угодно, только не радость.

— Да вас-то что гложет? Нам все это нужно больше, чем им.

— До скорого, капитан.

Помощник начал подниматься на корабль. Франко смотрел, как он лавирует среди заполнивших сходни голенастых марсианских «страусов», как исчезает в люке. Затем капитан и сам направился вверх, но вдруг увидел это.

— Господи!

Уперев руки в бока, он уставился на тропинку. К кораблю приближался красный как рак Петерсон, а за ним на веревочке следовало это.

— Извините, капитан, — сказал Петерсон, потянув за веревку.

Франко подошел к нему.

— Что это такое?

Вуб остановился, его громоздкая обвисшая туша медленно опускалась. Он садился, глаза его почти закрылись. Какие-то мухи с настырным

жужжанием выбирали себе место на обширном боку. Вуб хлестнул хвостом.

Это село. Наступила тишина.

— Это вуб, — сказал Петерсон. — Я купил его у местного за пятьдесят центов. По словам туземца, вуб — очень необычное животное. Весьма чтимое.

— Вот это? — Франко ткнул в широкий, обвисший бок вуба. — Да это же свинья. Здоровенная, грязная свинья.

— Да, сэр, это свинья. Туземцы называют такое животное вуб.

— Здоровенная свинья. Весит, наверное, сотни четыре фунтов.

Франко ухватился за пучок жесткой щетины. Вуб судорожно вздохнул, маленькие влажные глазки широко открылись. Затем огромный рот вздрогнул и болезненно искривился. Большая слеза скатилась по отвислой щеке и упала в песок.

— Может, он на еду сгодится, — предположил Петерсон. Было видно, что он чувствует себя неуютно.

— Скоро узнаем, — пообещал Франко.

Старт не доставил засунутому в трюм вубу особых беспокойств, он, собственно, даже и не

проснулся. Когда корабль оказался в открытом космосе и все на нем пошло гладким, рутинным порядком, славный капитан Франко повелел людям своим притащить вуба наверх и представить пред его ясные очи — он хотел лично разобраться, что это за зверь такой.

Протискиваясь по узкому коридору, вуб хрюкал и повизгивал.

— Да двигайся же ты, — скрипнул зубами Джонс, натянув веревку. Вуб изогнулся, обдирая себе шкуру о хромированные переборки. Ввалившись в кают-компанию, он сразу осел на пол мягкой, неопрятной грудой. Все присутствующие вскочили на ноги.

— Боже милостивый, — выпучил глаза Француз. — Это еще что такое?

— Вуб, если верить Петерсону, — объяснил Джонс. — Эта тварь — личная его собственность.

Джонс презрительно пнул вуба. Покачиваясь и тяжело дыша, вуб поднялся на ноги.

— Что это с ним? — подошел поближе Француз. — Никак блевать собрался?

Люди молча смотрели на вуба. Глазки вуба скорбно перекатывались. Он смотрел на людей.

— А я думаю, ему пить хочется, — сказал Петерсон и пошел за водой.

— Теперь понятно, чего это мы так плохо стартовали, — осуждающе покачал головой Француз. — Мне придется пересмотреть все балластные расчеты.

Петерсон вернулся и принес воду. Вуб начал благодарно лакать, обрызгивая при этом всех окружающих.

В дверях появился капитан Франко.

— Ну-ка посмотрим на этого красавчика. Сделав пару шагов вперед, он оценивающе прищурился.

— Так что, вы купили его за пятьдесят центов?

— Да, сэр, — отрапортовал Петерсон. — Он ест буквально что угодно. Я кормил его зерном, и ему вроде бы понравилось. А потом давал ему картошку, болтушку из отрубей, объедки с общего стола и молоко. Похоже, он вообще любит поесть. А после еды ложится на пол и спит.

— Ясненько, — протянул капитан Франко. — А вот как он сам будет на вкус? Главный вопрос именно в этом. Сомневаюсь, чтобы был особый смысл дальше его откармливать. По мне так он и сейчас хоть куда. Где кок? Вызовите его сюда. Я хочу выяснить…

Вуб перестал лакать и поднял на капитана глаза.

— Вы знаете, капитан, — сказал вуб, — мне

кажется, что стоило бы сменить тему разговора.

В комнате воцарилось гробовое молчание.

— Что это такое было, — выдавил из себя капитан Франко. — Вот сейчас, только что?

— Это вуб, сэр, — ответил Петерсон. — Он говорил.

Глаза всех присутствующих повернулись к вубу.

— И что же он говорил? Что он сказал?

— Он предложил сменить тему разговора.

Франко направился к вубу. Он обошел его кругом, внимательно изучая со всех сторон, а затем снова присоединился к своим ошарашенным подчиненным.

— А не сидит ли там внутри туземец, — задумчиво сказал он. — Может, стоит взрезать его и посмотреть.

— Господи помилуй! — воскликнул вуб. — Вы что, и думать больше ни о чем не можете — то «убить», то «разрезать»?

Франко стиснул кулаки.

— Вылезай! Кто бы ты ни был — вылезай!

Никакой реакции на столь отважный вызов не последовало. Люди стояли тесной группой и смотрели на вуба. На всех лицах читалось полное недоумение. Вуб махнул хвостом. И вдруг громко

отрыгнул.

— Пардон, — смущенно извинился вуб.

— Не думаю, чтобы там внутри кто-то сидел, — негромко сказал Джонс. Все посмотрели друг на друга.

Вошел кок.

— Вызывали меня, капитан? — спросил он. — А это что за тварь?

— Это вуб, — сказал Франко. — Мы его съедим. Вы можете обмерить его и прикинуть…

— Пожалуй, нам следовало бы поговорить, — сказал вуб. — С вашего разрешения, капитан, я хотел бы обсудить с вами этот вопрос. Я все больше прихожу к убеждению, что мы с вами радикально расходимся в понимании некоторых базисных положений.

На этот раз капитан ответил далеко не сразу. Вуб благодушно ждал, время от времени слизывая капли воды со своих щек.

— Пройдемте в мой кабинет, — сказал наконец капитан.

Резко развернувшись, он вышел из комнаты. Вуб поднялся на ноги и поплелся следом. Люди молча смотрели, как вуб уходит. Затем они услышали, как он поднимается по трапу.

— Интересно бы знать, чем все это кончится, —

сказал кок. — Ну ладно, я буду в камбузе. Как что узнаете — мне расскажете.

— Как только, так сразу, — пообещал Джонс. — Не сомневайся. Проковыляв в угол, вуб со вздохом облегчения опустился на пол; капитан сел за стол и задумчиво сцепил пальцы.

— Вы должны простить меня, — сказал вуб. — Со стороны это может показаться невежливым, но я просто болезненно привержен различным формам расслабления. При таком крупном телосложении, как у меня…

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо кивнул капитан. — Так, значит, вы — вуб. Это верно?

Вуб изобразил нечто вроде пожатия плечами.

— Видимо, да. Именно так они нас и называют — туземцы то есть. У нас есть свой собственный термин.

— И вы говорите по-английски? Вы находились прежде в контакте с земными людьми?

— Нет.

— Тогда как же вы это делаете?

— Говорю по-английски? А я что, говорю по-английски? Я, собственно, и не осознаю, что говорю на каком-то конкретном языке. Я обследовал ваш мозг…

— Мой мозг?

— Изучил его содержимое, особенно ту часть этого содержимого, которую я называю семантической кладовой…

— Ясно, — покачал головой капитан. — Телепатия, можно было догадаться.

— Мы — очень старая раса, — продолжал вуб. — Очень старая и очень, я бы сказал, корпулентная. Нам трудно двигаться с места на место. Как вам понятно, существа столь медлительные и неповоротливые полностью отданы на милость более проворных жизненных форм. Нам не было ровно никакого смысла полагаться на материальные средства защиты. Разве могли мы победить? Слишком тяжелые, чтобы убегать, слишком мягкотелые, чтобы сражаться, слишком добросердечные, чтобы охотиться на дичь…

— Чем вы питаетесь?

— Растения. Овощи. Мы можем есть почти все. У нас очень широкие взгляды на вещи. Да, мы терпимы, эклектичны, лишены каких бы то ни было предубеждений. Мы живем сами и не мешаем жить другим. Вот так мы и существуем.

Вуб испытующе посмотрел на капитана.

— Именно поэтому у меня вызвала столь резкий протест эта самая мысль, насчет сварить меня. Ведь я вижу в вашем мозгу всю картину —

большая часть меня в морозильнике, некоторая часть — в котле, кое-что перепало вашему коту…

— Так, значит, вы читаете мысли? — спросил капитан. — Весьма любопытно. А что-нибудь еще? Я хотел сказать, что еще вы умеете? В подобном роде.

— Да так, то да се, по мелочам, — рассеянно ответил вуб. Он оглядывал кабинет капитана. — Хорошая у вас комната, капитан. И вы содержите ее очень опрятно. Уважаю опрятные жизненные формы. Среди марсианских птиц есть весьма опрятные. Они выбрасывают мусор из своих гнезд, подметают их…

— Весьма польщен, — кивнул капитан. В его голосе скользнула саркастическая нотка. — Но если вернуться к стоящей перед нами проблеме…

— Совершенно верно. Вы собираетесь меня съесть. Вкус, как мне говорили, превосходен. Мясо очень нежное, хоть и чуть жирновато. Однако каким образом, прибегая к таким варварским, в самом буквальном смысле этого слова, мерам, можете вы надеяться на установление сколь-нибудь серьезных, долговременных контактов вашего народа с моим? Съесть меня? Скорее уж вам следовало бы обсудить со мной жизненные проблемы, поговорить о философии, об искусстве…

Капитан встал.

— Философия. Возможно, вам интересно будет узнать, что мы не представляем себе, чем будем питаться уже в следующем месяце. Наши продукты испортились в самый, как всегда, неподходящий момент…

— Знаю, — кивнул вуб. — Однако, придерживаясь ваших демократических принципов, не будет ли более справедливым, если все мы будем тянуть соломинки или сделаем что-либо еще в этом роде? В конце концов, основная цель демократии как раз и состоит в защите прав меньшинств от таких вот нарушений. Так вот, если у каждого из нас будет один голос…

Капитан подошел к двери.

— Иди ты на хрен, — сказал он. И широко раскрыл дверь. И широко раскрыл рот. И так и замер с широко открытым ртом, с остекленевшими глазами, судорожно сжимая дверную ручку.

Некоторое время вуб смотрел на него. А затем пошлепал из комнаты, осторожно, по стенке, пробравшись мимо капитана. Погруженный в глубокие раздумья, он направился вниз, в кают-компанию.

В кают-компании царила тишина.

— Теперь вам понятно, — сказал вуб, — что у

нас есть общие мифы. В вашем мозгу содержится много знакомых нам мифологических архетипов. Иштар, Одиссей…

Петерсон сидел, молча уставившись в пол. Теперь он слегка пошевелился.

— Продолжайте, — попросил он. — Продолжайте, пожалуйста.

— В вашем Одиссее я вижу персонажа, общего для мифологии большинства самоосознающих рас. Согласно моей интерпретации, Одиссей скитается, как индивидуум, осознающий себя таковым. Он — носитель идеи отстранения, отстранения от семьи, отстранения от страны. Процесс индивидуализации.

— Но Одиссей вернулся домой.

Петерсон повернулся к иллюминатору. На него пристально глядели звезды, бесчисленные, бесконечные звезды, горящие в пустоте Вселенной.

— В конце концов он вернулся домой.

К этому приходят все живые существа. Отстранение — это временное состояние, недолгое скитание души. У него есть начало, у него есть и конец. Путник возвращается к своей земле, к своему племени…

Дверь открылась. Прервавшись на полуслове, вуб повернул свою огромную голову.

На пороге появился капитан Франко, за ним толпилась чуть не вся команда корабля. Войдя в комнату, они нерешительно остановились.

— С тобой все в порядке? — озабоченно поинтересовался Француз.

— Со мной? — удивился Петерсон. — А что такое могло со мной случиться?

Франко опустил пистолет.

— Идите сюда, — сказал он Петерсону. — Вставайте и идите сюда.

Наступила тишина.

— Идите, — сказал вуб. — Это не имеет значения.

Петерсон встал.

— Зачем?

— Это приказ.

Петерсон подошел к двери. Француз схватил его за руку.

— Что тут происходит? — вырвался Петерсон. — Какая муха всех вас укусила?

Капитан Франко двинулся к лежащему в углу, у стенки, вубу. Вуб поднял на него глаза.

— Очень интересно, — сказал вуб, — что вы прямо-таки одержимы идеей съесть меня. С чего бы это?

— Вставай, — скомандовал Франко.

— Если вам так хочется.

Кряхтя от напряжения, вуб поднялся.

— Только имейте терпение, для меня это довольно трудно.

Теперь вуб стоял, тяжело дыша. Свесившийся изо рта язык придавал ему совершенно идиотский вид.

— Стреляйте в него, — сказал Француз.

— Ради бога! — воскликнул Петерсон. Джонс быстро повернул к нему серые от страха глаза.

— Ты его не видел — стоит там, рот открыт и весь закоченел, как статуя. Если бы мы не проходили мимо, так бы и стоял по сию пору.

— Кто? Капитан? — недоуменно оглянулся Петерсон. — Но сейчас он вроде в полном порядке.

Все смотрели на стоящего посреди комнаты вуба. Огромная грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Отойдите, — сказал Франко. — Не мешайте. Люди сгрудились у двери.

— Ведь вам очень страшно, верно ведь? — спросил вуб. — А почему? Разве я что-нибудь вам сделал? Мне противна сама мысль причинять вред кому бы то ни было. Я только пытался защитить себя. Ведь нельзя же ожидать, что я прямо так, с восторгом брошусь навстречу смерти. Я

разумное существо, как и вы сами. Мне было очень интересно посмотреть ваш корабль, узнать побольше о вас. Вот я и попросил туземца…

Рука, державшая пистолет, непроизвольно дрогнула.

— Ясненько, — сказал Франко. — Так я и думал.

Тяжело дыша открытым ртом, вуб лег на пол. Он вытянул вперед одну из передних лап и закрутил вокруг нее хвост.

— Здесь очень тепло, — сказал вуб. — Мы находимся, как я понимаю, неподалеку от двигателей. Атомная энергия. Вы проделываете с ее помощью много великолепных вещей — в техническом смысле. По всей видимости, ваши ученые не умеют решать моральные, этические…

Франко повернулся к своей команде. Широко раскрыв глаза, молча, люди тесно сгрудились за его спиной.

— Сейчас я это сделаю. Можете посмотреть.

— Постарайтесь попасть в мозг, — согласно кивнул Француз. — Мозг мы есть не будем. И только не в грудь, а то разлетятся ребра, и выковыривай потом осколки из мяса.

— Послушайте, — Петерсон нервно облизнул губы. — Разве он что-нибудь сделал? В чем он виноват, я вас спрашиваю. Да и вообще, он мой.

Вы не имеете права его убивать. Он вам не принадлежит.

Франко поднял пистолет.

— Я уйду, — сказал Джонс. Его лицо побелело, казалось, еще чуть-чуть — и его вытошнит. — Не могу этого видеть.

— И я, — поддержал его Француз. Вслед за ними, что-то бормоча, на выход потянулись и остальные. Петерсон задержался у двери.

— Он рассказывал мне про мифы. Он не сделал никому ничего плохого.

Когда Петерсон удалился, Франко подошел к вубу. Вуб медленно поднял на него глаза. И сглотнул.

— Глупо до крайности, — сказал он. — Мне очень жаль, что вы хотите так поступить. Есть одна притча, поведанная вашим Спасителем…

Вуб замолчал, глядя в наведенный на него ствол.

— А можете вы посмотреть мне в глаза, когда будете это делать? — спросил вуб. — Можете?

Взгляд капитана опустился.

— Я могу посмотреть тебе в глаза, — сказал он через несколько долгих секунд. — Когда-то у нас на ферме были свиньи, грязные, тощие как скелет свиньи. Я смогу.

Глядя сверху вниз на вуба, в блестящие влажные глаза, он нажал на спуск.

Вкус был просто великолепен.

За столом царило мрачное настроение, кое-кто и вообще не притрагивался к еде. Только капитан Франко чувствовал себя, казалось, великолепно.

— Еще? — спросил он и оглядел собравшихся за столом. — Еще? А заодно, может быть, и вина?

— Мне не надо, — проворчал Француз. — Пойдука я в свою штурманскую.

— И мне не надо. — Джонс отодвинул стул и поднялся. — До скорого.

Капитан проводил их глазами. Вскоре один за другим начали подниматься и остальные члены команды.

— Как вы думаете, в чем тут дело? — спросил капитан сидевшего рядом Петерсона.

Петерсон глядел в свою тарелку на картофелины, на зеленый горошек, на солидный кусок нежного теплого мяса.

Он открыл рот. И не смог издать ни звука.

Капитан ободряюще положил руку на плечо соседа.

— Теперь это — просто неодушевленная органика, — сказал он. — Жизненная сущность ушла.

Он продолжал с аппетитом есть, подбирая соус

корочкой хлеба.

— Лично я люблю поесть. Это — одно из величайших наслаждений, доступных живому существу. Есть, отдыхать, медитировать, обсуждать различные проблемы.

Петерсон тупо кивнул. Еще двое встали из-за стола и ушли. Капитан выпил глоток воды и вздохнул.

— Ну что ж, — сказал он, — сегодняшний обед доставил мне огромное удовольствие. Все, что мне рассказывали прежде, оказалось абсолютно верным — относительно вкуса вуба. Вкус просто великолепен. Однако в прошлом я не имел возможность его оценить.

Промокнув губы салфеткой, он откинулся на спинку стула. Петерсон все так же потерянно глядел на стол.

Некоторое время капитан внимательно наблюдал за ним. А затем подался вперед. — Бросьте, бросьте, — сказал Франко. — Выше голову! Побеседуем лучше о чем-нибудь интересном. — И улыбнулся. — Как я говорил, когда нас так неудачно прервали, роль Одиссея в мифах…

Дернувшись, словно от удара, Петерсон уставился на капитана.

— Так вот, — продолжил капитан. — Одиссей,

как я его понимаю...

Мы вам всё припомним

Он проснулся — и он хотел Марс. Дети хотят Луну с неба — с них, правда, какой спрос — а он хотел Марс. Эти долины, думал он. Как чувствует себя человек, бродя по ним? Великолепно, чем дальше — тем великолепнее; теперь, проснувшись, он еще острее переживал свой сон, сон и страстное, непреодолимое желание. Он почти ощущал всеохватывающее присутствие иного мира — мира, который видели только тайные агенты да большие начальники. А мелкий чиновник вроде него? Куда там.

— Ты встаешь или нет? — сонно поинтересовалась Кристен. Даже сейчас в голосе жены слышалась ее всегдашняя склочность. — Если встаешь, нажми на этой проклятой плите кнопку «кофе».

— О'кей, — сказал Дуглас Куэйл и пошлепал босиком на кухню. Оказавшись таким образом в одиночестве, он сперва исполнительно нажал кнопку приготовления кофе, а только потом сел за кухонный стол и извлек маленькую желтую

жестянку нюхательной смеси «Дин Свифт»[11]. После резкого вдоха защипало в носу, обожгло заднюю часть нёба, но он вдыхал еще и еще — чтобы проснуться окончательно, чтобы придать своим снам, своим желаниям, ничем не управляемым порывам хоть какое-то подобие рациональности.

Я полечу, сказал он себе. Я еще увижу Марс.

Что было, конечно же, невозможно — и он понимал это даже во сне. Но сейчас дневной свет, наизусть знакомые прозаичные звуки, доносящиеся из спальни (и не глядя ясно, что жена причесывается перед зеркалом), — все словно сговорилось, чтобы лишний раз напомнить ему, кто он такой. Жалкий мелкий чиновник, с горестью подумал он. Кристен напоминала об этом с утомительной регулярностью, не реже чем раз в сутки, и Куэйл на нее не обижался; в конце концов, опускать мужа с небес на землю — одна из главных обязанностей жены. С небес на Землю, повторил он про себя и рассмеялся. В данном случае метафора реализовывалась буквально.

— Чего ты там хихикаешь? — На кухню величе-

---

[11] Примечания: 11

То есть «Настоятель Свифт». Как ни странно, название этой смеси подразумевает Джонатана Свифта, который был настоятелем собора Святого Патрика в Дублине.

ственно вплыла жена, шлейфом волоча за собой подол длинного розового халата. — Ну точно, опять какой-нибудь сон. У тебя всегда одни сны.

— Да.

Сквозь кухонное окно он глядел на машины, на быстро бегущие ленты пешеходных дорожек, на всех этих маленьких деловитых людей, спешащих на работу. Через несколько минут и он будет среди них. Как всегда.

— Ну точно про какую-нибудь бабу, — уничтожающе посмотрела на него Кристен.

— Нет, — сказал он. — Про бога. Бога войны. Про его прекрасные кратеры и про растения, прячущиеся в их глубине.

— Послушай, — присела рядом с ним на корточки Кристен. Сейчас она говорила горячо, без малейшего следа прежней грубости и раздраженности. — Дно океана — нашего океана — в тысячу, в миллион раз прекраснее. Ты и сам это знаешь, да и все это знают. Возьми напрокат жабро-маски, отпросись с работы, и поживем недельку в каком-нибудь из круглогодичных аквакурортов. А еще можно… — Она оборвала фразу. — Ты меня не слушаешь. А стоило бы послушать. То, что я предлагаю, значительно лучше этой навязчивой идеи, этой твоей одержимости Марсом — а ты и

послушать не хочешь.

Ее голос поднялся до пронзительных, визгливых нот.

— Господи боже, Дуг, ну что мне с тобой делать? Что с тобой дальше-то будет?

— Делать со мной ничего не надо. — Куэйл поднялся, оставив на столе нетронутый завтрак. — А сейчас я пойду на работу. Вот это со мной и будет.

— Ты меня все больше тревожишь. Последнее время ты стал совсем ненормальным. До чего это тебя доведет?

— До Марса, — сказал он и полез в шкаф за чистой рубашкой. Дуглас Куэйл покинул такси, затем медленно, не выказывая признаков нетерпения, прошел над тремя густо населенными транспортными лентами и приблизился к давно притягивавшей его двери.

Здесь он остановился посреди тротуара, начисто игнорируя плотный поток торопливых утренних пешеходов, и опасливо перечитал ослепительно переливающуюся всеми цветами радуги вывеску. Он и прежде изучал эту вывеску, но всегда издалека. Вблизи впечатление было совсем иное, да и вообще сегодня происходило нечто совсем иное. То, что обязательно должно

было произойти, раньше или позже.

ВСПОМНИ, ИНКОРПОРЕЙТЕД

А есть ли смысл? Как ни говори, иллюзия — она и есть иллюзия, будь она хоть самая убедительная. Это если с объективной точки зрения. А вот с субъективной — разница есть, и очень большая.

Да и вообще он уже договорился, что придет. И до назначенного времени осталось всего пять минут.

Глубоко, как перед прыжком в воду, вдохнув грязноватый, но в общем-то вполне терпимый чикагский воздух, он преодолел мерцающее многоцветье двери.

— Доброе утро, мистер Куэйл, — приветливо улыбнулась секретарша, скромная, аккуратная девушка со светлыми волосами, голой грудью и хорошим грамотным произношением.

— Да, — сказал он. — У меня назначена встреча по поводу вспоминательного курса. Как вам, очевидно, известно.

— Не «вспоминательный курс», а курс «Вспомни», — поправила его девушка, а затем подняла трубку стоявшего рядом с ее нежно-бархатистым локтем видеофона. — Мистер Дуглас Куэйл уже пришел, мистер Макклейн. Он может пройти или

вы еще заняты?

— Пыс пыр-хыр-дыр, — пробормотал аппарат.

— Да, мистер Куэйл, — перевела девушка. — Вы можете проходить, мистер Макклейн ждет вас.

— Кабинет Д, мистер Куэйл. Это направо, — добавила она, заметив растерянность озиравшегося по сторонам клиента.

После недолгого, но мучительного замешательства, когда Куэйлу показалось, что он уже окончательно заблудился, нужная комната была найдена. Дверь кабинета стояла нараспашку, а внутри, за обширным ореховым — самым настоящим ореховым! — столом благодушно улыбался средних лет мужчина в сером костюме, сшитом по последней моде из шкуры марсианской лягушки; уже одна эта роскошь говорила, что Куэйл не ошибся комнатой.

— Садитесь, Дуглас. — Энергичным взмахом пухлой руки Макклейн указал на стоящее у стола кресло. — Так, значит, вы хотите стать побывавшим на Марсе. Великолепно!

Куэйл сел, но напряжение его не покидало.

— Я не совсем уверен, что это стоит тех денег, — неуверенно сказал он. — Цена очень высокая, а я за нее вроде как ничего не получу.

«За какую-то ерунду берут почти как за настоя-

щую поездку», — подумал он.

— Вы получите ощутимые подтверждения реальности своей поездки, — энергично возразил Макклейн. — Абсолютно все необходимые доказательства. Вот, поглядите.

Он покопался в одном из ящиков своего великолепного стола.

— Корешок билета. — Из желтой папки появился картонный квадратик с тиснеными, выпуклыми буквами. — Он свидетельствует, что вы туда летали — и обратно тоже. Открытки.

Макклейн аккуратно разложил на столе четыре цветные стереоскопические открытки со штампами бесплатной доставки.

— Фотопленка. Виды Марса, снятые вами при помощи взятой напрокат камеры.

Куэйлу были продемонстрированы пленка и снимки.

— А к тому же имена людей, с которыми вы встречались, и на две сотни сувениров, которые прибудут — прямо с Марса — не позже чем через месяц. Паспорт, справки о сделанных вам прививках. И самое главное, — Макклейн сделал многозначительную паузу, — вы будете полностью уверены, что действительно летали на Марс. Вы забудете про нас, у вас не останется и

малейших воспоминаний про меня, да и вообще про то, что вы когда-нибудь к нам обращались. У вас в голове останется одно только совершенно реальное путешествие, мы полностью это гарантируем. Воспоминания о целых двух неделях, четкие до мельчайших деталей. Запомните, если у вас хоть когда появятся сомнения в реальности этой поездки на Марс — приходите к нам и получайте назад свои деньги. Понимаете?

— Но ведь я туда не летал, — сказал Куэйл. — И никак не может оказаться, что летал — какие бы доказательства вы мне ни представляли. — Он судорожно вздохнул. — И тайным агентом Интерплана я тоже никогда не был.

Ему казалось невозможным, невероятным, что имплантированные фирмой «Вспомни, Инкорпорейтед» экстрафактуальные воспоминания будут неотличимы от настоящих, что бы там люди ни говорили.

— Мистер Куэйл, — все так же терпеливо сказал Макклейн. — Как ясно из вашего письма, у вас нет шансов, нет никакой, даже самой отдаленной, возможности попасть на Марс. Вам это не по карману. Другой путь — стать тайным агентом Интерплана или какой-либо аналогичной организации — тоже закрыт: у вас нет для этого

ни способностей, ни подготовки. Поэтому то, что предлагаем мы, — единственный способ осуществить… ну, скажем, мечту вашей жизни, разве не так? Вы не можете «этим» быть, вы не можете «это делать». Но вы можете стать человеком, который был, который делал. Об этом позаботимся мы. И наша такса вполне разумна, мы не берем за свою работу ничего лишнего.

Макклейн ободряюще улыбнулся.

— Неужели экстрафактуальные воспоминания настолько убедительны? — с прежним сомнением спросил Куэйл. Убедительнее настоящих. Будь вы настоящим агентом Интерплана, работавшим на Марсе, вы бы успели уже позабыть половину; проведенный нами анализ структур реальной памяти — аутентичных воспоминаний человека об основных событиях его жизни — показывает, что значительная часть подробностей быстро теряется. Не пропадает, но становится недоступной для воспоминающего. И — навсегда. А в число наших услуг входит настолько глубокое наложение воспоминаний, что они никогда не исчезают. Вся процедура проводится при отключении сознания; набор воспоминаний, имплантируемый вам, будет создан специалистами высочайшей квалификации, людьми, которые провели на Марсе

многие годы; мы всегда тщательно проверяем все детали, вплоть до самых незначительных. К тому же вы избрали довольно легкую экстрафактуальную систему; будь это Плутон или возжелай вы стать Императором Союза Внутренних Планет — тут у нас появилось бы гораздо больше трудностей… а вам был бы представлен гораздо более солидный счет.

— О'кей, — сдался Куэйл. — Я ведь всю жизнь об этом мечтал, а теперь вижу — никогда ничего не будет. Так что — по одежке протягивай ножки. — Он полез за бумажником.

— Выкиньте из головы эту чушь, — возмутился Макклейн. — Можно подумать, мы подсовываем вам второсортный товар. Да настоящая память, со всеми ее неопределенностями, провалами, даже искажениями — вот она-то и есть второсортная.

Получив деньги, он нажал кнопку интеркома.

— Ну что ж, агент Куэйл, — сказал он, когда в распахнувшуюся дверь вошли двое плотных мужчин. — Удачной работы на Марсе.

Макклейн поднялся, вышел из-за стола и крепко пожал дрожащую, влажную от пота руку секретного агента.

— Или, точнее, поздравляю с удачно проведенной операцией. Сегодня в четыре тридцать

вы, хм-м, вернетесь сюда, на Терру. Такси высадит вас перед вашим домом, и с этого момента вы никогда не вспомните ни меня, ни того, что приходили сюда. Вы вообще забудете о существовании нашей фирмы.

С пересохшим от волнения ртом Куэйл обреченно поплелся вслед за операторами. Теперь все в их руках.

«Неужели я и вправду буду считать, что летал на Марс? — думал он. — Что я осуществил свою мечту?» Никак не покидало странное предчувствие какой-то неприятности. Но вот какой именно?

Оставалось только ждать.

Интерком на столе Макклейна коротко прогудел.

— Мистер Куэйл под наркозом, — произнес аппарат. — Нам начинать или вы сами зайдете?

— Можете начинать, Лоу, — ответил Макклейн. — Операция самая заурядная, не думаю, чтобы возникли трудности. Имплантирование искусственных воспоминаний о путешествии на другую планету — в роли секретного агента, либо в каком ином качестве — мелькало в рабочем графике фирмы с прямо-таки утомительной частотой и регулярностью. «За месяц, — криво

ухмыльнулся Макклейн, — мы делаем их штук двадцать, не меньше… липовые межпланетные путешествия — главный для нас хлеб».

— Как скажете, мистер Макклейн, — произнес аппарат и смолк.

Со вздохом поднявшись из-за стола, Макклейн отправился в примыкающую к кабинету бронированную комнатку искать набор номер три — путешествие на Марс — и набор номер шестьдесят два — тайный агент Интерплана. Обнаружив требуемое, он вернулся в кабинет и высыпал на стол содержимое обоих пакетов — всякую мелочь, которая будет рассована по квартире Куэйла, пока лабораторные техники копаются в его голове, закладывая липовые воспоминания.

Вот этот дерьмовый, ценой в один кредит, пистолетик, размышлял Макклейн, и есть самая дорогая игрушка из всего агентского барахла. Далее — передатчик размером с горошину, чтобы агент мог проглотить его при угрозе провала. Кодовая книга, поразительно похожая на настоящую… да и вообще все подобные штуки фирма стряпает с предельной точностью, по возможности копируя армейские образцы. Всякая мелочь — бессмысленные сами по себе предметы — будет тесно вплетена в ткань воображаемой поездки

Куэйла: половинка древней пятидесятицентовой серебряной монеты, несколько цитат из проповедей Джона Донна, написанных с ошибками и каждая — на отдельном листке тонкой, почти прозрачной бумаги, спичечные коробки с наклейками марсианских баров, столовая ложка из нержавейки с надписью «МАРСИАНСКИЙ КУПОЛ. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КИБУЦЫ», устройство для подслушивания телефонных разговоров, которое… Интерком снова загудел.

— Извините, пожалуйста, мистер Макклейн, очень не хочется отвлекать вас, но тут выяснилось нечто довольно тревожное. Куэйл под наркозом, реакция на наркидрин хорошая, сознание утрачено полностью, и он вполне восприимчив, но только вот…

— Сейчас буду. — В предчувствии надвигающейся неприятности Макклейн вышел из кабинета и буквально через несколько секунд оказался в лаборатории.

Дыша медленно и регулярно, Дуглас Куэйл лежал на операционном столе. Несмотря на почти закрытые глаза, казалось, что он все-таки осознает — хотя и очень смутно — присутствие двоих операторов и Макклейна.

— Нет места для имплантации структур ис-

кусственной памяти? — Макклейн чувствовал крайнее раздражение. — Так сотрите две какие-нибудь недели; он работает в эмиграционной службе Западного побережья, в государственной организации, и, значит, обязательно имел в прошлом году двухнедельный отпуск. Это вполне подойдет. — Подобные мелочи всегда раздражали главу «Вспомни, Инкорпорейтед».

— Проблема, — резко ответил Лоу, — совсем в другом.

Наклонившись к кровати, он приказал:

— Расскажите мистеру Макклейну то, что вы рассказали нам. Слушайте внимательно, — добавил оператор, повернувшись к Макклейну.

Серо-зеленые глаза распростертого на кровати человека нашли лицо Макклейна. От этих глаз становилось не по себе, в них появилась жестокость, какой-то неживой, каменный блеск. Макклейну не нравились эти глаза — слишком уж холодные.

— Что вам еще? — хрипло спросил Куэйл. — Вы и так раскололи мою легенду. Убирайтесь, пока я не разобрал вас по кусочку. Особенно тебя. — Он смотрел на Макклейна с ненавистью. — Ведь это ты руководишь этой контроперацией.

— Как долго пробыли вы на Марсе? — спросил

Лоу.

— Месяц, — хрипло бросил Куэйл.

— И цель вашего там пребывания?

Тонкие, бескровные губы скривились; Куэйл молча смотрел на Лоу. В конце концов он все-таки заговорил, с ненавистью выплевывая слова:

— Агент Интерплана. Как я уже говорил. Ведь вы пишете все сказанное здесь? Ну так прокрутите своему боссу пленку, а меня оставьте в покое. — Он закрыл глаза. Когда потух этот жесткий блеск, на Макклейна накатила волна облегчения.

— Крутой он мужик, мистер Макклейн, — негромко сказал Лоу.

— Ненадолго, — усмехнулся Макклейн. — Вот прервем мы ему эту цепь памяти — и снова станет кротким, аки агнец. Так вот, значит, почему вы так рвались на Марс, — повернулся он к Куэйлу.

На этот раз Куэйл не стал открывать глаза.

— Я никогда не хотел на Марс. Я получил задание. Когда приказывают — остается только выполнять. Ну да, конечно, мне было любопытно — а кому бы не было любопытно? — Он снова открыл глаза и осмотрел всех троих по очереди, особенно задержавшись на Макклейне. — Мощная у вас сыворотка правды, вытащила на поверхность

такие вещи, о которых я даже и не подозревал.

Полуприкрыв глаза, Куэйл задумался.

— Вот интересно насчет Кристен. — Сейчас он говорил больше сам с собой, чем с окружающими. — Она что, тоже во всем этом? Агентка Интерплана, присматривающая за мной… на случай, если память начнет возвращаться? Мало удивительного, что она так высмеивала мое желание попасть на Марс.

Он слегка улыбнулся, но эта улыбка — понимающая улыбка — почти сразу исчезла.

— Поверьте, пожалуйста, мистер Куэйл, — сказал Макклейн. — Мы наткнулись на все это совершенно случайно. В нашей работе…

— Верю я вам, — устало сказал Куэйл. Он все глубже и глубже уходил в наркотический транс. — Так где там я был? — пробормотал он. — Чего я там говорил? Марс? Не припоминаю… конечно же, я хотел бы туда — а кто не хочет? Но я… — Его голос срывался, замирал. — Клерк, мелкий клерк, и ничего больше… — Он совсем смолк.

Выпрямившись, Лоу повернулся к Макклейну.

— Он хочет имплантировать искусственные воспоминания о поездке, во всем сходной с действительной его поездкой. И фальшивая причина

фальшивой поездки совпадает с настоящей причиной настоящей поездки. Он говорит правду — невозможно врать под наркидрином. Обстоятельства поездки очень живо сохранились в его мозгу — во всяком случае, они отчетливо проявляются под наркотиком. Но в нормальной обстановке он, судя по всему, не может вспомнить ничего. Где-то, скорее всего в военной лаборатории, ему стерли всю сознательную память. В результате он знал только то, что попасть на Марс — это очень здорово и быть секретным агентом — тоже. Этого стереть не сумели, это, собственно, даже и не память, а желание, скорее всего, то самое желание, которое толкнуло его когда-то вызваться добровольцем.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросил Макклейна второй оператор, Килер. — Наложим искусственную память поверх настоящей? Никому не известно, что из этого выйдет. Он может вспомнить кое-что о настоящей своей поездке, и путаница приведет к психотическому раздвоению. Ему придется как-то согласовывать в своей голове две противоположные предпосылки — что он летал на Марс и что не летал. Что он — настоящий агент Интерплана и что — нет, что все это выдумка. Думаю, лучше всего разбудить его без

всякой имплантации и отослать домой. С ним можно нарваться на крупные неприятности.

— Согласен, — кивнул головой Макклейн. И тут у него появилась неожиданная мысль. — А можете вы предсказать, что он вспомнит после наркоза?

— Трудно сказать, — пожал плечами Лоу. — Теперь у него могут появиться какие-то смутные, расплывчатые воспоминания о настоящей поездке. А заодно — большие сомнения в истинности этих воспоминаний; скорее всего, он решит, что это наша имплантация пошла не тем боком. Кроме того, он будет помнить, что приходил сюда, — если только вы не решите стереть эту часть.

— Чем меньше мы будем ковыряться в его голове, — сказал Макклейн, — тем лучше. Тут не до экспериментов. Нам и так хватило глупости — скорее, правда, невезения — раскрыть самого настоящего шпиона Интерплана, шпиона с настолько великолепной легендой, что он и сам не подозревал, кто он такой. Чем скорее мы отделаемся от этого парня, называющего себя Дугласом Куэйлом, тем лучше.

— Вы собираетесь подкладывать в его квартиру третий и шестьдесят второй наборы? — поинте-

ресовался Лоу.

— Нет, — решительно сказал Макклейн. — И мы вернем ему половину денег.

— Половину? Почему половину?!

— Ну, — ответил Макклейн, теперь уж без большой уверенности, — мне это кажется вполне пристойным компромиссом.

«А хорошо все-таки вернуться на Терру», — сказал себе Дуглас Куэйл. Такси приближалось к жилому району Чикаго, еще несколько минут — и он дома.

Месячное пребывание на Марсе начинало както тускнеть, улетучиваться из памяти; остались только образы глубоких зияющих кратеров, пологих, истертых миллионами лет эрозии холмов, смутные воспоминания об активной, очень активной деятельности, о непрерывном движении. Мир пыли и песка, где почти ничего не происходит, где уйму времени тратишь на проверку, а потом перепроверку дыхательного аппарата. Ну и, конечно же, местная жизнь — скромные, непритязательные тускло-серые кактусы и нитяные черви.

Правду говоря, он привез с собой несколько полудохлых образчиков этой марсианской фауны, протащил их через таможню. Да и то, какая от

них опасность — им никак не выжить в плотной атмосфере Земли.

Сунув руку в карман, он хотел нащупать контейнер с марсианскими червями…

И обнаружил вместо них конверт.

К крайнему удивлению Куэйла, в конверте оказались деньги — пятьсот семьдесят кредитов мелкими купюрами. «Откуда это взялось? — подумал он. — Разве я не потратил в поездке все до последнего креда?»

Кроме денег в конверте оказалась записка: «Половина оплаты возвр. Макклейн». А снизу дата. Сегодняшняя.

— Вспомни, — сказал он вслух.

— Что вспомнить, сэр или мадам? — почтительно поинтересовался робот-таксист.

— У вас есть телефонный справочник? — спросил Куэйл.

— Конечно, сэр или мадам.

Из открывшейся перед Куэйлом щели выскользнула телефонная книга округа Кук.

— Да где же это, — бормотал Куэйл, лихорадочно перелистывая «Желтые страницы». Сейчас он чувствовал страх, всепоглощающий страх. — Вот оно, — облегченно вздохнул он. — Я передумал и не поеду пока домой; мне надо во «Вспомни,

Инкорпорейтед».

— Хорошо, сэр или мадам, — сказал водитель. Мгновение спустя машина неслась уже в противоположном направлении.

— Можно воспользоваться вашим телефоном? — спросил Куэйл.

— Будьте как дома. — Перед ним появился роскошный цветной стереоскопический видеофон.

Куэйл позвонил домой. После небольшой паузы на экране появилось крошечное, но до мурашек на коже точное изображение Кристен.

— Я был на Марсе, — сказал он.

— Ты напился, — презрительно скривила губы мини-Кристен. — Или что еще похуже. Ей-богу.

— Когда?

Этот простой вопрос привел Куэйла в замешательство.

— Я… не знаю. Наверное, имитированное путешествие. Милостью одного из этих заведений, где накладывают искусственную, или экстрафактуальную, или как там ее еще, память. Только на меня она не очень наложилась.

— Ты и вправду напился, — убийственным голосом сказала Кристен и прервала связь.

Куэйл повесил трубку, чувствуя, как к лицу приливает кровь. «И всегда этот тон, — подумал

он, чувствуя, что начинает выходить из себя. — Всегда ругань, упреки. Можно подумать, она знает все, а я не понимаю вообще ничего. И как меня только угораздило на ней жениться. Боже милостивый!..»

Секунду спустя машина затормозила рядом с небольшим, очень симпатичным розовым зданием, на котором красовалась ослепительно переливающаяся всеми цветами радуги вывеска: ВСПОМНИ, ИНКОРПОРЕЙТЕД.

Секретарша, роскошная девица, лишенная какой-либо одежды от талии и выше, с трудом подавила удивленный возглас.

— О, здравствуйте, мистер Куэйл. К-как п-поживаете? Вы забыли что-нибудь?

— Гоните назад остальные деньги, — холодно посмотрел на нее Куэйл.

— Деньги? — Секретарша начинала понемногу приходить в себя. — Вы, наверное, ошибаетесь, мистер Куэйл. Вы приходили сюда и обсуждали возможность экстрафактуального путешествия, но... — она пожала бледными покатыми плечами, — насколько я понимаю, это путешествие так и осталось в проекте.

— Я помню абсолютно все, мисс, — процедил Куэйл. — Начиная со своего письма вашей фир-

ме, после которого все и началось. Я помню, как приехал сюда, разговор с Макклейном. И двоих операторов, которые утащили меня в лабораторию, а затем всадили лошадиную дозу какого-то наркотика.

Мало удивительного, что фирма вернула ему половину денег. Фальшивые воспоминания о «поездке на Марс» не привились — во всяком случае, привились не полностью, не так, как эти типы обещали.

— Мистер Куэйл, — сказала девушка, — хотя вы и мелкий чиновник, но вполне привлекательный мужчина, и такая злость портит черты вашего лица. Если это хоть чем-нибудь вас успокоит, я могу… ну, позволить вам пригласить меня куда-нибудь на вечер.

Вот тут Куэйл взъярился окончательно.

— Я прекрасно вас помню, — с ненавистью сказал он. — Например, тот факт, что ваши груди выкрашены синей краской, это меня несколько поразило. А кроме того, я помню обещания мистера Макклейна полностью вернуть мне деньги, если я запомню, что приходил в эту фирму. Где мистер Макклейн?

После всех возможных и невозможных проволочек он вновь оказался за тем же самым

впечатляющим ореховым столом, что и час-два назад.

— Отличная у вас техника, — сардонически улыбнулся Куэйл. К этому моменту его разочарование — и возмущение — выплескивалось уже через край. — Мои так называемые «воспоминания» о поездке на Марс в качестве тайного агента Интерплана совершенно туманны, неопределенны и полны вопиющих противоречий. Зато все свои дела с вашей фирмой я помню абсолютно отчетливо. Стоило бы сообщить все это в земное отделение Бюро Честного Бизнеса[12].

«Надули, надули, да еще как!» Бившее ключом негодование пересилило обычную его нелюбовь к подобному выяснению отношений.

Несколько ошеломленный таким неожиданным напором Макклейн глядел на взъярившегося клиента хмуро и опасливо.

— Мы сдаемся, Куэйл, — обреченно сказал он. — Остаток денег будет вам возвращен. Я признаю, что мы действительно ничего для вас не сделали.

— Вы, — добивал капитулирующего противника Куэйл, — не позаботились даже о предметах,

---

[12] Примечания: 12

Better Business Bureau — реальный орган, следящий за соблюдением деловой этики.

которые должны были доказать мне, что я и вправду был на Марсе. Все эти ваши песни и сказки, а в результате — ничего, полный нуль. Открыток нет, паспорта нет, справок о прививках нет. Да хоть корешок билета сунули бы в карман, так ведь и этого…

— Послушайте, Куэйл, — прервал гневную речь клиента Макклейн. — Я могу рассказать вам… — Фраза оборвалась. — Да нет, ладно. — Он нажал кнопку интеркома. — Ширли, вы не будете любезны оформить возврат пятисот семидесяти кредов в форме чека на имя Дугласа Куэйла? Спасибо. — Отпустив кнопку, глава фирмы «Вспомни» посмотрел на Куэйла. Любви в этом взгляде не было.

Через некоторое время чек появился, секретарша положила его перед своим боссом и снова улетучилась, оставив двух мужчин, все так же неприязненно глядевших друг на друга через обширную поверхность стола.

— А еще позвольте дать вам совет, — сказал Макклейн, пододвигая Куэйлу подписанный чек. — Ни с кем не обсуждайте свое, хм-м, недавнее путешествие на Марс.

— Какое путешествие?

— Ну вот тут-то, собственно, и закавыка, —

уклончиво ответил Макклейн. — Путешествие, которое вы смутно припоминаете. Ведите себя так, словно ничего не помните, притворяйтесь, что его никогда не было. И не спрашивайте меня почему, просто послушайте добрый совет — так будет лучше и для вас, и для нас.

Лицо его покрылось крупными каплями пота.

— Ну а теперь, мистер Куэйл, я вынужден с вами попрощаться, меня ждут другие дела, другие клиенты. — Поднявшись из-за стола, он проводил Куэйла к выходу.

— У фирмы, которая так выполняет заказы, не должно быть вообще никаких клиентов. — Куэйл удалился, с треском хлопнув дверью. Сидя в такси, он подбирал самые язвительные слова для письма, которое пошлет в земное отделение Бюро Честного Бизнеса. Вот только бы добраться до пишущей машинки, надо же предупредить всех, как работает «Вспомни, Инкорпорейтед».

Попав в свою квартиру, Куэйл сел за письменный стол и начал искать в его ящиках копирку. Поиски эти привели к неожиданному результату — почти сразу на глаза ему попалась маленькая, очень знакомая коробочка. Коробочка с марсианской фауной, тайком пронесенная через таможню.

Открыв коробочку, он недоуменно уставился на ее содержимое. Шесть дохлых нитяных червей и по паре щепоток нескольких видов одноклеточных водорослей. Простейшие высохли, почти превратились в пыль, но Куэйл все равно их узнал; когда-то он потратил целый день, выискивая эту единственную пищу марсианских червей среди огромных мрачных скал чужого мира. Великолепное путешествие, полное удивительных открытий.

«Но ведь я не был на Марсе», — пришло неожиданно в голову.

Но с другой стороны…

В дверях появилась Кристен; только что вернувшись из магазина, она даже не успела никуда поставить большой бумажный мешок с продуктами.

— Почему ты дома среди дня?

И всегда, всегда эти прокурорские интонации.

— Скажи, я летал на Марс? — спросил Куэйл. — Ты должна знать.

— Конечно не летал, и ты сам должен это знать. Ты ведь каждый божий день изводишь меня стенаниями про этот свой Марс.

— Ей-богу, мне кажется, что я летал. — Он немного помолчал. — А с другой стороны, кажет-

ся, что нет.

— Выбери что-нибудь одно.

— Но как, каким образом? — развел руками Куэйл. — У меня в голове две системы памяти, одна настоящая, а другая нет, только я не знаю, какая из них какая. Почему я не могу узнать у тебя? Ведь в твою голову никто не залезал.

Уж хоть такую-то мелочь она могла бы для него сделать, если не хочет делать ничего другого.

— Дуг, — голос Кристен звучал ровно и спокойно, — если ты не возьмешь себя в руки, между нами все кончено. Я уйду.

— Я же в беде, — хрипло пробормотал Куэйл, — в большой беде. Возможно, я прямой дорожкой иду к психическому срыву. Надеюсь, что обойдется, но ручаться за это не стал бы. Во всяком случае, мое сумасшествие сразу все и объяснило бы.

Аккуратно поставив на пол мешок, Кристен подошла к шкафу и достала свое пальто.

— Я ведь не шутила, — негромко сказала она и направилась к двери. — Как-нибудь на днях я позвоню. Наша семейная жизнь кончилась. Надеюсь, ты все-таки сумеешь выкарабкаться, я буквально Бога молю, чтобы так вышло.

— Погоди, — крикнул он в полном отчаянии. — Ты только скажи, и скажи правду — летал или

не летал? «Только ведь они могли и ей поменять память». Дверь закрылась. От него ушла жена. Ушла наконец!

— Ну вот и все, — сказал голос за его спиной. — А теперь, Куэйл, поднимите руки. И повернитесь, пожалуйста, сюда.

Не поднимая рук, Куэйл резко повернулся.

Перед ним стоял человек в лиловой форме Интерплана с пистолетом ООНовского образца в руке. Куэйлу показалось, что он помнит этого человека, хотя воспоминания были какие-то размытые, искаженные, неуловимые. Он поднял руки.

— Так, значит, — сказал полицейский, — вы вспомнили поездку на Марс. Нам известны все ваши сегодняшние действия и мысли, в частности то, что вы думали по пути из «Вспомни». Понимаете, — объяснил он, заметив недоумение Куэйла, — в вашей голове установлен телепатопередатчик, так что мы постоянно информированы.

Ясненько, телепатический передатчик. Они используют обнаруженную на Луне живую плазму. Куэйла передернуло от отвращения к самому себе. Эта гадость живет внутри него, внутри клеток его мозга. Высасывает их, подслушивает, снова

высасывает. Но полиция Интерплана действительно пользуется таким приемом, об этом даже в гомеогазетах писали. Так что это, скорее всего, правда, хотя очень уж мерзкая правда.

— А почему я? — хмуро спросил Куэйл. Что такого он сделал или подумал? И при чем тут вообще эта самая «Вспомни»?

— В целом, — сказал интерплановский полицейский, — «Вспомни» здесь ни при чем; это дело касается сугубо вас и нашей организации. — Он постучал себя по правому уху. — Я ведь и сейчас подслушиваю ваши мысли через этот самый мозговой передатчик.

В его правом ухе виднелось нечто вроде небольшой белой затычки.

— Так что я должен предупредить вас — все, что вы подумаете, может быть использовано против вас. Хотя сейчас, — дружелюбно улыбнулся полицейский, — это не имеет уже никакого значения. Вы и так успели наговорить и надумать достаточно для билета на тот свет. Хуже всего, что в этом «Вспомни», под наркидрином, вы рассказали операторам и хозяину, мистеру Макклейну, про свою поездку — куда вы ездили, из-за кого, кое-что из своих там действий. Они испуганы. Они жалеют, что вообще с вами связались. И совершенно в

этом правы, — добавил он задумчиво.

— Никакой поездки не было, — сказал Куэйл. — Это просто искусственные воспоминания, халтурно имплантированные мне Макклейном и его операторами.

И тут же подумал о коробочке в письменном столе. Контейнере с марсианской фауной. И о том, как трудно было собирать эти образцы. Воспоминания казались вполне настоящими. Да и сама коробочка-уж она-то существует, во всяком случае. А что если ее подложил Макклейн? Если это — одно из тех «доказательств», про которые он так распространялся? «Меня эти воспоминания не убеждают, — подумал Куэйл, — но вот полицию Интерплана они убедили — к крайнему моему сожалению. Интерплановцы считают, что я и вправду летал на Марс, а заодно они думают, что я это частично осознаю».

— Мы не только знаем, что вы летали на Марс, — утвердительно кивнул полицейский в ответ на его мысли, — но и понимаем, что теперь вы помните достаточно, чтобы представлять опасность. И нет никакого смысла вторично чистить вашу сознательную память — мы ее вычистим, а завтра вы заявитесь во «Вспомни, Инкорпорейтед», и все пойдет по новой. А пре-

кратить деятельность Макклейна или сделать с ним что-нибудь мы не можем — наша юрисдикция распространяется только на наших же сотрудников. К тому же Макклейн не совершил никакого преступления. Как, — он окинул Куэйла взглядом, — собственно, и вы. Вы пришли к Макклейну не затем, чтобы восстановить свою память, вас привело в эту фирму то же самое, что и всех остальных, — страсть простого, ведущего скучную жизнь человека к приключениям. К сожалению, — добавил он, — вас трудно назвать простым человеком, а приключений тех вы имели даже чересчур много. Подумать только, человек с такой биографией обращается в фирму «Вспомни»! И вы не могли придумать ничего более опасного для себя — как и для нас. А если так говорить, то и для мистера Макклейна.

— А чем опасно для вас, если я помню о своей поездке — предполагаемой поездке, я совсем еще не готов согласиться, что она и вправду была. Чем я там занимался?

— То, чем вы занимались, — объяснил интерплановский бугай, — не совсем согласуется с общепринятым представлением о нас, как о таких тебе ангелах-хранителях с непорочно белыми крылышками. Вы сделали для нас то, чего мы,

считается, никогда не делаем. И вы об этом вскоре вспомните — благодаря наркидрину. Коробка с червями и водорослями лежала себе спокойно в ящике письменного стола, лежала целых шесть месяцев, со времени вашего возвращения. И вы не проявляли к ней ни малейшего интереса. Нам даже в голову не приходило, что она существует, пока вы не подумали о ней по пути из «Вспомни» домой. Вот тут-то мы и помчались сюда, чтобы ее изъять. Ничего не вышло, — добавил он без всякой на то необходимости. — Не успели.

Воспользовавшись тем, что откуда-то появился еще один полицейский и блюстители правопорядка углубились в беседу, Куэйл начал быстро оценивать ситуацию. Теперь он припоминал больше — этот бугаек не врал про наркидрин. Скорее всего, они — Интерплан — и сами им пользуются. Скорее всего? Не скорее всего, а точно. Куэйл видел однажды, как эту дрянь вводили какому-то арестованному ими парню. Это-то где происходило? На Терре? Нет, скорее на Луне, решил он, словно кадры кино просматривая картины, всплывавшие из его нарушенной, но быстро восстанавливавшейся памяти.

А заодно он вспомнил кое-что еще. Он вспомнил, зачем его посылали на Марс, какую работу

он там выполнял. Мало удивительного, что ему стерли память.

— Ох, господи, — сказал первый полицейский, прервав беседу с коллегой. Очевидно, он услышал мысли Куэйла. — Теперь ситуация еще хуже. Хуже, собственно, уже и некуда.

Он подошел к Куэйлу, непрерывно держа его на прицеле.

— Нам придется вас убить, — сказал он. — Прямо сейчас.

— А почему именно сейчас? — спросил второй, заметно нервничая. — Почему не отвезти его в нью-йоркский Интерплан, и пусть они там…

— Вот он знает, почему прямо сейчас, — сказал первый. Он тоже нервничал, но, как догадался Куэйл, по совершенно иной причине. Теперь память Куэйла восстановилась полностью. И он хорошо понимал — у полицейского есть все основания нервничать.

— На Марсе, — хрипло сказал он, — я убил человека. Пройдя пятнадцать его телохранителей. Часть из них была вооружена примерно таким же оружием, что и вы.

Он получил подготовку в Интерплане, пять лет из него делали террориста. Профессионального убийцу. Он знал, как обращаться с вооруженны-

ми противниками… вроде этих двух олухов. И тот, с затычкой в ухе, знал, что он знает.

Если двигаться достаточно быстро…

Прогремел выстрел. Но Куэйла уже не было на прежнем месте — резко уйдя в сторону, он ребром ладони срубил полицейского с пистолетом. Еще через мгновение Куэйл держал под прицелом второго, пришедшего в полную растерянность, стража закона.

— Мысли мои читал, — сказал Куэйл, слегка задыхаясь. — Знал, что я хочу сделать, — и все равно не успел помешать.

— Не бойся, Сэм, он не выстрелит, — прохрипел, пытаясь придать себе сидячее положение, упавший полицейский. — Я же его слушаю. Он знает, что ему конец, и знает, что мы это знаем тоже. Кончайте ерунду, Куэйл.

Постанывая и морщась от боли, интерплановец кое-как поднялся на дрожащие ноги.

— Оружие, — протянул он руку. — Использовать его вы все равно не можете, а если вернете — обещаю вас не убивать. Ваше дело будет рассмотрено, и решать будет руководство Интерплана, а не я. Не знаю, может быть, вам снова сотрут память. Но теперь вы уже вспомнили то, из-за чего я так торопился вас убить, вернули

все прежние свои навыки, и от этого никуда не денешься. Так что, в некотором смысле, причина убивать вас отпала.

Сжимая пистолет, Куэйл выбежал из квартиры, бросился к лифту. «А будете меня преследовать, — думал он, — я вас убью. Так что лучше не надо». Он ткнул кнопку лифта, и двери распахнулись.

Преследования не было. Видимо, эти герои услышали его бешеные, отчаянные мысли и — вполне разумно — решили не рисковать.

Лифт опускался. Он оторвался — на время. А что дальше? Куда теперь?

Наконец первый этаж; через мгновение Куэйл затерялся в толпе пешеходов, переполнявшей транспортные ленты. Сильно, до тошноты болела голова. Слава богу, удалось хоть остаться живым — еще чуть-чуть и пристрелили бы в собственной его квартире.

«И ведь они попробуют снова, — осознал он с тоской. — Когда найдут меня. А найдут меня совсем скоро — по этому самому передатчику в голове».

По иронии судьбы на него теперь обрушилось именно то, о чем он просил фирму «Вспомни». Приключения, опасности, Интерплан в действии, тайное посещение Марса, когда сама жизнь Ку-

эйла висела на волоске, — все то, что он хотел получить в безопасной форме фальшивых воспоминаний, оказалось реальностью.

Уж лучше бы воспоминания.

Сидя на скамейке, Куэйл пустыми, отсутствующими глазами наблюдал за гуляющей по парку стайкой прыгунов — полуптиц, привезенных со спутников Марса и способных к чему-то вроде планирующего полета даже при чудовищном тяготении Земли.

«Может, я и сумею пробраться на Марс, — думал он. — Ну и что толку? Там будет еще хуже, его сразу же обнаружит политическая организация, лидера которой он недавно убил. В результате на хвосте будут висеть и Интерплан, и они. А вы там слышите, как я думаю?» Прямая дорожка в сумасшедший дом — сидя в полном одиночестве, Куэйл прямо кожей ощущал, как они настраивают аппаратуру, прослушивают, записывают, обсуждают услышанное… Зябко поежившись, он встал, глубоко засунул руки в карманы и побрел — бесцельно, куда попало. «Какая разница, куда идти, — подумал он. — Вы же всегда будете со мной. Пока у меня в голове эта штука».

«Давайте договоримся, как разумные люди, — думал он им. — Можете вы снова импланти-

ровать мне фальшивую память? Вроде как в прошлый раз. Что я всегда влачил серое, будничное существование, никогда не летал на Марс. Интерплановскую форму видел только по телевизору, а оружие не знаю за какой конец держать».

— Вам достаточно понятно объяснили: этого мало, — сказал голос внутри головы Куэйла.

Пораженный, он резко остановился.

— Прежде мы связывались с вами именно таким образом, — продолжал голос. — Когда вы были на задании, на Марсе. Мы не делали этого уже много месяцев; правду говоря, мы считали, что никогда больше и не придется. Что вы сейчас делаете?

— Иду, — сказал Куэйл. — Прямиком на тот свет. — «В чем мне любезно помогут ваши сотрудники», — подумал он.

— А почему вы уверены, что этого мало? — спросил он. — Разве методика этой самой фирмы «Вспомни» не работает?

— Вам уже объясняли. Получив набор стандартных, средненьких воспоминаний, вы начнете ощущать беспокойство. И обязательно снова обратитесь во «Вспомни» либо в другое аналогичное заведение. Нам не хочется повторять все еще раз.

— Ну а если, — сказал Куэйл, — после стирания настоящей памяти имплантировать мне что-нибудь более интересное, чем стандартные воспоминания? Такое, чтобы моя жажда приключений была полностью удовлетворена. Что она у меня есть — несомненно, из-за нее-то, скорее всего, вы и взяли меня на работу. Но ведь можно придумать что-нибудь другое, что-нибудь эквивалентное. Я был богатейшим человеком на Терре, а потом раздал все свои деньги на образование и науку. Или я был знаменитым исследователем космоса. Что-нибудь в этом роде — ведь может получиться. Молчание.

— Вы попробуйте, — продолжал он в отчаянии. — Соберите главных ваших военных психологов, исследуйте мой мозг. Найдите, о чем я больше всего мечтаю.

Куэйл начал лихорадочно копаться у себя в мозгу, пытаясь самостоятельно ответить на свой же вопрос.

— Женщины, — неуверенно предположил он. — Тысячи женщин, как у Дон Жуана. Межпланетный ловелас с любовницами в каждом городе Земли, Луны и Марса. Только потом я бросил это дело по причине крайнего изнеможения. Попробуйте хоть это. — Теперь его голос звучал почти

умоляюще. — Пожалуйста.

— Так, значит, вы сдадитесь добровольно? — спросил «внутренний голос». — Если мы согласимся организовать такой вариант. Если он вообще возможен.

— Да, — ответил он после короткого мучительного колебания.

«И буду надеяться, — добавил он про себя, — что вы не решите попросту убить меня, без всяких там исследований».

— Теперь ваш ход, — снова, после небольшой паузы, прозвучал голос. — Отдайте себя в наши руки. Тогда мы исследуем эту возможность. Однако должен вас предупредить: если истинные ваши воспоминания снова, как и в тот раз, начнут вылезать на поверхность, тогда, — снова пауза, — тогда вас придется ликвидировать. Как вы сами прекрасно понимаете. Так что, Куэйл, вы все еще хотите сделать попытку?

— Да, — сказал он, не раздумывая. Потому что альтернативой возможности смерти в будущем была верная смерть сейчас. А так появлялся хоть какой-то шанс.

— Тогда вы должны явиться в центральное управление, в Нью-Йорк, — снова заговорил голос. — Пятая авеню, пятьсот восемьдесят,

двенадцатый этаж. После этого с вами начнут работать наши психологи, они проведут полное исследование вашей личности. Попытаемся определить ваше главное, конечное подсознательное желание, а затем отвезем вас во «Вспомни, Инкорпорейтед», познакомим их с проблемой, и пускай исполняют это ваше желание с помощью суррогатных воспоминаний. И — удачи. Мы в некотором долгу перед вами, вы были для нас очень хорошим инструментом. — В голосе не было ни малейшей злобы; они — организация — относились к нему с сочувствием.

— Спасибо, — сказал Куэйл. И пошел искать такси.

— Как вам, вероятно, известно, мистер Куэйл, — сказал психолог Интерплана, пожилой человек с серьезным, неулыбающимся лицом, — многое из того, что снится людям, является работой их воображения, направленной на исполнение каких-либо подсознательных желаний. Так вот, ваша фантазия этого рода до крайности интересна. В бодрствующем состоянии вы о ней, скорее всего, даже и не подозреваете. Так чаще всего и бывает. Надеюсь, вы не очень огорчитесь, если я расскажу вам эту фантазию.

— Да уж лучше ему не очень огорчаться, —

бросил присутствовавший при этой беседе высокопоставленный офицер Интерплана. — Если, конечно, он не хочет под расстрел.

— В отличие от желания стать тайным агентом Интерплана и связанных с ним фантазий, — продолжил психолог, — каковые, будучи продуктом более зрелого этапа развития вашей личности, обладают определенным правдоподобием, эта фантазия представляет собой совершенно гротескный детский сон; неудивительно, что вы ее не осознаете. Состоит она в следующем: вам девять лет, вы идете совершенно один по какой-то сельской дороге. Прямо перед вами опускается непонятной конструкции космический корабль из другой звездной системы. И ни один человек, кроме вас, мистер Куэйл, об этом не знает. Прилетевшие на корабле существа очень малы и беспомощны, вроде полевых мышей, однако они намерены захватить Землю; как только этот передовой отряд даст сигнал, вслед за ним прилетят десятки тысяч таких же кораблей.

— Ну и я, конечно же, победил их, — сказал Куэйл. Слушать эту галиматью было и противно, и немного смешно. — Я их всех уничтожил, возможно — передавил ногами.

— Нет, — терпеливо сказал психиатр. — Вы

действительно остановили вторжение, но совершенно иным образом. Вы их не уничтожали, а проявили к ним доброту и сострадание. Несмотря даже на то, что посредством телепатии, а именно с ее помощью общались эти инопланетяне, вы знали, зачем они прилетели. Такая гуманность удивила их, они никогда не встречали ничего подобного ни у одного известного им разумного существа. Чтобы проявить свою благодарность и признательность, они заключили с вами договор.

— Ясно, — сказал Куэйл. — Они не станут захватывать Землю, пока я жив.

— Совершенно верно, — кивнул головой психиатр и повернулся к офицеру Интерплана. — Вы и сами, вероятно, видите, насколько эта фантазия соответствует его личности, несмотря на все это деланное пренебрежение.

— Так, значит, — ухмыльнулся Куэйл, — я живу себе потихоньку и одним уже этим спасаю Землю от чуждого владычества.

Несмотря на всю нелепость истории, он чувствовал какое-то странное удовольствие.

— То есть фактически я — самый важный человек на Терре. Без всяких к тому личных усилий.

— Именно так, сэр, — подтвердил психолог. — И

это — основа, краеугольный камень всей вашей психики. Эта детская фантазия сохранилась у вас на всю жизнь. Без помощи наркотиков и глубинного психоанализа вы никогда о ней и не узнали бы, однако она всегда была здесь, с вами. Она затаилась в глубине, но никогда не умирала.

— Вы можете имплантировать ему столь экстравагантную структуру экстрафактуальной памяти? — повернулся офицер Интерплана к напряженно слушавшему беседу Макклейну.

— Мы имели дело буквально со всеми возможными типами фантазий, — ответил руководитель «Вспомни, Инкорпорейтед». — Встречалось и похуже. Да, конечно же, мы с этим справимся. Через двадцать четыре часа он не просто будет мечтать о роли спасителя Земли, он будет искренне верить, что и вправду ее спас.

— В таком случае можете приступать к работе, — сказал офицер. — В качестве подготовки мы снова стерли его воспоминания о поездке на Марс.

— Какая поездка на Марс? — удивился Куэйл.

Ответа не последовало, так что он с крайней неохотой отложил выяснение этого вопроса на потом. Да и времени не было, офицер встал и повел их с Макклейном к полицейской машине

— лететь в Чикаго. В фирму «Вспомни».

— И лучше бы вам на этот раз не ошибаться, — сказал интерплановец нервно ерзавшему на сиденье Макклейну.

— Не вижу, где тут можно ошибиться, — пробормотал Макклейн. По его лицу катились крупные бусины пота. — Ведь в этой фантазии нет ровно ничего ни про Марс, ни про Интерплан. Пустое дело — в одиночку остановил захват Земли пришельцами. — Он сокрушенно покачал головой. — И чего только дети не придумают. Да к тому же не силой, а самой что ни на есть набожной добродетельностью. Довольно пикантно. — Он вытер лоб большим носовым платком.

Все промолчали.

— А вообще-то, — сказал Макклейн, — даже трогательно.

— Но нагло, — сказал офицер голосом человека, не терпящего возражений. — Ведь тогда получается, как только он умрет, вторжение возобновится. Неудивительно, что он ничего не помнит, тут самая дикая мания величия, о какой я когда-либо слыхал. И подумать только, — он неодобрительно взглянул на Куэйла, — что такого человека мы взяли на работу.

— Добро пожаловать, мистер Куэйл, — проще-

бетала, задыхаясь от волнения, Ширли. Арбузные груди, выкрашенные сегодня в ослепительно оранжевый цвет, возбужденно перекатывались. — Очень жаль, что в тот раз все так плохо вышло. Я уверена, что на этот раз будет лучше.

— Да уж, хотелось бы, — сказал Макклейн, в который уже раз вытирая блестящий от пота лоб аккуратно сложенным льняным носовым платком. В какие-то секунды он разыскал Лоу и Килера, проводил их и Дугласа Куэйла в лабораторию, а сам вместе с Ширли и интерплановским офицером вернулся в свой кабинет. Оставалось только ждать.

— А для этого случая нужно делать набор? — спросила Ширли. Нервно носясь по кабинету, она случайно зацепила Макклейна главными своими украшениями и зарделась от смущения.

— Думаю, да.

Он попытался было прикинуть что-то в уме, быстро оставил эту затею, вынул каталог и в конце концов объявил:

— Составим комбинацию из восемьдесят первого, двадцатого и шестого наборов.

Снова последовал поход к сейфу, после которого на ореховом столе появились три пакета.

— Из восемьдесят первого, — начал объяснять

Макклейн, — исцеляющая волшебная палочка, преподнесенная ему — клиенту, каковым в данном случае является мистер Куэйл, — существами из другой звездной системы. Знак их благодарности.

— А она работает? — с интересом спросил офицер.

— Раньше работала, — вздохнул Макклейн. — Но, увы, он исчерпал ее силы много лет назад. Исцелял всех направо и налево. Так что теперь это просто сувенир. Но он помнит, как потрясающе она работала.

Слегка хохотнув, он открыл пакет номер двадцать.

— Письмо от Генерального Секретаря ООН с благодарностью за спасение Земли; это, собственно, не совсем по делу, ведь, согласно фантазии Куэйла, никто, кроме него самого, не знает об этом вторжении, однако добавим и это для пущей убедительности. А вот что отсюда?

Под напряженным взглядом интерплановского офицера и собственной секретарши Макклейн растерянно крутил в руках пластиковый мешок с набором номер шесть.

— Записка, — подсказала Ширли. — На непонятном языке.

— Вот именно. — Со вздохом облегчения он извлек из мешка листок бумаги. — Здесь описано, кто они такие и откуда явились. С приложением подробной звездной карты, изображающей их систему и маршрут полета к Земле. Естественно, все это изложено средствами их письменности, так что он не сможет ничего прочитать. Однако он помнит, как инопланетяне читали эти документы на своем языке.

Макклейн аккуратно разложил на столе три «доказательства».

— Все эти штуки надо рассовать по квартире Куэйла, — повернулся он к офицеру. — Чтобы он нашел их, вернувшись домой. И уверился в своих фантазиях. Наша стандартная методика. — Он хихикнул, но как-то осторожно, веселью мешала озабоченность — как там дела у Лоу и Килера.

Загудел интерком.

— Извините, пожалуйста, мистер Макклейн… — Узнав голос Лоу, Макклейн замер и онемел от ужаса. — …Очень не хочется отвлекать вас, но тут выяснилось нечто неожиданное. Возможно, вам лучше зайти и посмотреть самому. Как и в прошлый раз, у Куэйла хорошая реакция на наркидрин, сознание утрачено, он расслабился и вполне восприимчив, но только вот…

Макклейн рванулся в лабораторию.

Дыша медленно и ровно, Дуглас Куэйл лежал на операционном столе. Несмотря на полуприкрытые глаза, казалось, что он осознает — хотя и очень смутно — присутствие окружающих.

— Мы начали его допрашивать, — сказал побелевший как полотно Лоу, — чтобы определить, куда в точности поместить воспоминания, как он в одиночку спас Землю. И тут обнаружилось странное…

— Они велели никому не рассказывать, — пробормотал Дуглас Куэйл тусклым, сонным от наркотика голосом. — Мы так договорились. Я и помнить-то не должен был. Только разве такое забудешь?

«Да уж, такое забыть трудно, — подумал Макклейн. — Хотя ты и не помнил ничего до настоящего момента».

— Они даже дали мне такой свиток, — продолжал бормотать Куэйл. — С выражением благодарности. Он спрятан у меня в квартире, я потом его покажу.

— Я бы советовал не убивать его, — повернулся Макклейн к появившемуся в лаборатории интерплановцу. — А то они вернутся.

— А еще они дали мне невидимую уничто-

жающую волшебную палочку. — Теперь глаза Куэйла закрылись совсем. — Вот ею я и убил того человека на Марсе, к которому меня послали. Она в ящике, там же, где коробка с червями и водорослями.

Не сказав ни слова, офицер Интерплана выскользнул из лаборатории.

«Ну что ж, все эти игрушки можно спрятать назад, — отрешенно подумал Макклейн. Не спеша, нога за ногу, он побрел в свой кабинет. — В том числе и благодарность от Генерального Секретаря ООН. В конце концов… скоро появится настоящая».

Рынок сбыта[13]

В субботу к одиннадцати утра миссис Эдна Бертельсон была уже готова отправиться в путь. Не считаясь с еженедельной потерей целых четырех часов своего бесценного рабочего времени, она всегда совершала прибыльную эту поездку сама, и всегда одна, чтобы не делиться ни с кем своей находкой.

А какое еще подберешь слово? Находка, потрясающий, невероятный подарок судьбы. Даже сравнить не с чем, а ведь миссис Бертельсон занималась торговлей уже пятьдесят три года. Даже больше, если считать годы, проведенные в лавке отца; только их, правду говоря, можно и не считать. Тогда она работала исключительно ради опыта (отец так ей и сказал), без всякой оплаты. И опыт действительно появился, она почувствовала, что это такое держать маленькую сельскую лавку, протирать залежавшиеся на прилавке карандаши, разворачивать рулончики липкой бумаги от мух, отпускать покупателям

[13] Примечания: 13

Оригинальный рассказ *Captive Market* (1955), также известный в переводе как «Прибыльное дельце».

бобы и гонять кошку, которая повадилась спать на прилавке.

Теперь лавка одряхлела, да и сама миссис Бертельсон — тоже. Ее отец — крупный, плотный человек с густыми черными бровями — много уже лет как умер, дети и внуки разбрелись по всему свету, кто куда. Они появлялись в Уолнат Крике неожиданно, всегда поодиночке, проводили здесь, истекая потом, сухое, солнцем прокаленное лето и снова исчезали — поодиночке, как и приехали. С каждым прошедшим годом и она, и лавка горбились, становились все более хрупкими, а заодно — мрачными и даже страшноватыми. Чуть больше становились сами собой.

Еще с самого утра Джеки спросил:

— Бабушка, а ты куда?

Хотя, конечно же, прекрасно знал куда. Как и всегда, она отправлялась на своем грузовике в свою Субботнюю Поездку. Но Джеки нравилось спрашивать, ему нравилась неизменность получаемого ответа. Ему нравилось, что ответ всегда один и тот же.

На другой вопрос он получал другой неизменный ответ, но тут неизменность нравилась ему уже меньше. Вопрос был следующий:

— А можно мне с тобой? Ответом всегда было

нет.

Эдна Бертельсон деловито таскала коробки и ящики из подсобного помещения своей лавки к старому угловатому грузовичку. Пыль покрывала грузовик толстым слоем, металлические, выкрашенные красным борта погнулись и проржавели. Двигатель был уже включен; астматически хрипя, он прогревался под полуденным солнцем. Рядом с колесами несколько замызганных куриц выклевывали что-то из пыльной пересохшей земли. На крыльце лавки распласталась толстая овца с белой клочкастой шерстью; вялая, скучная морда взирала на окружающую суету с полным безразличием. По бульвару Маунт Дьябло сновали машины. По авеню Лафайета слонялись немногочисленные покупатели — фермеры со своими женами, мелкие бизнесмены, подручные с ферм, несколько городских женщин — этих сразу отличишь по аляповатым брюкам, рубашкам с рисунками, сандалиям и шейным платкам. В лавке жестяной голос приемника старательно выводил какую-то навязшую в зубах мелодию.

— Я же спросил тебя, — сказал Джеки с гордым чувством собственной правоты. — Я спросил, куда ты едешь.

Трудно согнув закостеневшее с годами тело,

миссис Бертельсон поднимала последнюю охапку коробок. Погрузки было немного, почти все сделал подсобник Арни еще с вечера. Здоровенный, неуклюжий, с белыми, как лен, волосами парень по прозвищу Швед выполнял в лавке всю тяжелую работу.

Серое морщинистое лицо миссис Бертельсон сосредоточенно нахмурилось.

— Что? — переспросила она, стряхнув оцепенение. — Ты прекрасно знаешь, куда я еду.

— А можно и я с тобой?

Миссис Бертельсон направилась в лавку взглянуть на бумаги. Не переставая канючить, Джеки потащился следом.

— Ну пожалуйста. А то ты никогда меня не берешь. Ты никого никогда не берешь.

— И не возьму, — раздраженно отмахнулась миссис Бертельсон. — Это никого не касается. — Но ведь я очень хочу с тобой, — объяснил Джеки.

Маленькая, иссохшая от старости женщина повернула седую голову; все еще острые глаза смотрели пристально и с насмешкой.

— Не ты один. — По тонким, бескровным губам скользнуло что-то вроде улыбки. — Все хотят, но никто не может, — закончила она негромко.

Это Джеки не понравилось; он сунул руки в

карманы и мрачно забился в угол двора, не желая иметь ничего общего с тем, что его отрицало, осуждая деятельность, в которой не мог принять участия. Миссис Бертельсон словно о нем забыла. Она натянула на свои тощие плечи вылинявший голубой свитер, нашла солнечные очки, опустила за собой гибкую стальную дверь и быстрым шагом направилась к грузовику.

Сперва предстояло разрешить непростую задачу: включить сцепление. Некоторое время миссис Бертельсон с недовольным видом дергала рычаг скоростей, нетерпеливо ожидая, когда же зубья попадут на место. В конце концов шестеренки с лязгом и скрежетом зацепились, грузовик немного подпрыгнул, миссис Бертельсон облегченно вздохнула, прибавила газ и отпустила ручной тормоз.

Как только машина взревела и припадочными рывками двинулась по дороге, Джеки выскользнул из тени дома и бросился вслед. Матери не видно, двор словно вымер — только дремлющая на крыльце овца да две все так же скребущие землю курицы. Исчез даже Арни-Швед, прохлаждается, наверное, где-нибудь. Прекрасный случай. Лучшего случая выполнить свое давнее твердое решение еще не представлялось и неиз-

вестно, когда представится.

Ухватившись за задний борт, Джеки взметнулся вверх и ничком упал на предназначенный неизвестным покупателям товар. Грузовик подпрыгивал на ухабах и опасно раскачивался. Джеки держался из последних сил; он вцепился в ящики, подтянул под себя ноги и весь сжался, отчаянно стараясь не вылететь за борт. Постепенно дорога улучшилась, грузовик пошел ровнее; Джеки облегченно вздохнул и устроился поудобнее.

Он едет. Наконец-то, после стольких ожиданий, он сопровождает миссис Бертельсон. Он узнает, что же это такое — ее субботняя поездка, загадочная, еженедельно проводимая секретная операция, приносящая миссис Бертельсон — все так говорят — баснословные доходы. Никому не понятная поездка, в которой есть — без малейших сомнений — нечто потрясающее и удивительное, нечто стоящее всех его хлопот и волнений.

Он буквально молился, чтобы бабушка не остановилась по дороге, не начала проверять груз.

Теллман готовил себе «кофе» — аккуратно, с предельной заботливостью. Сперва он принес жестяную кружку прожаренной кукурузы и высыпал темнокоричневые зерна в стальную банку из-под бензина — общую кухонную миску всей

колонии. Затем добавил пригоршню цикория и немного сушеных отрубей. После многих усилий — перемазанные грязью руки дрожали и плохо слушались — он сумел наконец развести под покореженной металлической решеткой, среди остывшего пепла и углей огонь. Затем поставил на решетку кастрюльку с водой и начал искать ложку.

— Ты что это еще придумал? — прозвучал сзади ничего хорошего не предвещающий голос жены.

— Да так, — пробормотал Теллман; он суетливо подвинулся, заслоняя свою стряпню от Глэдис. — Так, ничего такого. — Несмотря на все старания этого немолодого уже, сухопарого и жилистого мужчины, в его голосе появились склочные, визгливые нотки. — Есть у меня, в конце концов, право приготовить себе что-нибудь? Такое же право, как у любого другого.

— Ты должен быть там, помогать остальным.

— А я и помогал. А потом у меня в позвоночнике что-то сдвинулось. — Одергивая на себе грязную тряпку, в которой трудно было узнать белую рубашку, он опасливо обогнул жену и направился к выходу из лачуги. — Какого черта, должен же человек хоть иногда отдохнуть.

— Отдохнешь, когда долетим. — Глэдис устало

откинула назад густые темно-русые волосы. — Вот подумай, а если бы все вели себя, как ты?

— А кто проложил траекторию? — негодующе побагровел Теллман. — Кто выполнил все навигационные расчеты?

— Мы еще посмотрим, как там будут работать твои карты. — На потрескавшихся губах Глэдис появилась легкая ироничная улыбка. — Вот тогда и поговорим.

Разъяренный Теллман пробкой вылетел из лачуги под ослепительные лучи вечернего солнца.

Он ненавидел солнце, ненавидел это безжизненное сияние, заливавшее землю с пяти утра до девяти вечера. Большой Взрыв выжег из воздуха водяной пар весь без остатка, и теперь огненные плети солнечных лучей хлестали немилосердно, не щадя никого. Да и щадить-то, впрочем, было почти некого.

Направо сгрудились лачуги — или хибарки, халупы, как угодно, — из которых состоял лагерь. Беспорядочное нагромождение досок, жести, проволоки, просмоленной бумаги, бетонных блоков — разнообразного хлама, подобранного сорока милями западнее, на развалинах Сан-Франциско. В дверных проемах уныло полоскались байковые одеяла — защита от насекомых, огромными орда-

ми атаковавших время от времени лагерь. Птицы — естественные враги насекомых — исчезли. Теллман не видел птиц уже два года и не надеялся увидеть в будущем. За пределами лагеря лежал черный пепел, обугленный лик мира, лик, утративший черты, утративший жизнь.

Лагерь разбили в глубокой лощине; с одной стороны ее прикрывали огрызки того, что было когда-то небольшим горным хребтом. Ударная волна снесла все выступающие вершины; много дней потом их обломки потоком продолжали катиться в долину. После того как Сан-Франциско исчез в пламени, среди этих куч камней начали появляться уцелевшие люди, искавшие, где бы спрятаться от солнца. Самая большая трудность — ничем не заслоненное солнце. Не насекомые, не тучи черного радиоактивного пепла, даже не клокочущие белой яростью взрывы бомб. Токсины и то убили меньше людей, чем жажда, обезвоживание организма, сумасшествие.

Теллман вынул из нагрудного кармана драгоценную пачку сигарет и закурил, с большим трудом — его тонкие, как цыплячьи лапы, руки била от усталости дрожь, но больше — от ярости и постоянного напряжения. Он ненавидел этот лагерь, все здешние обитатели вызывали

у него отвращение, в том числе и собственная жена. Стоят они того, чтобы спасать их? Теллман крайне в этом сомневался. По большей части эти люди уже стали варварами, так какая тогда разница, удастся им запустить корабль или нет? А он кладет все свои силы на то, чтобы их спасти. Гробит себя ради них. Да шли бы они все к черту.

Но никуда не денешься, погибнут они — погибнет и он, без них ему не выжить.

Неподалеку стояли, разговаривая, Барнз и Мастерсон; Теллман побрел к ним, с трудом переставляя негнущиеся от усталости ноги.

— Ну и как там?

Голос его звучал сипло и недовольно.

— Отлично, — оглянулся Барнз. — Теперь уже скоро.

— Еще одна партия — и все, — добавил Мастерсон. На его грубом, тяжелом лице шевельнулось беспокойство. — Надеюсь, ничего такого не случится. Она должна приехать с минуты на минуту. Потный звериный запах, удушливыми волнами накатывавшийся от мясистого тела Мастерсона, вызывал у Теллмана тошноту, отвращение. Ситуация ситуацией, но все равно — нельзя же ходить грязным, как свинья. На Венере все будет иначе. Мастерсон пока полезен. Он опытный техник,

незаменимый при обслуживании двигателей. Но вот когда корабль сядет и его растащат по винтику…

Да, законный порядок будет восстановлен. Иерархия рухнула вместе с городами, исчезла в пламени и пепле, но она вернется, такая же прочная, как и прежде. Вот, к примеру, Фланнери. Грузчик из нищей ирландской трущобы — и больше ничего, грязный тип, после разговора с которым хоть из ушей выковыривай. Но он руководит загрузкой корабля, самой большой в настоящий момент работой. Поэтому Фланнери — большая шишка, но это сейчас, пока. Потом все переменится.

Должно перемениться. Утешив себя таким образом, Теллман покинул Барнза с Мастерсоном и направился к кораблю.

Корабль был огромен. На нем еще кое-как читались огромные буквы, полустертые носящимся в воздухе пеплом и опаляющими лучами солнца:

США ВОЕННОЕ ИМУЩЕСТВО СЕРИЯ А-3(б)

Первоначально это было оружие «массированного возмездия», высокоскоростной снаряд с водородной головкой, готовый нести врагу

смерть и разрушение. Его так и не запустили. Советские токсические кристаллы тихо и бесшумно влетели в окна и двери местных командных пунктов; когда наступил момент запуска, пусковой команды уже не было. Но это не имело ровно никакого значения — врагов тоже не было. Ракета простояла торчком несколько месяцев, она так и стояла здесь, когда приковыляли первые беженцы, пытавшиеся укрыться за полуразрушенным горным хребтом.

— Красиво, правда? — Патриция Шелби подняла голову от своей работы и тускло улыбнулась Теллману; усталость и постоянное напряжение глаз покрыли маленькое, симпатичное личико морщинками — похоже на трилон с Нью-Йоркской Всемирной выставки[14].

— Господи, — поразился Теллман. — Неужели вы помните?

— Мне было всего восемь. — разговаривая, Патриция вернулась к работе — сидя в тени корабля, она внимательно проверяла автоматические реле, которые будут во время полета поддерживать состав воздуха, температуру и влажность. — Но я никогда этого не забуду. Не знаю, может, у ме-

[14] Примечания: 14

Трилон — треугольная в сечении, похожая на ракету стела, стоявшая на территории Нью-Йоркской Всемирной выставки 1939 года.

ня дар предвидения, ведь я только глянула, как эта штука торчит в небо, и сразу поняла — когда-нибудь от нее будет зависеть очень многое, для всех.

— Очень многое для нас двадцати, — поправил Теллман, а затем неожиданно для себя самого протянул ей недокуренную сигарету. — Берите, не помешает, судя по вашему виду.

— Спасибо. — Почти не отрываясь от работы, Патриция сунула сигарету в рот. — А я уже совсем кончаю. Господи, некоторые из этих реле ну совсем малюсенькие. — Она показала Теллману микроскопическую пластинку, заделанную в прозрачный пластик. — И только подумать, мы все будем в отключке, и от такой вот ерунды будет зависеть наша жизнь и смерть. — В темно-голубых глазах появилось странное, почти благоговейное выражение. — Жизнь и смерть рода людского.

— Ну что вы, что Фланнери, — пренебрежительно хохотнул Теллман. — Никак не можете без идеалистической чуши.

Профессор Джон Кроули, в прошлом заведующий кафедрой истории Стэнфорда, а сейчас — номинальный глава колонии, сидел в компании Фланнери и Джин Доббс; они внимательно

рассматривали нагноившуюся руку десятилетнего мальчика.

— Радиация, — значительно произнес Кроули. — Общий уровень растет с каждым днем, это все из-за оседающего пепла.

— Не радиация это, — поправил Фланнери отвратительным голосом человека, вечно уверенного в своей правоте. — Типичное отравление токсическими кристаллами, в горах этой дряни по колено. А он ходил туда играть.

— Ты ходил в горы? — строго спросила Джин; мальчик кивнул, не решаясь посмотреть матери в глаза. — Да, вы правы, — повернулась она к грузчику.

— Помажьте какой-нибудь мазью, — сказал Фланнери. — И будем надеяться, что все кончится благополучно. У нас ведь нет почти ничего, кроме сульфатиазола. — Он бросил взгляд на часы и вдруг напрягся. — Если только она не привезет сегодня пенициллин.

— Не привезет сегодня, — пожал плечами Кроули, — значит, не привезет никогда. Это — последняя партия, загрузим ее — и сразу стартуем.

— Так вынимай деньжищи! — неожиданно заорал Фланнери, потирая руки.

— Тоже верно, — ухмыльнулся Кроули. Порыв-

шись в железном ящике, он вытащил толстую пачку купюр и соблазнительно помахал ею перед носом Фланнери. — Выбирай, какие больше нравятся. Или бери лучше все.

— Вы бы поаккуратнее, — обеспокоился Теллман. — Ведь она, пожалуй, снова поднимет цены.

— А у нас их сколько хошь.

Один из колонистов катил к кораблю тачку; взяв несколько бумажек, Фланнери засунул их среди груза.

— Ветер носит деньги по всему свету, заодно с пеплом и костяной трухой. На Венере они нам не понадобятся — пускай старуха забирает хоть все.

«На Венере, — с ненавистью подумал Теллман, — жизнь вернется к законному порядку — порядку, при котором Фланнери будет копать сточные канавы. Как ему и положено».

— А что она привезет? — спросил он у Кроули и Джин Доббс, подчеркнуто игнорируя Фланнери. — Что там, в этой последней партии груза?

— Комиксы, — мечтательно вздохнул Фланнери, высокий, тощий парень с преждевременными залысинами в темных волосах. — И губные гармошки.

Он смахнул со лба капельки пота.

— Самое оно, — подмигнул Кроули. — Юк ма-

лость бренчит на банджо, вот и будем лежать весь день в гамаках и наяривать «кто-то там на кухне рядом с Дайной»[16].

— Еще палочки для смешивания коктейля, — напомнил Фланнери. — А то чем же нам давить пузырьки в шампанском тридцать восьмого года разлива?

— Ты! — взорвался Теллман. — Ты… дегенерат!

Кроули и Фланнери покатились со смеху; Теллман побрел прочь, чувствуя невыносимый ожог очередного унижения. Ну что же это такое, кто они такие? Идиоты? Психи? Шуточки в такой момент… Он посмотрел на ракету — с тоской, почти укоризненно. Это что же, такой вот мир собираются они основать?

В безжалостных лучах добела раскаленного солнца очертания корабля дрожали и переливались. Исполинская сигара из легких сплавов и волоконных пластиков, возвышающаяся над дурацкой путаницей самодельных лачуг. Еще один грузовик и — до свидания. Еще одна жалкая капля из единственного их источника безопасных, незагрязненных припасов, капля, от которой может зависеть их жизнь и смерть.

---

[16] Примечания: 16

Упоминаемый здесь Сан-Хосе — город километрах в шестидесяти к северу от Сан-Франциско.

Моля Бога, чтобы не случилось никаких неожиданностей, Теллман повернулся в ту сторону, откуда должна была приехать на потрепанном своем грузовике Эдна Бертельсон. Последняя непрочная пуповина, соединяющая их со сказочно изобильным, неразрушенным прошлым.

По обеим сторонам дороги — роскошные абрикосовые сады. Среди гниющих на земле плодов лениво жужжат мухи и пчелы. Время от времени встречаются придорожные лотки, с которых этими же дарами природы торгуют летаргически сонные дети. То справа, то слева — дорожки, ведущие к фермам, на дорожках стоят бьюики и олдсмобили. Бродят собаки. На одном из перекрестков — новенькое, щеголеватое кафе, над ним подмигивает призрачно-бледная при дневном свете неоновая вывеска.

Глаза миссис Эдны Бертельсон враждебно скользнули по кафе и стоящим вокруг него машинам. Городские. Приезжают в долину, срубают столетние дубы, сводят старые фруктовые сады, строят здесь свои дачи, прямо посреди дня пьют в кафе виски и едут себе дальше, будто так и надо. Гоняют на своих открытых крайслерах со скоростью семьдесят пять миль в час. Машинам, скопившимся сзади, видимо, надоело тащиться

шагом, они рванулись вперед, обгоняя грузовик. Миссис Эдна Бертельсон пропустила их с презрительным безразличием, на ее каменном лице не шевельнулась ни одна морщинка. И поделом им, торопыгам. Если бы и она так вот всегда торопилась, никогда бы ей не заметить этой своей странной способности, обнаруженной во время долгих неспешных поездок, когда рядом никого и есть время подумать. Никогда бы не узнать, что она может заглядывать в «потом», никогда бы не найти этой дырки в складке времени, позволившей ей торговать по таким сумасшедшим ценам. Пусть спешат, если им так нравится. В кузове грузовика мерно подпрыгивал тяжелый груз. Выл мотор. У заднего стекла уныло жужжала полудохлая осенняя муха.

Удобно развалившийся среди ящиков и коробок Джеки благодушествовал, глядя на проплывающие мимо абрикосовые сады и встречные машины. На фоне вылинявшего от жары неба вставал пик Маунт Дьябло, огромная синяя с белым глыба холодного камня. К вершине пика липли белесые струйки облаков — говорят, Маунт Дьябло очень высокий. Джеки скорчил рожу собаке. Собака стояла на обочине и вроде как размышляла — переходить ей на другую сторону

шоссе или уж не надо. Увидев ремонтника «Пасифик Телефон», разматывающего с огромной катушки проволоку, Джеки весело помахал ему рукой.

Грузовик резко свернул с шоссе, теперь под колеса летело черное полотно проселка. Машин стало меньше. Дорога пошла в гору… Постепенно роскошные сады остались позади и сменились плоскими, бурыми полями. Справа показался облезлый фермерский домик. Сколько же ему, интересно, лет? Джеки провожал домик глазами, пока тот не исчез из виду. Дальше никаких строений уже не было, поля пошли неухоженные, необработанные. Иногда попадались дряхлые, покосившиеся изгороди. И столбики, на которых когда-то висели давно уже сорванные надписи. Грузовик приближался к подножию Маунт Дьябло, куда почти никто и никогда не ездил.

«Странно, — рассеянно думал мальчик, — и чего это миссис Бертельсон ездит именно сюда. Здесь же никто не живет». Затем, совершенно внезапно, пропали и поля, вокруг остались одни заросли колючей травы и кустов, дикая местность, а впереди — круто взмывающий горный склон. Запущенную ухабистую дорогу ловко перепрыгнул кролик. Холмы, накатывающие

друг на друга, как морские волны, и везде, докуда достает взгляд, — деревья, деревья и огромные валуны. Здесь ведь ничего нет, только пожарная наблюдательная вышка. Всеми забытая зона отдыха, когда-то штат поддерживал ее в порядке, а потом перестал.

Мальчик почувствовал легкий укол страха. Какие же здесь клиенты… Он был уверен, что потрепанный красный грузовик прямо двинет в какой-нибудь город, доставит свой груз — а заодно и его — в Сан-Франциско, или в Беркли, или в Окленд. В город, где можно будет выскочить из кузова и пошнырять вокруг, посмотреть всякое интересное. А здесь — ничего, только заброшенность и пустота, молчаливая и зловещая. Солнце спряталось за склон горы, сразу заметно похолодало. Джеки зябко поежился, он уже жалел, что поехал.

Грузовик двигался все медленнее, а затем раздался громкий скрежет — миссис Бертельсон переключила скорость. С ревом и воем, оглушительно стреляя выхлопными газами, ветхая машина начала преодолевать крутой подъем, карабкаться между неровных, угрожающе острых валунов. Вдали пронзительно вскрикивала какая-то птица, каждый крик отдавался в горах

эхом, многократно повторяясь, прежде чем совсем стихнуть. Слушая эти жуткие звуки, Джеки с тоской думал, как бы привлечь внимание бабушки. Как хорошо было бы сидеть с ней, в кабине. Как хорошо было бы…

И в этот момент он заметил… Сперва Джеки не поверил своим глазам, но потом пришлось поверить.

Грузовик начал таять в воздухе. Прямо под ним.

Грузовик таял медленно, почти неощутимо. Он все тускнел и тускнел, красные, проржавевшие борта стали серыми, а затем и вовсе бесцветными. Внизу проглядывало черное полотно дороги. Охваченный диким страхом, мальчик отчаянно схватился за ящики, но пальцы прошли сквозь них как сквозь пустое место; некоторое время Джеки качался на волнах какого-то вспененного моря тусклых форм, среди почти невидимых фантомов.

Его неудержимо повело в сторону и вниз. Теперь он висел — непостижимым, чудовищным образом — посреди грузовика, чуть повыше выхлопной трубы. Отчаянно барахтаясь, Джеки еще раз попытался ухватиться за висевшие прямо над его головой ящики. «Помогите!» — закричал

он и услышал громкие раскаты собственного голоса. И — никаких других звуков, рев двигателя почти уже исчез. Какое-то мгновение он еще держался за исчезающую тень грузовика, но тут эта тень пропала окончательно, и мальчик упал на дорогу.

Перелетев от удара через кювет, Джеки покатился по сухой траве. Затем, оглушенный, ошеломленный невероятностью происшедшего и болью, он лежал, хватая воздух ртом и делая слабые, безуспешные попытки подняться. Стояла полная тишина — грузовик исчез, а вместе с ним и миссис Бертельсон. Мальчик остался один; он зажмурил глаза, расслабился и замер, оцепенев от ужаса.

Через некоторое, возможно, не очень большое время Джеки очнулся от визга тормозов и открыл глаза. Рядом остановился оранжевый грязный грузовик муниципальной ремонтной службы, из его кабины выскочили два человека в комбинезонах цвета хаки.

— В чем дело? — еще издали закричал один из них. Потом рабочие подняли мальчика на ноги.

— Что ты тут делаешь?

На Джеки смотрели серьезные, встревоженные лица.

— Упал, — пробормотал он. — С грузовика свалился.

— С какого еще грузовика? — Вопрос звучал удивленно и требовательно. — Каким образом?

А он не мог им ровно ничего сказать. Он знал только, что миссис Бертельсон исчезла. Так ничего у него и не вышло. Снова она одна в своей субботней поездке. И он никогда не узнает, куда же она ездила, никогда не выяснит, кто же они такие, эти самые ее клиенты. Миссис Бертельсон знала, что переход уже произошел. Крепко сжимая руль грузовика, она смутно чувствовала, что выгоревшие поля, валуны, зелень колючих кустарников — все это потускнело, осталось позади. Отправившись в «потом» первый раз, она неожиданно обнаружила, что старый грузовик катится по безбрежным просторам черного пепла. Открытие было столь потрясающим, что в тот раз она даже забыла «просмотреть», что же там, по другую сторону «дыры». Она знала только, что там есть покупатели и, не задумываясь, бросилась через временную складку, чтобы успеть первой. Сейчас это воспоминание вызывало улыбку… торопиться было некуда, конкуренция отсутствовала начисто. Более того, клиенты буквально рвались сделать покупки, они из кожи

вон лезли, чтобы облегчить ей работу.

Эти люди проложили среди пепла кусок примитивной, но все-таки дороги, соорудили нечто вроде деревянного помоста, на который мог въехать грузовик. Теперь миссис Бертельсон знала, когда нужно «уходить в потом» — точно в тот момент, когда грузовик проезжает дренажную трубу, через четверть мили после границы заповедника. Здесь, в «потом», труба тоже была, хотя осталось от нее довольно мало, неопределенная груда битого камня. А дорога засыпана полностью, под колесами автомобиля стучали и перекатывались какие-то доски, булыжники. Было бы очень некстати проколоть камеру… правда, кто-нибудь из них наверняка сумеет починить. Они непрерывно работают, так что еще одно маленькое дело не имеет особого значения. А вот и они — стоят у края этого деревянного помоста, стоят и нетерпеливо ждут. Ее. За их спинами — мешанина грубых, вонючих хибар, а еще дальше — корабль.

Корабль, тоже мне. Миссис Бертельсон отлично знала, что это такое — ворованная армейская собственность. Крепко обхватив костлявой ладонью шишечку рычага передач, она перекинула его на нейтраль; грузовик пробежал еще немного и

остановился. Когда подошли люди, миссис Бертельсон уже включила ручной тормоз.

— Добрый день. — Острые, проницательные глаза профессора Кроули нетерпеливо окинули сложенный в кузове груз.

Миссис Бертельсон буркнула что-то неопределенное. Не нравились они ей, все не нравились. Грязные люди, пахнущие потом и животным страхом, нечистые и телом и одеждой, постоянно окутанные почти осязаемым облаком неизбывного отчаяния. В благоговейной почтительности, словно жалкие нищие дети, они сгрудились вокруг грузовика, с надеждой трогая ящики, кое-кто уже начал сгружать эти ящики на черную, покрытую пеплом землю.

— Эй, там, — прикрикнула миссис Бертельсон. — Не трогайте.

Мгновенно, словно обожженные, все руки спрятались за спины. Неторопливо, с суровым лицом, миссис Бертельсон спустилась из кабины на землю, взяла список и так же неторопливо подошла к Кроули.

— Подождите немного, — сказала она. — Надо же все проверить. Кроули кивнул, бросил взгляд на Мастерсона, провел кончиком языка по пересохшим губам — и начал ждать. Ждали

все. Так делалось всегда, и эти люди и миссис Бертельсон знали, что у них нет другого способа получить необходимые припасы. А не получив эти припасы — пищу, лекарства, одежду, приборы, инструменты, сырье, — они не смогут улететь на своем корабле.

В этом мире, в «потом», все эти вещи просто не существуют. Получить их, во всяком случае, нельзя. Чтобы понять это, ей хватило одного беглого взгляда, развалины говорили сами за себя. Не слишком-то хорошо заботились они о своем мире — вот и потеряли его, превратили в черный пепел и руины. А впрочем — это их личное дело, она тут ни при чем.

Миссис Бертельсон не очень интересовалась — в каком отношении находятся ее мир и этот, дочерна выгоревший, ей вполне хватало знания, что оба они существуют и что она может переходить из одного в другой и обратно. Несколько раз люди из этого мира, этой группы пытались перейти в «раньше» вместе с ней. Ничего не получалось. Она возвращалась в свой мир, а они неизменно оставались в своем. Все дело в ее силе, в ее способности. И этой способностью ни с кем нельзя поделиться — и это ее радовало. Способность, весьма полезная для человека, за-

нимающегося бизнесом.

— Хорошо, начинайте, — скомандовала миссис Бертельсон. Выбрав место, чтобы понадежнее присматривать за этими людьми, она начала проверять и отмечать в списке каждый снимаемый с грузовика ящик. Четкий, неизменный порядок, он давно стал частью ее жизни. Сколько миссис Бертельсон себя помнила, она всегда вела дело четким, вполне определенным образом. Отец учил ее, как жить в мире бизнеса, она переняла его строгие принципы и правила и всегда им следовала. Например, сейчас.

Фланнери и Патриция Шелби стояли рядом, в руках у Фланнери были деньги, плата за товар.

— Ну ладно, — негромко сказал он, — теперь мы можем послать ее куда подальше.

— Ты уверен? — беспокойно взглянула на него Пэт.

— Последняя партия уже здесь. — Фланнери уверенно ухмыльнулся и провел дрожащей ладонью по редеющим черным волосам. — Больше нас ничто не задерживает. Погрузим это барахло — и корабль будет полон под завязку. Не исключено, нам придется даже задержаться малость и съесть какую-то часть вон того хозяйства прямо здесь и сейчас, — он указал на огромную коробку

с продуктами. — Бекон, яйца, молоко, настоящий кофе. Может, не стоит запихивать все это в морозилку. Может, нам нужно устроить оргию — ну вроде как последняя трапеза перед сражением.

— Хорошо бы, — мечтательно вздохнула Пэт. — Мы давно такого не ели.

— Убьем ее, — предложил подошедший Мастерсон, — и сварим в большой кастрюле. Она же такая костистая, эта старая ведьма, будет хороший бульон.

— В духовку ее, — поправил Фланнери. — Получится вроде пряника, прихватим с собой.

— Не говорили бы вы так, — боязливо остановила их Пэт. — Она же такая… ну, может, она и вправду ведьма. Я хотела сказать, может, ведьмы, они как раз такие и были… старые женщины со странными способностями. Вроде как у нее — уметь проходить сквозь время.

— На наше счастье, — бросил Мастерсон.

— Но она этого не понимает, правда ведь? Разве она понимает, что делает? Что этой своей способностью она может всех нас спасти. И вообще — понимает она, что случилось с нашим миром?

Фланнери немного задумался.

— Возможно, и не понимает или ей это просто до лампочки. Ведь у нее что в голове — только

бизнес и доходы. Как бы содрать с нас побольше, продавая всю эту хурду-бурду с фантастическими наценками. А самый юмор в том, что деньги для нас ровно ничего не значат. Открой старуха глаза чуть пошире, она сразу бы сообразила. В этом мире деньги — просто бумажки. Но она ничего не видит, как зашоренная. Бизнес, доходы — и больше ничего. — Он печально покачал головой. — Такой умишко, жалкий, ограниченный куриный умишко — и при этом уникальный талант.

— Но есть же у нее все-таки глаза, — не могла успокоиться Пэт. — Она же видит этот пепел, эти развалины. Ну как может она не понимать?

— Возможно, — пожал плечами Фланнери, — старуха просто не связывает все это со своей собственной жизнью. Да и то, она ведь умрет через пару лет, так что войну не увидит — по-настоящему. Для нее война так и останется этаким местом, куда можно съездить. Местом чужим и экзотическим. Она может войти сюда, выйти отсюда, а нам никуда не деться. Потрясающее, наверное, ощущение собственной безопасности, когда можешь так вот запросто переходить из одного мира в другой. Господи, чего бы я не отдал, лишь бы уйти вместе с ней.

— Пробовали, — напомнил Мастерсон. — Например, этот самый придурок Теллман. Вернулся в пепле с головы до ног и сказал, что грузовик куда-то испарился.

— Конечно испарился, — негромко согласился Фланнери. — Уехал в Уолнат Крик. В тысяча девятьсот шестьдесят пятый год.

Разгрузка подошла к концу. Деловито, как муравьи, члены колонии таскали ящики вверх по склону, к кораблю. Сопровождаемая профессором Кроули, миссис Бертельсон подошла к Фланнери.

— Вот список, — коротко бросила она. — Кое-что не удалось найти. Знаете ли, в моем магазине всего этого просто не бывает. Большую часть привезенного товара пришлось заказывать специально.

— Догадываемся, — иронически кивнул Фланнери. — Действительно, крайне интересно было бы обнаружить в деревенской лавке бинокулярные микроскопы, токарные станки, замороженные упаковки антибиотиков, ультракоротковолновые передатчики, самые современные учебники и справочники по всем областям науки.

— Поэтому мне придется взять с вас чуть по-

больше. — Старуха следовала неизменной своей тактике выдаивания клиентов. — Что касается остального… — Она просмотрела список, а затем вернула Кроули заказ, сделанный им неделей раньше — десять страниц, напечатанных на машинке. — Кое-что из этого сразу достать не удалось, пришлось разместить предварительные заказы. Вот этот, к примеру, набор металлов, из лаборатории в Новой Англии. Они говорят — не знаем, может быть, попозже. — В поблекших от старости глазах появилось хитрое, пройдошистое выражение. — И это обойдется очень, очень дорого.

— Уже не имеет значения, — сказал Фланнери, передавая ей деньги. — Можете отменить заказы.

Сперва лицо миссис Бертельсон не отразило ничего, разве что крайнее недоумение.

— Все, — объяснил Кроули. — Больше нам ничего не надо.

Напряжение, сковывавшее их прежде, исчезло, впервые за это время. Они больше не зависели от ржавого красного грузовика. Они получили все, что надо, и скоро улетят.

— Стартуем мы, — широко ухмыльнулся Фланнери. — Мы полностью загрузились.

И только тогда пришло понимание.

— Но ведь я заказала все эти вещи. — Голос звучал тихо, невыразительно. Без всяких эмоций. — Их привезут. И мне придется за них платить.

— Да-а, — протянул Фланнери. — Могу вам только посочувствовать.

Кроули бросил на него предостерегающий взгляд. — Очень жаль, — сказал он старухе, — но мы ни как не можем ждать еще неделю — очень быстро растет радиация. Нам необходимо улететь.

Теперь беспокойство, появившееся было на сморщенном, как печеное яблоко, личике, сменилось все нарастающим гневом.

— Вы заказали эти товары! Вы должны их взять! — Ее голос поднялся до пронзительного, яростного визга. — Что я, по вашему мнению, должна с ними делать?

У Фланнери прямо на языке вертелся ехидный ответ.

— Миссис Бертельсон, — опередила его Пэт, — вы очень много для нас сделали, хотя и не захотели помочь нам уйти в ваше время. И мы очень вам благодарны. Без вас нам никогда не собрать бы необходимых запасов. Но нам действительно

нужно улетать.

Она хотела тронуть хрупкое плечо старухи, но та яростно отдернулась.

— То есть, — неловко продолжала Пэт, — мы просто не можем больше здесь оставаться, хотим мы того или не хотим. Видите весь этот черный пепел? Он радиоактивный, и с каждым днем его становится все больше, он оседает на землю. Токсический уровень тоже растет — если мы задержимся, все это начнет нас убивать.

Миссис Эдна Бертельсон стояла совершенно неподвижно, сжимая в руке свой список. На ее лице появилось совершенно новое, незнакомое прежде выражение. Яростная судорога гнева исчезла, сменилась ледяным, высокомерным спокойствием. В серых, как из камня вырезанных глазах — ни проблеска эмоций.

— Хватайте свою добычу. — Ничуть не тронутый таким преображением Фланнери сунул миссис Бертельсон пачку купюр. — А какого, собственно, хрена, — повернулся он к профессору. — Отдадим ей и все остальные, пусть подавится. Засунем ей в глотку.

— Заткнись, — оборвал его Кроули.

— Ты с кем это так разговариваешь? — ощерился, отходя в сторону, Фланнери.

— Хватит, хорошенького понемножку, — бросил вслед ему Кроули и повернулся, встревоженный и напряженный, к миссис Бертельсон.

— Боже милостивый, ведь не думаете же вы, что мы останемся здесь навсегда?

Ответа не последовало. Старуха резко повернулась и пошла к своему грузовику.

Мастерсон и Кроули неловко переглянулись.

— Совсем с ума сошла. — В голосе Мастерсона звучал какой-то непонятный страх.

Торопливо подошедший Теллман взглянул, как старуха залезает в кабину, а затем нагнулся и начал копаться в одной из коробок со съестным. Его исхудалое лицо покраснело от почти детской жадности.

— Вот это да, — благоговейно выдохнул он. — Кофе, целых пятнадцать фунтов. А может, возьмем отсюда немного? Откроем одну банку ради праздника?

— Конечно, — без всякого выражения сказал Кроули; как зачарованный, он глядел вслед уезжающей миссис Бертельсон. Приглушенно взревев, грузовик развернулся по широкой дуге, съехал с грубо сколоченного помоста, немного прокатился по черному пеплу, а затем начал тускнеть, размываться и быстро исчез. Осталась

только мрачная, залитая безжалостным солнцем равнина.

— Кофе! — В голосе Теллмана звенел безудержный восторг. Он подбросил жестянку в воздух и неловко ее поймал. — Пируем! Наш последний вечер — последний ужин на Земле.

Так оно и есть, никуда не денешься.

Пока красный грузовик бежал, металлически клацая, вперед, миссис Эдна Бертельсон просмотрела «потом» и убедилась, что эти люди сказали правду. Ее тонкие бескровные губы искривились, во рту появился едкий привкус желчи. Прежде казалось, что такая торговля может продолжаться бесконечно. А куда они денутся, если нет конкурентов? Будут покупать как миленькие. Но они улетают. А улетят — вот и конец рынку.

Такого рынка больше не найти. Усеянный черным пеплом мир действительно был идеальным рынком, а группа колонистов — идеальным клиентом. На задах лавки, в металлическом ящике, заваленном мешками с кукурузой, уже лежали почти двести пятьдесят тысяч долларов. Целое состояние, и потребовалось всего несколько месяцев, чтобы выжать его из загнанной в угол, остервенело работающей над своим кораблем колонии. И виновата она сама. Это она по своей

недальновидности позволила им ускользнуть. Головой нужно было думать.

Все это она обдумывала, ведя грузовик домой. Обдумывала спокойно, рационально. Да, все произошло именно по ее вине, только она одна могла снабдить этих людей всем необходимым благодаря своей способности, которой нет больше ни у кого. Без нее они были бы совершенно беспомощны.

В последней надежде миссис Бертельсон «осмотрелась» — заглянула при помощи внутреннего своего чувства в различные «потом». Их, конечно же, было много, никак не одно-единственное. Эти «потом» представлялись ей чем-то вроде набора квадратиков, сложной, исхищренной паутиной миров, в каждый из которых она может при желании войти. Но ни в одном из них не было того, что она искала.

Везде голые, унылые равнины, усыпанные черным пеплом, — и ни малейшего признака людей. В них не было самого главного — покупателей.

Разобраться в путанице этих «потом» было непросто; подобно бусам на ниточке, они объединялись в последовательности. Некоторые из этих цепочек образовывали замкнутые петли — можно было двигаться от одного «потом» к

следующему и так далее, но другие цепочки оставались при этом недоступными.

Миссис Бертельсон начала аккуратно, с величайшим вниманием просматривать цепочки одну за другой. Их было очень много — бесконечное, фактически, количество возможных «потом». А она могла выбирать из них и выбрала вот это, где горстка измученных людей строила себе корабль. Войдя в этот мир, она присоединила его к реальности, фактически — сделала его реальным. Извлекла из многообразия возможностей.

А теперь нужно извлекать другой, это конкретное «потом» оказалось не совсем удовлетворительным. Рынок исчез.

К тому времени как миссис Бертельсон закончила свои поиски, грузовик уже катился среди аккуратных ярких магазинов, домов, супермаркетов мирного городка Уолнат Крик. Ведь их так много, а у нее такая старая голова… но все-таки она его нашла. И с первого же взгляда она знала — это то, что надо, так говорил ей врожденный деловой инстинкт.

Среди всех многочисленных вариантов этот был уникальным. Встречалось очень много таких «потом», где отлично построенный и тщательно

проверенный корабль взмывал к небу, мгновение медлил — это включалась управляющая автоматика, а затем прорывал покров атмосферы и устремлялся к утренней звезде. Иногда страшный взрыв разметывал ракету сотнями добела раскаленных обломков; эти бесплодные «потом» она тоже игнорировала, они не обещали дохода.

В нескольких «потом» старт вообще не удавался. Вой турбин, струя выхлопа… но корабль остается на прежнем месте. А затем все колонисты выбираются наружу и начинают лихорадочно обследовать двигатели, искать неполадку. Так что — никакого выигрыша. В дальнейших звеньях подобной цепочки возможностей неполадка устранялась и корабль успешно стартовал.

Но одна цепочка все-таки нашлась. Все ее звенья выстраивались самым подходящим образом. Закрываются шлюзы, ревут турбины, корабль начинает дрожать и взмывает над устланной черным пеплом пустыней. Все ускоряющийся полет до высоты трех миль — и тут отрываются задние двигатели. Корабль начинает раскачиваться, а затем с воем устремляется вниз, к Земле. Включаются резервные двигатели, предназначенные для посадки на Венеру. Корабль замедляет падение, на несколько мучительных секунд зависает, вре-

зается в груду рваного камня, бывшую когда-то горой Маунт Дьябло.

Наступает жуткая тишина, а затем из перекореженного, разбитого всмятку металлического цилиндра появляются люди. Потрясенные и онемевшие, они осматривают повреждения. Чтобы снова приступить к бесплодной, тщетной работе. Собирать припасы, латать ракету… На губах миссис Бертельсон играла улыбка.

Этого она и хотела. Как раз то, что надо. А сделать всего-то и надо, что выбрать при следующей поездке именно эту цепочку. При следующей деловой поездке, в будущую субботу.

Полупогребенный черным пеплом, Кроули пытался ощупать глубокую ссадину на правой щеке; обессиленные пальцы дрожали, отказывались слушаться. Во рту горячий, солоноватый привкус крови, на месте выбитого зуба острыми толчками пульсирует боль. Пошевелить ногой не удается, лежит как чужая, как протез. Наверное, сломана. Потрясенный, охваченный отчаянием мозг отказывался что-нибудь соображать.

Лежавший неподалеку Фланнери пошевелился. Застонала женщина. В предрассветном полумраке среди камней и обломков корабля лежали раненые и умирающие люди. Кто-то

встал, покачнулся и снова упал. Мигнул фонарик, среди разбитых остатков того, что должно было стать их миром, неуверенно пробирался Теллман, его очки болтались на одном ухе. На Кроули глупо уставилось лицо, у которого отсутствовала половина нижней челюсти, затем Теллман покачнулся и ничком упал на дымящуюся груду каких-то коробок. Костлявое тело забилось в судорогах.

Кроули кое-как встал на колени. Склонившийся над ним Мастерсон раз за разом повторял какие-то слова.

— Я в порядке, — проскрипел Кроули.

— Мы упали. Корабль вдребезги.

— Я знаю.

Разбитое лицо Мастерсона дрожало, он был близок к истерике.

— А вы не думаете…

— Нет, — пробормотал Кроули. — Это невозможно.

Мастерсон начал хихикать, сперва тихо, а потом — все громче. На грязных окровавленных щеках появились светлые бороздки от бегущих слез. Капли густой соленой влаги стекали по шее, за почерневший, обуглившийся воротник.

— Это она. Это она все устроила. Она хочет,

чтобы мы здесь остались.

— Нет, — повторил Кроули. Он не хотел и думать о таком. Этого не может быть. Этого просто не может быть. — Мы все равно выберемся, — сказал он. — Соберем остатки, начнем все снова.

— Она вернется. — Голос Мастерсона дрожал и срывался. — Она знает, что мы здесь, ждем ее. Покупатели.

— Нет, — сказал Кроули. Он не верил. Он заставлял себя не верить. — Мы выберемся. Мы должны выбраться.

Если бы Бенни Цемоли не было…

Увидев появившуюся в небе махину, мальчишки, мчавшиеся по непаханому полю, заорали от восторга; все тип-топ, корабль опускается точно там, где и ожидалось, и они добрались к нему первыми.

— Ну и здоровый же, в жизни таких не видел! — задыхаясь, остановился первый из троих. — Это издалека, не с Марса. Совсем-совсем издалека, уж я-то знаю.

Только теперь разобравший истинные размеры корабля мальчик испуганно смолк. Подняв глаза к небу, он увидел, что опускается целая армада — все, как и ожидалось.

— Бежим, расскажем, — повернулся он к своим приятелям.

А тем временем на одном из ближних холмов Джон Леконт нетерпеливо ожидал, когда наконец шофер разогреет котел его парового лимузина.

«Это же надо, — с плохо сдерживаемой яростью сказал он себе, — чтобы какие-то шпанята добрались туда первыми. А должен бы я. Да и дети-то какие — все в лохмотьях, обычные крестьянские

мальчишки».

— Ну а сегодня-то у вас телефон работает? — спросил он, не поворачиваясь.

Его секретарь мистер Фолл взглянул на переносной столик.

— Да, сэр. Связать вас с Оклахома-Сити?

Уже вид мистера Фолла — самого тощего сотрудника ведомства Леконта за все время существования этого ведомства — показывал, что себе он не берет ничего; этот человек просто не интересовался пищей. И на него всегда можно было положиться.

— Просто возмутительно, — пробормотал Леконт. — Надо сообщить в иммиграционную службу.

Он вздохнул. Все не так, все не так. Прошло десять лет, с Проксимы Центавра прилетела целая армада, и хоть бы одна из систем раннего предупреждения обнаружила ее вовремя. И вот теперь Оклахома-Сити придется иметь дело с чужаками здесь, на своем поле, — ситуация получалась крайне невыгодная психологически, и Леконт ощущал это очень остро.

«И какая у этих поганцев техника, — думал он, глядя, как транспортники флотилии начинают разгружаться. — Рядом с ними мы все равно что

сельские лопухи».

Если бы этому автомобилю не требовалось двадцать минут разогреваться, если бы…

А самое главное — если бы не существовало никакого ЦКОГа. Центаврианский Комитет Обновления Городов, обладавший, в дополнение к своим самым лучшим намерениям, еще и колоссальной, межзвездного масштаба властью, узнал о случившемся в 2170 году Несчастье и мгновенно рванулся в космос, словно некий фототропный организм, привлеченный вспышками водородных бомб. Однако Леконт прекрасно знал, что все тут значительно сложнее, что правительства Центаврианской системы поддерживали радиосвязь с планетами Солнечной системы и поэтому довольно подробно знают обстоятельства постигшей Землю трагедии. Из здешних форм жизни уцелело очень немногое. Сам Леконт происходил с Марса, семь лет назад он возглавил спасательную экспедицию, да так и остался на Земле — тут было очень много условий для роста, хотя, конечно, прочие условия…

«Сложно это, — сказал он себе, все еще ожидая, пока прогреется машина. — Конечно же, мы прилетели сюда первыми, но власти у ЦКОГа больше, нравится это нам или не нравится. Поработали

мы хорошо, в этом я уверен. Конечно же, пока здесь совсем не то, что было раньше, но ведь десять лет — срок совсем небольшой. Дайте нам еще двадцать, и по рельсам побегут поезда. А облигации последнего займа на восстановление дорог продавались просто великолепно, можно было выпустить их и побольше, а так не всем желающим хватило».

— Вас вызывает Оклахома-Сити, сэр, — сказал мистер Фолл, протягивая трубку полевого телефона.

— Верховный уполномоченный Джо Леконт слушает, — громко произнес в нее Леконт. — Давайте, я вас слушаю.

— С вами говорят из Комитета партии. — Сухой, официальный голос, доносившийся с другого конца провода, был еле слышен за треском помех. — Многие десятки бдительных граждан Западной Оклахомы и Техаса сообщают нам о широкомасштабном…

— Они здесь, — прервал его Леконт. — Я их вижу. Я как раз собираюсь ехать, чтобы провести переговоры с их руководителями. Полный доклад вы получите в обычное время, так что не было никакой необходимости меня проверять.

Он был крайне раздражен.

— Армада сильно вооружена?

— Нет. — Хотя собеседник не мог его видеть, Леконт отрицательно покачал головой. — Насколько я понимаю, прилетели бюрократы да коммерсанты, одним словом — стервятники.

— Хорошо, — сказал партийный чиновник. — Поезжайте, и пусть они поймут, насколько нежелательно здесь их присутствие, как для местного населения, так и для Административного Совета по оказанию помощи пострадавшим от войны районам. Скажите им, что будет созвано законодательное собрание и что оно издаст специальный декрет, выражающий возмущение этим вмешательством межзвездной организации в наши внутренние дела.

— Знаю, знаю, — устало ответил Леконт. — Все это давно обсуждено, я все знаю.

— Сэр, — окликнул его шофер, — ваша машина уже готова.

— И доведите до их понимания, — заключил прерываемый треском голос партийного чиновника, — что вы не уполномочены на ведение переговоров, что не в вашей власти допустить их на Землю. Это может сделать только Совет, а он, конечно же, твердо стоит против.

Повесив трубку, Леконт торопливо направился

к машине.

Несмотря на противодействие местных властей, представитель ЦКОГа Питер Худ решил расположить свою штаб-квартиру прямо на развалинах Нью-Йорка, прежней столицы Терры. Это должно придать дополнительный авторитет сотрудникам ЦКОГа, постепенно расширяющим область влияния своей организации. В конце концов эта область должна охватить всю планету, но на это могут потребоваться десятилетия.

А ко времени завершения этой задачи, думал Питер Худ, шагая среди развалин главного железнодорожного депо Нью-Йорка, сам он давным-давно уйдет на пенсию. От прежней цивилизации здесь осталось совсем немного, а местные руководители — все эти политические ничтожества, слетевшиеся сюда с Марса и Венеры (так вроде называются ближайшие к Терре планеты) — сделали крайне мало. И все же их усилия вызывают восхищение.

— А знаете, — обратился Худ к группе почтительно следовавших за ним подчиненных, — ведь они выполнили за нас всю самую трудную, черновую работу, мы должны в ножки им кланяться. Вы только подумайте, каково это — прийти на пустое место в полностью уничтоженную зону.

— Ну, они неплохо на этом поживились, — заметил один из сотрудников, Флетчер.

— Не важно, чем они руководствовались, — возразил Худ. — Результаты есть, и это самое главное.

Он вспомнил чиновника, встретившего их в своем паровом автомобиле. Изукрашенная какими-то сложными орнаментами и эмблемами, машина выглядела весьма импозантно и официально. А вот их, этих местных, их-то никто не встречал сколько-то там лет назад, когда они прилетели сюда, — разве что повываливались из подвалов какие-нибудь почерневшие, опаленные радиацией бедолаги и поразевали рты в немом изумлении. Стоит только подумать — мурашки по коже.

— Сэр, — четким военным салютом прервал размышления своего начальника один из младших чинов ЦКОГа. — Нам удалось обнаружить неповрежденное сооружение, в котором могли бы временно разместиться вы и ваш штаб. Оно расположено под землей. — На лице говорившего появилось смущение. — Это совсем не то, на что мы надеялись… но все более приличное уже занято местными.

— Да, — согласился Худ, — у них было более чем

достаточно времени на осмотр этих развалин. Но я не возражаю, вполне сойдет и приведенный в порядок подвал.

— В этом сооружении, — продолжил его подчиненный, — прежде располагалась одна из главных гомеостатических газет, «Нью-Йорк Таймс». Она печатала себя прямо здесь, под нами. Во всяком случае — если верить картам. Пока что мы не нашли саму газету, гомеогазеты чаще всего закапывались под землю на целую милю, даже глубже. Поэтому мы пока не знаем, что там уцелело.

— Если она жива, — сказал Худ, — это было бы бесценным подарком.

— Да. Ее терминалы разбросаны по всей планете; она, как я понимаю, ежедневно выпускала тысячи различных изданий. Какая часть из этих терминалов функционирует?.. Трудно поверить, — перебил он сам себя, — что местные политики даже не пытались восстановить хотя бы одну из десяти или одиннадцати всемирных гомеогазет, однако так оно, видимо, и есть.

— Странно, — согласился Худ. — Ведь это так облегчило бы их задачу.

Радиация в атмосфере затрудняла, делала почти невозможным прием радио- и телевизи-

онных программ, так что работа по собиранию в клочья разбитой водородными взрывами цивилизации полностью ложилась на газеты.

— И это настораживает, — обернулся он к своим спутникам. — Может, они не очень-то и стараются? И вся их работа — чистое притворство?

— А что, если, — ответила Худу собственная его жена Джоан, — им попросту не хватает умения? Ведь запустить гомеогазету не так-то легко.

«Ты совершенно права, — подумал Худ. — Сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого».

— Так что последние выпуски «Таймс» вышли как раз в день Несчастья, — сказал Флетчер. — И с того самого момента вся огромная сеть, собиравшая новости и передававшая их в газету, простаивает. И никто не заставит меня с уважением относиться к этим политиканам; совершенно очевидно, что даже основные, первичные принципы культуры — для них темный лес. Возродив гомеогазеты, мы сделаем для восстановления довоенной цивилизации больше, чем они десятком тысяч жалких своих проектиков. И лицо его, и голос были полны презрения.

— Не знаю, возможно, вы и ошибаетесь, — сказал Худ, — но пока оставим это. Хотелось бы

найти цефалон газеты в сохранности, его нам сейчас не заменить.

Впереди уже зиял чернотой вход, расчищенный бригадой ЦКОГа. Вот это, решил эмиссар Центавра, и будет его первым шагом на опустошенной войной планете — надо вернуть прежние мощь и влияние этому огромному самообеспечивающемуся механическому организму. Возобновив свою деятельность, гомеогазета снимет с плеч Хуга часть бремени, освободит ему руки для другой работы.

— Господи Исусе, — пробормотал один из продолжавших расчистку рабочих, — в жизни не видал столько хлама Они его что, нарочно сюда натолкали?

От тяжело колотившейся в его руках всасывающей печи исходил тусклый красноватый свет. Весь попадающий в нее мусор печь преобразовывала в энергию, проход становился все шире и шире.

— Я хочу как можно скорее получить доклад о ее состоянии, — обратился Худ к группе техников, ждавших возможности начать спуск под землю. — Сколько времени потребуется на восстановление, как много… — Он смолк, увидев две фигуры в черном. Служба безопасности, по-

лицейские, прилетевшие на своем собственном корабле. В одном из подошедших Худ узнал Отто Дитриха, высокопоставленного следователя, сопровождавшего Центаврианскую армаду. Узнал и непроизвольно напрягся; это давно стало безусловным рефлексом — было видно, как все рабочие и техники мгновенно замерли, а затем понемногу вернулись к своим прерванным делам.

— Да, — сказал он Дитриху. — Очень рад вас видеть. Давайте пройдем сюда и поговорим.

Худ прекрасно знал, что нужно следователю, ожидал его прихода.

— Я не стану отнимать у вас много времени, — сказал Дитрих. — Я понимаю, насколько вы заняты. А что это здесь такое? — Он огляделся. Круглое, до блеска выбритое лицо светилось живым, настороженным интересом.

В небольшом боковом помещении, превращенном во временный кабинет, Худ обернулся к полицейским.

— Я против каких бы то ни было преследований, — сказал он тихо и спокойно. — Все произошло очень давно, не надо их трогать.

— Но что ни говори, военные преступления — это военные преступления, — задумчиво по-

дергал себя за мочку уха Дитрих. — И тут не имеет значения — десять лет прошло, тридцать или сорок. Да и вообще — о чем тут можно спорить? Закон требует, чтобы мы нашли и наказали виновных. Ведь кто-то начал эту войну. Не исключено, что те же самые деятели и сейчас занимают ответственные посты, но это не имеет никакого значения.

— Сколько у вас людей? — спросил Худ.

— Двести.

— Значит, вы готовы к действиям.

— Мы готовы начать следствие. Наложить секвестр на относящиеся к делу документы и возбудить дело в местном суде и — да, мы готовы силой обеспечить сотрудничество местного населения, если вы именно это имели в виду. Во многих ключевых точках размещены наши опытные сотрудники. — Сделав паузу, Дитрих внимательно посмотрел на Худа. — Все это — необходимые меры, и я не понимаю, в чем тут, собственно, проблема. Ведь вы же не намерены укрывать виновных — использовать в своих целях их так называемые способности?

— Нет, — бесстрастно ответил Худ.

— Почти восемьдесят миллионов погибших, вот что такое Несчастье, — начал раздражаться

Дитрих. — Разве можно забыть об этом? Или вы думаете, что если они — обычные аборигены, не знакомые нам с вами лично…

— Дело совсем не в этом, — сказал Худ. Он знал, что все эти разговоры бесполезны, у полицейских просто иначе устроена голова, общаться с ними практически невозможно. — Мои возражения были неоднократно изложены, я считаю, что организованные по прошествии столь долгого времени суды и казни не послужат никакой разумной цели. И не просите у меня для этих дел людей, я откажу на том основании, что все мои сотрудники заняты сверх головы — до самого последнего уборщика. Вы меня поняли?

— Ох уж эти идеалисты, — вздохнул Дитрих. — «Перед нами стоит сугубо благородная задача…» Восстановление, так? Вы либо действительно не понимаете, либо намеренно закрываете глаза на то, что однажды эти люди начнут все снова — если не принять нужных мер сегодня. На нас лежит ответственность перед грядущими поколениями, быть суровыми сейчас — это самое гуманное, если судить по большому счету. Скажите, Худ, что это за раскопки? Что пытаетесь вы возродить со столь похвальным рвением?

— «Нью-Йорк Таймс», — ответил Худ.

— Насколько я понимаю, у них должен быть архив. Мы сможем наводить в нем справки? Это неимоверно облегчит возбуждение судебных преследований.

— Я не имею права отказывать вам в доступе к материалам, которые мы обнаружим, — пожал плечами Худ.

— Подробное, день за днем описание политических событий, приведших в конце концов к войне, будет крайне любопытным чтением, — улыбнулся Дитрих. — Кто, к примеру, был носителем верховной власти в Соединенных Штатах к моменту Несчастья? У меня создалось впечатление, что ни один человек из тех, с кем мы беседовали, как-то не может этого припомнить. — Его улыбка стала еще шире.

На следующий день рано утром во временный кабинет Худа поступил отчет инженерного корпуса. Силовое снабжение газеты оказалось полностью уничтоженным. Однако цефалон, центральный кибернетический мозг, управлявший всей гомеостатической системой, остался, по всей видимости, неповрежденным. Если подвести один из кораблей поближе, можно будет попробовать присоединить его силовую установку к линиям питания газеты. Если это удастся, то

выяснится гораздо больше.

— Говоря попросту, — сказал Флетчер, — то ли выйдет, то ли нет. — Втроем, вместе с Джоан, они завтракали прямо за письменным столом Худа. — Весьма прагматично. Подключим, попробуем; заработает — значит, мы выполнили свою работу. А если нет? Что тогда? Техники так все и бросят?

— По вкусу самый настоящий кофе, — задумчиво сказал Худ, рассматривая свою чашку. — Скажите им, чтобы подвели корабль и запустили эту гомеогазету. А если она и вправду заработает, принесите мне экземпляр, сразу.

Он снова отпил из чашки.

Часом позднее по соседству приземлился один из кораблей. Техники быстро сделали отводы от его энергетической установки, протянули кабели к гомеогазете, тщательно заизолировали все цепи.

Сидя в своем кабинете, Питер Худ услышал откуда-то снизу, из чрева земли, глухой низкий грохот. Там что-то зашевелилось — неуверенно, запинаясь, но — зашевелилось. Попытка оказалась удачной, газета возвращалась к жизни. Оттиск, принесенный вбежавшим в его кабинет рядовым, поразил Худа точностью описания

событий. Даже пребывая в бездействии, газета каким-то образом сумела не отстать от жизни. Ее рецепторы продолжали функционировать.

ЦКОГ ПРИЗЕМЛИЛСЯ ПОСЛЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО ПОЛЕТА С ЦЕНТАВРА: ПЛАНЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Через десять лет после постигшего нас Несчастья ядерной войны межзвездный спасательный орган, ЦКОГ, произвел историческую высадку на поверхность Земли. Свидетели описывают эту высадку, производившуюся целой армадой кораблей, как зрелище, «потрясающее как своим масштабом, так и своим значением». Назначенный Центаврианскими властями верховный координатор, сотрудник ЦКОГа Питер Худ незамедлительно разместил свою штаб-квартиру в развалинах Нью-Йорка. После совещания с ближайшими помощниками он сделал заявление: «Я прибыл не для того, чтобы наказать виновных, а чтобы

всеми доступными методами возродить планетную цивилизацию, а также восстановить...»

«Жутковато как-то», — думал Худ, читая передовицу. Разнообразные информационные рецепторы гомеогазеты проникли в его собственную жизнь, восприняли, переварили и использовали в передовой статье его беседу с Отто Дитрихом. Газета выполнила — выполняла — свою работу; ее внимания не избегло ничто, достойное какого-либо интереса в качестве новости, даже приватный, без единого свидетеля разговор. Надо быть осторожнее.

Ну и, само собой, была другая статья, зловещая по своим интонациям, повествующая о прибытии карателей, полиции.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЕЩАЕТ НАЙТИ «ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ»

Следователь по особо важным делам капитан полиции Отто Дитрих, прибывший с Проксимы Центавра на одном из кораблей армады ЦКОГа, заявил сегодня, что лица, повинные в происшедшем десять лет назад Несчастье, «ответят за

свои преступления» перед Центаврианским судом. Как стало известно «Таймс», две сотни одетых в черное полицейских уже занялись расследованиями, целью которых…

Газета предостерегала Землю в отношении Дитриха, и Худ невольно почувствовал некое мрачное удовлетворение. «Таймс» не собиралась служить оккупационному командованию. Она служила всем, в том числе и тем, кого Дитрих собирался судить. Каждый шаг полиции будет — без всякого сомнения — замечен и описан в мельчайших подробностях, что вряд ли приведет в восторг Дитриха, привыкшего работать в условиях полной тайны и анонимности. Но право решать, будет ли выходить газета, принадлежит Худу, и только ему.

А он не собирался ее закрывать.

И тут его взгляд остановила еще одна статья, помещенная на первой полосе. Прочитав ее, Худ нахмурился. Ему стало как-то не по себе.

СТОРОННИКИ ЦЕМОЛИ БУНТУЮТ В СЕВЕРНЫХ ПРИГОРОДАХ НЬЮ-ЙОРКА

Сторонники Бенни Цемоли, собрав-

шиеся в уже знакомых нам палаточных городках, постоянно ассоциируемых с этой колоритной политической фигурой, имели стычку с местными жителями, вооруженными молотками, лопатами и кольями. Каждая из сторон заявляет, что именно она победила в этом двухчасовом сражении, после которого двенадцать человек были госпитализированы срочно организованными пунктами скорой помощи, а еще двадцать получили более легкие повреждения. Цемоли, одетый, как и обычно, в похожий на тогу красный балахон, посетил пострадавших. Он пребывал в хорошем настроении, шутил и говорил своим сторонникам, что «теперь уже скоро» — явный намек на обещание организации устроить в ближайшее время марш на Нью-Йорк, чтобы установить, как выражается Цемоли, «социальную справедливость и истинное равноправие впервые в мировой истории». Нужно напомнить, что до своего заключения в Сан-Квентине…

— Флетчер, — сказал Худ, щелкнув тумблером

интеркома, — проверьте, что происходит на севере округа. Там собралась какая-то политическая шайка, разузнайте о ней.

— Сэр, — донесся из динамика голос Флетчера, — у меня тоже есть эта газета. И я прочитал материал про Цемоли. Туда уже отправлен корабль, он в пути, и вы получите доклад не позже чем через десять минут. — Динамик смолк.

— А как вы думаете, — неуверенно спросил Флетчер после долгой паузы, — нужно будет привлекать людей Дитриха?

— Надеюсь, что нет, — коротко ответил Худ.

Получасом позднее Флетчер зачитал поступившее с корабля сообщение. Не веря своим ушам, Худ попросил повторить. Однако все так и было. Экспедиционная группа ЦКОГа тщательно обследовала местность. Не обнаружилось ни палаточного городка, ни каких-либо иных признаков большого сборища людей. И ни один из допрошенных местных жителей никогда не слыхал фамилию Цемоли. Не оказалось также ни следов недавней стычки, ни станций скорой помощи, ни госпитализированных в них раненых. Только мирная, почти что сельская местность.

В полном недоумении Худ перечитал статью. Вот она, здесь, на первой полосе «Таймс», черным

по белому, рядом с передовицей о приземлении Центаврианской армады. Ну и что бы это значило?

Странная ситуация не нравилась Худу, совсем не нравилась. А может быть, не надо было оживлять эту огромную старую гомеостатическую газету?

Ночью крепко спавшего Худа разбудил шум, исходивший, казалось, из самых недр земли, нетерпеливый лязг, становившийся все громче и громче, пока уполномоченный Центавра сидел на кровати, сонно моргал и пытался понять, что же, собственно, происходит. Машины ревели, время от времени раздавался глухой грохот — это автоматические цепи становились на нужное место, повинуясь указаниям самой же замкнутой, не подвластной никому системы.

— Сэр, — прозвучал в темноте голос Флетчера. Через мгновение помощник Худа нашел наконец выключатель, и под потолком вспыхнула лампочка. — Я подумал, что стоит вас разбудить. Извините, мистер Худ.

— Я и сам проснулся, — пробормотал Худ. Поднявшись с кровати, он надел халат и шлепанцы. — Что это она задумала?

— Она печатает специальный выпуск.

— Господи боже, — широко зевнула Джоан. — Что там могло случиться такого экстренного?

Сидя на кровати, она пыталась пригладить свои всклокоченные белокурые волосы.

— Нам придется привлечь местных руководителей, — сказал Худ. — Проконсультироваться с ними. — Он уже догадывался, о чем сообщит специальный выпуск, который с ревом выбрасывали печатные машины. — Доставьте сюда Леконта, этого самого политика, который встретил нас при посадке. Разбудите его и притащите, он нам нужен.

Потребовался чуть ли не целый час, чтобы обеспечить присутствие высокомерного, церемонного местного князька; он и один из его помощников, оба в своей сложной опереточной форме и оба — кипящие от возмущения, были наконец доставлены в кабинет Худа. Они молчали, ожидая услышать, для чего их сюда привели.

Худ так и не сменил халат и шлепанцы на что-нибудь более пристойное; стоя перед письменным столом, он в который уже раз перечитывал специальный выпуск «Таймс»:

ПО СВЕДЕНИЯМ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ПОЛИЦИИ,

ЛЕГИОНЫ ЦЕМОЛИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ГОРОДУ, ВОЗВОДЯТСЯ ЗАГРАЖДЕНИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ПОДНЯТА ПО ТРЕВОГЕ.

— Кто этот человек? — Повернув газету, он показал заголовки молча стоявшим землянам.

— Я… я не знаю, — чуть запнулся Леконт.

— Бросьте, мистер Леконт, — сказал Худ.

— Дайте я посмотрю, — нервно попросил Леконт. Он торопливо пробежал глазами статью; руки, державшие газету, заметно дрожали.

— Интересно, — сказал он в конце концов. — Но я могу сказать только одно: для меня это такая же новость, как и для вас. Вы должны понять, что после Несчастья у нас очень мало каналов получения информации, поэтому вполне возможно появление политического движения, о котором мы ровно ничего…

— Прошу вас, — прервал его Худ. — Не стройте из себя дурачка.

Леконт густо покраснел.

— Вы меня вытащили из постели посреди ночи, — сказал он, заикаясь от возмущения (или страха?). — И я пытаюсь помочь вам, чем только могу.

Послышались шаги, и через открытую дверь кабинета вошел, скорее влетел, Отто Дитрих. Выглядел он крайне мрачно.

— Худ, — торопливо, ни с кем не здороваясь, сказал полицейский. — Рядом с моим штабом есть киоск «Нью-Йорк Таймс», и в нем только что появилось вот это.

Его рука сжимала тот же самый специальный выпуск.

— Чертова машина вовсю печатает эту бумажку и распространяет ее по всему свету, так ведь? И в то же самое время наши ударные отряды, находящиеся на месте, не видят ровно ничего — ни перекрытых шоссе, ни передвижения военизированных частей, да и вообще — никакой активности, заслуживающей внимания.

— Знаю, — отозвался Худ; он чувствовал себя очень усталым. А снизу, из-под земли, все так же доносился глухой рокот; газета печатала свой специальный выпуск, информируя весь мир о походе сторонников Бенни Цемоли на Нью-Йорк — призрачном, иллюзорном походе, возникшем, по всей видимости, прямо в цефалоне, мозге газеты.

— Выключите ее, — сказал Дитрих.

— Нет, — покачал головой Худ. — Нет. Я хочу

узнать больше.

— Это не причина, — возразил Дитрих. — Совершенно очевидно, что она неисправна. Серьезно повреждена, плохо функционирует. Придется вам подыскать что-нибудь другое для организации всемирной пропагандистской системы. — Он бросил газету на стол.

— А до войны, — повернулся Худ к Леконту, — известно вам что-нибудь о деятельности Бенни Цемоли до войны?

Наступила напряженная тишина. Леконт молчал, молчал и его помощник, мистер Фолл. Бледные, с плотно сжатыми губами, они искоса переглядывались.

— Я не самый большой сторонник полицейских методов, — сказал Худ, обращаясь к Дитриху, — но в данном случае вам стоило бы вмешаться.

— Вполне с вами согласен, — мгновенно оценил ситуацию Дитрих. — Вы двое находитесь под арестом. Если, конечно, у вас не появилось еще желания поговорить немного откровеннее об этом агитаторе, этом фантоме в красной тоге. — Он подал знак двум полицейским, стоявшим около двери кабинета.

— Если подумать, — сказал Леконт, не ожидая, пока полицейские подойдут к нему, — такой

человек существовал. Однако он был крайне непримечательной личностью.

— До войны? — спросил Худ.

— Да, — медленно кивнул Леконт. — Это был клоун, всеобщее посмешище. Насколько я помню, а вспоминается уже с трудом, толстый безграмотный шут из какого-то захолустья. Было у него что-то вроде маленькой радиостанции, откуда он вел передачи. А еще он торговал какой-то такой антирадиационной коробочкой — устанавливаешь ее у себя дома, и она якобы защищает тебя от радиоактивных осадков, — ну тех, которые появляются при ядерных испытаниях.

— Теперь и я вспомнил, — заговорил молчавший до того мистер Фолл. — Он ведь даже баллотировался в сенат ООН. Провалился, само собой.

— И это было последнее, что вы о нем слышали? — спросил Худ.

— Да, — ответил Леконт. — Вскоре он умер от азиатского гриппа. Он мертв уже пятнадцать лет.

Вертолет медленно кружил над местностью, упоминавшейся в статьях «Таймс». Худ хотел лично, собственными глазами убедиться, что здесь нет никаких признаков политической

активности. Не сделав этого, он не мог до конца поверить, что газета и вправду утратила всякое представление о действительности. Реальная ситуация ровно ничем не напоминала ситуацию, описываемую в статьях «Таймс», это было очевидно, и в то же время гомеостатическая газета продолжала стоять на своем.

— У меня тут с собой третья статья, — сказала сидевшая рядом с мужем Джоан. — Почитай, если хочешь. Она держала в руках последний выпуск газеты.

— Нет, — отвернулся Худ. — Не хочу.

— Тут написано, они уже на окраинах города, — продолжала Джоан. — Они прорвали полицейские заграждения, и губернатор обратился за помощью в ООН.

— А вот у меня появилась мысль, — задумчиво сказал Флетчер. — Один из нас напишет письмо в «Таймс», лучше всего вы сами, Худ.

Худ вопросительно посмотрел на своего помощника.

— И я могу точно сказать, — объяснил Флетчер, — как оно должно выглядеть. Пусть это будет обычный запрос. Вы следили за публикациями о движении Цемоли. И вот вы пишете редактору, — он сделал паузу, — что прониклись сочувствием

и хотите присоединиться к этому движению. И хотите узнать, как это сделать.

«Другими словами, — подумал Худ, — попросить газету связать меня с Цемоли. Да, в уме ему не откажешь, мысль блестящая, при всей своей дикости. В каком-то смысле Флетчер сумел ответить на сдвиг в мозгах газеты аналогичным — хотя на этот раз намеренным, хорошо продуманным — уходом от здравого смысла. Принять участие в этом бреде газеты. Если предположить, что Цемоли жив, здоров и руководит происходящим прямо сию минуту движением на Нью-Йорк, такой запрос будет вполне разумным».

— Простите мое невежество, — прервала его размышления Джоан, — но каким образом посылают письма в гомеогазету?

— Это я уже выяснил, — ответил Флетчер. — Каждый газетный киоск имеет щель для писем, она рядом с отверстием, куда кладешь монету при покупке газеты. Так было установлено законом, десятилетия назад, когда гомеогазеты только организовывались. От вашего мужа не нужно ничего, кроме подписи, письмо уже готово.

Засунув руку в карман куртки, он вытащил оттуда конверт.

Худ прочитал письмо. «Интересно, — мельк-

нула у него мысль, — значит, мы хотим присоединиться к восторженной толпе поклонников толстого шута».

— А не появится ли завтра заголовок «ГЛАВА МИССИИ ЦКОГ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ПОХОДУ НА СТОЛИЦУ ЗЕМЛИ?» — спросил он Флетчера. Черный юмор ситуации начинал доставлять ему какое-то странное удовольствие. — Ведь предприимчивая, знающая свое дело газета просто обязана вынести такое письмо на первую полосу.

Флетчер был озадачен. О таком повороте он, по всей видимости, не подумал.

— Пусть это письмо подпишет кто-нибудь другой, так, пожалуй, будет лучше, — неохотно признал он, немного помолчал и добавил: — Кто-нибудь из ваших сотрудников. Ну, например, я.

— Вот так и сделайте, — согласился Худ, возвращая Флетчеру письмо. — Интересно, какая будет реакция, если она вообще последует.

«Письма редактору, — думал он. — Письма огромному, неимоверно сложному электронному организму, погребенному где-то в недрах земли, не ответственному ни перед кем, руководствующемуся исключительно указаниями собственных же управляющих цепей. Как этот

механизм прореагирует на такое вот внешнее подтверждение его горячечного бреда? Вернется ли газета к действительности?»

Словно все эти годы вынужденного своего молчания газета спала и видела сны, а теперь, пробудившись, материализовала часть этих снов на своих страницах рядом с точными, продуманными описаниями действительного положения вещей. Какая-то дикая смесь беспочвенных фантазий и сухого, ни на йоту не отходящего от фактов репортажа. Какая часть этой смеси одержит верх, вытеснит другую? Без всяких сомнений, в ближайшее время сага о Бенни Цемоли доставит этого облаченного в красную тогу чародея, словом своим околдовывающего тысячные толпы, в Нью-Йорк — ведь заранее ясно, что героический поход увенчается успехом. Ну и что тогда? Как согласовать это с прибытием ЦКОГа, со всей его мощью и межзвездной властью? Как ни крутись, газете придется выбираться из этих противоречий.

Одному из двух отчетов о текущих событиях суждено исчезнуть… Только у Худа было неуютное предчувствие, что гомеогазета, десять лет питавшаяся одними снами, вряд ли захочет так вот просто расстаться со своими фантазиями.

«Возможно, — думал он, — информация о нас, о ЦКОГе и его проектах возрождения Земли постепенно исчезнет со страниц «Таймс». День ото дня нам будет уделяться все меньше внимания, мы будем отодвигаться на последние страницы газеты, а в конечном счете останутся одни подвиги и приключения Бенни Цемоли». По не совсем понятной причине такая перспектива очень тревожила Худа. «Словно, — думал он, — мы реальны только тогда, когда “Таймс” о нас пишет, словно от нее зависит само наше существование».

Через двадцать четыре часа регулярный выпуск «Таймс» напечатал письмо Флетчера. На газетной странице письмо это выглядело довольно странно. Худу оно показалось до крайности натянутым и искусственным, трудно было поверить, что гомеогазета попалась на такую неуклюжую подделку — однако вот оно, черным по белому, непостижимым образом умудрившееся пройти все стадии подготовки газеты:

«Уважаемый Редактор.

Ваше освещение героического похода на твердыню насквозь прогнившей плутократии Нью-Йорк зажгло в моем сердце энтузиазм. Каким образом может обыч-

ный, рядовой гражданин стать частью этой у нас на глазах вершащейся истории? Сообщите мне, пожалуйста, ибо я горю желанием присоединиться к Цемоли, чтобы делить с его сторонниками и их невзгоды, и их победы.

С наилучшими пожеланиями,
Рудольф Флетчер»

Чуть пониже письма следовал ответ гомеогазеты; Худ буквально впился в него глазами.

«Вербовочный пункт сторонников Цемоли расположен в нижнем Нью-Йорке по адресу: Нью-Йорк 32, Бликмен-стрит, 460. Обратитесь туда — если, конечно, полиция не успела еще запретить, ввиду текущего кризиса, балансирующую на самой грани закона деятельность этого пункта».

Нажав кнопку, Худ напрямую соединился со штаб-квартирой полиции.

— Дитрих, — сказал он, услышав голос следователя, — мне нужна группа ваших людей; нам предстоит небольшая поездка, в ходе которой могут возникнуть осложнения.

Последовала напряженная пауза.

— Так, значит, благородная задача восстановления цивилизации — это еще далеко не все, — сухо сказал в конце концов Дитрих. — Ну что же, мы уже послали человека присматривать за этим домом по Бликмен-стрит. Правду говоря, я восхищен вашей последней выдумкой, вполне возможно, что она достигла цели. — Полицейский коротко хохотнул.

Примерно через час вертолет с Худом и четырьмя одетыми в черную форму центаврианскими полицейскими на борту уже кружил над развалинами Нью-Йорка, пытаясь с помощью карты найти то, что было когда-то Бликмен-стрит. Еще через полчаса улицу нашли.

— Здесь, — указал вниз капитан полиции, командовавший патрулем. — Думаю, вам нужен вон тот дом, где овощная лавка.

Вертолет начал опускаться.

Это и вправду был магазин. Худ не заметил внизу никаких признаков политической активности, никаких неизвестно чем занятых личностей, никаких флагов и транспарантов. И все же — что-то зловещее было во всей этой заурядной обстановке. Ящики с овощами, сваленные на тротуаре, измученные, некрасивые женщины в длинных,

потертых пальто, копающиеся в подгнившей картошке, немолодой хозяин в грязном белом переднике, шваброй подметающий тротуар. Все слишком уж просто и естественно. Слишком заурядно.

— Садиться? — спросил капитан.

— Да, — ответил Худ. — И будьте наготове. Увидев приземляющийся рядом вертолет, хозяин аккуратно прислонил швабру к стене и пошел навстречу выскакивавшим на землю полицейским. Усатый грек (так определил национальность хозяина Худ) с седыми, чуть волнистыми волосами смотрел на неожиданных гостей с какой-то врожденной опаской, словно знал заранее, что ничего хорошего ждать от них не приходится. И все же он решил встретить их со всей вежливостью, он их не боялся.

— Джентльмены, — слегка поклонился грек, — чем могу быть полезен?

Задержавшись взглядом на незнакомой черной форме центаврианских полицейских, он, однако, не выказал никакой реакции, выражение лица его осталось спокойным и доброжелательным.

— Мы пришли арестовать политического агитатора, — сказал Худ. — Вам не о чем беспокоиться.

Он направился к лавке; полицейские, с оружи-

ем на изготовку, двинулись следом.

— Политическая агитация? Здесь? — удивился грек. — Вы что-то перепутали, у нас такого не бывает.

Тяжело дыша, он забегал вперед, пытался поймать взгляд Худа.

— Что я такого сделал? — теперь в его голосе звучала тревога. — Я ни в чем не виноват, можете сами убедиться. Заходите. — Распахнув дверь, он пропустил Худа и полицейских в свою лавку. — Смотрите все сами.

— Вот это мы и намерены сделать, — сказал Худ. Двигаясь очень быстро, он не стал тратить время на торговое, доступное для всех помещение, а сразу прошел в подсобку.

Самый обычный склад, вдоль всех стен штабеля картонных коробок, скорее всего — с консервами, какой-то молодой парень пересчитывал запасы; подняв голову, он уставился на вошедших, на лице — удивление и испуг.

«И здесь ничего, — подумал Худ, — хозяйский сын занимается своей работой, а больше — ничего». Открыв одну из коробок, он заглянул в нее. Жестяные банки с персиками. Рядом — корзина салата. Худ рассеянно оторвал один листик, он остро ощущал бессмысленность происходящего

— и разочарование.

— Ничего нет, сэр, — негромко, чуть не шепотом сообщил ему капитан.

— Вижу, — раздраженно откликнулся Худ.

Справа — дверь в чулан; открыв ее, он увидел швабры, метлу, оцинкованное ведро, коробки стирального порошка и…

На полу виднелись капли краски. Стенки чулана перекрашивались совсем недавно. Наклонившись, Худ поскреб ногтем одну из капель и почувствовал, что краска еще липкая.

— Поглядите сюда, — подозвал он капитана.

— В чем дело, джентльмены? — нервно заговорил грек. — Вы что, нашли какую-то грязь и хотите доложить об этом в санитарную инспекцию? Неужели покупатели нажаловались? Ну да, краска тут совсем свежая, мы стараемся держать все в полном порядке. Ведь это же в интересах общества, верно?

Протиснувшись в чулан, капитан ощупал его стенки.

— Мистер Худ, здесь была дверь. Она заделана, и совсем недавно. — Он вопросительно оглянулся на Худа, ожидая дальнейших указаний.

— Вскрывайте, — сказал Худ. — Сейчас же.

По приказу капитана полицейские притащи-

ли из вертолета инструменты, затем раздался надсадный вой — пила начала резать дерево и штукатурку.

— Это неслыханно, — сказал побледневший грек. — Я подам на вас в суд.

— Правильно, — согласился Худ. — Обязательно подайте на нас в суд.

Наконец послышался громкий треск, вырезанная часть стены обрушилась, на пол посыпались обломки и какой-то мусор, взметнулось и стало медленно оседать белое облако пыли.

Ручные фонарики полицейских осветили комнату, довольно небольшую. Ни одного окна, пыль, затхлый запах… «Ее никто не использует, — подумал Худ, осторожно проходя внутрь. — И очень давно».

Комната оказалась совершенно пустой. Стены деревянные, грязные, краска на них шелушится. Нечто вроде заброшенного склада.

Возможно, до Несчастья ассортимент в этом магазине был побогаче, ведь тогда было гораздо больше товаров, а теперь эта комната стала ненужной. Худ обошел ее, освещая фонариком то потолок, то стены, то пол. На полу — дохлые мухи… и несколько живых, неуверенно ползающих в пыли.

— Имейте в виду, — произнес капитан, — что ее замуровали совсем недавно, в течение последних трех дней. Во всяком случае, стенку красили никак не раньше.

— Мухи, — указал на пол Худ. — Они еще не успели сдохнуть.

Так что даже и не три дня. Вполне возможно, что эту перегородку сделали вчера.

«Интересно, чем они занимались в этой комнате? — Он посмотрел на грека, тоже вошедшего в комнатушку. Бледное, напряженное лицо, черные, озабоченно бегающие глаза. — А ведь это, — неожиданно для себя понял Худ, — очень умный человек. И вряд ли мы сумеем что-нибудь у него узнать». В дальнем конце комнаты полицейские фонари высветили стеллаж, пустые полки, сколоченные из грубых некрашеных досок.

Худ подошел к стеллажу.

— Хорошо, — хрипло сказал грек и судорожно сглотнул. — Я признаюсь, мы хранили здесь самогон. А потом мы испугались. Ведь вы, центаврианцы… — Во взгляде, которым он обвел их, стоял страх. — Вы совсем не такие, как наше местное начальство. Их мы знаем, и они нас понимают. Вы же — до вас разве доберешься. А на

жизнь надо зарабатывать.

Грек раскинул руки в мольбе и отчаянии, но Худ смотрел не на него. Из-за стеллажа что-то торчало, высовывалось едва-едва, можно было и вообще не заметить. Какая-то бумага, завалившаяся туда, почти скрывшаяся из виду. Взяв бумагу за угол, Худ осторожно ее вытащил — и скорее почувствовал, чем увидел, что грек содрогнулся.

Это был портрет. Грузный мужчина средних лет, жирный, обвисший подбородок, покрытый черной многодневной щетиной, застывшие в наглой, вызывающей усмешке губы. Высокий, одетый в какую-то полувоенную форму. Когда-то этот портрет висел на стене, люди приходили сюда, смотрели на него, отдавали ему дань уважения. Худ знал, кто это. Бенни Цемоли в расцвете своей политической карьеры. Вождь, хмуро взиравший на своих собиравшихся здесь последователей. Вот он, значит, какой.

Неудивительно, что «Таймс» так переполошилась.

— Вы знаете, кто это такой? — спросил Худ хозяина лавки, повернув к нему портрет. — Отвечайте. — Нет, нет. — Большим красным платком грек вытер с лица неожиданно выступивший пот. — Не имею представления.

Он лгал, и довольно неумело.

— Вы последователь Цемоли, так ведь? — спросил Худ.

Грек молчал.

— Заберите его, — повернулся Худ к капитану. — И можно возвращаться.

С портретом в руке он вышел из комнаты.

«Значит, статьи “Таймс” не фантазия, — думал Худ, глядя на лежащий перед ним портрет. — Теперь мы знаем правду, Бенни Цемоли — реальная личность, а двадцать четыре часа назад вот это его изображение висело на стене, у всех на виду. И висело бы до сих пор, не появись на сцене ЦКОГ. Мы их спугнули. Людям Земли есть что от нас скрывать, и они это понимают, они принимают свои меры, быстро и эффективно, и нам очень повезет, если мы сможем…»

— Так, значит, у них и вправду был сборный пункт на Бликмен-стрит, — прервала его мысли Джоан. — Газета не ошибалась.

— Да, — кивнул Худ.

— А где теперь этот человек?

«Хотел бы я знать», — подумал Худ.

— Дитрих уже видел эту картинку?

— Пока нет, — ответил Худ.

— Начало войны лежит на его совести, — сказа-

ла Джоан, — и Дитрих обязательно это узнает.

— Эта вина, — вздохнул Худ, — не может лежать ни на каком одном человеке.

— Но его роль была существенна, — настаивала Джоан. — Именно поэтому они прикладывают столько усилий, чтобы скрыть любые следы его существования.

Худ молча кивнул.

— Если бы не «Таймс», — продолжала Джоан, — разве могли бы мы догадаться, что была когда-то такая политическая фигура — Бенни Цемоли? Мы многим обязаны этой газете. Они забыли про нее, а может — не сумели до нее добраться. Возможно, так вышло из-за спешки, они никак не могли продумать абсолютно все, даже за десять лет. Трудно, вероятно, уничтожить все, связанное с политическим движением всепланетного масштаба, особенно если вождь этого движения сумел — в самом конце — захватить абсолютную власть.

— Не трудно, а невозможно, — возразил Худ.

«Спешное заколачивание пустого склада на задах продуктового магазина, принадлежащего какому-то греку… и этого хватило, чтобы мы узнали то, что хотели узнать. Теперь люди Дитриха сделают все остальное. Если Цемоли жив, они найдут его в конце концов. А если он умер — их

будет очень трудно убедить в этом, насколько я знаю Дитриха. Тогда они никогда не оставят свои розыски».

— И хорошо, — сказала Джоан, — что невинные люди смогут чувствовать себя в безопасности. Дитрих не будет их преследовать, он будет искать Цемоли.

«Верно, — подумал Худ. — И это очень важный момент. Теперь Центаврианская полиция будет занята, полностью и надолго — к вящей радости всех, в том числе и ЦКОГа с его амбициозной программой возрождения планеты.

Если бы Бенни Цемоли не было, — думал он, — его нужно было бы выдумать, даже не просто нужно, а необходимо». Странная мысль… и как это она пришла ему в голову? Он снова вгляделся в портрет, пытаясь извлечь как можно больше из этого плоского изображения. Как звучал голос Цемоли? Что помогло ему пробиться к власти? То же самое красноречие на митингах, которое верно служило стольким прошлым демагогам? И его писания… возможно, что-нибудь из них удастся найти. Или даже магнитофонные записи его речей, настоящий его звук. А то и видеозаписи. В конце концов все это выплывет на свет, вопрос только во времени. «И вот тогда, — по-

думал Худ, — мы сможем сами познакомиться с ощущением — каково это, жить в тени подобного человека».

Загудел аппарат, связанный с ведомством Дитриха. Худ взял трубку.

— У нас тут этот грек, — начал Дитрих. — Под наркотиком он сделал целый ряд признаний, вам, наверное, будет интересно.

— Да, — согласился Худ.

— Он признал, — продолжал Дитрих, — что участвует в Движении уже семнадцать лет, такой себе старый закаленный борец. В самом начале, когда Движение было еще маленьким и слабосильным, они устраивали собрания на задах его лавки, два раза в неделю. Этот самый портрет, что у вас, — я его, конечно, не видел, но Ставрос, наш греческий приятель, рассказал мне о нем — так вот, этот портрет в действительности сильно устарел, в том смысле, что теперь верные и преданные сторонники Цемоли отдают предпочтение другим, сделанным позднее. Ставрос придерживается этого по причинам сугубо сентиментального свойства. Портрет напоминал ему о старых добрых днях. Потом, когда Движение выросло, Цемоли перестал появляться в лавчонке, и наш грек утратил с ним всякий личный

контакт. Он продолжал платить взносы, остался лояльным членом Движения, но оно стало для него чем-то несколько абстрактным.

— А что насчет войны? — спросил Худ.

— Совсем незадолго до войны Цемоли осуществил государственный переворот и захватил власть здесь, в Северной Америке, — посредством похода на Нью-Йорк в условиях жесточайшей экономической депрессии… миллионы безработных, многие из которых поддержали этого демагога. Он попытался решить экономические проблемы, ударившись в агрессивную внешнюю политику — напал на несколько латиноамериканских республик, находившихся в сфере влияния Китая. С этого, похоже, все и началось, хотя Ставрос не слишком точно представляет себе, как разворачивались события. Придется поискать других охотников поделиться своими воспоминаниями — и помоложе, ведь этому, как ни говори, уже больше семидесяти.

— Вы не намерены, надеюсь, его привлекать? — спросил Худ.

— О, ни в коем случае. Этот грек — всего лишь источник информации; выложит нам все, что может, — и пусть возвращается к своему луку и картошке. Он абсолютно безвреден.

— А Цемоли, он пережил войну?

— Да, — ответил Дитрих. — Но с того времени прошло десять лет, и Ставрос не знает, жив сейчас этот человек или нет. Я лично считаю, что жив, и мы будем исходить из такого предположения, пока не докажем обратное. Это наша обязанность.

Худ поблагодарил Дитриха и положил трубку.

Отворачиваясь от телефона, он услышал возникший в глубине земли низкий глухой рокот. Гомеогазета снова вернулась к жизни.

— Это не обычный выпуск, — взглянула на свои часы Джоан. — Значит, снова специальный. Все это просто захватывает, мне уже не терпится посмотреть, что будет на первой странице.

«Что же еще такого сделал Бенни Цемоли? — думал Худ. — Согласно “Таймс” и ее смещенной во времени эпической хронике жизни этого человека. Какой стадии достигли события, разворачивавшиеся в действительности много лет назад? Какой-то критически важной, судя по спецвыпуску, и интересной, тут уж сомневаться не приходится — “Таймс” знает, что такое настоящие новости».

Ему тоже не терпелось развернуть газету.

На окраине Оклахома-Сити Джон Леконт опустил монету в щель киоска «Таймс», стоявшего

здесь с незапамятных времен. Из другой щели выскользнула газета, он взял ее и пробежал глазами по заголовку — быстро, улавливая только самую суть. Затем он пересек тротуар и снова опустился на заднее сиденье парового автомобиля.

— Сэр, — осторожно сказал мистер Фолл, — здесь первичный материал, если вы захотите провести подробное, слово за словом, сравнение.

Леконт взял у него папку.

Машина тронулась с места; не дожидаясь указаний, шофер свернул в сторону Комитета партии. Откинувшись на сиденье, Леконт закурил сигару.

Газета лежала у него на коленях, огромные буквы заголовка буквально кричали:

ЦЕМОЛИ ВОШЕЛ В КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ООН.
ВРЕМЕННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ

— Мой телефон, пожалуйста, — повернулся к секретарю Леконт.

— Да, сэр. — Мистер Фолл протянул ему портативный полевой телефон. — Но мы уже почти приехали. И, если вы простите мне мою смелость, всегда остается возможность, что они нас подслушивают.

— У них хватает дел в Нью-Йорке, — сказал Леконт. — Среди развалин.

«В зоне, — добавил он про себя, — которая на моей памяти никогда не имела ровно никакого значения».

Однако совет мистера Фолла не был лишен смысла, Леконт решил не звонить.

— И что вы думаете об этом последнем материале? — спросил он секретаря, демонстрируя ему газету. — Заслуживает самого высокого одобрения, — кивнул мистер Фолл.

Открыв свой портфель, Леконт извлек потрепанную, лишенную переплета и титульного листа книжечку. Ее изготовили всего час назад, и ей предстояла роль следующего артефакта, который, к радости своей, обнаружат интервенты с Проксимы Центавра. Книжечка была его собственным детищем, и он заслуженно ею гордился. Подробнейшее изложение составленной Цемоли программы социальных реформ, революция, описанная доступным и школьнику языком.

— Позвольте поинтересоваться, — сказал мистер Фолл, — входит ли в намерение партийного руководства позволить им обнаружить труп?

— Со временем, — ответил Леконт. — Но не раньше, чем через несколько месяцев.

Он вынул из кармана карандаш и написал на потрепанной книжице — коряво, почерком малограмотного человека:

ДОЛОЙ ЦЕМОЛИ!

«А не перебор ли это? Нет, — решил он. — Обязательно будет сопротивление. И конечно же — детского, спонтанного рода». Подумав, он добавил:

ГДЕ АПЕЛЬСИНЫ?

— А что значит это? — заглянул через его плечо мистер Фолл.

— Цемоли обещал детям апельсины, — пояснил Леконт. — Еще одна пустая похвальба, из тех, которые ни одна революция никогда не выполняла. Это придумал Ставрос, как-никак, а он торговец овощами. Очень изящный штрих. «Который, — подумал он, — придает этому еще одну щепотку дополнительного правдоподобия. Вот такие-то мелкие штрихи и определяют успех».

— Вчера, — сказал мистер Фолл, — я слышал в Комитете пленку, которую только что сделали. Цемоли выступает в ООН. Жутковатое впечатление, а если не знать…

— Кто ее делал? — спросил Леконт, несколько удивившись, почему к такому делу не привлекли его.

— Какой-то здешний, из Оклахома-Сити, артист, весьма малоизвестный, конечно же. Выступает, насколько я понял, по ночным клубам и специализируется в пародийном жанре. Произнес свою речь в напыщенной, угрожающей манере — немного перестарался, по моему мнению, но впечатление производит. Крики из зала, шум толпы… я получил искреннее удовольствие.

«А тем временем, — думал Леконт, — не будет никаких судов над военными преступниками. И мы, бывшие во время войны руководителями, на Земле и на Марсе, мы, занимавшие самые ответственные посты, мы окажемся в безопасности, по крайней мере — на время. А возможно — и навсегда. Если наша стратегия сработает. И если никто не обнаружит тоннель к цефалону гомеогазеты, на который ушло пять лет труда. И если этот тоннель не обвалится». Паровой автомобиль остановился перед Комитетом партии, на специальной стоянке. Шофер обогнул машину, открыл дверь, и Леконт вышел наружу, под яркое дневное небо. Он не чувствовал ни малейшей тревоги. Выбросив сигару в канаву, он легким

шагом пересек тротуар, направляясь в знакомое здание.

Синдром

Обнаружив на экране своего радара быстро движущуюся наземную машину, констебль Калеб Майерс сразу понял, что ее пользователь каким-то образом исхитрился снять ограничитель — его скорость, сто шестьдесят миль в час, далеко превосходила законный предел. Естественный вывод: водитель принадлежит к Голубому классу, к инженерам и техникам, кто же еще может копаться в потрохах своей тачки. Арест превращался в заковыристую проблему.

Майерс связался с полицейской тачкой, патрулировавшей шоссе десятью милями дальше.

— Когда будет проезжать мимо, отключи ему энергию, — посоветовал он своему коллеге. — Шпарит слишком быстро, чтобы ставить заслон. Согласен?

В три десять ночи тачка никуда больше не шпарила; лишившись подачи энергии, она притормозила на обочине шоссе. Майерс потыкал пальцем кнопки приборной панели, его машина развернулась и неспешно полетела на север. К беспомощно замершей тачке нарушителя уже

приближался, пробираясь через плотный поток движения, красный мигающий огонек. Майерс приземлился в тот самый момент, когда второй полицейский нажал на тормоз. Сойдясь вместе, два служителя закона осторожно направились к задержанной тачке; под их сапогами негромко похрустывала щебенка.

Нарушителем оказался худощавый мужчина в белой рубашке и галстуке; с выражением на лице, какое бывает у внезапно разбуженного человека, он смотрел прямо перед собой, абсолютно не замечая, что рядом появились полицейские, в серой форме и при полном боевом снаряжении — в руках лазерные винтовки, тело от горла до бедер прикрыто противопулевыми защитными пузырьками. Майерс открыл дверь тачки и заглянул внутрь; прикрывая его, второй полицейский взял оружие на изготовку — как знать, может, это — очередная ловушка, за одну только последнюю неделю полиция Сан-Франциско потеряла пять человек.

— Вы должны знать, — сказал Майерс все еще молчавшему водителю, — что залезать в ограничитель скорости нельзя, за это полагается лишение прав на два года. Неужели оно того стоит?

После долгой паузы водитель повернул голову и сказал:

— Я болен.

— Психически? Или физически?

Тронув кнопку закрепленной на горле рации, Майерс подключился к третьему каналу, связался с Центральной больницей Сан-Франциско; при необходимости машина скорой помощи прибудет сюда через пять минут.

— Мне показалось, — хрипло сказал водитель, — что все вокруг какое-то нереальное. И я подумал, если ехать достаточно быстро, можно попасть в такое место, где предметы настоящие.

Он положил руку на приборную панель и осторожно ощупал обтянутую толстым слоем амортизирующего пластика поверхность, словно и вправду не доверяя ее реальности.

— Разрешите посмотреть ваше горло, сэр.

Приподняв водителю подбородок, Майерс осветил его лицо фонариком; сверкнули белизной хорошо ухоженные зубы и полицейский заглянул в глубь рефлекторно раскрывшегося рта.

— Есть там эта штука? — спросил Майерса напарник.

— Да.

Металлической искрой сверкнул установлен-

ный в горле крохотный противораковый приборчик; подобно большинству внеземных, этот человек панически боится рака. Фобия вполне естественная для того, кто провел большую часть своей жизни в какой-нибудь из колоний, привык дышать чистым воздухом искусственной атмосферы. Эту атмосферу создают автоматические установки, готовящие планету к приему поселенцев.

— У меня есть постоянный врач.

Водитель сунул руку в карман, вытащил бумажник, нашел в нем визитную карточку; его пальцы заметно дрожали.

— Специалист по психосоматической медицине, живет в Сан-Хосе[16]. Вы не могли бы меня туда доставить?

— Вы не настолько больны, — возразил Майерс. — Просто не совсем акклиматизировались на Земле, не привыкли к ее гравитации, атмосфере, прочим факторам окружающей среды. Сейчас три пятнадцать ночи, вряд ли этот врач — Агопян или как его там, — сможет принять вас в такое время.

Печатный текст карточки сообщал:

---

[16] Примечания: 16

Упоминаемый здесь Сан-Хосе — город километрах в шестидесяти к северу от Сан-Франциско.

Этот человек находится под врачебным наблюдением; в случае необычного поведения он должен незамедлительно получить медицинскую помощь.

— Земные врачи, — вмешался второй полицейский, — принимают пациентов только в свое рабочее время, вам нужно привыкнуть к этому, мистер… — Он протянул руку. — Дайте мне, пожалуйста, ваши водительские права.

Вместо того чтобы разбираться в документах, водитель передал ему весь бумажник.

— Отправляйтесь-ка вы домой, — покачал головой Майерс. Судя по водительским правам, нарушителя звали Джон Купертино. — У вас есть, наверное, жена? В город мы вас доставим, а там уж пускай она подъедет… Тачку свою оставьте лучше здесь и не садитесь больше сегодня за руль. А что касается скорости…

— Я не привык к принудительному ограничению, — сказал Купертино. — На Ганимеде нет большого движения, у нас там двести, даже двести пятьдесят миль в час — самое обычное дело.

Его голос звучал до странности плоско, невыразительно; Майерсу сразу пришли в голову наркотики, в частности — стимуляторы таламуса.

Все, казалось бы, легко объяснимо: в Купертино чувствуется еле сдерживаемое нетерпение, потому он и снял ограничитель скорости, для человека, привычного к работе с механизмами, дело совсем не хитрое. И в то же время…

Интуиция, накопленная за двадцать лет службы, подсказывала Майерсу, что тут есть что-то еще.

Протянув руку внутрь машины, он открыл ящик для перчаток и посветил туда фонариком. Письма, проспект мотелей, одобренных ААА[17]…

— А ведь вы, мистер Купертино, не верите, что и вправду находитесь на Земле, верно? — сказал Майерс, внимательно изучая лицо водителя. Никакого эффекта его слова не произвели. — Вы — один из этих свихнутых наркоманов и считаете все окружающее наркотической галлюцинацией, связанной с подсознательным ощущением вины. А что в действительности вы сидите у себя дома, на Ганимеде, в гостиной своего двадцатикомнатного жилища — и окружены к тому же вашими слугами-роботами, так ведь?

Резко рассмеявшись, он повернулся к напарнику.

---

[17] Примечания: 17
ААА — Американская автомобильная ассоциация.

— На Ганимеде она растет просто так, вроде сорняка. Штука, которой они пользуются. Экстракт из нее называется фрогедадрин. Они перетирают сушеные стебли, делают из них такую кашицу, кипятят ее, сливают жидкость, фильтруют, а затем — в самокрутки и курят. А как накурятся до чертиков…

— В жизни своей не пробовал фрогедадрина, — все тем же отсутствующим голосом сказал Джон Купертино. Он опять смотрел прямо перед собой. — И я знаю, что нахожусь на Земле. Но только со мной что-то не так. Посмотрите.

Протянув руку, он погрузил ее в обшивку приборной панели; прямо на глазах у Майерса кисть руки исчезла по самое запястье.

— Видите? Все, окружающее меня, нереально, не предметы, а тени. И вы двое — тоже, я могу устранить вас, просто переключив свое внимание на что-нибудь другое. Во всяком случае — я думаю, что могу. Но — я не хочу. — Его голос дрожал и срывался. — Я хочу, чтобы вы были реальны, чтобы все это было реальным, в том числе и доктор Агопян.

Майерс переключил рацию на второй канал.

— Соедините меня с Сан-Хосе, с доктором Агопяном, — сказал он. — Ситуация чрезвычайная,

так что не тратьте попусту время на его ночную секретарскую службу.

Гудки и пощелкивание в наушниках говорили, что связь устанавливается.

— Ты видел сам, — взглянул на коллегу Майерс. — Ты видел, как он просунул руку сквозь приборную панель. А вдруг он и вправду может нас устранить?

Проверять как-то не очень хотелось; Майерс был в некотором замешательстве и уже искренне жалел, что помешал Купертино гнать машину по шоссе — хотя бы и к смерти. Да вообще — куда угодно.

— Я знаю, отчего это. — Купертино говорил скорее сам с собой, чем с полицейскими. Нашарив сигареты, он закурил, руки его дрожали уже поменьше. — Это все из-за смерти Кэрол, моей жены.

Никто с ним не спорил, никто не задавал вопросов; Майерс с напарником стояли и молча ждали, когда же доктор Агопян подойдет к телефону.

Готлиб Агопян едва успел натянуть поверх пижамы брюки и куртку. Кабинет, где он принял Джона Купертино, располагался в центральной части Сан-Хосе и был открыт в такое неурочное время только благодаря звонку из полиции. Аго-

пян включил свет, отопление, поправил стоящее перед столом кресло и покосился на пациента. «Хорош же у меня небось видочек, — невесело подумал он. — Причесаться и то не успел».

— Крайне сожалею, что поднял вас, — сказал Купертино, но сожаления в его голосе как-то не чувствовалось. Какой бы то ни было сонливости в нем тоже не замечалось, и это в четыре-то часа ночи; он сидел, закинув ногу на ногу, и курил, а доктор Агопян, стеная про себя и ругаясь, вышел в примыкающую к кабинету комнату, чтобы включить кофеварку. Уж хотя бы на это-то он имеет право.

— Сотрудники полиции, — сказал вернувшийся в кабинет врач, решили по вашему поведению, что вы — возможно — приняли какой-либо стимулянт. Но мы-то с вами понимаем, что дело совсем не в этом. Он хорошо знал: Купертино всегда такой, в этом человеке какая-то врожденная маниакальность.

— Не нужно было мне убивать Кэрол, — вздохнул Купертино. — Теперь все стало не так, все изменилось.

— Вам что, прямо вот сейчас ее не хватает? — удивился Агопян. — Ведь только вчера вы говорили…

— Так это днем; после восхода солнца я всегда чувствую себя уверенней. Кстати, у меня теперь есть адвокат. По имени Фил Вульфсон.

— Зачем?

Никто не собирался возбуждать против Купертино дело, и оба они это знали.

— Мне необходимы советы профессионала. В дополнение к вашим. Не примите, пожалуйста, это за оскорбление, у меня и в мыслях нет вас критиковать. Однако некоторые аспекты моего положения имеют скорее юридическую, чем медицинскую природу. Совесть — крайне интересный феномен, она лежит в области, отчасти описываемой психологией, а отчасти…

— Кофе?

— Господи, конечно нет. Эта отрава просто взрывает блуждающий нерв, и на много часов.

— А вы сказали полицейским про Кэрол? — спросил Агопян. — Что вы ее убили.

— Я сказал только, что она мертва. Вел себя осторожно.

А вот когда вы гнали на ста шестидесяти, там осторожностью и не пахло. Сегодня вот в «Кроникл» описано происшествие, как раз на участке шоссе между Сан-Хосе и Сан-Франциско. Автодорожный патруль штата, не задумываясь,

дезинтегрировал машину, которая шла на ста пятидесяти. И все вполне законно — безопасность общества, риск для жизни многих…

— Они предупредили водителя, — возразил Купертино. Упоминание об этой истории нисколько его не взволновало, скорее — даже больше успокоило. — А тот не захотел остановиться. Пьяный.

— Конечно же, вы понимаете, — сменил тему Агопян, — что Кэрол жива. Что в действительности она живет, живет здесь, на Земле, в Лос-Анджелесе.

— Само собой, — раздраженно кивнул Купертино.

Ну зачем Агопяну так хочется говорить очевидные вещи? Они обсуждали все это тысячу уже, наверное, раз; вот сейчас психиатр снова задаст все тот же самый вопрос на засыпку — как могли вы ее убить, если вы знаете, что она жива? Раздражение, усталость и раздражение — вот и весь результат этих бесконечных бесед.

Агопян пододвинул к себе блокнот, что-то быстро написал на верхнем листе, оторвал его и протянул пациенту.

— Рецепт какой-нибудь? — насторожился Купертино.

— Нет, всего лишь адрес.

Какое-то место в южной части Пасадены[18], несомненно — адрес Кэрол.

Лицо Купертино вспыхнуло гневом.

— Попробуем, может, что и выйдет, — сказал доктор Агопян. — Я хочу, чтобы вы пошли туда и встретились с ней лицом к лицу. Тогда мы сможем…

— Пусть с ней встречается совет управляющих Шестипланетных образовательных учреждений, я здесь ни при чем. — Купертино попытался вернуть листок врачу. — Я действовал вынужденно, вся ответственность за трагедию лежит на них. И не надо так на меня смотреть, вам и самому все это прекрасно известно. Ведь нужно было уберечь их план от разглашения, разве нет?

— В четыре часа ночи трудно в чем-нибудь разобраться, — вздохнул Агопян. — Весь мир кажется зловещим и враждебным. Я знаю, мистер Купертино, что тогда, на Ганимеде, вы работали на Шестипланетные, однако моральная ответственность… — Несколько секунд он молчал. — Поверьте, мистер Купертино, мне трудно говорить то, что я сейчас скажу. Именно вы нажали на спуск лазерного излучателя, так что вы

---

[18] Примечания: 18

Пасадена — город к северо-востоку от Лос-Анджелеса, фактически — его окраина.

и несете конечную моральную ответственность.

— Кэрол хотела сообщить местным гомеогазетам о намеченном восстании за свободу Ганимеда, о причастности к подготовке восстания буржуазных властей Ганимеда, состоявших в основном из сотрудников Шестипланетных. Я сказал, что мы никак не можем позволить ей этого, но она все равно сделала по-своему — из мелких, ничтожных побуждений, из ненависти ко мне, ровно никак не связанной с целями восстания. Как и все женщины, она руководствовалась тщеславием и уязвленным самолюбием. Вы бы съездили в Пасадену, по этому адресу, — посоветовал доктор Агопян. — Повстречаетесь с Кэрол, убедите себя, что никогда ее не убивали, что все случившееся на Ганимеде в тот день три года назад было просто… — Он взмахнул рукой, тщетно пытаясь подобрать нужное выражение.

— Да, доктор? — перебил врача Купертино. — Так что же это было такое? Потому, что в тот день, а если уж точнее — в ту ночь, лазерный луч попал Кэрол чуть повыше глаз, прямо в лобные доли мозга; она была абсолютно, бесповоротно мертва еще до того, как я покинул квартиру, отправился в космопорт и нашел там корабль, который доставил меня на Землю.

Он смолк, выжидая; Агопяну не позавидуешь, не так-то легко подобрать нужные слова в такой ситуации.

— Да, — согласился после некоторой паузы Агопян, — у вас очень подробные и устойчивые воспоминания. Только передо мной лежит ваша история болезни, там все это подробно записано, и я не вижу никакого смысла в повторениях — откровенно говоря, выслушивать ваш рассказ ночью, в такое время, даже неприятно. Я не знаю, откуда у вас эти воспоминания, зато я знаю, что они — ложные, ведь я встречался с вашей женой, говорил с ней, переписывался с ней, и все это после того дня, в который, если верить вашим воспоминаниям, вы убили ее на Ганимеде. Уж это-то я знаю точно.

— Назовите мне хотя бы одну вескую причину, почему я должен с ней встречаться. — Купертино сделал движение, собираясь разорвать листок с адресом.

— Одну? — Доктор Агопян задумался, его лицо было серым и усталым. — Да, я могу назвать вам вполне, как минимум, одну причину, вот только найдете ли вы ее достаточно веской.

— А вы попробуйте.

— Кэрол ведь тоже присутствовала тогда на

Ганимеде — в ту ночь, когда, согласно вашим воспоминаниям, вы ее убили. Возможно, она сумеет объяснить, откуда взялись у вас ложные воспоминания; думаю, ей что-то про это известно — по крайней мере, такой вывод можно было сделать из нашей переписки. — Он внимательно посмотрел на Купертино. — Однако ничего более определенного она мне так и не сообщила.

— Хорошо, я съезжу, — сказал Купертино и быстро вышел из кабинета Агопяна. «Странная все-таки идея, — думал он, — узнавать обстоятельства смерти некоей личности у этой самой личности. Однако тут Агопян прав, кроме Кэрол в ту ночь там никого не было. Можно было и самому понять, что придется в конце концов с ней встретиться».

Что-то тут было не так, логика была какой-то извращенной, и радости ему это не доставляло.

В шесть утра он уже стоял перед маленьким, но зато отдельным домиком Кэрол Холт Купертино. Пришлось долго, многократно нажимать кнопку звонка, и только тогда дверь открылась, на пороге показалась заспанная Кэрол, одетая в голубую полупрозрачную ночную рубашку и белые пушистые шлепанцы. Мимо ее ног торопливо проскользнула кошка.

— Еще помнишь меня?

Купертино посторонился, пропуская кошку.

— О господи, — Кэрол откинула с лица белокурую прядь и кивнула. — Сколько же это сейчас времени? — Пустынную улицу заливал серый, холодный свет. Зябко поежившись, она сложила руки на груди. — С чего это ты встал так рано? Прежде тебя из кровати было не вытащить до восьми часов.

— Я еще не ложился.

Ступив через порог, Купертино оказался в гостиной. Темно, окна задернуты шторами.

— А кофе можно у тебя попросить?

— Конечно.

Она сонно прошлепала на кухню, подошла к плите и нажала кнопку «Горячий кофе»; появилась чашка, а за ней другая. От кофе поднимался ароматный пар.

— Мне — со сливками, тебе — сливки и сахар. Ты всегда был малость инфантилен.

Кэрол передала ему чашку; ее собственный запах — запах теплоты, мягкости и сна — мешался с запахом кофе.

— Ты и на день не постарела, — сказал Купертино, — а ведь прошло уже больше трех лет.

Не то что не постарела, она стала за это время

еще более худощавой, стройной.

— А это что, наводит на какие-то подозрения?

Кэрол села за кухонный стол; щеки ее раскраснелись, глаза блестели, сложенные руки все так же целомудренно прикрывали грудь.

— Нет, просто комплимент. — Купертино тоже сел. — Меня послал Агопян; он считает, что мне нужно с тобой встретиться. По-видимому…

— Да, — прервала его Кэрол, — я с ним знакома. Я несколько раз ездила в Северную Калифорнию по делам, по дороге заходила и к нему. Он попросил меня в одном из писем. Мне Агопян понравился. Вообще-то, за это время тебе пора бы и вылечиться.

— Вылечиться? — пожал плечами Купертино. — Я чувствую себя отлично. Вот только…

— Вот только у тебя сохранилась эта самая *idee fixe*. Твоя главная бредовая навязчивая идея, с которой не может справиться никакой психоанализ. Верно?

— Если ты имеешь в виду мои воспоминания о том, как я тебя убил, то да. Они у меня сохранились, — согласился Купертино. — Я знаю, что так и было. По мнению доктора Агопяна, ты могла бы рассказать мне нечто о происшедшем; в конце концов, как он верно заметил…

— Да, — кивнула Кэрол, — но только есть ли какой-нибудь смысл обсуждать с тобой всю эту историю. Это неприятно, скучно, и вообще — какие разговоры в шесть утра? Давай лучше я вернусь сейчас в постель, а встретиться и поговорить можно потом, ну хотя бы сегодня же вечером. Нет? — Она вздохнула. — Ладно. Так, значит, ты пытался меня убить. У тебя был лазер. Дело происходило в нашей квартире, в Нью-Детройте-Джи, на Ганимеде, двенадцатого марта две тысячи четырнадцатого года.

— Почему я хотел тебя убить?

— Ты сам знаешь. — В голосе Кэрол звучала горечь, ее грудь дрожала от негодования.

— Да, знаю.

Самая большая ошибка за все три с половиной десятка лет его жизни. Они обсуждали условия развода; зная о предстоящем восстании, Кэрол имела в этих переговорах совершенно неуязвимую позицию, она могла выдвигать буквально любые требования. В конце концов, когда финансовая часть условий стала совсем невыносимой, Купертино пришел к Кэрол на квартиру — раньше они жили здесь вместе, но теперь он съехал, подыскал себе жилье поменьше, в другом конце города — и сказал, прямо и откровенно, что не

сможет выполнить ее требования. Вот тут-то Кэрол и пригрозила, что обратится к гомеогазетам — «Нью-Йорк Таймс» и «Дейли Ньюс» имели на Ганимеде свои датчики новостей.

— У тебя был при себе этот твой маленький излучатель, — продолжала Кэрол, — и ты сидел и крутил его в руках. И почти ничего не говорил. Но мне и без слов стало понятно — либо я приму несправедливые условия, по которым…

— И я выстрелил?

— Да.

— И луч попал в тебя?

— Ты промахнулся, — сказала Кэрол. — Я выскочила из квартиры, по коридору добежала до лифта. Спустилась на первый этаж, пошла в помещение охраны и позвонила оттуда в полицию. Затем приехал наряд. Ты так и сидел в квартире. — Сейчас в ее голосе звучало испепеляющее презрение. — Ты плакал.

— Господи, — пробормотал Купертино. Некоторое время ни один из них не говорил, они сидели и пили кофе. Бледная рука Кэрол заметно дрожала, ее чашка позвякивала о блюдце.

— Естественно, я продолжила дело о разводе. — Теперь она говорила спокойно, как о чем-то самом обыденном. — При сложившихся обстоя-

тельствах…

— По мысли доктора Агопяна, ты можешь знать, почему я помню, как убил тебя той ночью. Он говорит, ты намекала ему на это в своем письме.

Голубые глаза вспыхнули злым огоньком.

— Той ночью у тебя не было никаких ложных воспоминаний, ты просто знал, что промахнулся. Прокурор округа, Амбойнтон, предоставил выбор: либо ты соглашаешься на обязательную психиатрическую помощь, либо идешь под суд за попытку предумышленного убийства; ты, естественно, выбрал первое и начал посещать доктора Агопяна. А ложные воспоминания — я могу только сказать, когда они появились. Ты ходил к своим работодателям, в Шестипланетные образовательные учреждения, и встречался там с их психологом, доктором Эдгаром Грином, он приписан к отделу кадров. Это было незадолго до того, как ты покинул Ганимед и прилетел сюда, на Землю.

Она встала, чтобы налить себе еще чашку кофе.

— Думаю, именно доктор Грин и озаботился тем, чтобы имплантировать тебе ложные воспоминания, будто ты и вправду меня убил.

— Но зачем? — удивился Купертино.

— Ты сообщил мне об их планах поднять восстание, и они об этом знали. Ожидалось, очевидно, что ты покончишь с собой — от горя и раскаяния, а ты вдруг взял и купил билет на Землю, как было уговорено с Амбойнтоном. Вообще-то говоря, ты сделал попытку самоубийства, уже потом, во время полета… но об этом ты и сам должен помнить.

— Ну-ка, расскажи поподробнее.

У Купертино не было ни малейших воспоминаний о попытке самоубийства.

— Можешь посмотреть вырезку из гомеогазеты; я ее, естественно, сохранила.

Кэрол вышла, теперь ее голос доносился из спальни.

— Сохранила из этакой ложной сентиментальности. «Пассажира межпланетного корабля остановили в последнюю секунду…» — Фраза оборвалась, наступило молчание.

Купертино пил кофе, пил кофе и ждал — он знал, что Кэрол не найдет никакой вырезки. Потому что не было никакой попытки самоубийства.

— Не могу найти. — Лицо вернувшейся на кухню Кэрол выражало полное удивление. — Но ведь я знаю, где она была, в первом томе «Войны и мира», я пользовалась ею как закладкой.

Теперь к ее удивлению примешивались растерянность и смущение.

— Так что не у меня одного есть ложные воспоминания, — подытожил Купертино. — Если эти воспоминания действительно ложные.

Он чувствовал, что сдвинулся наконец с мертвой точки, чувствовал впервые за все эти три с лишним года. Но вот в какую сторону сдвинулся — это еще не совсем ясно. Во всяком случае — пока.

— Я ничего не понимаю, — сказала Кэрол. — Здесь что-то не так.

Оставив бывшего своего мужа на кухне, Кэрол вернулась в спальню, чтобы одеться. Через несколько минут она появилась снова, на этот раз в юбке, зеленом свитере и туфлях на высоком каблуке; продолжая расчесывать волосы, она подошла к плите и потыкала пальцем в кнопки, заказала тосты и два яйца всмятку. Было уже семь, сочившийся в окно свет из серого стал золотистым, с улицы все чаще долетали мирные, возвращающие к действительности звуки проезжающих машин — и личных и больших, общественных.

— И как это тебе удалось ухватить отдельный домик? — поинтересовался Купертино. — Я-то

думал, что в районе Лос-Анджелеса — ровно как и в районе Сан-Франциско — просто невозможно найти что-нибудь, кроме квартиры в высотном здании.

— Милостью моих работодателей.

— А где ты сейчас работаешь? — насторожился Купертино. Судя по всему, фирма пользовалась большим влиянием. За эти три года Кэрол заметно поднялась по социальной лестнице.

— Ассоциация «Падающая Звезда».

Купертино никогда о такой не слыхал.

— Они что, действуют за пределами Земли? — недоуменно спросил он. «Ну, конечно, если это межпланетная...»

— Это холдинговая компания, я у них референтом при председателе совета директоров. Занимаюсь маркетинговыми исследованиями. Нам, кстати, принадлежат и твои бывшие хозяева, Шестипланетные образовательные, у нас их контрольный пакет... Но это так, между прочим, просто совпадение.

Кэрол не предложила своему бывшему мужу позавтракать — надо думать, такое не пришло ей и в голову. Купертино хмуро наблюдал, как изящно управляется она с ножом и вилкой. Мелкобуржуазное «хорошее воспитание», тут она

ничуть не изменилась. А может, даже стала еще элегантнее, женственней.

— Думаю, — сказал Купертино, — я начинаю кое-что понимать.

— Извини? — вскинула голову Кэрол. — Понимать? Что понимать, Джонни?

— Тебя, — криво усмехнулся Купертино. — Твое здесь присутствие. Нет никаких сомнений, что ты вполне реальна — реальна в той же степени, как и все остальное. Как город Пасадена, как этот стол. — Он резко, с силой ударил по пластиковой поверхности кухонного стола. — Реальна, как доктор Агопян, как полицейские, остановившие меня на шоссе этой ночью.

— Только насколько реально все это, — добавил он. — Вот тут, как мне кажется, и лежит основной вопрос. Ответ на него мог бы объяснить, каким образом я погружал свои руки в предметы, например — в приборную панель машины. Он мог бы объяснить крайне неприятное ощущение, что все, окружающее меня, лишено плотности, телесности, словно я обитаю в мире теней.

Все это время Кэрол внимательно на него смотрела; теперь она рассмеялась и вернулась к своему завтраку.

— Возможно, — продолжал Купертино, — я

так и остался на Ганимеде, сижу в тюрьме или психиатрической лечебнице, за совершенное мной преступление. И за годы, прошедшие после твоей смерти, я постепенно переселился в иллюзорный мир.

— Господи, — безнадежно покачала головой Кэрол. — Даже не знаю, смеяться мне или сочувствовать, все это настолько… — Она запнулась, подыскивая нужное слово. — Настолько жалко. И поверь, Джонни, я искренне тебе сочувствую. Не желая расставаться со своими иллюзиями, ты предпочел объявить иллюзией, порождением твоего мозга, всю Землю и всех, кто на ней живет. Послушай, а не кажется ли тебе более экономным отказаться от этой навязчивой идеи? Отбросить одну-единственную идею, что ты меня убил…

Зазвонил телефон.

— Извини, пожалуйста.

Торопливо промокнув салфеткой губы, Кэрол поднялась и вышла. Оставшийся на кухне Купертино мрачно крутил в руках кусочек тоста, упавший с ее тарелки; измазав палец маслом, он машинально облизал его и тут же почувствовал сосущую пустоту в желудке — подошло привычное время завтрака. Кэрол все еще говорила по телефону; Купертино подошел к плите, заказал

яичницу с беконом, кофе и тосты, получил их и снова сел за стол.

«Ну а как же я тогда живу? — спросил он себя. — Чем я питаюсь в этом воображаемом мире?»

«По всей видимости, — решил Купертино, — я ем самую настоящую пищу, приготавливаемую в этой тюрьме — или там в больнице. Пища действительно существует, и я действительно ее ем. И комната тоже существует, со стенами и полом… только не эта комната. Не эти стены и не этот пол. Люди — они тоже существуют. Только не эта женщина, не Кэрол Холт Купертино. Существует некто другой. Какой-нибудь там тюремщик или санитар. А еще существует доктор. Вполне возможно, что его фамилия Агопян.

Скорее всего, так оно и есть, — сказал себе Купертино. — Доктор Агопян — действительно мой психиатр».

Вернувшаяся на кухню Кэрол села перед остывшими остатками завтрака.

— Поговори с ним ты, — сказала она. — Это доктор Агопян.

Купертино сорвался с места. С маленького экрана смотрело напряженное и какое-то измученное лицо доктора Агопяна.

— Так, значит, вы все-таки приехали сюда,

Джон. Ну и как? Что там у вас?

— Где мы находимся, доктор Агопян? — спросил Купертино.

Психиатр нахмурился.

— Что-то я вас… Ведь мы на Ганимеде, и вы и я, правда?

— Я нахожусь в Сан-Хосе, — еще больше нахмурился Агопян, — а вы — в Лос-Анджелесе.

— Пожалуй, я знаю, как проверить свою теорию, — сказал Купертино. — Я откажусь от дальнейшего у вас лечения. Если я — заключенный на Ганимеде, мне это не удастся, но если я — свободный гражданин, находящийся на Земле, как вы это утверждаете…

— Вы действительно на Земле, — прервал его Агопян, — но вас нельзя назвать свободным гражданином. Из-за предпринятого вами покушения на жизнь своей жены вы обязаны проходить у меня регулярное психиатрическое лечение. И вы сами это знаете. Так что же сказала вам Кэрол? Она пролила какой-нибудь свет на события той ночи?

Купертино слегка задумался.

— Пожалуй, да. Я выяснил, что Кэрол работает на компанию, которой принадлежат Шестипланетные образовательные учреждения, уже одно

это оправдывает поездку. Жаль, что я не выяснил это раньше — что она работает на Шестипланетные и что ее обязанность — присматривать за мной.

— П-простите? — недоуменно моргнул Агопян.

— Она была сторожевой собакой. Присматривала за моей лояльностью; судя по всему, они боялись, как бы я не выдал подробности планируемого восстания земным властям. Вот они и поручили Кэрол следить за мной. Рассказав ей о планах восстания, я продемонстрировал свою ненадежность. Кэрол, как мне это представляется, получила указание меня убить. По-видимому, она сделала такую попытку, но безуспешно. Все люди, связанные с планировавшимся восстанием, были схвачены земными властями и получили свои приговоры, но Кэрол избежала наказания, так как она не была — официально — сотрудницей Шестипланетных.

— Подождите секунду, — остановил его доктор Агопян. — Все это звучит вроде бы достаточно разумно, однако… — Он поднял руку. — Мистер Купертино, восстание было, и оно увенчалось успехом, это — исторический факт. Три года тому назад Ганимед, Ио и Каллисто одновременно сбросили с себя земное иго и стали независимы-

ми самоуправляющимися спутниками. Об этом знает любой третьеклассник, так называемая трехлунная война две тысячи четырнадцатого года. Мы с вами никогда не обсуждали таких вопросов, но я считал само собой разумеющимся, что вы знаете это не хуже, чем… — он взмахнул рукой, тщательно пытаясь подобрать сравнение, — ну, чем любой другой исторический факт.

Отвернувшись от экрана, Джон Купертино посмотрел на свою бывшую жену.

— Это что, правда?

— Конечно, — уверенно кивнула Кэрол. — А что, в твоем иллюзорном мире ваша мини-революция провалилась? — Она улыбнулась. — Восемь лет ты работал на переворот, работал по заданию мощного экономического картеля, который и задумал его и финансировал, а затем, когда этот переворот совершился, ты — по какой-то совершенно непонятной причине — решил не замечать своего же успеха. Мне действительно жаль тебя, Джонни, все это очень печально.

— Но ведь должна быть какая-то причина, — сказал Купертино, — почему я этого не знал. Почему они решили, что я не должен этого знать. — В полной растерянности он протянул вперед дрожащую руку.

Легко, словно в пустоту, рука погрузилась в экран и пропала. Купертино испуганно отдернулся, и рука появилась снова. Но ведь он видел, как она исчезла И он все понял.

Иллюзия действительно хорошая, но не совсем. Она не идеальна, имеет свои ограничения.

— Доктор Агопян, — обратился Купертино к миниатюрному изображению психиатра. — Пожалуй, я перестану с вами встречаться. Начиная с этого утра я отказываюсь от ваших услуг. Пришлите мне счет, весьма вам признателен, и всего хорошего.

Он снова протянул руку, теперь — чтобы выключить аппарат.

— Вы не можете отказаться от лечения, — не задумываясь ответил Агопян. — Как я уже говорил, оно обязательное. Вы должны его продолжать, либо снова предстать перед судом, а этого вам лучше не делать. Ничего хорошего от такого суда ждать не приходится, вы уж мне поверьте.

Купертино нажал кнопку, и экран потух.

— А ведь он совершенно прав, — донесся из кухни голос Кэрол.

— Он врет, — уверенно сказал Купертино. А затем, не торопясь, тоже прошел на кухню, сел за стол и снова занялся яичницей.

Вернувшись в Беркли[19], в свою квартиру, Купертино заказал разговор с представительством Шестипланетных образовательных учреждений на Ганимеде. Через полчаса связь была установлена.

— Вы не забыли меня, доктор Грин?

Пухловатое, средних лет лицо, глядевшее с экрана, казалось совершенно незнакомым; Купертино крайне сомневался, что видел когда-нибудь этого человека. Однако хотя бы один фундаментальный факт прошел проверку: в отделе кадров Шестипланетных действительно числился доктор Грин. Тут Кэрол была права.

— Я видел вас когда-то, — сказал доктор Грин, — но должен с сожалением признаться, что не могу вспомнить вашего имени.

— Джон Купертино. Ныне проживающий на Земле. В прошлом — житель Ганимеда. Чуть больше трех лет назад, незадолго до переворота на Ганимеде, я попал в довольно громкое судебное дело. Был обвинен в убийстве собственной жены Кэрол. Может быть, это поможет вам вспомнить?

— Хм-м, — нахмурился доктор Грин и тут же приподнял бровь. — Вы были оправданы, мистер

---

[19] Примечания: 19

Беркли — город, отделенный от Сан-Франциско несколькими километрами Сан-Францисского залива.

Купертино?

— Я… — чуть запнулся Купертино, — в настоящее время я нахожусь под психиатрическим наблюдением. Здесь, в Калифорнии. Если это о чем-нибудь вам говорит.

— Насколько я могу понять из ваших слов, вас признали психически невменяемым, на чем, собственно, суд и закончился.

Купертино настороженно кивнул.

— Вполне возможно, — продолжал доктор Грин, — я действительно беседовал с вами. Что-то такое вроде бы припоминается. Но я вижу так много самых разных людей… Вы работали у нас?

— Да, — кивнул Купертино.

— А что конкретно потребовалось вам от меня, мистер Купертино? Вам что-то нужно, в этом нет никаких сомнений — иначе зачем бы заказывать такой дорогой дальний разговор? Так вот, из самых практических соображений, в том числе — из интересов вашего бумажника, я предложил бы прямо перейти к делу.

— Я бы хотел, — сказал Купертино, — чтобы вы переслали мне мою историю болезни. Именно мне, а не моему психиатру. Можно это сделать?

— Для чего она вам, мистер Купертино? Вы устраиваетесь на какую-нибудь работу?

— Нет, доктор. — Купертино набрал полные легкие воздуху, словно собираясь броситься в воду. — Я хочу узнать, и узнать с абсолютной точностью, какие ко мне применялись психиатрические методики. Применялись вами и вашим персоналом, вашими подчиненными. Есть основания предполагать, что я был подвергнут радикальной психокоррекции. Ведь я имею право узнать об этом, доктор? Насколько мне известно — имею.

«У меня не больше чем один шанс на тысячу извлечь хоть что-нибудь ценное из этого человека», — сказал он себе. Но попытаться все же стоило.

— Психокоррекция? Вы что-то путаете, мистер Купертино, мы ведь только проводим тесты на профессиональную пригодность, составляем и анализируем психологические профили — мы тут никого не лечим. Организуем психологическую проверку людей, желающих работать в фирме, чтобы впоследствии…

— Доктор Грин, — прервал его Купертино, — а лично вы принимали участие в перевороте, три года назад?

— Да кто же в нем не участвовал? — пожал плечами Грин. — Все, как один, граждане Ганимеда

горели патриотизмом.

Пылкую эту фразу врач произнес сухо и бесстрастно.

— А если бы от этого зависела судьба переворота, — спросил Купертино, — согласились бы вы тогда имплантировать мне ложные воспоминания, чтобы…

— Прошу меня извинить, — прервал его Грин. — Вы психотик, это совершенно очевидно. Поэтому нет никакого смысла попусту тратить ваши деньги, продолжая эту беседу. Крайне удивлен, что вам вообще разрешен доступ к линиям дальней видеосвязи.

— Однако, — настаивал Купертино, — такая имплантация возможна. Современная психиатрическая техника делает ее вполне осуществимой, вы должны это признать.

— Да, мистер Купертино, — вздохнул доктор Грин. — Все это вполне осуществимо уже с середины прошлого века. Первоначальные методики были разработаны в московском институте Павлова еще в сороковые годы, а затем, во время корейской войны, их развили и усовершенствовали. После соответствующей обработки человек поверит чему угодно.

«А раз так, Кэрол, возможно, и права».

Купертино не совсем понимал, что он сейчас чувствует — радость или разочарование. Зато он понимал главное: из этого автоматически следует, что он не убийца. Кэрол жива, и нет оснований сомневаться в истинности впечатлений, связанных с Землей, с земными городами, предметами, людьми. И все же…

— А если я сам прилечу на Ганимед… — Эта мысль пришла ему в голову совершенно неожиданно. — Смогу я тогда посмотреть свою историю болезни? Ведь если у меня хватит здоровья для такого путешествия, значит, никакой я не психотик, находящийся под обязательным психиатрическим наблюдением. Возможно, я болен, но только не в такой же, доктор, степени.

Купертино выжидающе смолк; шансы очень малы, но попробовать все же стоило.

— Вообще-то говоря, — задумчиво подергал себя за подбородок доктор Грин, — в правилах нашей компании нет ничего такого, что мешало бы сотруднику — или бывшему сотруднику — ознакомиться со своим личным делом; я мог бы, пожалуй, его и не скрывать. Однако хотелось бы все-таки проконсультироваться сперва с вашим психиатром. Вы не откажетесь сообщить мне его фамилию? Если он согласится, это избавит вас от

ненужного путешествия — я передам ваше личное дело на Землю по видеосвязи, его запишут и вручат вам уже сегодня, сегодня по калифорнийскому времени.

Сообщив Грину, что фамилия психиатра Агопян, Купертино прервал связь. И что же скажет теперь этот Агопян? Вопрос очень интересный, а ответ на него далеко не очевиден — кто же знает, что взбредет психиатру в его психиатрическую голову.

К вечеру все станет ясно, уж это — во всяком случае.

Было какое-то внутреннее чувство, что Агопян согласится, согласится из неверных соображений.

Окленд — город в нескольких километрах от Беркли; эти города практически сливаются. Но это мелочи, ерунда, соображения Агопяна не имеют никакого значения, все дело в истории болезни. Добраться до нее, прочитать ее, узнать, права ли Кэрол.

И только через два часа — это время показалось Купертино неописуемо долгим — он неожиданно осознал простое обстоятельство. Шестипланетным образовательным не составит ни малейшего труда подтасовать историю болезни, убрать из

нее опасную информацию. Передать на Землю фальсифицированный ничего не значащий документ. Ну и что же делать потом? Это тоже был хороший вопрос, и на него Купертино — в настоящий момент — тоже не имел никакого ответа.

Личное дело из отдела кадров Шестипланетных образовательных учреждений прибыло тем же вечером — его доставил рассыльный Уэстерн Юнион. Дав рассыльному чаевые, Купертино сел в гостиной и открыл папку.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы удостовериться: в личном деле не было, как он и предполагал, ни слова об имплантации ложных воспоминаний. Теперь одно из двух — либо документы фальсифицированы, либо Кэрол ошибается. Ошибается — или лжет. Как бы там ни было, этот номер оказался пустым.

Купертино позвонил в Калифорнийский университет; после многочисленных переключений с номера на номер его связали наконец с человеком, который вроде бы понимал, о чем идет разговор.

— Я хочу провести анализ текста, — объяснил Купертино. — Хочу узнать, как давно он написан. В моем распоряжении только копия, полученная по каналам Уэстерн Юнион, так что придется

ограничиться анализом лексических анахронизмов. Мне нужно узнать, составлен этот текст три года назад или позднее.

— За последние три года лексика изменилась очень мало. — Университетский филолог чуть помедлил. — Но попробовать можно. Как скоро хотите вы получить результат?

— Чем скорее, тем лучше.

Вызвав рассыльного, Купертино поручил ему доставить папку в университет, а затем начал обдумывать еще одно обстоятельство. «Хорошо, пусть и Земля и все, что он испытал на ней, — иллюзия; в таком случае среди этих иллюзорных впечатлений наиболее достоверны беседы с доктором Агопяном, тут восприятие ближе всего подходит к грани, отделяющей иллюзию от реальности. Поэтому, если когда-нибудь и удастся вырваться из иллюзорного мира, скорее всего это будет при одной из встреч с психиатром, именно в эти моменты и нужно прилагать максимум усилий. Ведь не подлежит сомнению, пожалуй, один-единственный факт: доктор Агопян реален».

Купертино подошел к телефону и начал набирать номер Агопяна. Прошли всего сутки после эпизода на шоссе и последующей беседы с психи-

атром, обычно они не встречались так часто, но за эти сутки ситуация предстала в совершенно ином свете. А стоимость лишнего визита к врачу — ничего, как-нибудь бумажник выдержит; Купертино продолжал набирать номер. И тут его рука замерла.

Арест. Неожиданно вспомнились слова полицейского, тот обвинил Купертино в употреблении ганимедского наркотика, фрогедадрина. И обвинил не без оснований — у него были все симптомы.

Возможно, именно таким образом и поддерживаются эти иллюзии — он регулярно получает малые дозы фрогедадрина; скорее всего, с пищей. Но ведь само такое подозрение — типичная мания преследования, признак паранойи, психоза.

Параноидальная эта мысль или не параноидальная, но звучит она вполне разумно.

В таком случае необходим подробный клинический анализ крови, такой анализ неизбежно выявит наркотик. Нужно только съездить в Окленд[20], в клинику своей фирмы, пожаловаться на возможный токсикоз, и через час все будет готово.

---

[20] Примечания: 20

Окленд — город в нескольких километрах от Беркли; эти города практически сливаются.

Присутствие в крови фрогедадрина докажет, что подозрения верны, что он все еще на Ганимеде и не улетал ни на какую Землю. А все, что он здесь пережил — якобы пережил, — просто иллюзия, за возможным исключением регулярных, обязательных визитов к психиатру.

Было ясно, что анализ крови нужно сделать скорее, однако Купертино медлил, словно чего-то опасаясь. Чего? Появился путь к точному прояснению ситуации, а он медлил.

А так ли хочет он узнать правду?

Нет, анализ, конечно же, нужно сделать; оставив на время мысль о встрече с Агопяном, Купертино пошел в ванную, побрился, надел свежую рубашку, повязал галстук и вышел из квартиры. Тачка стояла рядом с домом, какие-нибудь пятнадцать минут, и он будет в клинике фирмы.

Фирма. Рука Купертино, взявшаяся за дверцу машины, замерла, он остановился, чувствуя себя очень глупо.

В организованной им системе иллюзий произошла какая-то накладка. Он не знал, где работает. Из вымышленного мира выпал большой и существенный сегмент.

Купертино вернулся домой и набрал номер доктора Агопяна.

— Добрый вечер, Джон, — довольно кисло поприветствовал его Агопян. — Уже дома? Как вижу, вы не задержались в Лос-Анджелесе.

— Доктор, — голос Купертино срывался, — я не знаю, где я работаю. Тут что-то не так, ведь раньше я знал — да я еще вчера это знал. Ведь я хожу на работу четыре дня в неделю, как и все остальные, верно?

— Конечно, — невозмутимо согласился психиатр. — Вы работаете в Оклендской фирме Триплан Индастриз, на Сан-Пабло авеню, рядом с двадцать первой стрит. Точный адрес можете узнать в своей телефонной книге. Только я советовал бы вам сперва лечь и отдохнуть, вы не спали всю прошлую ночь, и теперь это начинает сказываться.

— Ну а если, — продолжал Купертино, — начнут пропадать все большие и большие части иллюзорного мира? Ведь я попаду в крайне неприятное положение.

Исчезновение одного лишь элемента — даже этого достаточно, чтобы прийти в ужас. Словно пропала, бесследно растворилась часть собственного твоего организма. Он забыл, где работает, и в одно мгновение непроницаемая стена отделила его от всех остальных людей. А что еще могло

исчезнуть из памяти? Возможно, Агопян прав и дело тут просто в усталости. Ведь он, говоря по-честному, совсем не в том возрасте, чтобы проводить ночи без сна, совсем не в такой форме, как десять лет назад, когда подобные вещи не представляли большого труда ни для него, ни для Кэрол.

Он осознал, что цепляется за свой иллюзорный мир, не хочет увидеть, как этот мир расползается в клочья, словно ветхая тряпка. Человек — это его мир, без окружающего мира он ничто.

— Доктор, — спросил Купертино, — а можно увидеть вас сегодня же вечером?

— Но вы и так меня видите, — вразумляюще ответил Агопян. — Я не нахожу никаких причин для столь частых встреч, подождите до конца недели, а тем временем…

— Мне кажется, я понимаю, каким образом поддерживается существование моих иллюзий, — сказал Купертино. — Каждый день я получаю дозу фрогедадрина, перорально, с пищей. Можно даже предположить, почему разрушилась часть иллюзорного мира — поехав в Лос-Анджелес, я пропустил одну дозу. Или, как вы говорите, виновата усталость — и тот и другой вариант доказывают мою правоту: мой мир иллюзорен.

Чтобы понять это, не нужны ни анализ крови, ни филологи из Калифорнийского университета. Кэрол мертва, и вы это знаете. Мы на Ганимеде, вы — мой психиатр, я нахожусь в заключении, нахожусь четвертый уже год. Так ведь? Агопян не отвечал, его лицо оставалось бесстрастным.

— И я никогда не был ни в каком Лос-Анджелесе, — прервал затянувшееся молчание Купертино. — Скорее всего, место заключения, весьма невелико по размерам, и вся моя свобода передвижения чистая иллюзия. И с Кэрол я сегодня не встречался, верно?

— А как вы себе это представляете — «анализ крови»? — медленно проговорил Агопян. — Как вам такое и в голову пришло? — По его лицу скользнула улыбка. — Поймите, Джон, если ваш мир иллюзорен, анализ крови тоже будет иллюзорен. Так какой же вам от него толк?

Об этом Купертино не задумывался; он ошеломленно молчал, не в силах ничего ответить.

— И это личное дело, которое вы попросили у доктора Грина, — продолжал Агопян, — которое вы получили, а затем передали в Калифорнийский университет на анализ. Ведь тогда и оно — иллюзия. Так что, каким образом результаты всех этих исследований могут…

— А вот этого вы, доктор, не должны были знать, — сказал Купертино. — Вы вполне могли быть осведомлены, что я звонил доктору Грину, попросил у него документы и получил их, — Грин собирался с вами поговорить. Но мой звонок в университет и просьба провести анализ документов — откуда бы вам об этом знать? Извините, доктор, но присутствие в структуре такого логического противоречия надежно доказывает ее ирреальность. Слишком уж много вы обо мне знаете. Пожалуй, я придумал, каким способом можно проверить справедливость моих рассуждений, проверить с абсолютной точностью.

— И какой же это способ?

Голос Агопяна звучал холодно и отстраненно.

— Вернуться в Лос-Анджелес. И убить Кэрол еще один раз.

— Господи боже, да как вам…

— Женщина, которая мертва уже три года, — усмехнулся Купертино, — не может умереть снова. Скорее всего, окажется, что убить ее невозможно. — Он потянулся к видеофону.

— Подождите, не выключайте, — торопливо остановил его Агопян. — Послушайте, Купертино, теперь я должен связаться с полицией, вы меня просто вынуждаете. Не могу же я сидеть сложа

руки и ждать, когда вы поедете и убьете женщину во… — Он оборвал фразу. — Я хотел сказать — совершите второе покушение на ее жизнь. Хорошо, Купертино, я готов признать несколько обстоятельств, скрывавшихся прежде от вас. В некотором смысле вы правы, мы действительно на Ганимеде, а не на Земле.

— Понятно.

Купертино опустил протянутую к аппарату руку.

— Но Кэрол вполне реальна.

Лицо, смотревшее на Купертино с экрана, покрылось каплями пота, Агопян начал заикаться, он явно боялся, что разговор оборвется.

— Она столь же реальна, как вы или я. Вы попытались убить ее, ничего из этого не вышло, и тогда она сообщила гомеогазетам о намеченном восстании — именно поэтому успех восстания оказался лишь частичным. Ганимед, на котором мы находимся, окружен кордоном земных военных кораблей, мы отрезаны от всей остальной Солнечной системы, питаемся по карточкам, подвергаемся непрерывным атакам, но все еще держимся.

— А зачем нужен мой вымышленный мир? — Откуда-то снизу начал подыматься холодный,

смертельный ужас; не в силах с ним совладать, Купертино ощущал, как ужас этот заполняет грудь, проникает в сердце. — Кто погрузил меня в эти иллюзии?

— Какие там погружения, у вас аутогенный синдром ухода от реальности, вызванный чувством вины. Ведь это ваша, Купертино, вина, что планы восстания стали известны земным властям, рассказывать о них Кэрол было странной ошибкой — и вы сами это потом осознали. Попытка самоубийства оказалась неудачной, и тогда вы ушли в свой фантастический, иллюзорный мир…

— Но если Кэрол сообщила все земным властям, она никак не может находиться сейчас на свободе и…

— Совершенно верно, ваша жена сидит в тюрьме, именно там мы ее и навещали — здесь, на Ганимеде, в Нью-Детройте-Джи. Честно говоря, я не знаю, каким образом воздействует все рассказанное мною на ваш иллюзорный мир; возможно, поможет дальнейшему его распаду. Не исключено даже, что вы вернетесь к действительности, ясно увидите тяжелую ситуацию, в которой находимся мы, ганимедцы, вынужденные противостоять всей военной машине Земли. Ведь я завидовал вам, Купертино, завидовал

все эти три года; вам не приходилось встречать лицом к лицу наши трудности, безжалостную правду жизни. Ну, а теперь… — Он пожал плечами. — Теперь — посмотрим.

— Спасибо, что рассказали, — выдавил из себя Купертино после долгого молчания.

— А благодарить меня не за что, я сделал это вынужденно, чтобы вы не перевозбудились и не перешли к насилию. Вы — мой пациент, и я должен заботиться о вашем благополучии. Вас никто никогда не наказывал за случившееся, об этом даже не думали — уже само расстройство вашей психики, это полное бегство от действительности, показывало, как глубоко вы раскаиваетесь в своей глупости и в ее ужасных последствиях. — Пепельно-серое лицо Агопяна выражало крайнюю усталость. — А главное — оставьте вы Кэрол в покое, нет у вас права на отмщение, а не верите мне — почитайте Библию. К тому же она уже понесла свое наказание и будет нести его, пока останется в наших руках.

Купертино прервал связь.

«Ну и как, поверил я ему?» — спросил он себя.

Уверенности не было. «Кэрол, — думал он. — Так это ты обрекла наше дело на поражение. Погубила восстание из-за мелочной злобы, до-

машних дрязг. Обычная женская уязвленность, обида на мужа — и этого оказалось достаточно, чтобы обречь наш спутник на страшную, почти безнадежную войну».

Пройдя в спальню, он достал из комода лазерный излучатель; все эти три года, проведенные Купертино на Земле, оружие хранилось в коробке с «Клинексом». «А вот теперь, — сказал он себе, — самое время им воспользоваться».

Подойдя к видеофону, Купертино вызвал такси; сегодня он полетит ракетным экспрессом, тачка останется дома.

Кэрол в Лос-Анджелесе, нужно добраться туда быстро, как можно быстрее.

«Один раз ты сумела ускользнуть, — думал он, торопливо направляясь к двери, — но теперь все будет иначе. Дважды этот номер не пройдет».

Десять минут спустя ракетный экспресс несся уже в Лос-Анджелес. К Кэрол.

Купертино вторично просмотрел «Лос-Анджелес Таймс», просмотрел от первой до последней страницы. И вторично ничего не нашел.

«Почему нет заметки?» — спросил он себя. Убийство, застрелена молодая привлекательная женщина… Он явился в фирму, где работала Кэрол, нашел ее сидящей за столом, застрелил

прямо у всех на глазах, затем повернулся и беспрепятственно ушел — окаменевшие от ужаса и неожиданности люди даже не сдвинулись с места.

А в печати — ничего. Столь примечательное событие, а гомеогазета как воды в рот набрала.

— Напрасно ищете, — сказал из-за своего стола доктор Агопян.

— Но ведь должно быть, обязательно должно, — упрямо возразил Купертино. — Такое серьезное преступление, и… как же это так?

В полном недоумении он отодвинул газету. Происходящее не имело смысла, нарушало элементарнейшую логику.

— Во-первых, — устало сказал Агопян, — никакого лазерного излучателя не было, это только иллюзия. Во-вторых, мы не позволили вам навестить вашу бывшую жену, ведь вы совершенно ясно заявили, что планируете насилие. Вы ее не видели, вы ее не убивали, а лежащая перед вами газета — совсем не «Лос-Анджелес Таймс», а «Нью-Детройт-Джи Стар», выходящая всего на четырех страницах, — у нас, на Ганимеде, не хватает сырья для производства бумаги.

Купертино смотрел на психиатра и молчал.

— Да, — кивнул доктор Агопян, — именно так.

Это повторилось, Джон. Теперь вы обладаете ложными воспоминаниями о том, как убили ее дважды. И каждый из этих эпизодов столь же иллюзорен, как и любой другой. Мне вас очень жаль — по всей видимости, вы обречены раз за разом повторять такие попытки — и раз за разом терпеть неудачу.

— Наши лидеры ненавидят Кэрол Холт Купертино, ее поступок причинил нам непоправимый ущерб, однако… — Он развел руками. — Мы обязаны ее защищать, этого требует справедливость. Приговор, вынесенный судом, исполняется; она просидит в тюрьме еще двадцать два года или — до того времени, когда Земля победит нас и выпустит ее на свободу. В последнем случае она сразу станет героиней, это само собой разумеется, о ней будет кричать каждая контролируемая землянами гомеогазета Солнечной системы. Купертино молчал.

— И вы позволите им получить Кэрол живой? — спросил он в конце концов.

— А вы считаете, нам бы следовало ее убить? — нахмурился доктор Агопян. — Мы не варвары, Джон, и никакая жажда мести не толкнет нас на преступление. Кэрол уже перенесла три года тюремного заключения, она страдает, и ее нака-

зание вполне достаточно. То же самое касается и вас, — добавил он. — Иногда я даже задумываюсь, кто из вас страдает больше.

— Я знаю, что убил ее, — сделал последнюю попытку Купертино. — Ее фирма, ассоциация «Падающая звезда», которой принадлежат Шестипланетные образовательные учреждения, расположена в Сан-Фернандо[21], я доехал туда на такси. Работает Кэрол на десятом этаже.

Он помнил, как поднимался на лифте, помнил даже юбку своей попутчицы, женщины средних лет. Помнил худенькую рыжую секретаршу, которая звонила Кэрол по внутреннему телефону, помнил, как проходил через помещение, где сидели занятые чем-то люди и как неожиданно оказался с Кэрол лицом к лицу. Она поднялась и какую-то секунду стояла неподвижно, не сводя глаз с лазера. А затем ее лицо изменилось, она все поняла и попыталась убежать, спрятаться… Но он все же убил Кэрол, убил у самого выхода, когда рука ее уже вцепилась в дверную ручку.

— Могу вас заверить, — сказал доктор Агопян, — что Кэрол самым несомненным образом жива. — Повернувшись к стоящему на столе

[21] Примечания: 21

Упоминаемый здесь Сан-Фернандо — городок неподалеку от Лос-Анджелеса, в полусотне километров от Пасадены.

видеофону, он набрал номер. — Сейчас я позвоню, вызову ее, если хотите — можете сами с ней поговорить.

Тупое оцепенение — это все, что чувствовал сейчас Купертино, он смотрел на аппарат и ждал. Наконец на экране появилось лицо. Лицо Кэрол.

— Привет, — сказала она, узнав своего бывшего мужа.

— Привет, — чуть запнувшись, ответил Купертино.

— Как себя чувствуешь? — спросила Кэрол.

— Отлично, — неуверенно ответил он. — А ты?

— Прекрасно, — сказала Кэрол. — Сонная только немного, слишком уж рано я сегодня встала. По твоей милости.

Купертино выключил аппарат.

— Хорошо, — повернулся он к доктору Агопяну. — Вы меня убедили.

Сомневаться не приходилось, его жена жива и невредима — более того, Кэрол, по всей видимости, даже не подозревала об очередном покушении. Агопян не врет: Купертино вообще не приезжал к ней на работу.

Работа? Фирма, рабочее место? Скорее уж — тюремная камера.

Это — если верить Агопяну, а верить прихо-

дится.

Купертино встал.

— Теперь мне можно идти? Очень хочется поскорее попасть в свою квартиру, устал я, как собака, нужно хоть немного поспать. — Удивительно, как вас вообще ноги держат, — сказал Агопян. — Это ведь почти пятьдесят часов без сна. Непременно поезжайте домой и ложитесь, поговорить можно и потом. — Он ободряюще улыбнулся.

Согнувшись под грузом оглушительной усталости, Купертино вышел из кабинета врача; он засунул руки в карманы; немного постоял на тротуаре, дрожа от ночного холода, кое-как забрался в свою машину и сказал:

— Домой.

Тачка плавно снялась с места и влилась в поток уличного движения.

«А ведь можно попробовать еще раз, — пришла в голову неожиданная мысль. — А почему бы, собственно, и нет, вдруг получится? Дважды срываюсь — ну и что? Отсюда еще не следует, будто все попытки заранее обречены на неудачу».

— В Лос-Анджелес, — сказал он тачке.

Негромкое пощелкивание, это управляющий тачкой автомат переключился на девяносто

девятое шоссе, самый прямой путь к месту назначения.

«А ведь когда я приду, она будет спать, — сообразил Купертино. — Проснется, плохо что-нибудь соображая, вот и впустит меня спросонья. Ну а тогда, возможно, теперь и восстание удастся».

У Купертино было смутное ощущение, что в такой логике есть некий пробел, слабое место, непонятно только, где именно. Усталая голова отказывалась что-нибудь соображать.

Откинувшись на спинку, он устроился поудобней, доверил управление автомату и закрыл глаза. Дорога неблизкая, а самое необходимое сейчас — это сон. Через несколько часов он будет в Южной Пасадене, около особняка Кэрол. Убьет ее, а затем, возможно, поспит по-настоящему, это будет вполне заслуженный отдых.

«К завтрашнему утру, если все пойдет как следует, она будет мертва». Мысли ворочались в голове медленно, сонно. А потом он снова подумал о гомеогазете и снова удивился, почему на ее страницах не было заметки о преступлении. «Странно это, — думал он. — Почему?»

Со скоростью сто шестьдесят миль в час — ведь Купертино снял ограничитель — тачка мчалась — как он считал — к Лос-Анджелесу и спящей

там Кэрол.

Ползуны

Он строил, и чем больше он строил, тем больше нравилось ему строить. Он трудился, овеваемый ласковым летним ветерком, под горячими лучами солнца, трудился и радовался своему труду. Когда кончились материалы, он сделал небольшую передышку. Его постройка не была большой, не настоящее здание, а так, тренировочная модель. Он знал это — одной частью своего мозга, но другая часть буквально дрожала от гордости и возбуждения. Во всяком случае, размеров этого здания хватало, чтобы в него войти. Он сполз по входному тоннелю и, удовлетворенный, свернулся на полу.

Сквозь прореху в крыше просыпалась щепотка земли; выпустив немного клейкой жидкости, он укрепил слабое место. Воздух в его здании был чистым и прохладным, почти без пыли. Еще один, последний раз он прополз по внутренним стенам, обмазал их быстро сохнущим слоем своего клея. Что еще? Его начинало неудержимо клонить в сон.

Он обдумал это, а затем просунул часть себя

сквозь так и оставшийся открытым вход. Эта часть будет смотреть и слушать, будет настороже, а тем временем остальной его организм погрузится в блаженное забытье сна. Мирный и удовлетворенный, он знал, что издали не видно почти ничего, только небольшой бугорок, пологая кучка темной глины. Никто ее не заметит, никому и в голову не придет, что лежит под этим бугорком.

А если кто и заметит — ничего, он знает, что делать в таком случае.

Оглушительно взвизгнули тормоза, и старенький фордовскии грузовик остановился. Выругавшись сквозь зубы, фермер подал его чуть назад.

— Ну вот, пожалуйста, еще один из этих. Вылезай и посмотри, только не забывай про машины, они тут носятся, как сумасшедшие.

Эрнест Гретри распахнул дверцу кабины и неуверенно вышел на горячее предполуденное шоссе. Пахло солнцем и свежим сеном, мирно жужжали какие-то насекомые. Засунув руки в карманы брюк, наклонив вперед тощее свое тело, он сделал несколько осторожных шагов, а затем нагнулся и посмотрел.

Да, раздавили так уж раздавили; колеса пере-

ехали эту штуку в четырех местах, все внутренние органы смяты и разорваны. В целом существо напоминало слизняка — слизистое трубчатое тело с органами чувств на одном конце и уймой перепутанных протоплазменных отростков на другом.

И все бы ничего, но только вот лицо. Первые секунды Гретри не мог заставить себя взглянуть на него прямо; он поймал себя на том, что рассматривает шоссе, горы, огромные кипарисы — что угодно, лишь бы не это. В маленьких, мертвых глазах было что-то такое странное, какой-то блеск, быстро, правда, исчезавший. Ничего похожего на тусклые глаза, скажем, рыбы — глупые и пустые. Окружающая жизнь приковывала это существо, зачаровывала его, но не успело оно толком и поглядеть на эту жизнь, как приехал грузовик и раздавил его в лепешку.

— Бывает, они и переползают, — негромко сказал фермер. — Пробираются иногда даже в поселок. Первый, которого я увидел, полз по самой середине улицы Гранта, делая, пожалуй, ярдов пятьдесят в час. Медленные они очень. Некоторые, особенно подростки, нарочно их давят. Я-то лично всегда объезжаю, если только замечу вовремя.

Гретри рассеянно потыкал мертвую тварь ногой. И сколько же их там еще, мелькнула смутная мысль, в горах, среди кустов. В поле, поодаль от дороги, виднелись фермерские дома — белые квадратики, сверкающие под ослепительными лучами тенессийского солнца. Лошади, спящие коровы. Грязные, замызганные курицы с тупым усердием разгребают пыль. Мирная сельская местность, сонно купающаяся в летней жаре.

— А где тут была радиационная лаборатория? — спросил он.

— Вон там, — указал фермер, — за теми холмами. Собирать эти кишки будешь? На бензозаправке Стандард Ойл, у них там есть один, в большом баке. Дохлый, само собой. Чтобы сохранить его, наполнили бак керосином. У того состояние вполне приличное, если с этим сравнивать. Ползал ночью по участку Джо Джексона, вот Джо и разнес ему голову брусом два на четыре. Гретри забрался в кабину; ноги его дрожали, подступала тошнота — пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы желудок успокоился.

— Никак не думал, что их тут столько. В Вашингтоне, когда меня отправляли, говорили, что замечено всего несколько штук.

— Их тут уйма. — Тронув грузовик с места, фер-

мер осторожно объехал прилипшие к гудрону останки. — Мы пытаемся к ним привыкнуть, да где там. Многие отсюда уезжают. Ведь прямо словно давит что-то, тяжесть какая-то в воздухе. Такие вот у нас дела, и надо как-то с ними справляться. — Он прибавил скорость, обветренные, дочерна загорелые руки крепко сжимали руль.

— И вот ведь еще что, их вроде как рождается все больше и больше, а нормальных детей почти нет.

Вернувшись в поселок, Гретри сразу позвонил в Вашингтон, Фриману; телефонная кабинка стояла в вестибюле обшарпанной гостиницы.

— Нужно что-то делать. Они здесь повсюду. В три часа я еду смотреть целую их колонию. Я познакомился с одним таксером, он знает, где это. Говорит, их там одиннадцать или двенадцать штук, и все они вместе.

— А как себя чувствуют там люди?

— А как бы ты хотел? Считают, что это кара Господня. Может, они и правы.

— Нужно было нам переселить их вовремя. Очистили бы всю эту местность на несколько миль вокруг, и не было бы сейчас никакой проблемы. — Фриман помолчал. — Ну и что же ты предлагаешь?

— Остров, тот, который мы подобрали для испытания водородных бомб.

— Так это же здоровенный остров. Там жила целая куча туземцев, мы их вывезли и устроили на новом месте. Боже милосердный! — Фриман, похоже, задохнулся от ужаса. — Их что — так много?

— Стойкие и непреклонные граждане нашего отечества склонны малость все преувеличивать, но у меня создалось впечатление, что по крайней мере сотня.

На этот раз Фриман молчал очень долго.

— Я не мог и подумать, — раздалось наконец в телефонной трубке. — Придется, конечно, обсудить все наверху. Мы же собирались продолжать там испытания оружия. Но я тебя хорошо понимаю.

— Постарайся, — сказал Гретри. — Скверная это история, такого нельзя допускать. Люди не могут жить в подобных условиях. Тебе и самому стоило бы съездить сюда и ознакомиться. Такое потом не забудешь.

— Я… я посмотрю, что можно сделать. Поговорю с Гордоном. Позвони мне завтра.

Гретри повесил трубку и вышел из грязного, ободранного вестибюля на слепящий глаза тро-

туар. Тоскливые, запущенные магазины, машины у обочины — ничем их не лучше. Старики, сгорбившиеся в плетеных креслах с продавленными сиденьями или просто на приступках своих домов. Гретри закурил, с трудом перебарывая дрожь в пальцах, и посмотрел на часы. Почти три. Он медленно побрел к остановке такси.

Город словно вымер. Ничто не шевелилось. Неподвижные, словно окаменевшие в своих креслах старики да с воем пролетающие по шоссе иногородние машины — вот и все признаки жизни. И везде лежит пыль. Каждый дом, словно серой паутиной, окутан вековой дряхлостью. Ниоткуда не слышен смех — или вообще звук, уж все равно какой.

Ни одного играющего ребенка.

Рядом с ним бесшумно остановилась грязная синяя машина.

— О'кей, мистер. — Водитель пинком открыл погнутую дверцу. — Поехали.

Лет тридцать с чем-нибудь, лицо, как крысиная морда, между грязных кривых зубов торчит зубочистка.

— Далеко это? — спросил Гретри, опускаясь на сиденье.

— Да сразу же за городом. — Машина понеслась

вперед, кренясь и подпрыгивая на ухабах. — Ты из ФБР?

— Нет.

— А я было решил — по костюму и шляпе. — Водитель окинул Гретри любопытным взглядом. — А где ты узнал про ползунов?

— В радиационной лаборатории.

— Да, она тут и виновата, эта ихняя активная зараза. — Водитель свернул с шоссе на грунтовой проселок. — А это здесь, на хиггинсовской ферме. Чертовы твари прямо взбесились, придумали строить свои халупы не где-нибудь, а прямо под фермой старушки Хиггинс.

— Халупы?

— Да прямо тебе дома, у них ведь там вроде как город, под землей. Да ты и сам увидишь — вход, во всяком случае. Они работают всегда вместе, компахой — копошатся, суетятся, строят что-то.

Крысомордый свернул с проселка, проехал между двумя огромными кедрами, преодолел кочкастый луг и затормозил в конце концов на краю каменистой лощины.

— Вот, любуйся.

Прежде Гретри не видел ни одного из этих существ живым.

Он вылез из машины, с трудом переставляя

непослушные, внезапно онемевшие ноги. Существа медленно курсировали между лесом и аккуратно расчищенным участком земли, в центре которого зияли чернотой входные отверстия тоннелей. Они таскали на себе глину и стебли земли. Принесенный строительный материал обмазывался какими-то липкими выделениями и формовался в грубые блоки; чуть подсохшие блоки осторожно переправлялись под землю. Длиной ползуны были фута два-три, некоторые — самые, видимо, старшие — грузнее и более темного оттенка, чем прочие. Все они двигались с выматывающей душу медлительностью, молчаливый, бесшумный ручеек, переливающийся по прокаленной солнцем земле. Мягкие, лишенные скорлупы или панциря, ползуны выглядели совершенно безобидными тварями. Но лицо, лицо каждого из них… Гретри стоял потрясенный и загипнотизированный. Сморщенное, младенческое личико, крохотные глазки-бусинки, узкая щелка рта, уродливые скрученные уши и несколько жалких, мокрых клочков волос. Чудовищная, непристойная пародия на лицо человека. Вместо рук — продолговатые псевдоподии; мягкие, словно вылепленные из теста колбаски, они то удлиняются, то укорачиваются.

Поражала гибкость этих существ — растянув свое тело и почувствовав осязательными щупальцами какое-либо препятствие, ползуны мгновенно сокращались до прежних размеров. Поглощенные своими делами, они не обращали на Гретри и таксиста никакого внимания, похоже, даже их не замечали.

— А насколько они опасны? — спросил наконец Гретри.

— Ну, есть там у них что-то вроде жала. Я знаю случай, когда они ужалили пса. Пес раздулся, язык у него стал черный. Начал биться в припадках, а потом оцепенел. А потом и совсем сдох.

— Так он же, — словно извиняясь, добавил водитель, — всюду лез. Мешал им строить. А они все время работают. Ни секунды простоя.

— Здесь что, большая их часть?

— Думаю, да. Они сюда вроде как собираются. Я часто вижу, как они проползают сюда, вон там. — Водитель показал рукой. — Они, понимаешь, рождаются все в разных местах. По одному — по два на каждую ферму. Из тех, что поближе к радиационной лаборатории.

— А где здесь дом миссис Хиггинс? — спросил Гретри.

— А вон там. Видишь, между деревьев прогля-

дывает. Ты что, хочешь…

— Я сейчас вернусь, — уже через плечо бросил Гретри. — Подожди меня здесь.

Старая, очень старая женщина поливала вокруг своего крыльца темно-красные герани; заслышав шаги, она быстро подняла голову.

— Добрый день, — вежливо тронул шляпу Гретри. Сморщенное старостью лицо, глаза острые и недоверчивые. Зажатая в руке лейка приводит почему-то на ум тот самый «тупой предмет» полицейских протоколов. Гретри показал ей свои документы.

— Я занимаюсь исследованием… ползунов. На краю вашего участка.

— Зачем?

Голос холодный, бесцветный. Такой сморщенное лицо, как это иссохшее тело.

— Мы пытаемся найти какое-нибудь решение. — Гретри чувствовал себя до крайности неловко. — Есть предложение вывезти их отсюда на один остров, в Мексиканский залив. Им нельзя находиться здесь. Это очень плохо для людей. Так нельзя, — неуверенно повторил он и смолк.

— Нет, так нельзя.

— И мы уже начали переселять всех подальше от радиационной лаборатории. Конечно, этим

нужно было давным-давно заняться. — Глаза миссис Хиггинс сверкнули неожиданной для ее возраста яростью.

— Это все вы и ваши машины! Видите, что вы наделали. — Костлявый палец больно ткнул Гретри в грудь. — Теперь вы должны как-то это поправить. Вы обязаны что-то сделать.

— Мы увезем их на этот остров, увезем как можно скорее. Но тут возникает одна проблема. Мы должны быть уверены, что скажут на это родители. Ведь у них — полное право попечительства. Мы не можем просто так вот взять и… — Он беспомощно смолк. — Что они про это думают? Они разрешат нам погрузить своих… своих детей и куда-то там увезти?

Миссис Хиггинс повернулась и направилась в дом. Гретри неуверенно следовал за ней через пыльные, погруженные в полумрак помещения. Затхлые комнаты, набитые масляными лампами и почерневшими картинами, ветхими диванами и столами. Через обширную кухню с расставленными повсюду огромными чугунными котлами и сковородками женщина провела его по деревянной лесенке вниз, к белой крашеной двери. И отрывисто постучала.

Суматоха и смятение по ту сторону двери. Пе-

решептывание, звуки торопливо передвигаемых вещей.

— Откройте, — приказала миссис Хиггинс. После долгой, мучительной паузы дверь начала медленно открываться; распахнув ее настежь, миссис Хиггинс вошла внутрь, кивком пригласив за собой Гретри.

В комнате стояли двое молодых людей, мужчина и женщина. При виде Гретри они попятились. Женщина прижимала к груди длинную картонную коробку, которую мгновение назад, уже на глазах Гретри, сунул ей мужчина.

— Кто вы такой? — резко спросил мужчина. Он снова схватил коробку — маленькие руки его жены дрожали от непрерывно перемещающегося груза.

Перед Гретри стояли родители одного из них. Совсем молодая, не старше девятнадцати лет женщина с темно-каштановыми волосами. Стройная, миниатюрная, полногрудая девочка в дешевеньком зеленом платье, темные затравленные глаза. Мужчина — крупнее и сильнее, темноволосый симпатичный парень с тяжелыми руками, ловкие, умелые пальцы крепко сжимают картонную коробку.

Гретри не мог отвести глаз от этой коробки.

Сверху прорезаны дырки, коробка слегка двигается в руках мужчины, чуть заметно дрожит.

— Этот человек, — сказала миссис Хиггинс, обращаясь к мужчине, — хочет его забрать.

Никто ничего ей не ответил. Мужчина даже не пошевелился — только перехватил коробку чуть удобнее.

— Он отвезет их всех на остров, — сказала миссис Хиггинс. — Все уже устроено. Никто им ничего не сделает. Они будут в полной безопасности и смогут заниматься всем, чем угодно. Строить и ползать, и никто их не будет видеть.

Молодая женщина безучастно кивнула.

— Отдай его этому человеку, — нетерпеливо приказала миссис Хиггинс. — Отдай ему коробку, и покончим с этим раз и навсегда. Мгновение помедлив, мужчина шагнул вперед и поставил коробку на стол.

— Вы в них что-нибудь понимаете? — спросил он. — Вы знаете, что они едят?

— Мы… — беспомощно начал Гретри.

— Они едят листья. Листья и траву, больше ничего. Мы приносили ему самые маленькие листья, какие могли найти.

— Ему еще только один месяц, — сиплым, срывающимся голосом сказала девушка. — Он уже

хочет к остальным, но мы его не пускаем. Мы не хотим, чтобы он туда ходил. Во всяком случае — пока. Потом, когда-нибудь, может быть, и отпустим, мы так решили. Мы не знали, как лучше. Мы не были уверены. — В ее огромных глазах вспыхнула немая мольба, но затем они снова потускнели. — Тяжело это все.

Мужчина развязал толстый коричневый шпагат и снял с коробки крышку.

— Вот. Можете посмотреть.

Таких маленьких Гретри еще не видал. Бледный, мягкий, не более фута в длину. Забившись в угол коробки, ползун свернулся среди беспорядочной паутины жеваных листьев и чего-то, напоминавшего воск. Неумело соткал вокруг себя эту прозрачную оболочку и уснул за ней. Неспособный понять, что такое — люди, он их просто не замечал. Гретри охватил странный, безотчетный ужас, чувство полной своей беспомощности. Он отошел от стола, и отец ползуна закрыл коробку.

— Мы поняли, что это такое, — хрипло сказал молодой парень. — Сразу, как только он родился. Мы уже видели такого тут поблизости, одного из самых первых. Боб Дуглас позвал нас посмотреть. Тот был его собственный, его и Джулии. Это еще до того, как они начали собираться в овраге.

— Расскажи ему, что потом было, — приказала миссис Хиггинс.

— Дуглас расшиб ему голову булыжником. А затем облил бензином и сжег. На той неделе они с Джулией собрались и уехали.

— А много их было уничтожено? — с трудом выдавил из себя Гретри.

— Порядком. Многие мужики, они ведь как — увидят такую вот штуку, так у них вроде как крыша едет. Трудно их винить. — Парень бросил на картонную коробку безнадежный взгляд. — Правду говоря, я чуть и сам такое не сделал.

— Может, и надо было, — негромко, словно себе самой, сказала его жена. — Может, не надо было мне тебя удерживать.

Гретри взял коробку и направился к двери.

— Мы постараемся побыстрее. Грузовики уже отправлены, будут здесь завтра или чуть позже.

— Ну и слава богу! — быстро, невыразительно проговорила миссис Хиггинс. Она открыла дверь, придержала ее, и Гретри пронес коробку сквозь темный, затхлый дом, а затем по просевшим ступенькам крыльца — под слепящие лучи только еще начинающего клониться к закату солнца. Миссис Хиггинс остановилась около красных гераней и снова взялась за лейку.

— Будете забирать их, так забирайте всех. Не оставляйте ни одного. Вы поняли?

— Да, — беспомощно пробормотал Гретри.

— Оставьте здесь ваших людей с грузовиками, проверяйте и проверяйте. Чтобы не осталось ни одного, чтобы нам не приходилось на них смотреть.

— Когда мы переселим всех, кто живет по соседству с радиационной лабораторией, больше не будет никаких…

Он не закончил фразу. Миссис Хиггинс повернулась к нему спиной и начала поливать герани. Вокруг нее жужжали пчелы. Монотонно, как перевернутые часовые маятники, раскачивались под горячим ветром цветы. Все так же согнувшись и разбрызгивая воду из лейки, старая женщина дошла до угла дома. Еще одно мгновение, и она исчезла из виду. Гретри остался один с коробкой в руках.

Смущенный, полный стыда, он спустился с холма, медленно пересек поле. Таксист стоял рядом с женщиной, курил и терпеливо ждал. Ползуны все так же неустанно строили свой город. Уже намечались улицы, переулки. На некоторых из входных холмиков Гретри заметил какие-то царапины, которые вполне могли быть надписями.

В одном месте ползуны собрались группой, они занимались чем-то сложным, чем именно — Гретри не разобрал.

— Поехали, — устало сказал он.

Водитель ухмыльнулся и распахнул заднюю Дверцу. — Я же не выключил счетчик. — Крысиное лицо светилось хитростью и самодовольством. — Такие ребята, как ты, могут что угодно записать в текущие расходы, кто там проверит, — так что какая тебе разница.

Он строил город, и чем больше он строил, тем больше нравилось ему строить. Город достиг уже восьмидесяти миль в глубину и пяти миль по диаметру. Весь остров превратился в один огромный город; с каждым днем город этот продвигал, змеясь и переплетаясь, свои соты все дальше и дальше. Когда-нибудь город дотянется до земли, которая за океаном, тогда-то и пойдет настоящая работа.

Справа от него тысяча дружно, методично двигающихся товарищей молчаливо трудилась над возведением опоры, которая должна укрепить главный питомник. Когда опора будет построена, все почувствуют облегчение — матери как раз начинают приносить приплод.

Но была причина и для тревоги. Эта история

даже мешала ему полностью наслаждаться работой. Он видел одного из первенцев — прежде чем того спрятали, а все дело замяли. Мимолетно заметил вздутую, шарообразную голову, кургузое туловище, невероятно жесткие щупальца. Существо выло, вопило, его лицо сделалось красным. Оно бессмысленно перекатывалось и дергало ногами.

В полном ужасе кто-то наконец нашел камень и расшиб уроду голову. В надежде, что больше таких не будет.

Что за счастье быть блобелем!

Платиновая монета достоинством в двадцать долларов исчезла в прорези, прошло несколько мгновений, и аналитик пошевелился, его глаза вспыхнули приветливым, дружелюбным блеском.

— Доброе утро, сэр, — сказал он, развернув вращающееся кресло, пододвинул к себе желтый продолговатый блокнот и взял ручку. — Можете начинать.

— Здравствуйте, доктор Джонс. Вы не тот, наверное, доктор Джонс, который написал фундаментальную биографию Фрейда, это ведь было лет сто назад.

Пациент нервно хохотнул своей собственной шутке; человек обстоятельств более чем скромных, он не привык общаться с этими новомодными, полностью гомеостатическими психоаналитиками.

— Так что, — неуверенно спросил он, — мне заняться свободным ассоциированием, или рассказать сперва о себе, или что?

— Расскажите, пожалуй, сначала, кто вы та-

кой, — улыбнулся доктор Джонс, — унд варум мих — почему вы пришли именно ко мне.

— Я — Джордж Манстер, из Сан-Франциско, строение Е-395, четвертый переход. Это — кондоминиум, построенный в 1996 году.

— Рад познакомиться, мистер Манстер. — Джордж Манстер пожал протянутую руку; ладонь мягкая, с нормальной, как у человека, температурой, пожатие — по-мужски крепкое.

— Понимаете, — сказал он, — я бывший джи-ай, ветеран войны. Потому мне и дали квартиру в Е триста девяносто пятом, по ветеранской льготе.

— А, понимаю. — Доктор Джонс еле слышно тикал, это работал счетчик подлежащего оплате времени. — Война с блобелями.

— Я сражался три года. — Манстер нервно пригладил длинные, черные, начинающие уже редеть волосы. — Я ненавидел блобелей и записался добровольцем. Мне было девятнадцать лет, я имел хорошую работу, но горел одним желанием — принять участие в священной войне, выбросить блобелей из нашей Солнечной системы.

— Хм-м, — кивнул доктор Джонс, продолжая тикать.

— Воевал я хорошо, — продолжал Манстер. —

Получил две медали, дослужился до капрала, отмечен в приказе за храбрость на поле боя — я тогда в одиночку уничтожил разведывательный спутник, битком набитый блобелями; сколько их там было, мы так и не поняли, ведь это блобели, они все время сливаются, переливаются, спутываются, распутываются, и от этого в голове все запутывается…

Голос его задрожал и смолк; говорить о войне, даже просто вспоминать о ней было слишком трудно. Манстер лег на кушетку — непременную принадлежность кабинета каждого психоаналитика, — закурил и попытался успокоиться. Блобели прилетели из какой-то другой звездной системы, предположительно — с одной из планет Проксимы Центавра. Несколько тысячелетий назад они обосновались на Марсе и Титане, где занимались сельским хозяйством, и весьма успешно. Были эти существа потомками — по самой прямой линии — знакомой всем, кому она знакома, амебы; несмотря на солидные свои размеры и высокоорганизованную нервную систему, они сохранили одноклеточную структуру, передвигаясь с помощью псевдоподий, и размножались делением — остались, по сути своей, теми же самыми амебами. Встретившись с блобелем,

средний земной колонист испытывал чаще всего тошноту и омерзение.

Однако омерзение — еще не причина для военных действий, война разгорелась из соображений экологических. Отдел гуманитарной помощи ООН возжелал изменить состав атмосферы Марса, сделать ее более пригодной для нужд земных поселенцев — и напрочь непригодной для блобелей, давно уже осевших на Марсе; последнее обстоятельство как-то упустили из виду. Тут-то все и началось.

Вот если бы, размышлял Манстер, можно было поменять атмосферу на половине Марса… Но от броуновского движения никуда не денешься, прошел десяток лет, и нового состава воздух диффундировал, разнесся по всей планете, причиняя блобелям неописуемые — именно так они их описывали — страт дания. Горящие жаждой мести блобели направили космическую армаду, которая опутала Землю сетью весьма высокотехнологичных спутников; высокая эта технология должна была постепенно изменить атмосферу Колыбели Человечества. До такого дело, конечно, не дошло — военное министерство ООН не сидело без дела; взлетели самонаводящиеся ракеты, спутники разлетелись в клочья — и пошло

веселье.

— Мистер Манстер, а вы женаты? — спросил доктор Джонс.

Одно такое предположение заставило Манстера содрогнуться.

— Нет, сэр. И вы поймете почему, когда я закончу свой рассказ. Видите ли, доктор… — Он раздавил окурок в пепельнице. — Я постараюсь быть с вами откровенным. Я был шпионом. Боевой приказ, мне дали такое задание из-за проявленной мною храбрости. Сам не напрашивался.

— Понимаю, — умудренно кивнул доктор Джонс.

— Понимаете? — Голос Манстера срывался. — А вам известно, каким образом люди шпионили среди блобелей? С чем это было связано?

— Да, мистер Манстер, — снова кивнул доктор Джонс. — Вам пришлось пожертвовать человеческой формой и принять отвратительную форму блобеля.

На лице Манстера появилось отчаяние: он сидел, сжимая и разжимая кулаки. Доктор Джонс сочувственно тикал.

Вечером в маленькой своей квартирке на четвертом переходе Е триста девяносто пятого

Манстер открыл бутылку скотча; он сидел в полном одиночестве и пил из чашки — сходить к раковине и взять из висящего над ней шкафчика стакан не было ни сил, ни желания.

Ну и какой же толк от сегодняшней беседы с доктором Джонсом? Вроде и никакого, если не считать глубокой прорехи в и без того жалких финансах. А столь жалкое состояние этих самых финансов объясняется тем, что…

Попросту говоря, половину суток Манстер был человеком, как все, а половину — блобелем, и это — несмотря на все отчаянные усилия и свои, и Ооновского госпиталя для ветеранов. Каждый день он трансформировался в эту ненавистную, войной навязанную форму. Расползался посреди своей квартиры бесформенным ошметком одноклеточного студня.

Пенсию ветеранам платили крохотную, на работу — не устроиться; подыскав себе какое-нибудь место, Манстер волновался, а разволновавшись, неизбежно трансформировался, растекался по полу прямо на глазах нового работодателя и предполагавшихся сотрудников.

Такое не очень помогает установлению тесного делового сотрудничества.

Ну вот, начинается. Стрелка часов прибли-

жалась к восьми, и Манстера охватило старое, хорошо знакомое и ненавистное ощущение. Поспешно заглотив остатки скотча, он поставил чашку на стол и тут же начал расползаться, превращаться в однородную массу.

Зазвонил телефон.

— Я не могу подойти! Бесстрастный телефонный аппарат передал этот исполненный муки вопль на другой конец провода. Теперь Манстер представлял собой нечто вроде большой лужи, прозрачного желе; перекатываясь волнами, он двинулся к безостановочно звонившему — а ведь было же ему сказано! — телефону. В нем кипело справедливое негодование — телефон, видите ли, звонит, когда и без него хлопот хватает.

Подобравшись к аппарату, Манстер выпустил псевдоподию и сорвал трубку с рычага; преобразовать вязкую, пластичную субстанцию в некое подобие голосового аппарата было сложнее.

— Я занят, — глухо пробубнил он в микрофон. — Позвоните позже.

«Позвони, — думал он, вешая трубку, — завтра утром. Когда я вернусь в нормальный человеческий вид».

В квартире наступила тишина.

Облегченно вздохнув, Манстер снова перетек

через ковер, теперь — к окну, а затем сгруппировался в довольно высокий столб и посмотрел наружу. Чувствительный к свету участок внешней поверхности позволял ему — несмотря на отсутствие глазных хрусталиков — с тоской взирать на залив, на перекинувшейся через него мост Голден Гэйт, на остров Алькатрас, превращенный в детскую игровую площадку[23].

«А дались оно конем, — думал он в отчаянии. — Жениться я не могу, да где тут вообще нормальная человеческая жизнь, если каждую секунду превращаешься в тарелку киселя. Ну удружили мне эти придурки из военного министерства...»

Тогда, во время войны, Манстер согласился на задание, даже не подозревая о постоянном эффекте; его успокоили сказками насчет «строго определенного промежутка времени», «ограниченного воздействия» и прочей чушью. Ограниченное. Манстера переполняла бессильная ярость. «Задницы бы ихние кто ограничил. Ведь прошло уже одиннадцать лет».

Дикая, непереносимая ситуация тяжелым грузом давила на его психику. Отсюда и визит к доктору Джонсу.

---

[23] Примечания: 23

Соматические — относящиеся к соме, телу — в противоположность психическим.

И опять зазвонил телефон.

— О'кей, — сказал Манстер вслух и поплыл через комнату. — Поговорить со мной захотел? — сказал он, подбираясь все ближе и ближе к аппарату; для существа, имеющего форму блобеля, путешествие было неблизким и нелегким. — Поговорю я с тобой, поговорю. А есть желание — можешь заодно и посмотреть, на что я сейчас похож.

Манстер щелкнул переключателем; теперь собеседник мог не только слышать его, но и видеть.

— Вот полюбуйся, — сказал он, выкатив свое бесформенное тело на обозрение передающей камеры видеофона.

— Крайне сожалею, что побеспокоил вас, мистер Манстер, — послышался голос доктора Джонса. — Особенно тогда, когда вы пребываете в таком, хм-м, несколько неудобном состоянии… Но я посвятил некоторое время попыткам урегулировать проблемы, связанные как раз с вашим состоянием, — продолжил гомеостатический психоаналитик после секундного молчания. — И нашел, пожалуй, решение, хотя и частичное.

— Что? — Манстер так удивился, что не сумел даже обрадоваться. — Вы хотите сказать, что

медицина научилась, наконец…

— Нет, нет, — поспешно прервал его доктор Джонс. — Соматические[23] аспекты совершенно не по моей части, вы не должны этого забывать, Манстер. Обращаясь ко мне за советом, рассказывая о своих затруднениях, вы ставили вопрос о психической адаптации…

— Сейчас я к вам приеду и поговорим. Сделав такое смелое заявление, Манстер в ту же секунду осознал полную его бессмысленность; в теперешнем состоянии ему потребовались бы дни и дни, чтобы пересечь город, доползти до кабинета доктора Джонса.

— Вот видите, Джонс, — сказал он в отчаянии, — как я живу. Каждый день с восьми вечера и почти до семи утра я все равно что заперт в этой квартире, я не способен даже приехать к вам, посоветоваться, получить помощь…

— Успокойтесь, пожалуйста, мистер Манстер, — остановил его доктор Джонс. — Вы не даете мне сообщить вам самое главное. Вы не единственный, кто находится в таком состоянии. Вам это известно?

— Конечно, — тяжело вздохнул Манстер. — Во-

---

[23] Примечания: 23

Соматические — относящиеся к соме, телу — в противоположность психическим.

семьдесят три человека, это стольких нас переделали в блобелей за время войны. Из восьмидесяти трех, — он знал все факты наизусть и говорил не задумываясь, — выжил шестьдесят один. Теперь есть такая организация, называющаяся «Ветераны противоестественных войн», пятьдесят человек в нее вступили, я тоже. Встречаемся дважды в месяц, хором трансформируемся…

Он потянулся, чтобы выключить телефон. Это вся-то и радость за потраченные деньги, новость, которую он и сам сто лет как знает.

— До свидания, доктор, — разочарованно пробормотал Манстер.

— Я совсем не имел в виду прочих землян, мистер Манстер, — возбужденно зажужжал доктор Джонс. — Заботясь о вашем благополучии, я провел небольшое расследование и выяснил, что, согласно хранящимся в Библиотеке Конгресса трофейным документам, пятнадцать блобелей были трансформированы в псевдолюдей; это были их шпионы, действовавшие среди нас. Вы меня понимаете?

— Что-то не очень, — ответил Манстер после небольшого раздумья.

— У вас в мозгу сформировался психический блок, мешающий вам получить помощь, — кон-

статировал доктор Джонс. — Ну ладно, Манстер. Приходите ко мне завтра, в одиннадцать утра, и мы постараемся разрешить ваши проблемы вместе. Спокойной ночи.

— Вы уж простите меня, доктор, — устало сказал Манстер. — В таком вот состоянии, как сейчас, у меня с соображением не очень. — Он повесил трубку. Разговор с психоаналитиком оставил Манстера в полном недоумении; ну хорошо, значит, по Титану сейчас бродят пятнадцать блобелей, обреченных находиться в человеческой форме. Ну и что? Ему-то какой от этого толк?

— Ладно, подождем до завтра, может, что и прояснится.

В углу приемной доктора Джонса рядом с торшером сидела молодая, поразительно красивая женщина. Откинувшись на спинку глубокого кресла, она читала свежий номер «Форчун».

Автоматически, не задумываясь ни на мгновение, Манстер сел так, чтобы ее видеть. На шею спадают пряди роскошных, ослепительно-белых — самая последняя мода — волос… В полном восторге от зрелища, он кое-как притворялся, что читает журнал — тот же самый номер того же самого «Форчуна». Длинные стройные ноги, маленькие изящные локти. Лицо словно вышло

из-под резца скульптора — правильное, безукоризненно очерченное. Умные живые глаза, тонкие ноздри — бывают же такие прелестные девушки, думал он. Манстер просто упивался ее видом… Но тут девушка подняла голову и окинула его холодным взглядом.

— Скучно это, когда приходится ждать, — промямлил Манстер.

— Вы часто ходите к доктору Джонсу? — снизошла до беседы неизвестная красавица.

— Нет, — Манстер никак не мог справиться с охватившим его смущением. — Я тут только второй раз.

— А я и вообще впервые, — сказала девушка. — Я посещаю другого электронного, полностью гомеостатического психоаналитика, в Лос-Анджелесе, а тут вчера доктор Бинг — он как раз и есть мой аналитик — звонит мне поздно вечером и говорит, чтобы я летела сюда и прямо утром шла на прием к доктору Джонсу. Он что, приличный врач?

— Ну-у, — неуверенно протянул Манстер, — пожалуй, да. — «Это нам предстоит еще увидеть, — подумал он. — Именно этого мы пока и не знаем».

Дверь кабинета открылась.

— Мисс Аррасмит. — Появившийся на пороге доктор Джонс кивнул девушке. — Мистер Манстер. — Он кивнул Джорджу. — Вы не возражаете, если я приму вас вместе?

— А кто будет платить двадцать долларов? — спросила, вставая, мисс Аррасмит.

Но психоаналитик молчал, он вообще отключил себя.

— Я заплачу, — сказала мисс Аррасмит, раскрывая сумочку.

— Нет, нет, — встрепенулся Манстер. — Позвольте мне. — Торопливо вытащив из кармана двадцатидолларовую монету, он опустил ее в прорезь доктора Джонса.

— Вы настоящий джентльмен, мистер Манстер, — прокомментировал этот героический поступок мгновенно оживший доктор Джонс. Улыбнувшись, он проводил Манстера и девушку в кабинет. — Садитесь, пожалуйста. Мисс Аррасмит, позвольте мне, пожалуйста, без всяких околичностей объяснить мистеру Манстеру ваше… ваше положение. — Не дожидаясь ответа, он повернулся к Манстеру: — Мисс Аррасмит — блобель.

Манстер ошалело уставился на очаровательную соседку.

— Находящийся сейчас, о чем можно было бы и не говорить, в человеческой форме. Это — состояние, в которое она периодически трансформируется вопреки своему желанию. Во время войны она была агентом Боевого Братства Блобелей, действовала в тылу земных войск. Попала в плен, но тут война закончилась, и ее отпустили без суда и — соответственно — приговора.

— Меня освободили, но я так и сохранила человеческую форму, — негромко сказала мисс Аррасмит, с трудом сдерживая дрожащий от волнения голос. — Мне пришлось остаться здесь, от стыда. Не могу же я вернуться на Титан и… — Она не смогла закончить фразу.

— Такое состояние весьма постыдно для блобеля, принадлежащего к высшей касте, — пояснил доктор Джонс.

Мисс Аррасмит кивнула; она сидела, комкая крошечный носовой платок из ирландского полотна и стараясь выглядеть по возможности спокойно.

— Совершенно верно, доктор. Я посетила Титан и обсудила свое положение с виднейшими медицинскими авторитетами. Теперь, после длительного и весьма не дешевого лечения, я возвращаюсь к своему естественному виду

на… — она немного помедлила, — примерно одну четверть каждых суток. Но остальные три четверти… я такая, какой вы меня сейчас видите.

Она уронила голову и тронула носовым платком уголок своего правого глаза.

— Ну, — удивленно возразил Манстер, — да вам же просто повезло. Человеческая форма в сто раз лучше формы блобеля, уж я-то знаю. Становишься блобелем — и приходится не ходить, а ползать, чувствуешь себя чем-то вроде большой медузы. Скелета нет, ничто не поддерживает тебя в вертикальном положении. А деление — так это и вообще вшивая штука, никакого сравнения с земным способом — ну, вы понимаете — размножения.

Он густо покраснел.

— Ваши человеческие фазы перекрываются примерно на шесть часов, — констатировал негромко потикивавший доктор Джонс. — Кроме того, примерно один час вы оба имеете форму блобеля. За все про все семь часов из каждых двадцати четырех вы находитесь в одной и той же форме. Как мне кажется… — Он помолчал, крутя в руках ручку и блокнот, а потом закончил: — Семь часов — это совсем не так уж и плохо. Думаю, вы меня понимаете.

— Но я и мистер Манстер — враги, — подняла голову мисс Аррасмит.

— Когда то было, — отозвался Манстер.

— Верно, — кивнул головой доктор Джонс. — Конечно же, по сути своей мисс Аррасмит — блобель, а вы, Манстер, — человек. Однако, — развел он руками, — в настоящий момент оба вы парии, отверженные. Оба вы не имеете четко определенного состояния, что приводит к утрате ощущения собственного эго. И я могу с полной уверенностью предсказать будущее каждого из вас — постепенный распад личности, а в конечном счете — тяжелый психический недуг. Если только вы не сумеете прийти к какому-нибудь взаимопониманию.

Он замолчал.

— Пожалуй, нам действительно повезло, мистер Манстер, — тихо сказала мисс Аррасмит. — Доктор Джонс прав, мы совпадаем по форме семь часов в день… и можем проводить это время вместе, не испытывая кошмара изоляции.

Девушка одернула свою куртку и улыбнулась — с надеждой, как показалось Манстеру. Да, фигурка у нее хорошая, глубокий вырез платья явно на то указывает.

— Дайте ему время подумать, — повернулся

Джонс к мисс Аррасмит. — Согласно моему анализу, в конце концов он поймет ситуацию и сделает все как надо.

Мисс Аррасмит ждала, все так же одергивая куртку и прикладывая платок к большим темным глазам.

Прошло несколько лет, и в кабинете доктора Джонса зазвонил телефон.

— Если вы желаете побеседовать со мной, сэр или мадам, внесите, пожалуйста, на мой счет двадцать долларов, — сказал в трубку психоаналитик.

— Я звоню из юридического департамента ООН, — произнес на другом конце провода весьма жесткий мужской голос. — И мы не платим двадцать долларов за удовольствие потрепать языком — с кем бы то ни было. Так что, Джонс, отключите на время этот свой механизм.

— Хорошо, сэр.

Нажимом спрятанного за правым ухом рычажка доктор Джонс перевел себя в бесплатный режим.

— В две тысячи тридцать седьмом году, — начал ООНовский юрист, — вы посоветовали некой паре пожениться, помните? Джордж Манстер и Вивьен Аррасмит, в настоящее время — миссис

Манстер.

— Ну да, конечно, — ответил Джонс, быстро просмотрев внутренние блоки долговременной памяти.

— Вы обдумали при этом возможные последствия — с юридической точки зрения?

— А вот это, — сказал доктор Джонс, — совсем не моя забота.

— Против вас может быть возбуждено дело за рекомендацию действия, противоречащего законам ООН.

— Где это вы нашли закон, запрещающий человеку жениться на блобеле?

— Ладно, доктор, — быстро сдался ООНовский юрист. — Сойдемся на том, что я ознакомлюсь с их историями болезни.

— Абсолютно невозможно, — твердо сказал доктор Джонс. — Это было бы нарушением врачебной этики.

— Тогда мы получим судебное предписание и наложим на эти документы секвестр.

— Валяйте.

Доктор Джонс потянулся к своему уху с явным желанием отключиться.

— Подождите. Вам, возможно, будет интересно узнать, что у Манстеров четверо детей. В строгом

соответствии с законом Менделя потомство расщепилось в соответствии один-два-один. Одна девочка-блобель, один гибридный мальчик, одна гибридная девочка и одна обычная, земная девочка. Возникшая юридическая проблема состоит в том, что Блобельский Верховный Совет требует выдать им чистокровную девочку-блобеля как являющуюся гражданкой Титана и предлагает, чтобы кто-нибудь из гибридных детей был также передан под их юрисдикцию, — объяснил юрист. — Дело в том, что брак Манстеров распался, они подали на развод, в результате возникла крайне неприятная ситуация — где найти законы, подходящие к ним и к их судебному делу?

— Да, — согласился доктор Джонс. — Положение у вас веселое. А почему их брак распался?

— Не знаю, да и знать не хочу. Возможно потому, что в этой семье и отец, и мать, и двое из четверых детей ежедневно превращаются то в людей, то в блобелей; легко ли выдержать такое напряжение? Если желаете дать Манстерам какой-нибудь психологический совет — побеседуйте с ними. До свидания.

ООНовский юрист повесил трубку. «Может быть, я и вправду сделал ошибку, посоветовав им пожениться? — спросил себя доктор Джонс. —

Стоило бы, пожалуй, с ними увидеться, все-таки я как-то за них отвечаю».

Он открыл телефонный справочник Лос-Анджелеса и начал перелистывать страницы на букву М.

Трудно достались Манстерам эти шесть лет.

Во-первых, Джордж переехал из Сан-Франциско в Лос-Анджелес — квартира Вивьен была трех-, а не двухкомнатная. Вивьен, пребывавшая в человеческом состоянии три четверти времени и не боявшаяся поэтому быть на людях, нашла себе работу в справочном бюро пятого Лос-Анджелесского аэропорта. А вот Джордж…

Его пенсия составляла всего четверть от зарплаты жены, он очень остро это переживал и начал искать способ приработать на дому. В конце концов на глаза ему попалось следующее весьма соблазнительное объявление:

ХОЧЕШЬ
БЫСТРО ЗАРАБОТАТЬ ХОРОШИЕ ДЕНЬГИ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ КВАРТИРЫ? РАЗВОДИ ГИГАНТСКИХ ЮПИТЕРИАНСКИХ ЛЯГУШЕК, ПРЫГАЮТ НА ВОСЕМЬДЕСЯТ ФУТОВ, ИСПОЛЬЗУЮТСЯ НА ЛЯГУШАЧЬИХ СКАЧКАХ (ТАМ, ГДЕ ЭТО РАЗРЕШЕНО

ЗАКОНОМ) И...

Придя в восторг от столь великолепной идеи, Джордж купил в две тысячи тридцать восьмом году пару лягушек, привезенных с Юпитера, и начал их разводить, чтобы быстро заработать хорошие деньги. Питомник он устроил прямо в своем доме — частично, — гомеостатический дворник Леопольд предоставил для этой цели уголок подвала, совершенно бесплатно.

Все карты спутало относительно слабое земное тяготение: подвал оказался слишком тесным для лягушек, они совершали потрясающие прыжки, рикошетировали между стенками, словно зеленые пингпонговые шарики, и быстро сдохли. Выгородки в подвале жилого комплекса QEK-604 явно не хватало, чтобы выращивать богатый приплод проклятых юпитерианских тварей; сообразив это, Джордж оставил свою затею.

А тут к тому же родился первенец, чистокровный блобель; все двадцать четыре часа долгожданное дитя пребывало в медузообразном виде, а Манстер ждал и ждал, тщетно надеясь, что оно хоть на мгновение превратится в нормального младенца.

Однажды, когда Джордж и Вивьен находились

в человеческом состоянии, он решил поговорить с ней напрямую.

— Ну как могу я считать эту штуку своим ребенком? — вызывающе спросил он. — Для меня она — совершенно чуждая жизненная форма. — Ситуация казалась ему неприятной и даже немного пугающей. — Доктор Джонс должен был предупредить нас заранее; откуда я знаю, может, это твой ребенок, он очень на тебя похож.

— Ты говоришь это в оскорбительном смысле. — Глаза Вивьен наполнились слезами.

— В самом что ни на есть. Мы воевали с такими вот склизкими тварями и считали, что вы ничем не лучше ядовитых скатов. Манстер мрачно натянул пальто.

— Схожу в штаб ветеранов противоестественных войн, — сообщил он жене. — Выпью с ребятами пару кружек. — С облегчением покинув семейное гнездышко, он направился к своим старым соратникам.

Штаб ВПВ занимал бетонное здание в центральной части Лос-Анджелеса, построенное еще в двадцатом веке, обшарпанное и сильно нуждавшееся в покраске. Казна ветеранов была практически пуста — подобно Джорджу Манстеру, почти все они перебивались на одну пенсию.

Однако были все-таки в их штабе биллиардный стол, старенький стереовизор, несколько десятков кассет с записями популярной музыки и даже комплект шахмат. Приходя сюда, Джордж пил пиво и сражался в шахматы со своими товарищами по несчастью; это было единственное место, где никого особо не волновало, в какой форме ты находишься, человек ты сейчас или блобель.

Сегодня он сидел с Питом Рагглесом, таким же ветераном и тоже женатом на полуженщине-полублобеле, вроде Вивьен.

— Я не могу уже больше, Пит. У меня вместо нормального ребенка какой-то ошметок студня. Всю жизнь хотел иметь ребенка — и вот, полюбуйтесь. Липкая тварь, вроде медузы, выкинутой на берег.

— Да, Джордж, вляпался ты — не позавидуешь, — посочувствовал, отхлебнув из кружки, Пит. В данный момент Пит имел человеческий облик. — Но ведь ты знал, на что идешь, когда женился на своей Вивьен. Кроме того — какого черта, по закону Менделя следующий ваш ребенок…

— А главное, — прервал его Джордж, — я не уважаю свою жену. Я воспринимаю ее как тварь. И я тоже тварь, мы оба с ней твари.

Одним большим глотком он прикончил свое пиво.

— Но если посмотреть на это с точки зрения блобеля… — задумчиво сказал Пит.

— А ты, собственно, за кого, за нас или за них? — снова оборвал его Джордж.

— Не ори на меня, — сказал Пит, — а то сейчас схлопочешь.

Они вскочили и бросились друг на друга; неизвестно, чем бы все это кончилось, не трансформируйся Пит — от волнения, видимо, — в блобеля. Джордж, сохранивший человеческую форму, остался в одиночестве, а слизистый ком, бывший только что Питом, медленно покатился куда-то в сторону, скорее всего к группе боевых товарищей, находившихся сейчас в таком же, как и он, виде.

«Найти бы где-нибудь на каком-нибудь далеком спутнике совсем другую компанию, — тоскливо думал Джорж. — Чтобы ни людей вокруг, ни блобелей.

Как ни крути, а все равно придется вернуться к Вивьен, — решил он наконец. — А куда тут денешься? Это мне еще повезло, что она подвернулась, иначе кто бы я был сейчас такой? Ветеран с пустым карманом, денно и нощно лакающий

пиво здесь, в штабе ВПВ, и без всякого будущего, без надежды, без настоящей жизни…»

В данный момент у Джорджа было на ходу новое предприятие, вроде бы верные и быстрые доходы — домашняя торговля по почтовым заказам; он поместил в «Сатеди Ивнинг Пост» рекламу, призывавшую покупать *ВОЛШЕБНЫЕ ПРИТЯГАТЕЛЬНЫЕ КАМНИ, СТОПРОЦЕНТНАЯ ГАРАНТИЯ УДАЧИ. ИЗ ДРУГОЙ ЗВЕЗДНОЙ СИСТЕМЫ!* Камни эти привозились на Титан с Проксимы; для их получения Вивьен связала Джорджа со своими соплеменниками. По непонятной причине заказов — и цена-то всего доллар с полтиной — почти не было. «Неудачник ты, как ни крути», — сказал себе Джордж.

Дальше пошло чуть лучше. Следующий ребенок, появившийся на свет зимой тридцать девятого года, оказался полукровкой: половину времени он проводил в виде нормального человеческого младенца, так что у Джорджа появился наконец потомок, являвшийся — хотя и периодически — представителем одного с ним биологического вида.

Не успело утихнуть ликование по случаю рождения Мориса, как в дверь квартиры Манстеров постучала делегация их соседей по жилому ком-

плексу QEK-604.

— Мы тут собрали подписи, чтобы вы и миссис Манстер выехали из QEK-604, — сказал, смущенно переминаясь с ноги на ногу, вождь делегации.

— Почему? — поразился Джордж. — Ведь раньше никто не возражал, что мы здесь живем.

— Дело в том, что теперь у вас появился гибридный мальчик, а потом он вырастет и захочет играть с нашими детьми, а нам кажется, что это может вредно повлиять на…

Джордж с треском захлопнул дверь. Но даже и в запертой квартире он ощущал непрерывное давление, сочащуюся со всех сторон враждебность. «И только подумать, — думал он с горечью, — что я сражался за этих людей, спасал их. Вот уж точно оно того не стоило».

Через час он сидел в штабе ВПВ, пил пиво и беседовал с Шерманом Даунзом, старым дружком, тоже женатом на блобеле.

— Ничего хорошего не выходит, Шерман. И не выйдет. Мы никому здесь не нужны, лучше уж эмигрировать. Попробуем, пожалуй, Титан, все-таки это родина Вивьен.

— Да брось ты, Джордж, — запротестовал Шерман. — Не так все и страшно, чтобы руки опускать. Ведь ты же вроде говорил, что твой

электромагнитный пояс для похудания начинают потихоньку покупать?

Последние месяцы Джордж полностью ушел в изготовление этих поясов и торговлю ими; хитроумное электронное устройство, сконструированное с помощью Вивьен, в основных чертах повторяло некий блобельский прибор, распространенный на Титане, но совершенно неизвестный жителям Земли. Дело шло хорошо, Джордж получал уже больше заказов, чем мог выполнить. Однако…

— Понимаешь, Шерм, — объяснил Джордж, — у меня тут был жуткий случай, как раз вчера. Прихожу я в драгстор[24] и получаю там большой заказ на эти пояса. Я так обрадовался и возбудился… — Он тоскливо смолк. — Да ты и сам понимаешь, что было дальше. Я трансформировался прямо на глазах у доброй сотни посетителей. Заказ, конечно же, аннулировали. Со мной произошло как раз то, чего мы все всегда боимся… Ты бы только видел, как смотрели они на меня сперва и как потом.

— А ты найми кого-нибудь, кто будет торговать вместо тебя, — посоветовал Шерман. — Чисто-

[24] Примечания: 24

Драгстор — заведение, отчасти торгующее аптечными товарами, но в основном — мороженым, лимонадом, соками и т. п.

кровного землянина.

— Я сам — чистокровный землянин, — хрипло процедил Джордж. — И ты об этом не забывай. Никогда не забывай.

— Я только подумал…

— Знаю я, что ты подумал, — сказал Джордж и замахнулся на Шермана. Однако, по счастью, промахнулся, на чем драка и кончилась — славные ветераны превратились в блобелей. От возбуждения. Некоторое время Джордж и Шерман гневными волнами накатывались друг на друга, но потом друзья сумели их растащить, вернее — разгрести.

— Я самый настоящий человек, не хуже любого другого, — кричал Джордж Шерману. Кричал он телепатически, как это принято у блобелей. — И я в лепешку расшибу любого, кто мне возразит.

Теперь он не мог добраться домой самостоятельно, пришлось звонить Вивьен и просить ее о помощи. Еще одно унижение.

«Самоубийство, — твердо решил он. — Другого выхода просто нет». Только как бы сделать это половчее? Блобели не чувствуют боли, так что лучше будет покончить с собой, находясь в этой форме. Есть жидкости, которые растворяют… Можно, например, броситься в густо хлориро-

ванную воду плавательного бассейна, и ходить далеко не надо — бассейн есть в спортзале QEK-шестьсот четвертого.

Вот так и вышло, что однажды ночью Вивьен, находившаяся в человеческой форме, нашла своего мужа в спортзале; он лежал на краю плавательного бассейна и колебался — как в прямом, так и переносном смысле слова.

— Умоляю тебя, Джордж, сходи к доктору Джонсу.

— Нет, — низким, безжизненным голосом сказал Джордж, для чего ему потребовалось сформировать сперва из части своего тела квазиголосовой аппарат. — И не уговаривай меня, Вив. Я не хочу больше жить.

Ведь даже эти самые пояса, даже их придумала скорее Вивьен, чем он сам. Даже и тут он — второй… он всегда второй, всегда сзади, и с каждым днем он отстает от нее все больше и больше.

— Но ведь детям необходим отец, — сказала Вивьен.

Вот тут она права.

— Схожу-ка я, пожалуй, в ООНовское министерство обороны, — решил Джордж. — Поговорю с ними, посмотрю, а вдруг медики успели придумать что-нибудь новенькое и сумеют наконец

меня стабилизировать. — А что будет со мной, если ты стабилизируешься в форме человека?

Голос Вивьен заметно дрожал.

— У нас тогда будет целых восемнадцать часов в сутки! Мы будем вместе все то время, когда ты в человеческой форме!

— Но ты же от меня уйдешь. Встретишь какую-нибудь земную женщину и уйдешь.

«Да, как-то нечестно получается», — подумал Джордж. И оставил мысль о походе в ООН.

Весной сорок первого у них родился третий ребенок, подобно Морису — гибрид. Ночью это был блобель, а днем — девочка.

Ну а Джордж тем временем нашел решение части своих проблем.

Он завел любовницу.

Местом свиданий они избрали гостиницу «Элизиум», необыкновенно запущенное деревянное здание в центре Лос-Анджелеса.

— Нина, — сказал Джордж и на секунду смолк, чтобы сделать глоток виски. — Ты воскресила меня, вернула моей жизни смысл. — Он занялся плохо поддающимися пуговицами ее кофточки; сцена эта происходила на диване — таком же обшарпанном, как и сама гостиница.

— Я уважаю тебя, — сказала Нина Глаубман, по-

могая ему справиться с пуговицами. — Несмотря на то, что ты был прежде врагом моего народа.

— Господи, — запротестовал Джордж, — ну к чему нам вспоминать такую древность. Мы должны забыть, отринуть свое прошлое.

«И ничего, кроме нашего с тобой будущего», — думал он.

Продажа похудательных поясов шла так хорошо, что теперь у него был маленький, вполне современный заводик на окраине Сан-Фернандо и полтора десятка работников — людей, конечно. Не будь налоги ООН такими грабительскими, он давно бы стал богатым предпринимателем… Интересно, задумался Джордж, а как с налогами у блобелей — ну, к примеру, на Ио? Стоило бы узнать.

Вот эту-то проблему и обсуждал Джордж, сидя вечером в штабе ВПВ. Обсуждал он ее с Райнхолтом, ни о чем не подозревавшим мужем Нины.

— Райнхолт, — сказал Джордж, с трудом ворочая языком, и допил пиво. — У меня потрясающие планы. ООНовский социализм, от которого не спрячешься с колыбели до самой могилы, — это не для меня. Мне здесь тесно. Манстеровский похудательный пояс это… — Он взмахнул рукой, тщетно пытаясь подыскать слово. — Это не для

земной цивилизации. Ты меня понимаешь?

— Но ведь ты землянин, Джордж, — холодно возразил Райнхолт. — Эмигрируя на территорию, контролируемую блобелями, и переведя туда свой завод, ты совершишь акт предательства…

— Слушай, — попытался объяснить Джордж, — ведь один мой ребенок — чистокровный блобель, двое других — полукровки, а тут намечается еще и четвертый. У меня образовались сильные эмоциональные связи с этим народом, живущим на Титане и Ио.

— Ты — предатель, — подытожил дискуссию Рейнхолт и ударил Джорджа в зубы. — А к тому же, — продолжил он, — ты путаешься с моей женой. — Следующий удар пришелся Джорджу в живот. — Сейчас я тебя убью.

До смерти перепуганный Джордж тут же превратился в блобеля; какое-то время Рейнхолт лупил склизкую, желеобразную массу, но быстро бросил это занятие за полной его бесперспективностью, тоже трансформировался и накатился на Джорджа, стремясь захватить и переварить клеточное ядро удачливого предпринимателя.

Тут набежали прочие ветераны; кое-как распутав отчаянно сражавшихся противников, они растащили их по разным углам. Ничего непопра-

вимого, к счастью, не произошло.

Поздно вечером все еще дрожавший от пережитого ужаса Джордж сидел с Вивьен в гостиной их восьмикомнатной квартиры. Манстеры успели переселиться в новый жилой комплекс ZGF-900. Еще немного бы — и все, а теперь Рейнхолт обязательно наябедничает Вивьен, вопрос только во времени. «А тогда с браком покончено, — думал Джордж, — это уж как пить дать». Вот эти сейчас моменты — последние моменты, когда они вместе.

— Вив, — сказал он, стараясь вложить в свой голос всю силу убеждения. — Я люблю тебя, Вив, никогда в этом не сомневайся. Ты и наши дети — ну и, конечно, завод похудательных поясов — это все, что есть у меня в жизни, это вся моя жизнь. Неожиданно в голове Джорджа мелькнула новая мысль, и он ухватился за нее, как утопающий за соломинку.

— Давай эмигрируем. Эмигрируем сегодня, сейчас. А что — хватаем детей и прямо сию минуту летим на Титан.

— Я не могу туда вернуться, — грустно покачала головой Вивьен. — Я знаю, как мои соплеменники будут относиться ко мне, как они будут относиться к тебе, да и к детям тоже. Поезжай ты, Джордж.

Переводи завод на Ио. А я останусь здесь.

Ее большие темные глаза наполнились слезами.

— Ну и что же это получится за жизнь такая? — спросил Джордж. — Ты на Земле, я на Ио — какая же это семья? А с кем будут дети?

Их получит, пожалуй, Вивьен… Но это мы еще посмотрим, у фирмы весьма способный юрист, попробуем воспользоваться его талантами для разрешения семейных проблем.

На следующее утро Вивьен узнала про Нину. И наняла адвоката.

— Главное, — сказал Джордж по телефону своему весьма способному юристу, Генри Рамарау, — получить опеку над четвертым, еще не родившимся ребенком. Ведь он будет человеком. Полукровок мы поделим, Мориса мне, а Кэти — ей. Ну и, конечно же, пускай забирает этот ошметок, нашего первого так называемого ребенка, я его и так никогда не считал своим. Он с треском опустил трубку на рычаг и повернулся к совету управляющих компании.

— Ну так что там? В каком состоянии находится анализ налогового законодательства Ио?

Шли недели, и мысль о переезде на Ио становилась все более и более привлекательной — с

точки зрения доходов и потерь.

— Покупай на Ио земельные участки, — инструктировал Джордж Тома Хендрикса, своего разъездного представителя. — И старайся подешевле, нужно положить хорошее начало. А теперь не пускайте никого ко мне в кабинет, — повернулся он к секретарше, мисс Нолан, — пока я не разрешу. Чувствую, снова будет приступ. Еще бы, — добавил он, — с этим переездом на Ио столько хлопот, а тут еще и личные неприятности.

— Хорошо, мистер Манстер. — Мисс Нолан проводила Тома Хендрикса из кабинета. — Я все сделаю.

На нее можно положиться, теперь никто не побеспокоит Джорджа, пока тот будет в медузообразном состоянии; последние дни нагрузка стала совершенно невыносимой, внеочередные трансформации происходили все чаще и чаще.

Через несколько часов, вновь приобретя человеческий вид, Джордж узнал от мисс Нолан, что звонил мистер Джонс.

— Ну надо же, — удивился Джордж, припомнив события шестилетней давности. — А я-то думал, эту старую железяку давно разобрали и выкинули на свалку. Мисс Нолан, — добавил он, — скажите

мне, когда будет связь. Нужно найти пару минут, чтобы с ним побеседовать. Он словно опять оказался в Сан-Франциско, в полузабытом прошлом.

Через несколько секунд мисс Нолан сообщила, что доктор Джонс у телефона.

— Здравствуйте, доктор, — откинувшись на спинку вращающегося кресла, Джордж рассеянно потрогал пальцем стоящую на столе орхидею. — Очень рад вашему звонку.

Он покрутил кресло из стороны в сторону.

— Как я вижу, мистер Манстер, — прозвучал в трубке голос гомеостатического психоаналитика, — у вас теперь есть секретарша.

— Да, — сказал Джордж. — Я же теперь промышленный магнат. Занимаюсь поясами для похудания, это нечто вроде кошачьих ошейников против блох. Ну так чем могу быть вам полезен?

— У вас, насколько я понимаю, четверо детей…

— Вообще-то трое, но четвертый на подходе. Знаете, доктор, этот самый четвертый — он для меня особенно важен. Согласно закону Менделя он будет чистокровным человеком, и я — ну как Бог свят — сделаю все, чтобы получить над ним опеку. Вивьен — вы должны ее помнить — теперь на Титане. Дома, в компании своих соплеменников. А я нанимаю самых лучших врачей, каких

только могу найти, чтобы они попытались меня стабилизировать. Смертельно надоело трансформироваться то туда, то сюда, ночью и днем, мне и без того хлопот хватает.

— По вашему, мистер Манстер, тону, — сказал доктор Джонс, — я могу понять, что вы стали важным, деловым человеком. За то время, что мы не общались, ваш социальный статус заметно вырос.

— Поближе к делу, доктор, — Джордж начал проявлять признаки нетерпения. — Зачем вы позвонили?

— Мне, хм-м, показалось, что есть некая возможность помирить вас с Вивьен, свести вас.

— Что? — возмутился Джордж. — С этой женщиной? Да ни за что на свете. Послушайте, доктор, я вынужден закончить нашу беседу; мы тут как раз занимаемся окончательной отработкой основных принципов деловой стратегии. Мы — это моя компания, «Манстер Инкорпорейтед».

— У вас появилась другая женщина, мистер Манстер? — поинтересовался доктор Джонс.

— Другой блобель, — отрезал Джордж, — вы, наверное, именно это хотели сказать.

Он повесил трубку. «Два блобеля лучше, чем ни одного, — мелькнула в голове странная мысль. —

А вернемся к делу...» Буквально через секунду после нажатия кнопки в раскрывшейся двери кабинета появилась голова мисс Нолан.

— Мисс Нолан, — сказал Джордж, — пришлите сюда Хэнка Рамарау, мне нужно выяснить...

— Мистер Рамарау только что позвонил сам по другой линии, — сообщила секретарша. — Говорит, что дело совершенно неотложное.

Джордж переключил телефон на вторую линию.

— Привет, Хэнк. Что там у тебя такое срочное?

— Тут неожиданно выяснилось, что руководить заводом на Ио может только гражданин Титана.

— Как-нибудь устроим, — беззаботно отмахнулся Джордж.

— Но гражданином Титана... — Рамарау неуверенно смолк. — Говоря попросту, Джордж, гражданином Титана может быть только блобель.

— Какого черта, — повысил голос Джордж, — а я, по-твоему, кто такой? Блобель. Ну не все время, а только часть, но ведь этого хватит?

— Нет, — горестно вздохнул Рамарау. — Зная про твое недомогание, я навел справки; результат неутешителен — никакие частичные варианты не проходят, нужно быть блобелем все время, ночью и днем.

— Хм-м-м, — протянул Джордж. — Это уже хуже. Но ничего, как-нибудь разберемся. Послушай, Хэнк, у меня сегодня назначена встреча с Эдди Фулбрайтом, моим медицинским координатором, так давай вернемся к этой теме позже.

Положив трубку, Джордж нахмурился и некоторое время задумчиво потирал подбородок. «Ладно, — решил он, — как ни крутись — никуда не денешься, факты это факты, против них не попрешь».

Пододвинув к себе телефон, он набрал номер своего врача Эдди Фулбрайта.

Двадцатидолларовая платиновая монета упала в прорезь, цепь замкнулась, и доктор Джонс перешел в режим активного функционирования. Подняв глаза, он обнаружил перед своим лицом высокие, вызывающе заостренные женские груди, а далее — и их совершенно ослепительную обладательницу, в коей он узнал — быстро просмотрев блоки памяти — миссис Манстер, в девичестве Вивьен Аррасмит.

— Здравствуйте, Вивьен, — приветливо улыбнулся гомеостатический психоаналитик. — А мне казалось, вы на Титане. — Галантно привстав, он предложил ей стул.

На больших, темных глазах Вивьен выступили

слезы.

— Доктор, — всхлипнула она, аккуратно промокая слезы платочком, — у меня все очень плохо, все просто рушится. Мой муж связался с какой-то женщиной, я знаю только, что звать ее Нина и что в штабе ВПВ все о них только и говорят. Земная, наверное. А теперь мы с ним одновременно подали на развод и не можем поделить детей, завязалась жуткая судебная склока. Я ожидаю ребенка. — Она скромно потупилась и одернула свою куртку. — Наш четвертый.

— Знаю, — кивнул доктор Джонс. — На этот раз — чистокровный землянин, если справедлив закон Менделя… Хотя закон этот, вообще говоря, применим только к потомству, рожденному одновременно.

— Я посетила Титан, — и вид, и голос миссис Манстер были совсем убитые, — консультировалась у юристов, медиков, гинекологов, особенно много беседовала со специалистами по семейным отношениям. Получила за месяц целую кучу самых разнообразных советов, вернулась на Землю — и нигде не могу найти Джорджа. Он словно провалился.

— Был бы очень рад помочь вам, Вивьен, — улыбнулся доктор Джонс. — У меня был неболь-

шой разговор с вашим мужем, буквально вчера, но Джордж не сказал ничего определенного… Теперь он такая большая шишка, что и не подступиться.

— И подумать, — снова всхлипнула Вивьен, — что я сама и подала ему эту мысль. Блобельскую мысль.

— Ирония судьбы, — философски пожал плечами доктор Джонс. — Так вот, Вивьен, если вы действительно хотите удержать своего мужа…

— Я твердо намерена удержать его, доктор Джонс. Буду с вами откровенна, на Титане я прошла курс терапии, самый современный и очень дорогой курс… и все потому, что так люблю Джорджа, люблю его даже больше, чем свой народ и свою планету.

— Да? — заинтересовался доктор Джонс.

— Меня стабилизировали, доктор Джонс, стабилизировали на основе самых последних достижений медицины. Теперь я все двадцать четыре часа в сутки человек, а не только восемнадцать. Чтобы сохранить наш с Джорджем брак, я рассталась даже со своей естественной формой.

— Какая жертва!

Доктор Джонс был так тронут, что чуть не всхлипнул сам.

— Так вот, доктор, если бы удалось его найти…

А в это время на Ио Джордж Манстер открывал церемонию заложения фундамента; степенно подкатившись к лопате, он сформировал псевдоподию, обвил ею ручку инструмента и после определенных затруднений сумел наконец ковырнуть некое символическое количество грунта.

— Сегодня у нас великий день, — раскатисто прогудел он, предварительно сформировав из слизистой податливой субстанции, составлявшей теперь его тело, некое подобие голосового аппарата.

— Совершенно верно, Джордж, — согласился стоящий рядом Рамарау, с энтузиазмом взмахнув папкой юридических документов.

Местный чиновник — такой же, как и Джордж, большой ком прозрачной массы — волнообразно придвинулся к Рамарау и взял у него папку.

— Эти бумаги будут переданы правительству Ио, — прогудел он. — Не имею ни малейших сомнений, что они в полном порядке, мистер Рамарау.

— Я могу вам гарантировать, — сказал Рамарау, — что мистер Манстер никогда и ни при каких обстоятельствах не вернется к че-

ловеческой форме; воспользовавшись самыми современными медицинскими методиками, он стабилизировался в одноклеточном состоянии, бывшем раньше одной из фаз его периодических трансформаций. Слову Манстера можно верить безоговорочно.

— Это исторический момент, — телепатически объявил собравшейся на торжество толпе местных жителей слизистый ком, бывший прежде Джорджем Манстером, — обещает повышение уровня жизни для тех жителей Ио, которые получат работу, он принесет чувство справедливой гордости достижениями своей нации, гордости участия в производстве местного — мы всегда это признавали — изобретения, Манстеровского Магического Магнитного Пояса! Толпа блобелей отозвалась дружными телепатическими криками.

— Это один из самых важных дней моей жизни, — сообщил им Джордж Манстер и, волнообразно переливаясь, направился к своей машине. Водитель должен был доставить его в номер одной из столичных гостиниц. Номер сняли на неопределенно долгое время.

Когда-нибудь он купит эту гостиницу. Прибыли от дела Джордж вкладывал в недвижимость, что

являлось делом весьма патриотичным — и выгодным, как считали новые его соотечественники, местные блобели.

— Вот теперь я действительно человек, добившийся успеха, — телепатически передал Джордж Манстер всем находившимся достаточно близко, чтобы принять излучение.

Сопровождаемый приветственными криками, он прополз по широким сходням в изготовленную на Титане машину.

Что сказали мертвецы[25]

1

Ящик из небьющегося пластика с телом Луиса Сараписа стоял посреди просторного зала. Всю неделю, пока к нему был открыт доступ, не укорачивалась длинная вереница скорбящих, пришедших проститься с усопшим.

Слушая тяжкие вздохи старых дам в черных платьях, глядя на изнуренные горем морщинистые лица, Джонни Бэфут сидел в углу и с тоской дожидался своего часа. Не своей очереди, а того момента, когда посетителей попросят удалиться и он сможет заняться делом, ничего общего с похоронами не имеющим.

В соответствии с завещанием ему — шефу отдела общественных связей в концерне Сараписа — предстояло возвратить хозяина к жизни.

Только и всего.

— Проклятие! — пробормотал Джонни, взглянув на часы: до закрытия зала оставалось два

---

[25] Примечания: 25

Оригинальная повесть *What the Dead Men Say* (1964) в пер. Г. Корчагина (1992), не вошедшая в русское печатное издание сборника.

часа. Он проголодался, да и замерз: от морозильной установки, служившей Сарапису гробом, по залу распространялся холод.

— Выпей горячего кофе, Джонни, — предложила Сара Белле, подошедшая с термосом. Она откинула со лба мужа иссиня-черную (гены индейцев чирикахуа) прядь. — Бедненький! Неважно ты выглядишь.

— Да, — кивнул Джонни. — Не по нутру мне все это. — Он указал подбородком на ящик и очередь. — Я и живого-то его не любил, а уж такого…

— *Autbene, autnihil*, — тихо произнесла Сара.

Джонни озадаченно — может, недослышал? — посмотрел на нее. Иностранный язык, догадался он через секунду. Сара Белле окончила колледж.

— Цитата, — пояснила Сара. — «Или ничего, или только хорошее». Так говорил зайчонок Топотун из «Бэмби». Надо знать классику кинематографа, Джонни. Ходил бы ты со мной по понедельникам на вечерние лекции в Музей современного искусства…

— Послушай, — перебил Джонни с отчаянием в голосе, — я не хочу его оживлять! Господи, зачем только согласился! Ведь говорил себе: добьет старого прохвоста эмболия — и все: прощай, биз-

нес… — На самом деле Джонни никогда не думал об этом всерьез.

— Разморозь его, — предложила вдруг Сара.

— Ч-чего?

— Боишься? — Она усмехнулась. — Отключи на время морозильную установку — и все, никакого ему Воскресения. — В голубовато-серых глазах приплясывали веселые искорки. — Вижу, вижу — страшно. Бедный Джонни. — Она похлопала мужа по плечу. — Бросить бы тебя, да ладно уж. Ты ведь и дня не протянешь без мамочки.

— Нельзя так, — проворчал он. — Луис совершенно беспомощен. Это бесчеловечно.

— Когда-нибудь, Джонни, ты с ним поссоришься, — уверенно пообещала Сара. — И тогда либо ты его, либо он тебя. А пока он в послежизни, у тебя преимущество. Зря упускаешь шанс, сейчас еще можно выйти сухим из воды.

Она повернулась и пошла к выходу, пряча озябшие кулачки в карманах пальто.

Джонни, помрачнев, закурил сигарету и привалился лопатками к стене. Жена, конечно, была права, ведь после-живущий не то же самое, что живой. И тем не менее при одной мысли о бывшем хозяине Джонни втягивал голову в плечи — он с детства благоговел перед Сараписом, с

тех пор, когда тот, владея только компанией «Шиппинг 3-М» с энтузиазмом осваивал трассу Земля-Марс. Точь-в-точь мальчишка, запускающий модели ракет у себя в подвале. А в семьдесят, перед смертью, он через «Вильгельмина Секьюритиз» контролировал сотни предприятий, имеющих и не имеющих отношения к ракетостроению. Подсчитать стоимость его имущества не удавалось никому, даже чиновникам правительственной налоговой инспекции. Наверное, это было попросту невозможно.

«Все-таки, чтобы иметь дело с Луисом, нужно быть холостым и бездетным, — размышлял Джонни. — Кстати, как они там, в Оклахоме? — Не было у Джонни никого дороже двух девчушек и, конечно, Сары Белле. — Так ведь я о них забочусь, — убеждал он себя, дожидаясь, когда придет время забрать старика из зала, согласно его подробным инструкциям. — Подумаем вот о чем. Вероятно, у него есть почти год послежизни. Из стратегических соображений он решает разделить этот год на короткие отрезки, чтобы оживать, например, в конце каждого финансового года. Раскидал, небось, лет на двадцать — месяц туда, месяц сюда. Напоследок, зная, что будет сдавать, оставил недели, дни. А перед са-

мой смертью Луис очнется часа на два: сигнал слабеет, в замороженных клетках мозга едва теплится искорка электрической активности, и все глуше, неразборчивей слова, прорывающиеся из динамика. И наконец — тишина. Небытие. Но это может случиться через четверть века, в две тысячи сотом году».

Часто затягиваясь, Джонни вспоминал тот день, когда пришел в управление кадров «Экимидиэн Энтерпрайзиз» и заплетающимся от волнения языком сообщил молоденькой особе в приемной, что готов предложить компании свои услуги. У него, дескать, есть ряд идей, которые могут принести немалую выгоду. Например, он придумал способ раз и навсегда покончить с забастовками. Всем известно, что в космопорту мутят воду профсоюзы, они буквально руки выкручивают администрации, — а Джонни готов дать Сарапису совет, как вообще отделаться от профсоюзов. План, конечно, был грязный, и Джонни это понимал. Но ведь он не солгал тогда, его идеи действительно стоили немало. Девушка посоветовала обратиться к мистеру Першингу, а тот сообщил о Джонни Луису Сарапису.

— Вы предлагаете запускать корабли из океана? — спросил Сарапис, выслушав его.

— Профсоюзы — организации национальные, — заметил Джонни. — На полярные моря не распространяется юрисдикция ни одного из государств. А бизнес — интернационален.

— Но мне там понадобятся люди. Столько же, сколько и здесь, если не больше. Где их взять?

— В Бирме, Индии или на Малайском архипелаге. Наберите молодых необученных рабочих, заключите с ними прямые контракты. Поставьте заработок в зависимость от заслуг, — посоветовал Джонни.

Иными словами, Джонни предлагал систему батрачества. Он и сам это понимал. Но Сарапису его предложение пришлось по вкусу, еще бы — маленькая империя за Полярным кругом, подданные совершенно бесправны. Идеал.

Так и поступил Луис Сарапис, а Джонни Бэфут стал шефом отдела общественных связей — лучшая должность для человека с блестящими способностями «нетехнического свойства». То есть для недоучки. Профана. Неудачника. Выскочки без диплома.

— Послушай, Джонни, — спросил его однажды Сарапис, — как это тебя, такого умника, угораздило остаться без высшего образования? Любой дурак знает: в наши дни это смерти подобно.

Может, тяга к самоуничтожению? — Он ухмыльнулся, блеснув стальными зубами.

— В самую точку, Луис, — уныло согласился Джонни. — Я действительно хочу умереть. Ненавижу себя. — В ту минуту ему вспомнилась идея насчет батрачества. Впрочем, она родилась уже после того, как Джонни окончил школу, и была тут, видимо, ни при чем. — Надо бы сходить к психоаналитику.

— Чепуха! — фыркнул Луис. — Знаю я этих психоаналитиков, у меня их в штате аж шестеро было. Ты завистлив, но ленив — вот в чем беда. Где не удается сразу сорвать большой куш, там ты отступаешься. Долгая борьба, упорный труд — не для тебя.

«Но ведь я уже сорвал большой куш, — подумал тогда Джонни. — Ведь работать на Луиса Сараписа мечтает каждый. В его концерне найдется профессия на любой вкус».

У него возникло подозрение, что в очереди к гробу стоят не родные и близкие Сараписа, а его служащие и их родственники. Быть может, среди них есть и те, для кого три года назад, в разгар кризиса, Сарапис добился пособий по безработице, настояв на принятии Конгрессом соответствующего закона. Сарапис — покрови-

тель обездоленных, голодных, нищих. И те, для кого он открыл множество бесплатных столовых, тоже здесь.

Быть может, некоторые из них не в первый раз проходят мимо гроба.

От прикосновения к плечу Джонни вздрогнул.

— Скажите, вы — мистер Бэфут из отдела общественных связей? — спросил дежурный охранник.

— Да. — Бросив в урну окурок, Джонни отвинтил крышку термоса. — Глотните, кофе, — предложил он. — Или вы уже закалились?

— Еще нет. — Охранник взял кофе. — Знаете, мистер Бэфут, я всегда вами восхищался. Ведь вы — недоучка, а сумели подняться на самый верх. У вас огромное жалованье, не говоря уж об известности. Для нас, недоучек, вы кумир.

Джонни что-то буркнул и хлебнул кофе.

— Вообще-то, хвалить нам с вами надо не себя, а Сараписа. Он дал нам работу. Мой шурин тоже у него служил, а устроился, между прочим, пять лет назад, когда нигде в мире не было рабочих мест. Да, кремень был человек наш покойный шеф — не давал профсоюзам совать нос в его дела, и точка! Зато скольким старикам платил пенсию до самой смерти… Папаше моему, например…

А сколько законов протолкнул через Конгресс! Кабы не его напор, не было бы у нуждающихся многих льгот…

Джонни опять что-то пробормотал.

— Неудивительно, что нынче здесь так много народу, — заключил охранник. — Вот не стало его, и кто, спрашивается, поможет бедолагам-недоучкам вроде нас с вами?

По всем вопросам, касающимся хранения тела Луиса Сараписа, владельцу «Усыпальницы Возлюбленной Братии» Герберту Шенхайту фон Фогельзангу по закону полагалось обращаться к адвокату покойного. Фон Фогельзангу необходимо было узнать расписание послежизни Сараписа; от самого Герба зависело лишь техническое обслуживание.

Вопрос выглядел пустяковым, но лишь на первый взгляд. Оказалось, что до мистера Клода Сен-Сира, знаменитого адвоката, дозвониться невозможно.

«Ах ты, черт! — мысленно выругался фон Фогельзанг. — Видать, что-то случилось. Чтобы с такой важной шишкой нельзя было связаться — немыслимо!»

Он звонил из «склепа», подвала, куда помещали на длительное хранение послеживущих.

Возле его стола переминался с ноги на ногу человек с квитанцией в руке — видимо, пришел за родственником. Близилось Воскресение — день, когда публично чествуются послеживущие; начинался наплыв родных и близких.

— Да, сэр, — с любезной улыбкой отозвался Герб. — Я лично выполню вашу просьбу.

— Моей бабушке уже под восемьдесят, — сказал посетитель, — совсем маленькая и сухонькая. Я пришел не проведать ее, а забрать насовсем.

— Пожалуйста, обождите минутку. — Герб встал и отправился на поиски ящика номер 3054039-Б. Отыскав нужный гроб, он прочитал сопроводительную табличку. Старушке оставалось меньше пятнадцати суток послежизни. Он машинально включил миниатюрный усилитель, прикрепленный к стеклянной стенке гроба, настроил на частоту головного мозга. Послышался слабый голос: «...А потом Тилли подвернула ножку и растянула сухожилие на лодыжке, и мы уж боялись, что это навсегда, а она, глупышка, не хотела лежать в постели...»

Удовлетворенный, Герб выключил усилитель и, подозвав техника, велел доставить ящик 3054039-Б на платформу, откуда посетитель сможет погрузить его в машину или вертолет.

— Вы ее выписали? — спросил посетитель, доставая чековую книжку, когда Герберт вернулся в «склеп».

— Собственноручно, — ответил владелец усыпальницы. — Состояние идеальное. Счастливого Воскресения, мистер Форд.

— Благодарю. — Посетитель направился к погрузочно-разгрузочной платформе.

«Когда придет мое время, — сказал себе Герб, — я завещаю наследникам оживлять меня раз в сто лет на один день. И узнаю, какая судьба ждет человечество».

Впрочем, твердо рассчитывать на это не приходилось. Содержание послеживущего стоит огромных денег, а значит, рано или поздно наследники заберут Герба из усыпальницы, вытащат из гроба и — прости их, Господи! — предадут земле.

— Похороны — варварство, — вслух пробормотал Герб. — Пережиток первобытной стадии нашей культуры.

— Да, сэр, — подтвердила из-за пишущей машинки мисс Бесмэн, секретарша.

Герб окинул взглядом «склеп» — в проходах между гробами несколько посетителей тихо беседовали с послеживущими. Эти люди, регулярно приходящие сюда, чтобы выразить любовь и

уважение своим близким, действовали на него умиротворяюще. Они делились с родственниками новостями, старались приободрить, если те впадали в тоску. А главное — они платили Гербу Шенхайту фон Фогельзангу. Бизнес у него, что ни говори, был прибыльным.

— У моего отца что-то с голосом, — сказал молодой человек, когда Герб встретился с ним взглядом. — Не могли бы вы подойти на минутку?

— Ну, конечно. — Герб встал и направился по проходу к молодому человеку. Его отцу, судя по сопроводительной табличке, оставалось несколько суток послежизни, что объясняло затухание электрических колебаний в клетках мозга. Но мозг еще действовал — голос старика зазвучал громче, когда Герб покрутил ручку настройки. «Кончается», — подумал Герб. Ему было ясно, что сын не читал сопроводительную табличку и не знает, что пора прощаться с отцом. Поэтому Герб отошел, оставив их наедине. Какой смысл огорчать молодого человека? Из кузова грузовика, подъехавшего к платформе, вылезли двое в одинаковой голубой униформе. «Компания “Атлас Интерплан”, — догадался Герб. — “Перевозки и хранение”. Доставили новенького или кого-ни-

будь увезут». — Он направился к грузовику.

— Чем могу служить?

— Привезли мистера Сараписа. Все готово?

— Абсолютно, — поспешил заверить Герб. — Но без распоряжения мистера Сен-Сира я не вправе что-либо предпринимать. Когда он вернется?

Вслед за грузчиками на платформу сошел жгучий брюнет с глазами, словно черные блестящие пуговицы.

— Я — Джон Бэфут. Согласно завещанию Луиса Сараписа отвечаю за его тело. Надо его немедленно оживить, таково указание покойного.

— Понятно, — кивнул Герб. — Что ж, не возражаю. Давайте сюда мистера Сараписа, мы его мигом воскресим.

— Холодно тут у вас, — заметил Бэфут. — Холодней, чем в зале.

— Да, мистер Бэфут, вы правы, — согласился Герб.

Грузчики выкатили гроб на платформу. Мельком взглянув на мертвеца — крупного, серолицего, — Герб подумал: «Типичный старый пират. Все-таки хорошо, что он умер. Всем стало легче, хоть он и слыл благодетелем. Да и кому в наше время нужна милостыня, тем более от него…»

Разумеется, он не стал делиться этими мыс-

лями с Бэфутом, а молча повернулся и пошел в подготовленную для Сараписа комнату.

— Через пятнадцать минут он заговорит, — пообещал Герб проявлявшему нетерпение Бэфуту. — Не беспокойтесь, на этой стадии у нас не бывало сбоев. В начале послежизни остаточный электрический заряд, как правило, очень устойчив.

— Давайте об этом позже, — проворчал Бэфут. — Если возникнут технические проблемы.

— Почему он так спешит с возвращением? — спросил Герб.

Бэфут промолчал, поморщившись.

— Извините. — Герб снова склонился над гробом и стал возиться с проводами, надежно прикрепленными к катодным клеммам. — При сверхнизких температурах электрический ток идет практически беспрепятственно, — привычно объяснял он. — При минус ста пятидесяти сопротивление почти нулевое. Поэтому сейчас мы услышим четкий и громкий сигнал, — заключил он, ставя на место колпачок анода и демонстративно включая усилитель.

Слабый гул. И ничего больше.

— Ну? — буркнул Бэфут.

— Сейчас проверю, — растерянно промямлил

Герб.

— Вот что, — тихо произнес Бэфут, — если, не дай Бог… — продолжать не было необходимости — Герб знал, чем ему грозит неудача с оживлением Сараписа.

— Он хочет участвовать в национальном съезде демократов-республиканцев? — спросил Герб.

Съезд должен был начаться в Кливленде через месяц. В прошлом Сарапис весьма активно участвовал в закулисной деятельности политических группировок, как демократо-республиканской, так и либеральной. Поговаривали, что в последней кампании демократо-республиканец Альфонс Гэм был его ставленником. Красивый, элегантный Гэм имел все шансы на победу, но удача оказалась не на его стороне.

— Ну? — поторопил Бэфут. — Что, еще не слыхать?

— М-м… похоже… — начал Герб.

— Понятно. — У Бэфута было мрачное лицо. — Если через десять минут он не заговорит, я свяжусь с мистером Сен-Сиром, и мы заберем его отсюда, а вас привлечем к суду за преступную небрежность.

— Я делаю, что могу. — Герб вспотел, пока возился с гробом. — Мистер Бэфут, учтите, трупы

замораживаем не мы. Может быть, тут не наша вина…

Сквозь ровный гул прорвалось потрескивание статики.

— Это что-нибудь значит? — спросил Бэфут.

— Нет, — поспешно ответил Герб. На самом деле это было дурным признаком.

— Продолжайте, — бросил Бэфут. Он напрасно взял такой тон — Герберт Шенхайт фон Фогельзанг и так мобилизовал все свои силы, знания и многолетний профессиональный опыт. Но безуспешно — Луис Сарапис безмолвствовал.

«Ничего у меня не выйдет, — со страхом осознал Герб. — И непонятно почему. Что стряслось? Такой важный клиент — и такой прокол!»

Он возился с проводами, не решаясь поднять глаза на Бэфута.

Оуэн Ангресс, главный инженер радиотелескопа, установленного в кратере Кеннеди на темной стороне Луны, обнаружил, что вверенная ему аппаратура зарегистрировала загадочный сигнал, посланный со стороны Проксимы, а точнее — из точки, находящейся в одной световой неделе от Солнечной системы. Прежде этот район не представлял интереса для Комиссии ООН по космическим связям, но то явление, с которым

столкнулся Оуэн Ангресс, было из ряда вон выходящим.

Он услышал человеческий голос, усиленный огромной антенной телескопа.

— …Наверное, стоит попробовать, — заявил голос. — Если я их знаю, а я думаю, что знаю. Взять хотя бы Джонни. Он опустится, если я не буду за ним приглядывать, зато он не такой пройдоха, как Сен-Сир. Предположим, я смогу… — Голос вдруг смолк.

«Что это?» — подумал ошарашенный Ангресс. И добавил шепотом:

— В одной пятьдесят второй светового года?

Он нарисовал на карте кружок. Ничего. Всего-навсего пылевые облака. Откуда же сигнал? Может быть, ретранслирован радиопередатчиком, находящимся где-нибудь поблизости? Или это просто эхо? Или компьютер неверно установил координаты? Да, скорее всего, это ошибка компьютера, нельзя же допустить, что некий индивидуум сидит у передатчика за пределами Солнечной системы и рассуждает вслух. Абсурд!

«Сообщу-ка я об этом Уайткофу и советской Академии Наук, — решил Ангресс. Уайткоф временно был назначен его руководителем; на следующий месяц его сменит Джемисон из МТИ.

— А может, это корабль дальнего плавания?

В этот миг голос снова просочился сквозь пространство:

— …А Гэм — олух, продул выборы. Знает теперь, как нужно было поступить, — да уж поздно. Эге! — Мысли побежали быстрей, слова зазвучали отчетливее. — Я возвращаюсь? Прекрасно, самое время. Джонни, это ты?

Ангресс схватил телефонную трубку и набрал код Советского Союза.

— Говори, Джонни, — жалобно требовал голос. — Не молчи, сынок! У меня столько всего в голове накопилось — не терпится рассказать. Надеюсь, съезд еще не начался? Тут абсолютно не чувствуешь времени, не видишь ничего и не слышишь. Погоди, вот попадешь сюда, тогда узнаешь… — Голос снова затих.

— Феномен, как сказал бы Уайткоф, — заключил Ангресс.

2

Вечером в телевизионных новостях рассказывали об открытии, сделанном с помощью лунного радиотелескопа. Но Клод Сен-Сир не слушал диктора — он принимал гостей.

— Да, — говорил он Гертруде Харви, — как это

ни смешно, но я собственной рукой написал завещание, внеся в него и тот пункт, по которому с момента смерти Луиса, несмотря на все мои заслуги, автоматически считаюсь уволенным. Я скажу вам, почему Луис так поступил: из-за своих параноидальных подозрений. Втемяшил себе в голову, что этот пункт застрахует его от… — Он помолчал, отмеривая и переливая в бокал с джином порцию сухого вина. — От преждевременной гибели.

Клод ухмыльнулся. Гертруда, в несколько картинной позе сидевшая на диване рядом с мужем, улыбнулась в ответ.

— Немногим это ему помогло, — задумчиво произнес Фил Харви.

— Черт! — выругался Сен-Сир. — Я не виноват в его смерти. Это эмболия — комок жира, как пробка в бутылочном горлышке. — Он засмеялся: понравилось сравнение. — У природы свои средства…

— Погоди! — перебила Гертруда. — Тут что-то интересное говорят.

Она подошла к телевизору и опустилась на корточки.

— А! Наверное, это Кент Маргрэйв, олух царя небесного, — с усмешкой предположил Сен-

Сир. — Очередная выдающаяся речь.

Маргрэйв уже четыре года был Президентом. Ему, либералу, удалось победить Альфонса Гэма — протеже самого Сараписа. Все-таки, несмотря на множество недостатков, Маргрэйв был настоящим политиком. Он сумел убедить большинство избирателей, что марионетка Сараписа — не лучшая кандидатура на пост Президента.

— Нет. — Гертруда одернула юбку на коленях. — Кажется, это космическое агентство. Говорят о чем-то научном.

— О научном! — Сен-Сир расхохотался. — Что ж, давайте послушаем. Обожаю науку. Сделай погромче.

«Не иначе, нашли новую планету в системе Ориона, — подумал он. — Еще одну. Чтобы у нас была цель для коллективного существования».

— Сегодня вечером ученых Соединенных Штатов и Советского Союза поверг в недоумение голос, доносящийся из открытого пространства, — сообщил диктор.

— Ой, не могу! — захихикал Сен-Сир. — Голос из открытого пространства! — Держась за живот, он попятился от телевизора. — Только этого нам и не хватало, — сказал он Филу, давясь смехом, — голоса, который окажется… чьим, как ты думаешь?

— Чьим? — спросил Фил.

— Господним, разумеется! Радиотелескоп в кратере Кеннеди поймал Глас Божий. И теперь мы получим новые десять заповедей или, на худой конец, несколько скрижалей. — Сняв очки, он вытер глаза льняным ирландским платком.

— А я согласен с женой, — серьезно произнес Фил. — И нахожу это удивительным.

Сен-Сир улыбнулся.

— Запомни мои слова, дружище… В конце концов выяснится, что какой-нибудь японский студент потерял между Землей и Каллисто транзисторную рацию. Со временем она уплыла за пределы Солнечной системы, ее засек телескоп — и вот тебе непостижимая загадка. — Он перестал улыбаться. — Гертруда, выключи телевизор. У нас с Филом серьезный разговор.

Гертруда с неохотой повиновалась. Вставая, спросила:

— Клод, правда, что в усыпальнице не смогли оживить старого Луиса? Что он сейчас не в послежизни, как планировал?

— В этих заведениях все как воды в рот набрали, — ответил Сен-Сир. — Но ходят слухи. — На самом деле он знал, что случилось — в «Вильгельмине» у него были друзья. Но он не хотел

признаваться в этом Филу Харви.

Гертруда поежилась.

— Подумать только — он ушел и больше не вернется. Как это ужасно!

— Но ведь небытие — естественное состояние умершего, — заметил ее муж, потягивая мартини. — До начала нашего века никто и мечтать не смел о послежизни.

— Но мы-то к ней привыкли, — упрямо возразила Гертруда.

— Давайте вернемся к нашему разговору, — предложил Сен-Сир.

Фил пожал плечами.

— Давай, если считаешь, что нам есть о чем поговорить. — Он испытующе посмотрел на Сен-Сира. — Я могу зачислить тебя в штат, если ты действительно этого хочешь. Но на такую работу, как у Луиса, не рассчитывай. Это было бы несправедливо по отношению к моим юристам.

— Понимаю, — сказал Сен-Сир.

Фирма Харви, специализирующаяся на космических перевозках грузов, была малюткой по сравнению с предприятием Сараписа, а Фил считался бизнесменом третьей руки. Но именно к нему хотел устроиться Сен-Сир, ибо верил: через год с его опытом и связями, приобретенными на

службе у Сараписа, он ототрет Харви и приберет «Электра Энтерпрайзиз» к рукам.

Первую жену Фила звали Электрой. Сен-Сир был с ней знаком, нередко навещал ее после развода, а в последние недели их встречи приобрели интимный характер. Сен-Сир знал, что на бракоразводном процессе Электру обвели вокруг пальца — Харви нанял крупное юридическое светило, и это светило в два счета обставило адвоката Электры, каковая роль выпала младшему партнеру Сен-Сира — Гарольду Фэйну. С тех пор Сен-Сир не переставал упрекать себя — надо было самому защищать интересы Электры. Но в то время он так глубоко увяз в делах Сараписа… Нет, тогда это было просто невозможно.

Теперь, когда Сарапис умер, а «Вильгельмина», «Атлас» и «Экимидиэн» не нуждаются в услугах Сен-Сира, можно исправить ошибку, придя на помощь женщине, которую (Сен-Сир не скрывал этого от себя) он любил.

Но спешить с этим не следует. Первостепенная задача — устроиться к Харви, в юридический отдел. Чего бы это ни стоило.

— Ладно, — без особого воодушевления согласился Харви, протягивая Сен-Сиру руку. — Между прочим, до меня дошли слухи, — он сделал мно-

гозначительную паузу, — о том, почему Сарапис решил тебя уволить. Это кое в чем не сходится с твоей версией.

— Вот как? — беспечно произнес Сен-Сир.

— По-видимому, он заподозрил кого-то, — возможно, тебя, — в решении воспрепятствовать его возвращению в послежизнь. Якобы он узнал, что ты намеренно выбрал усыпальницу, где у тебя есть знакомые… которым по той или иной причине не удастся его оживить. — Фил пристально посмотрел в глаза Сен-Сиру. — Все это очень похоже на то, что случилось. Ты не находишь?

Последовала долгая пауза.

— Но какая Клоду от этого выгода? — спросила наконец Гертруда.

Харви пожал плечами и задумчиво помял подбородок.

— Не имею представления. Сказать по правде, я не до конца понимаю, что такое послежизнь. Говорят, в этом состоянии человек становится куда более проницательным, чем при жизни. Видит вещи в ином свете, если можно так выразиться.

— Так считают психологи, — подтвердила Гертруда, — В старину церковники называли это прозрением.

— Быть может, Клод испугался, что Луис станет

чересчур догадлив. Но это лишь предположение.

— Вот именно, предположение, как и план убийства, — сказал Сен-Сир. — На самом деле у меня нет знакомых в усыпальницах. — Его голос звучал твердо — Сен-Сир умел держать себя в руках. Но тема разговора была ему крайне неприятна.

В гостиную вошла горничная и сообщила, что стол накрыт к обеду.

Гертруда и Фил встали, и Клод проводил их в столовую.

— Скажи, — обратился к нему Фил, — кто наследник Сараписа?

— Кэти Эгмонт, двадцатилетняя внучка, — ответил Сен-Сир. — Живет на Каллисто. Она, знаешь ли, такая… малость не в себе. Пять раз побывала в тюрьме, в основном за употребление наркотиков. Потом вроде бы сумела вылечиться, а теперь вступила в какую-то секту. Я с ней ни разу не встречался, но практически вся ее переписка с дедом прошла через мои руки.

— Значит, после того как завещание будет официально утверждено, Кэти получит все, чем обладал ее дед, — задумчиво произнес Фил. — В том числе политическое влияние.

— Нет уж, дудки! — возразил Сен-Сир. — Поли-

тическое влияние не подаришь и не передашь по наследству. Кэти получит только концерн «Экимидиэн», да и то не весь, а лишь центральную акционерную компанию «Вильгельмина Секьюритиз», действующую по лицензии штата Делавэр. Но мне не верится, что Кэти способна разобраться в наследстве и заменить собой Сараписа.

— Ты не слишком оптимистично настроен, как я погляжу.

— Кэти, судя по ее письмам, — психически больная, испорченная, взбалмошная и непредсказуемая женщина. Совсем не такого человека я хотел бы видеть наследником Луиса.

С этими словами он уселся за стол, и супруги Харви последовали его примеру. Ночью, разбуженный телефонным звонком, Джонни Бэфут уселся на кровати и нашарил на столике трубку.

— Алло? — буркнул он. — Кому еще не спится, черт возьми?

Лежавшая рядом Сара Белле натянула на голову одеяло.

— Простите, мистер Бэфут… — услышал он ломкий женский голос. — Не хотела вас будить, но мой адвокат посоветовал сразу по прибытии на Землю связаться с вами. Я Кэти Эгмонт, хотя на

самом деле меня зовут Кэти Шарп. Вы слышали обо мне?

— Да. — Джонни протер глаза, зевнул и поежился — в комнате было холодно. Сара отвернулась к стене. — Хотите, чтобы я вас встретил? Вы уже решили, где остановитесь?

— На Терре у меня нет друзей, — сказала Кэти. — В космопорту мне сказали, что «Беверли» — неплохой отель, там я, наверное, и заночую. Я сразу вылетела с Каллисто, как только узнала, что умер дедушка.

— Вы прибыли весьма своевременно. — Джонни рассчитывал, что Кэти прилетит через сутки, не раньше.

— Скажите, мистер Бэфут, а что если... — Кэти замялась. — Что если я поживу у вас? Знаете, страшновато как-то в большом отеле, где никого не знаешь.

— Извините, я женат, — ответил он не задумываясь, но тут же спохватился: такая оговорка могла показаться оскорбительной. — Я имею в виду, у нас нет свободной комнаты. Переночуйте в «Беверли», а утром мы подыщем вам более подходящую гостиницу.

— Хорошо, — согласилась Кэти. Голос ее звучал покорно и вместе с тем взволнованно. — Мистер

Бэфут, скажите, удалось воскресить дедушку? Он уже в послежизни?

— Нет, — ответил Джонни. — Пока никаких результатов. Но мы не теряем надежды. — Когда он покидал стены усыпальницы, над гробом ломали головы пятеро техников.

— Я знала, что это случится, — со вздохом произнесла Кэти.

— Откуда?

— Видите ли, дедушка… очень непохож на других людей. Но вы, наверное, лучше меня об этом знаете, ведь вы столько лет проработали с ним бок о бок. Я не могу представить его неподвижным, беспомощным… Ну, вы понимаете. После всего, что он сделал, — разве можно вообразить его таким?

— Давайте поговорим завтра, — предложил Джонни. — Я подъеду в гостиницу к девяти, хорошо?

— Да, это было бы прекрасно. Рада с вами познакомиться, мистер Бэфут. Надеюсь, вы останетесь в «Экимидиэн», будете работать у меня. Спокойной ночи.

В трубке щелкнуло, послышались гудки.

«Мой новый босс, — мысленно произнес Джонни. — Н-да…»

— Кто это был? — прошептала Сара. — Среди ночи…

— Владелец «Экимидиэн», — ответил Джонни. — Мой хозяин.

— Луис Сарапис? — Жена порывисто села. — А… внучка. Что, уже прилетела? Как она?

— Трудно сказать, — задумчиво произнес он. — В общем, не в своей тарелке. Долго жила на маленькой планетке, на Терре ей с непривычки страшновато. — Он не стал рассказывать жене о пристрастии Кэти к наркотикам и о тюремных отсидках.

— А зачем она прилетела? Хочет вступить во владение наследством? Разве ей не надо ждать, когда закончится послежизнь Луиса?

— По закону он мертв. Завещание вступило в силу, — ответил Джонни и ехидно подумал: «Более того — он уже и не в послежизни. Быстрозамороженный труп в пластмассовом гробу. Да и не так уж быстро замороженный, вероятно».

— Как считаешь, ты с ней сработаешься?

— Не знаю, — искренне ответил он. — Не уверен, что стоит пытаться. — Ему не по душе была перспектива работать у женщины, особенно молодой, да еще и психопатки, если верить слухам. Хотя по телефонному разговору не скажешь, что

она психопатка.

Он лежал и думал. Спать расхотелось.

— Наверное, она хорошенькая, — сказала Сара. — Ты в нее влюбишься и бросишь меня.

— Нет уж, — возразил он. — Обойдусь без подобных крайностей. Попробую поработать у нее несколько месяцев, а там, глядишь, подвернется местечко получше. — Сказав это, он подумал: «А как же Луис? Сможем ли мы его оживить? Будем ли стараться?»

Старик, если удастся его вернуть, найдет управу на внучку, пусть даже юридически и физически будет мертв. Он снова окажется в центре сложнейшей экономической и политической сферы, заставит ее двигаться к одному ему ведомой цели. Не случайно он собирался ожить именно сейчас, перед началом съезда демократо-республиканцев. Луис точно знал (еще бы ему не знать), на что способна женщина, которую он делает своей наследницей. Без его помощи внучка не сдвинет с места такую махину, как «Экимидиэн». «И от меня тут мало проку, — подумал Джонни. — Это было бы по плечу Сен-Сиру, но он выведен из игры. Что остается? Оживить старину Сараписа любой ценой, хотя бы для этого пришлось возить его по всем усыпальницам Соединенных Штатов,

Кубы и России».

— У тебя мысли путаются, — сказала Сара. — По лицу видно. — Она уже включила ночник и надела халат. — Кто же думает среди ночи о серьезных вещах?

«Такой же разброд в мыслях, наверное, у послеживущих», — вяло подумал Джонни. Он помотал головой, стряхивая сонливость. Утром, оставив машину в подземном гараже отеля «Беверли», он поднялся на лифте в вестибюль и подошел к конторке администратора. Тот встретил его улыбкой. «А здесь не так уж и роскошно, — подумал Джонни. — Правда, чисто. Респектабельная гостиница для семей и одиноких бизнесменов, отошедших от дел. Наверное, свободных номеров почти не бывает. Кэти, видимо, привыкла жить на скромные средства».

Он спросил у администратора, где Кэти. Тот указал на вход в буфет.

— Миссис Шарп завтракает. Она предупреждала о вашем приходе, мистер Бэфут.

В буфете оказалось немало народу. Джонни остановился у порога, огляделся. В дальнем углу сидела темноволосая (крашеная, решил он) девушка с застывшим, словно неживым, лицом, без косметики казавшимся неестественно бледным.

«Выражение огромной утраты, — с ходу определил Джонни. — И это не притворство, не попытка вызвать сострадание — она действительно глубоко опечалена».

— Кэти? — обратился он к брюнетке.

Девушка подняла голову. В глазах — пустота, на лице — ничего, кроме горя.

— Да, — слабым голоском ответила она. — А вы — Джонни Бэфут?

Джонни сел рядом с нею. Кэти затравленно посмотрела на него, будто ожидала, что ее сейчас повалят на сиденье и изнасилуют. «Одинокая зверушка, загнанная в угол, — подумал он. — Весь мир против нее».

«Возможно, бледность на лице — от наркотиков, — предположил Джонни. — Но почему у нее такой бесцветный голос? И все-таки она хорошенькая. Будь это нежное, приятно очерченное лицо чуточку живее… Возможно, оно было таким. Несколько лет назад».

— У меня всего пять долларов осталось, — сказала Кэти. — Едва хватило денег на дорогу в один конец, ночлег и завтрак. Простите, вы… — Она замялась. — Не знаю, что и делать. Вы бы не могли сказать… мне сейчас уже что-нибудь принадлежит из дедушкиного наследства? Могу я взять

денег под залог?

— Я выпишу чек на сто долларов — отдадите, когда сможете, — предложил Джонни.

— Правда? — в ее глазах мелькнуло изумление, затем улыбка тронула губы. — Какой вы доверчивый! Или хотите произвести впечатление? Как насчет вас распорядился дедушка? Мне читали завещание, но я забыла, так быстро все завертелось…

— В отличие от Клода Сен-Сира, я не уволен, — глухо произнес Джонни.

— В таком случае вы остаетесь. — От этого решения, казалось, ей стало легче. — Простите… правильно ли будет сказать, что теперь вы работаете на меня?

— Правильно, — ответил Джонни. — Если вы считаете, что вашей фирме нужен шеф отдела общественных связей. Луис не всегда был в этом уверен.

— Скажите, что сделано для его воскресения?

Джонни рассказал. Выслушав, Кэти задумчиво спросила:

— Выходит, пока никто не знает, что он мертв?

— С уверенностью могу сказать, почти никто. Только я, да владелец усыпальницы со странным именем Герб Шенхайт фон Фогельзанг, да еще,

быть может, несколько высокопоставленных лиц в транспортном бизнесе, вроде Фила Харви. Возможно, сейчас об этом стало известно и Сен-Сиру. Но поскольку время идет, а Луис молчит, пресса, разумеется…

— Прессой займетесь вы, мистер Фаннифут, — улыбнулась Кэти. — Ведь это ваша обязанность. Давайте интервью от имени дедушки, пока мы не воскресим его или не признаем его смерть. Как вы думаете, мы ее признаем? — Помолчав, она тихо произнесла: — Хотелось бы его увидеть. Если можно. Если вы не считаете, что это повредит делу.

— Я отвезу вас в «Усыпальницу Возлюбленной Братии». Мне всяко нужно быть там через час.

Кэти кивнула и склонилась над тарелкой.

Стоя рядом с девушкой, не отрывающей глаз от прозрачного гроба, Джонни Бэфут думал: «Кажется, будто она сейчас постучит по крышке и скажет: “Дедушка, проснись!” И я не удивлюсь, если это поможет. Ничто другое не поможет, это ясно».

Втянув голову в плечи, Герб Шенхайт жалобно бормотал:

— Мистер Бэфут, я ничего не понимаю. Мы всю ночь трудились не покладая рук, несколько

раз проверили аппаратуру — хоть бы малейший проблеск… Все же электроэнцефалограф регистрирует очень слабую активность мозга. Сознание мистера Сараписа не угасло, но мы не в силах войти с ним в контакт. Видите, мы зондируем каждый квадратный сантиметр мозга. — Он показал на множество тонких проводов, соединяющих голову мертвеца с усилителем.

— Метаболизм мозга прослеживается? — спросил Джонни.

— Да, сэр, в нормальных пропорциях, как утверждают приглашенные нами эксперты. Именно такой, каким он должен быть сразу после смерти.

— Все это бесполезно, я знаю, — тихо произнесла Кэти. — Он слишком велик для такой участи, послежизнь — удел престарелых родственников. Старушек, которых раз в год под Воскресение вытаскивают из подвала.

Они молча шагали по тротуару. Был теплый весенний день, деревья стояли в розовом цвету. Вишни, определил Джонни.

— Смерть, — прошептала Кэти. — И воскресение. Чудо технологии. Может быть, Луис узнал, каково там, *по ту сторону*, и просто не захотел возвращаться?

— Но ведь Фогельзанг утверждает, что электрическая активность мозга прослеживается, — возразил Джонни. — Луис здесь, он о чем-то думает… — На переходе через улицу Кэти взяла его под руку. — Я слыхал, вы интересуетесь религией? — спросил он.

— Интересуюсь, — подтвердила Кэти. — Знаете, однажды я приняла большую дозу наркотика — неважно какого. В результате — остановка сердца. Мне сделали открытый массаж, электрошок, ну и так далее. Несколько минут я находилась в состоянии клинической смерти и испытала то, что, наверное, испытывают послеживущие.

— Там лучше, чем здесь?

— Нет. Там — иначе. Как во сне. Хотя во сне ты осознаешь неопределенность, нереальность происходящего, а в смерти все ясно и логично. И еще — там не чувствуешь силы тяжести. Вам трудно понять, насколько это важно, но для сравнения — попытайтесь представить сон в условиях невесомости. Совершенно новые, ни с чем не сравнимые ощущения.

— Этот сон вас изменил?

— Помог избавиться от пагубной привычки, вы это хотели спросить? Да, я научилась контролировать свой аппетит. — Остановившись у

газетного киоска, Кэти указала на один из заголовков. — Смотрите!

«ГОЛОС ИЗ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА — ГОЛОВОЛОМКА ДЛЯ УЧЕНЫХ», — прочитал Джонни. И сказал вслух:

— Занятно.

Кэти взяла газету и пробежала глазами заметку.

— Странно, — задумчиво произнесла она. — В космосе — мыслящее, живое существо. Прочтите. — Она протянула газету Джонни. — Я тоже, когда умерла… летела в открытом пространстве, удаляясь от Солнечной системы. Сначала исчезло притяжение планет, а потом и Солнца. Интересно, кто это?

— Десять центов, сэр или мэм, — сказал вдруг робот-газетчик.

Джонни опустил в щелку десятицентовик.

— Думаете, дедушка? — спросила Кэти.

— Вряд ли.

— А мне кажется — он. — Кэти стояла, пристально глядя вдаль. — Судите сами: он умер неделю назад, и голос доносится из точки, находящейся в одной световой неделе от Земли. По времени сходится. — Она ткнула пальцем в газету. — Здесь говорится о вас, Джонни, обо мне и о Клоде Сен-

Сире, уволенном адвокате. И о выборах. Речь, конечно, сбивчива, слова искажены. После смерти мысли именно такие — быстрые, сжатые и наслаиваются друг на друга. — Посмотрев ему в глаза, Кэти улыбнулась. — Итак, Джонни, перед нами — сложнейшая проблема. С помощью лунного радиотелескопа мы можем слушать дедушку, но не можем с ним говорить.

— Но не будете же вы…

— Буду! — оборвала его Кэти. — Я знаю: послежизнь дедушку не устроила. Он покинул Солнечную систему и теперь обитает в световой неделе от нас. Он приобрел новые, невообразимые возможности. Что бы он ни затеял… — Кэти резко пошла вперед, и Джонни поспешил следом, — его замысел не уступает тем, которые он вынашивал и осуществлял на Земле. И теперь никто не сможет ему помешать. — Кэти обернулась к Джонни. — Что с вами? Испугались?

— Вот еще! — фыркнул Джонни. — Неужели вы думаете, что ваши слова могут быть восприняты всерьез?

— Конечно, испугались. Ведь он теперь, наверное, может очень многое. Например, влиять на наши мысли, слова и поступки. Даже без радиотелескопа он способен связаться с нами хоть сию

секунду. Через подсознание.

— Не верю, — упорствовал Джонни. В глубине души он не сомневался в ее правоте. Луис Сарапис обязательно ухватился бы за такие возможности.

— Скоро начнется съезд, и мы узнаем много нового. Дедушка всегда занимался политикой. В прошлый раз он не смог обеспечить Гэму победу, а он не из тех, кто смиряется с поражениями.

— Гэм? — удивился Джонни. — Он что, еще жив? Четыре года назад он как в воду канул.

— Дедушка с ним не порывал, — сказала Кэти. — Гэм живет на Ио, разводит не то индюшек, не то уток. И ждет.

— Чего ждет?

— Встречи с моим дедушкой, — ответила Кэти. — Как тогда, четыре года назад.

Оправясь от изумления, Джонни произнес:

— За Гэма никто не отдаст голоса.

Кэти молча улыбнулась, но при этом крепко сжала его руку. Будто опять чего-то боялась, как ночью, когда звонила ему из космопорта.

3

В приемной офиса «Сен-Сир и Фэйн» Клод Сен-Сир увидел человека средних лет — довольно

красивого, в элегантном костюме-тройке и при галстуке.

— Мистер Сен-Сир! — воскликнул посетитель, поднимаясь с кресла.

— Мне некогда, — буркнул Сен-Сир, торопившийся на встречу с Харви. — Запишитесь у секретаря.

Мгновением позже он узнал посетителя. Перед ним стоял Альфонс Гэм собственной персоной.

— Я получил телеграмму от Луиса Сараписа. — Гэм сунул руку в карман пиджака.

— Вынужден просить прощения, — жестко произнес Сен-Сир, — но я теперь сотрудничаю с мистером Харви. Деловые отношения с мистером Сараписом прекращены несколько недель назад.

И все же любопытство не позволило ему уйти, оставив Гэма ни с чем. Они не встречались уже четыре года, а тогда, во время последних выборов, виделись довольно часто. Сен-Сиру даже пришлось быть адвокатом Гэма на нескольких процессах, связанных с клеветой. На одном из них Гэм выступал в роли истца, на остальных — ответчика. Сен-Сир не любил этого человека.

— Телеграмма пришла позавчера, — уточнил Гэм.

— Но ведь Сарапис… — Сен-Сир осекся и протя-

нул руку. — Дайте взглянуть.

В телеграмме Сарапис уверял Гэма в своей поддержке на предстоящих выборах. Гэм не ошибся — телеграмма была отправлена третьего дня. Чушь какая-то.

— Не могу ничего объяснить, мистер Сен-Сир, — сухо сказал Гэм. — Но это похоже на Луиса. Он хочет, чтобы я снова баллотировался. Впрочем, вы сами видите. Я совершенно не в курсе происходящего, давно отошел от политики, развожу домашнюю птицу. Если допустить, что телеграмму послал не Луис, то вы, наверное, догадываетесь, кто и зачем это сделал.

— Как мог Луис послать телеграмму? — спросил Сен-Сир.

— Возможно, написал перед смертью, а кто-нибудь из помощников отнес на почту. Может быть, вы. — Гэм пожал плечами. — Впрочем, вряд ли. Наверное, мистер Бэфут. — Он забрал телеграмму.

— Вы действительно решили выставить свою кандидатуру? — спросил Сен-Сир.

— Почему бы и нет, если этого хочет Луис?

— И готовы снова проиграть? Идете на заведомо безнадежное дело только потому, что упрямый, злопамятный старик… — Сен-Сир не договорил.

Посмотрев Гэму в глаза, он посоветовал: — Лучше возвращайтесь к домашней птице. Выбросьте политику из головы. Вы — неудачник, об этом знает вся партия. Да что там партия — вся Америка.

— Как я могу связаться с мистером Бэфутом?

— Понятия не имею. — Сен-Сир направился к выходу.

— Мне нужен адвокат, — бросил Гэм вдогонку.

Сен-Сир остановился и обернулся.

— Зачем? Кто вас выдвинет на этот раз? Нет, мистер Гэм, вам не нужен адвокат. Вам нужен врач. Обратитесь к психиатру, он сумеет объяснить, почему вам снова вздумалось баллотироваться. Послушайте, — он сделал шаг к Гэму, — Луис и живой не вызвал бы вас, а уж тем более мертвый. — Сен-Сир отворил дверь.

— Подождите! — воскликнул Гэм.

Сен-Сир остановился у порога.

— На сей раз я выиграю. — Голос Гэма звучал мягко, но уверенно — в нем отсутствовал прежний трепет.

— Что ж, ни пуха, ни пера, — мрачно пожелал Сен-Сир. — И вам, и Луису.

— Выходит, он жив? — У Гэма заблестели глаза.

— Разве я это сказал?

— Он жив, я это чувствую, — задумчиво произнес Гэм. — Вот бы с ним поговорить! Я побывал в нескольких усыпальницах, но пока — безрезультатно. Ничего, буду искать. Для того-то я и прилетел с Ио, чтобы посоветоваться с ним.

Кивком простившись с посетителем, Сен-Сир удалился. «Ну и ничтожество! — подумал он. — Бездарь, кукла Сараписа. И еще в Президенты метит! — Его передернуло. — Боже упаси нас от такого лидера.

А вдруг мы все уподобимся Гэму? Чепуха, не стоит и думать об этом. Впереди трудный день, а чтобы хорошо работалось, необходимо хорошее настроение».

Сегодня ему, как поверенному Фила Харви, предстояло обратиться с деловым предложением к Кэти Шарп, в девичестве Кэти Эгмонт. Если Кэти согласится, основной пакет акций будет перераспределен таким образом, что контроль над «Вильгельминой Секьюритиз» перейдет в руки Харви. Подсчитать стоимость «Вильгельмины» было практически невозможно, но Харви предполагал расплатиться не деньгами, а реальной недвижимостью — он владел огромными земельными участками на Ганимеде, десять лет назад переданными ему по акту советским пра-

вительством в награду за техническую помощь, оказанную им России и ее колониям.

На согласие Кэти Сен-Сир не надеялся, но считал, что предложить сделку надо. Следующий шаг (при мысли о нем Сен-Сир поежился) — громкий вызов и экономическая борьба до победного конца между фирмой Харви и концерном Кэти. А концерн обречен, так как после кончины старика зашевелились профсоюзы. Происходило именно то, с чем беспощадно боролся Луис — внедрение профсоюзных организаторов в «Экимидиэн».

Сен-Сир к профсоюзам относился с симпатией — они весьма своевременно вышли на сцену. Прежде их отпугивали грязная тактика, неисчерпаемая энергия и невероятная изобретательность старика. Кэти этими качествами не обладала, а Джонни Бэфут…

Что тут может сделать недоучка? Пусть даже этот недоучка — алмазное зерно из навозной кучи посредственностей. Бэфут не распоряжается концерном, у него другие заботы. Он создает общественный имидж Кэти. Он уже начал было преуспевать, но тут подали голос профсоюзы. Кэти припомнили наркотики, тюремные сроки, мистические наклонности, и труд Джонни пошел насмарку.

Что ему удалось, так это сделать из нее образец женского обаяния. Кэти красива, выглядит нежной и невинной, чуть ли не ангелом. На этом и сыграл Джонни. Вместо того, чтобы цитировать ее перед репортерами, он наводнил прессу фотоснимками: то она с собаками, то с детьми, то на ярмарке, то в больнице, то на благотворительном вечере…

Но Кэти, как назло, запятнала и этот образ. Запятнала неожиданно для всех, заявив во всеуслышание, что она — подумать только! — общается с дедом. Дескать, это он висит в космосе в световой неделе от кратера Кеннеди и шлет сигналы. Весь мир слышит Луиса, а Луис чудесным образом слышит свою внучку.

Выйдя из лифта на крышу, где находилась площадка для вертолетов, Сен-Сир расхохотался. От газетчиков, любителей жареных фактов, не укрылся ее религиозный бзик. Кроме того, Кэти слишком много болтает — на светских раутах, в ресторанах и маленьких, но популярных барах. Даже Бэфуту не всегда удается удержать ее от болтовни. Вспомнить хотя бы тот инцидент на вечеринке, когда она разделась донага и заявила, что пришел час очищения. И приступила к ритуальной церемонии, помазав себе известные

места малиновым лаком для ногтей. Пьяна, конечно, была в стельку.

«И эта женщина управляет концерном “Экимидиэн”! — подумал Сен-Сир. — Во что бы то ни стало надо ее отстранить. Ради моего и общественного блага. — Сен-Сир не сомневался в том, что общество настроено против Кэти. — Пожалуй, Джонни — единственный, кто в этом сомневается, — подумал он. — Джонни к ней неравнодушен, вот в чем причина. Интересно, как относится к этому Сара Белле?»

Сен-Сир уселся в вертолет, лязгнул дверцей и вставил ключ в замок зажигания. И тут снова полезли в голову мысли об Альфонсе Гэме. Мигом хорошего настроения как не бывало.

«Два человека ведут себя так, будто Луис Сарапис еще жив, — осознал он. — Кэти Эгмонт Шарп и Альфонс Гэм». Двое самых отъявленных неудачников.

И вот ведь странно — его, Сен-Сира, до сих пор что-то связывает с ними. Что? Неужели судьба?

«А ведь мне теперь не легче, чем под крылышком старого Луиса, — подумал он. — Кое в чем куда тяжелее».

Взглянув на часы, он обнаружил, что опаздывает, и включил бортовую рацию.

— Фил, слышишь меня? Это Сен-Сир. Я уже в пути, лечу на запад. — Он замолчал и вместо ответа услышал далекое, едва различимое бормотание, бегущие наперегонки слова. Он узнал эту речь — ее несколько раз передавали в телевизионных новостях.

— …смотря на многочисленные нападки, быть много выше палат, которые не могут-де выдвинуть кандидатуру с подмоченной репутацией. Надо верить в себя, Альфонс. Люди сумеют отличить и оценить хорошего парня. Надо ждать и верить. С верой можно горы своротить. Я обязан воочию убедиться, что труды всей моей жизни…

«Это создание, находящееся в световой неделе от нас, — понял Сен-Сир. — Сигнал мощнее, чем прежде, он забивает каналы связи, словно интенсивные выбросы солнечной энергии. — Сен-Сир выругался и выключил рацию. — Радиохулиганство, — мысленно произнес он. — Кажется, это противозаконно. Надо обратиться в Федеральную комиссию по средствам связи».

Вертолет летел над широким полем.

«Господи! — подумал Сен-Сир. — А ведь так похоже на голос Луиса! Неужели Кэти Эгмонт Шарп права?»

В условленное время Джонни Бэфут прибыл в

мичиганский офис «Экимидиэн» и застал Кэти в мрачном расположении духа.

— Неужели ты не видишь, что происходит? — глядя на него дикими глазами из угла кабинета, некогда принадлежавшего Луису, спросила она. — У меня все валится из рук, и это ни для кого не секрет.

— Не вижу, — солгал Джонни. — Пожалуйста, успокойся и сядь. С минуты на минуту придут Харви и Сен-Сир, надо держать себя в руках. — Он всей душой желал, чтобы встреча не состоялась, но знал, что избежать ее не удастся, и потому не возражал, когда Кэти согласилась на нее.

— Я… должна сказать тебе нечто ужасное.

— Что именно? — с тревогой спросил Джонни, усаживаясь.

— Джонни, я снова принимаю наркотики. Как-то внезапно все навалилось — работа, ответственность… Не выдержала. Извини. — Она печально вздохнула и закрыла глаза.

— Что ты принимаешь?

— Разве это важно? Из группы амфетаминов. Я прочла в справочнике, что этот наркотик может вызвать психоз. Ну и черт с ним. — Она повернулась спиной к Джонни. Кэти очень сдала за последние дни, и теперь Джонни знал почему. От

чрезмерных доз амфетамина организм работает на износ; материя превращается в энергию. С возвращением привычки у нее быстро развился псевдо-гипертиреоз, ускорились все соматические процессы.

— Очень жаль, — промямлил Джонни. Он до последней минуты гнал от себя страшную мысль о том, что это может случиться. — Тебе, наверное, лечиться надо.

«Интересно, где она раздобыла наркотик? — подумал он. — Впрочем, у нее по этой части большой опыт».

— Главный симптом психоза — эмоциональная неустойчивость, — продолжала Кэти. — Сразу за вспышкой ярости — слезы. Не сердись на меня в таких случаях, ладно? Это наркотик виноват.

Джонни подошел и положил ладони ей на плечи.

— Вот что, Кэти. Скоро сюда придут Харви и Сен-Сир. Думаю, надо согласиться на их условия.

— Да? — вяло спросила она, затем кивнула. — Ладно.

— И было бы очень неплохо, если бы после этого ты согласилась лечь в больницу.

— Фабрика-кухня, — с горечью сказала она.

— Ты поправишься, — пообещал Джонни. —

Снимешь с себя ответственность за «Экимидиэн», и сразу станет легче. Тебе нужен длительный отдых, полный покой. У тебя предельное физическое и психическое истощение, но под воздействием амфетамина ты этого…

— Нет, Джонни, со мной этот номер не пройдет. Я не уступлю Харви и Сен-Сиру.

— Почему?

— Луис не согласен. Он… — Кэти замялась. — Он твердо сказал — нет.

— Но твое здоровье, а может, и жизнь…

— Ты хочешь сказать — твой рассудок?

— Кэти, ты слишком многим рискуешь. Черт с ним, с Луисом. К дьяволу «Экимидиэн». Торопишься в усыпальницу? Имущество — это всего лишь имущество, а жизнь — это жизнь. Послежизнью ее не заменишь.

Кэти улыбнулась. На столе зажглась лампочка, послышался голос секретаря:

— Миссис Шарп, к вам мистер Харви и мистер Сен-Сир. Прикажете впустить?

— Да, — ответила Кэти.

Отворилась дверь, Клод Сен-Сир и Фил Харви быстро прошли в кабинет.

— Здравствуй, Джонни. — Сен-Сир держался уверенно, и Харви тоже. — Здравствуйте, Кэти.

— Я разрешила Джонни вести переговоры.

Джонни с недоумением покосился на Кэти — что это означает? Согласие? — и спросил:

— В чем суть предлагаемой вами сделки? Что вы намерены отдать за контроль над «Вильгельмина Секьюритиз»?

— Ганимед, — ответил Сен-Сир. — Весь спутник.

— Понятно. Советские земли. А международный суд подтвердил ваше право на них?

— Да, полностью. Это очень ценные земли, их стоимость ежегодно вырастает чуть ли не вдвое. Джонни, это хорошее предложение. Мы с тобой давно знакомы, и ты знаешь, что я не лгу.

«Может быть, — подумал Джонни. — Похоже, Харви и впрямь расщедрился и не собирается обманывать Кэти».

— Я думаю, миссис Шарп… — начал он.

— Нет, — отрывисто произнесла Кэти. — Не отдам. Он не разрешает.

— Кэти, вы позволили мне вести переговоры, — хмуро заметил Джонни.

— А теперь запрещаю!

— Если хотите, чтобы я у вас работал, последуйте моему совету. Ведь мы уже обсуждали этот вопрос и сошлись на том, что…

Зазвонил телефон.

— Не веришь — послушай сам. — Кэти протянула ему трубку.

— Кто говорит? — спросил Джонни и услышал дребезжание. Будто где-то вдалеке дергали туго натянутую проволоку.

— …необходимо удержать контроль. Твой совет абсурден. Ничего, она выдержит. Паническая реакция: ты боишься, потому что она больна. Опытный врач легко поставит ее на ноги. Найди врача, обеспечь ее медицинским уходом. Найми адвоката, пусть позаботится о том, чтобы она не попала в лапы судей. Перекрой доступ наркотика. Потребуй… — Джонни не выдержал и отдернул трубку от уха. Затем трясущейся рукой положил на аппарат.

— Слышал? — спросила Кэти. — Это Луис?

— Да, — сказал Джонни.

— Он стал сильнее. Радиотелескоп ему уже не нужен. Он звонил мне еще вчера вечером, когда я ложилась спать.

— Видимо, нам нужно хорошенько обдумать ваше предложение, — обратился Джонни к Сен-Сиру и Харви. — Необходимо уточнить стоимость предложенных вами участков, да и вы, наверное, хотели бы проверить финансовую отчетность

«Вильгельмины». На это потребуется время. — Он с трудом выговаривал слова. Живой голос Луиса Сараписа из телефонной трубки потряс его до глубины души.

Джонни договорился с Сен-Сиром и Харви встретиться в конце дня и предложил Кэти пойти позавтракать. У Кэти не было аппетита, но она согласилась, поскольку не ела со вчерашнего дня.

— Что-то не хочется есть, — сказала она, глядя в тарелку с беконом, яйцами и гренками с джемом.

— Если это и Луис, — заговорил Джонни, — тебе не…

— Не надо «если», ведь ты его узнал. Он с каждым часом все сильнее. Наверное, берет энергию от Солнца.

— Хорошо, пускай это Луис, — упорствовал Джонни. — Все равно надо соблюдать свои интересы, а не чужие.

— Наши интересы совпадают, — возразила Кэти. — Мы хотим удержать «Экимидиэн» за собой.

— Чем он может тебе помочь? Ведь его даже твоя болезнь не беспокоит! Только поучать горазд! — Джонни рассердился.

— Он всегда рядом, я чувствую. Мне не нужны

телевизор и телефон — я его *ощущаю*. Наверное, этому способствуют мои мистические наклонности. Религиозная интуиция. С ее помощью легче войти в контакт.

— Ты имеешь в виду амфетаминовый психоз? — спросил Джонни.

— Я не лягу в больницу. Недуг мне не страшен, ведь я не одна. У меня есть дедушка. И ты. — Она улыбнулась. — Да, у меня есть ты. Несмотря на Сару Белле.

— На меня не рассчитывай, Кэти, — спокойно произнес Джонни. — Во всяком случае, до тех пор, пока не уступишь Харви. Соглашайся на ганимедские участки, и дело с концом.

— Ты увольняешься?

— Да.

После паузы Кэти сказала:

— Дедушка говорит: валяй, увольняйся. — Взгляд темных, широко раскрытых глаз был ледяным.

— Не верю, что он так сказал.

— А ты сам его послушай.

— Как?

Кэти указала на телевизор в углу зала.

— Включи и послушай.

— Ни к чему, — сказал Джонни, вставая. — Я и

сам уже решил. Буду в гостинице, если понадоблюсь — звони. — Он направился к выходу. Ему показалось, что Кэти окликнула его. Он обернулся у порога. Нет, действительно показалось.

Он вышел на улицу и остановился на тротуаре. Все, довольно с него. Стоило Кэти намекнуть, что он блефует, и блеф стал реальностью. Что ж, бывает.

Джонни бесцельно брел по улице. Да, конечно, он прав. Но все-таки... «Черт бы ее побрал! — мысленно выругался он. — Почему она вдруг уперлась? Из-за Луиса, конечно. Не будь его, Кэти с радостью отдала бы контрольный пакет за ганимедские земли. Черт бы побрал Луиса Сараписа, а не ее», — подумал он со злостью.

«Что же теперь делать? — спросил он себя. — Вернуться в Нью-Йорк? Заняться поисками работы? Наняться к Альфонсу Гэму? Это сулит неплохие заработки, особенно, если Гэму удастся выиграть. Или остаться здесь, в Мичигане? Подождать, не передумает ли Кэти?»

«Она не удержит концерн, — подумал он. — Что бы ни нашептывал ей Луис. То есть, что бы ей ни мерещилось».

Он остановил такси и через несколько минут вошел в вестибюль гостиницы «Энтлер». И напра-

вился в свой номер. В пустой, неуютный номер. Чтобы сидеть и ждать. Надеяться, что Кэти одумается и позвонит.

Подойдя к двери, он услышал звонок телефона. Секунду Джонни стоял неподвижно с ключом в руке. Телефон за дверью надрывался. «Кэти? — подумал Джонни. — Или он?»

Он вставил ключ в замочную скважину, повернул и вошел в номер. Снял трубку и произнес:

— Алло?

Дребезжание и далекий шепот. Середина монотонного диалога.

Цитирование самого себя.

— …нехорошо оставлять ее одну, Бэфут. К тому же, ты предаешь свое дело — да ты и сам это понимаешь. Подумай о нас с Кэти. Что-то я не припомню, чтобы ты меня когда-нибудь подводил. Я ведь не случайно открыл тебе, где буду лежать — хотел, чтобы ты остался со мной. Ты не можешь…

У Джонни на затылке стянуло кожу ознобом. Не дослушав до конца, он положил трубку.

Телефон немедленно зазвонил опять.

«Пошел ты к черту!» — мысленно выругался Джонни. Подойдя к окну, он долго смотрел на улицу и вспоминал свой давний разговор с Лу-

исом Сарапсисом. Тот самый разговор, в котором босс предположил, что Джонни не поступил в колледж из-за желания умереть.

«А что, если прыгнуть? — подумал он, глядя на проносящиеся внизу автомобили. — Иначе с ума сойду от звона».

«Что бы там ни говорили, а старость — это мерзко, — размышлял он. — Мысли неясны, путаны. Иррациональны, как во сне. Старый человек, в сущности, уже не живет. Полужизнь — и то лучше, чем дряхлость. Старение — это угасание сознания, сгущение сумерек души. Чем гуще сумерки, тем громче поступь неотвратимой и окончательной смерти… Но даже в смерти — квинтэссенции маразма — у человека сохраняются желания. Он чего-то хочет от Джонни, чего-то — от Кэти. Останки Луиса Сарапсиса активны и настойчивы и ухитряются находить пути к достижению своих целей. Его цели — пародия на те, к которым он стремился при жизни. Но от него так просто не отмахнешься».

Телефон не умолкал.

«А вдруг это не Луис? — подумал Джонни. — Вдруг Кэти?»

Он взял трубку и сразу положил, снова услышав бренчание осколков личности Сарапсиса.

«Интересно, он выходит на связь избирательно? Или по всем каналам одновременно?»

Джонни прошел в угол и включил телевизор. Засветился экран, появилось необычное пятно. Расплывчатые очертания человеческого лица.

«Да, его сейчас видят все», — с дрожью подумал Джонни и переключил канал. Картина не изменилась — те же смазанные контуры лица.

И — сбивчивое бормотанье: «…снова и снова повторять, что главная твоя обязанность…»

Джонни выключил телевизор. Слова и контуры лица канули в небытие, остался только трезвонящий телефон.

Он поднял трубку и спросил:

— Луис, ты слышишь меня?

— …когда начнутся выборы, мы им покажем! Человек, которому хватает духу баллотироваться во второй раз, который берет на себя расходы… В конце концов, это не каждому по карману…

Нет, старик не слышал Джонни. Связь была односторонней.

И все-таки Луис был в курсе происходящего. Каким-то путем он узнал (увидел? почувствовал?), что Джонни решил выйти из игры.

Положив трубку, Джонни уселся в кресло и закурил сигарету.

«Я не смогу вернуться к Кэти, пока не внушу себе, что сделка с Харви бессмысленна. Но это мне не по силам. Надо искать другой выход.

Как долго он будет меня преследовать? Есть ли на Земле место, где можно укрыться от него?»

Джонни подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу.

Клод Сен-Сир опустил монету в щель автомата и взял свежую газету.

— Благодарю вас, сэр или мэм, — произнес робот-продавец.

Пробежав глазами передовицу, Сен-Сир оторопел. Нет, ерунда — видимо, просто разладилась аппаратура полностью автоматизированного микрорелейного издательского комплекса. Какая-то словесная каша, строчки наползают друг на друга. Впрочем, один абзац ему удалось прочесть целиком:

«…у окна в гостинице и готов выброситься. Если надеетесь и впредь иметь с ней дело, удержите его. Она от него зависит. С тех пор, как ушел Пол Шарп, ей нужен мужчина. Гостиница “Энтлер”, номер 604. Думаю, у вас есть еще время. Джонни слишком горяч, зря он блефовал. У Кэти моя кровь; она не любит, когда блефуют. Я.».

Сен-Сир взглянул на Харви и быстро произнес:

— Джонни Бэфут стоит у окна в отеле «Энтлер» и хочет выпрыгнуть. Нас об этом предупреждает Луис. Надо спешить.

Харви кивнул.

— Бэфут на нашей стороне, нельзя допустить его самоубийства. Но почему Сарапис…

— Полетели, некогда рассуждать. — Сен-Сир бросился к вертолету.

4

Неожиданно телефон затих. Джонни отвернулся от окна и увидел Кэти Шарп, стоящую возле аппарата с трубкой в руке.

— Он позвонил и сказал, что ты в гостинице, — сообщила Кэти. — Сказал также, что ты затеял.

— Чепуха, — буркнул Джонни. — Ничего я не затевал.

— Он думает иначе.

— Выходит, он ошибается… — Джонни не заметил, что докурил сигарету до фильтра, и раздавил окурок в пепельнице.

— Дедушка всегда тебя любил, — сказала Кэти. — Он очень расстроится, если с тобой что-нибудь случится.

Джонни пожал плечами.

— С Луисом Сараписом меня больше ничто не

связывает…

Кэти замерла, прижав трубку к уху. Джонни понял, что она его не слушает, и умолк.

— Говорит, что сюда летят Сен-Сир и Харви, — наконец сообщила Кэти. — Дедушка их тоже известил.

— Как это мило, — буркнул Джонни.

— Джонни, я тоже тебя люблю. И понимаю, почему к тебе так привязан дедушка. Ты боишься за меня, да? Хочешь, я лягу в больницу? Только ненадолго, ладно? На недельку-другую.

— Разве этого хватит? — спросил он.

— Может быть. — Кэти протянула ему трубку. — Выслушай, пожалуйста, он ведь все равно найдет способ сообщить тебе все, что считает нужным.

Помедлив, Джонни взял трубку.

— …беда в том, что ты не занят любимым делом. Это тебя угнетает. Такой уж ты человек — часу спокойно не просидишь. И мне это по душе — я сам такой же. Слушай, у меня идея. Стань доверенным лицом Альфонса Гэма. Ей-богу, это шикарная работа. Позвони Гэму. Позвони Альфонсу Гэму. Джонни, позвони Гэму. Позвони…

Джонни положил трубку.

— Я получил работу, — сказал он Кэти. — Буду доверенным лицом Гэма. Во всяком случае, так

говорит Луис.

— Ты согласен? — оживилась Кэти.

Джонни пожал плечами.

— Почему бы и нет? У Гэма есть деньги, он не скуп. И ничем не хуже Кента Маргрэйва.

«Кроме того, мне действительно нельзя без работы, — осознал Джонни. — Надо жить. Шутка ли — жена и двое детей?»

— Как ты считаешь, у Гэма есть шанс?

— По-моему, нет. Впрочем, политика не обходится без чудес. Вспомни хотя бы невероятное избрание Никсона в шестьдесят восьмом.

— Какого курса стоило бы держаться Гэму, как ты думаешь?

— Об этом я поговорю с ним самим.

— Все еще дуешься, — заключила Кэти. — Потому что я не согласилась на сделку с Харви. Слушай, Джонни, а давай я передам «Экимидиэн» тебе.

Поразмыслив, он спросил:

— А что на это скажет Луис?

— Я его не спрашивала.

— Ты же знаешь, он не согласится. У меня мало опыта, хоть я и был при «Экимидиэн» с первого дня его существования.

— Не прибедняйся, — ласково произнесла

Кэти. — Ты стоишь немало.

— Пожалуйста, не учи меня жить! — вспылил он. — Давай попробуем остаться друзьями. Далекими, но друзьями.

«Терпеть не могу выслушивать нотации от бабы, — со злостью подумал он. — Даже если она заботится о моем благе».

С грохотом распахнулась дверь. В номер ворвались Сен-Сир и Харви. И застыли у порога, увидев Кэти рядом с ним.

— Выходит, вас он тоже позвал, — тяжело дыша, сказал Сен-Сир.

— Да, — ответила Кэти. — Он очень испугался за Джонни. — Она похлопала Джонни по плечу. — Видишь, сколько у тебя друзей, далеких и недалеких?

— Вижу, — буркнул он. Почему-то в эту минуту ему было как никогда одиноко.

В тот же день Сен-Сир улучил часок и навестил Электру Харви, бывшую жену своего босса.

— Знаешь, куколка, — сказал он, обнимая Электру, — я затеял одно хорошенькое дельце. Если выгорит, ты получишь часть потерянного при разводе. Не все, конечно, но достаточно, чтобы стать чуточку счастливей.

Ответив на поцелуй, Электра легла на спину

и, извиваясь всем телом, притянула Сен-Сира к себе. То, что произошло потом, было чрезвычайно приятно для обоих и длилось довольно долго. Наконец Электра оторвалась от него и села.

— Ты, случайно, не знаешь, что означает этот бред по телевизору и телефону? Впечатление, будто кто-то полностью захватил эфир и линии. Лица не разобрать, но оно не исчезает с экрана.

— Пустяки, — бодро произнес Сен-Сир. — Как раз этим мы сейчас и занимаемся. Скоро выясним, в чем дело.

Его люди искали Луиса по всем усыпальницам. Рано или поздно они разыщут старика, и тогда, ко всеобщему облегчению, чудеса прекратятся.

Подойдя к бару, Электра капнула в бокалы по три капли горькой настойки и спросила:

— А Филу известно о наших отношениях?

— Нет. Его это не касается.

— Учти, у Фила стойкое предубеждение к бывшим женам. Смотри, как бы он не заподозрил тебя в нелояльности, ведь если он меня не любит, то и тебе не полагается. Фил называет это «чистотой отношений».

— Спасибо, что предупредила, — сказал Сен-Сир, — но тут ничего не поделаешь. Впрочем, он о нас ничего не узнает.

— Ты уверен? — Электра подала ему бокал. — Знаешь, я тут недавно пыталась настроить телевизор и… боюсь, ты будешь смеяться, но мне показалось… — Она замялась. — В общем, он назвал наши имена. Правда, невнятно из-за помех, но все-таки я поняла, что речь идет о нас с тобой. — Спокойно глядя ему в глаза, Электра поправила бретельку платья.

У Сен-Сира похолодело в груди.

— Дорогая, это абсурд. — Он включил телевизор.

«Боже ты мой, — подумал он. — Неужели Сарапис всеведущ? Неужели он видит из космоса все, что мы делаем?»

Эта мысль отнюдь не обрадовала его, тем паче что он хотел навязать внучке Луиса сделку, которую старик не одобрял.

«Он подбирается ко мне», — осознал Сен-Сир, пытаясь онемевшими пальцами настроить изображение.

— Между прочим, мистер Бэфут, я собирался вам звонить, — заметил Альфонс Гэм. — Я получил от мистера Сараписа телеграмму, он настоятельно советует принять вас на работу. Но на этот раз, я думаю, надо подготовить совершенно иную программу. У Маргрэйва огромное

преимущество.

— Вы правы, — кивнул Джонни. — Но надо учитывать, что на сей раз вы получите помощь от Луиса Сараписа.

— Луис и тогда помогал, — возразил Гэм, — но этого оказалось недостаточно.

— Теперь он предоставит помощь иного рода. — Мысленно Джонни добавил: «Ведь что ни говори, старик контролирует все средства связи и массовой информации. Газеты, радио, телевидение. Даже телефонные линии. Да, старый Луис стал почти всемогущ. Едва ли он во мне нуждается». — Но Джонни не сказал этого Гэму — очевидно, тот не понимал поступков Луиса, не догадывался о мотивах. В конце концов, у Джонни свой интерес — ему нужна работа.

— Вы пробовали смотреть телевизор? — спросил Гэм. — Или звонить по телефону, или читать свежую газету? Везде — сущий бред, абракадабра. Если это Луис, от него на съезде будет мало проку. Он двух слов связать не может.

— Я знаю, — сдержанно сказал Джонни.

— Я вот чего боюсь: какой бы тонкий план ни разработал Луис, все пойдет прахом. — Гэм явно упал духом; не так должен выглядеть человек, рассчитывающий победить на выборах. — Вы,

похоже, куда больше моего верите в возможности Луиса. Знаете, я недавно встречался с мистером Сен-Сиром. У нас был долгий разговор, и, должен сказать, его доводы убийственны. Я держался внешне бодро, но… — Гэм тяжело вздохнул. — Мистер Сен-Сир прямо в глаза назвал меня неудачником.

— И вы ему поверили? — Джонни просто изумляла наивность его нового хозяина. — Он же на стороне противника. Вместе с Филом Харви.

— Я сказал ему, что уверен в победе, — пробормотал Гэм, — но, говоря откровенно, вся эта бессмыслица… Ну, по телефону и телевизору… Все это ужасно. Мне очень не хочется участвовать в этой затее.

— Я вас понимаю, — сказал Джонни.

— Луис прежде не был таким, — жалобно произнес Гэм. — Он теперь бубнит… и все! Если даже он добьется моего избрания… Я устал, мистер Бэфут. Очень устал. — Он умолк.

— Если вы ждете от меня моральной поддержки, — сказал Джонни, — то обратились не по адресу. — Голос Сараписа действовал на него отнюдь не ободряюще. Еще и Гэма утешать — нет уж, дудки.

— Вы же специалист по общественным свя-

зям. Ваша профессия требует умения разжигать энтузиазм в тех, кто его лишен. Убедите меня в том, что я должен стать Президентом, и я смогу убедить в этом весь мир. — Гэм достал из кармана сложенную телеграмму. — На днях получил от Луиса. Очевидно, телеграфная связь тоже в его руках.

— Текст вполне разборчив, — заметил Джонни, развернув телеграмму.

— Так и я о том же! Луис очень быстро сдает. Когда начнется съезд… Да что там говорить — уже… Знаете, у меня самые ужасные предчувствия. Не хочу я участвовать в этой афере. — Помолчав, он признался: — И все же, очень тянет попробовать. Вот что, мистер Бэфут, возьмите-ка вы на себя посредничество между мною и Луисом. Поработайте психологом.

— Простите, кем?

— Посредником между Богом и человеком.

— Вы не победите на выборах, если не перестанете употреблять такие слова. Я вам обещаю.

Гэм криво улыбнулся.

— Как насчет выпивки? Скотч? Бурбон?

— Бурбон, — сказал Джонни.

— Какого вы мнения о девушке, внучке Луиса?

— Она мне нравится, — честно ответил Джон-

ни.

— Вам нравится неврастеничка, наркоманка, сектантка с уголовным прошлым?

— Да, — процедил Джонни сквозь зубы.

— По-моему, вы спятили. — Гэм протянул ему бокал. — Но я с вами согласен, Кэти — славная женщина. Между прочим, я с ней знаком. Не могу понять, почему она пристрастилась к наркотикам. Я не психолог, но мне кажется, тут виноват Луис. Девочка его боготворила. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Инфантильная и фанатичная преданность. Вместе с тем очень трогательная. На мой взгляд.

— Ужасный бурбон. — Джонни поморщился, сделав глоток.

Гэм развел руками.

— Старый «Сэм Мускусная Крыса», — сказал он. — Да, вы правы.

— Старайтесь не угощать посетителей подобными напитками, — посоветовал Джонни. — Политикам этого не прощают.

— Вот почему вы мне необходимы! — воскликнул Гэм. — Видите?

Джонни отправился на кухню — вылить бурбон в бутылку и взглянуть на шотландское виски.

— Какие у вас мысли насчет предвыборной

кампании? — спросил Гэм, когда он вернулся.

— Думаю, мы можем сыграть только на человеческой сентиментальности. Многие огорчены смертью Луиса, я сам видел очередь к гробу. Впечатляющее зрелище, Альфонс. Стоят и плачут, и так день за днем. Когда он был жив, многие его боялись. Но теперь народ успокоился — Луис ушел, и пугающие аспекты его…

— Он не ушел, Джонни, — перебил его Гэм. — В этом-то все и дело. Вы же знаете, что существо, несущее вздор по телефону и телевизору, — он!

— Но народ-то этого не знает, — возразил Джонни. — Народ ничего не понимает, как тот инженер, что впервые услышал старика в кратере Кеннеди. Да и кому придет в голову, что источник электромагнитных волн, расположенный в световой неделе от Земли, — на самом деле Луис.

— Думаю, вы ошибаетесь, Джонни, — помедлив, сказал Гэм. — Но как бы там ни было, Луис велел взять вас на работу, и я не стану возражать. Даю вам карт-бланш и полагаюсь на ваш опыт.

— Благодарю, — сказал Джонни. — Вы действительно можете на меня положиться. — В глубине души он вовсе не был в этом уверен. — «Быть может, народ куда сообразительней, чем мне ка-

жется, — подумал он. — Быть может, я совершаю ошибку. Но что остается? Только упирать на симпатию Луиса к Гэму, иначе не найдется человека, который отдаст за Гэма голос».

В гостиной зазвонил телефон.

— Наверное, это он, — сказал Гэм. — Луис обращается ко мне по телефону или через газеты. Вчера я попытался напечатать письмо на компьютере, а в результате получил от него совершенно бессмысленное послание.

Телефон все звонил. Гэм и Джонни не двигались.

— Может, возьмете задаток? — предложил Гэм.

— Не откажусь. Сегодня я ушел из «Экимидиэн».

Гэм достал из кармана бумажник.

— Я выпишу чек. — Он посмотрел Джонни в глаза. — Она вам нравится, но вы не можете с ней работать?

— Да. — Джонни отвечал неохотно, и Гэм решил оставить эту тему. При всех своих недостатках Гэм был джентльменом.

Как только чек перешел из рук в руки, телефон умолк.

«Неужели они держат непрерывную связь друг с другом? — подумал Джонни. — Или совпадение?

Кто знает. Кажется, Луис может все, что захочет. А сейчас он хочет именно этого».

— Думаю, мы поступили правильно, — отрывисто произнес Гэм. — Послушайте, Джонни, мне бы хотелось, чтобы вы помирились с Кэти Эгмонт. Ей нужно помочь. Всем, чем только можно.

Джонни что-то пробурчал.

— Попытайтесь, ладно? — настаивал Гэм. — Ведь вы ей уже не подчиняетесь.

— Подумаю, — сказал Джонни.

— Девочка очень больна, к тому же на ней такая ответственность… Что бы ни послужило причиной вашего разлада, надо прийти к взаимопониманию. Пока не поздно. Это единственно верный путь.

Джонни помолчал, сознавая, что Гэм прав. Но как сделать то, о чем Гэм просит? Как найти ниточку к сердцу душевнобольного человека? Тем более сейчас, когда волю Кэти подавляет воля Луиса…

«Пока Кэти слепо обожает деда, ничего не получится», — подумал он.

— Что думает о ней ваша жена? — спросил Гэм.

Вопрос застал Джонни врасплох.

— Сара? Она с Кэти незнакома. А почему вы

спрашиваете?

Гэм взглянул на него исподлобья и не ответил.

— Очень странный вопрос, — заметил Джонни.

— А Кэти — очень странная девушка. Гораздо более странная, чем вам кажется, друг мой. Вы о ней еще многого не знаете. — Гэм не пояснил, что имеет в виду.

— Я хотел бы кое-что узнать, — сказал Харви Сен-Сиру. — Где труп? Пока мы это не выясним, можем не мечтать о контрольном пакете «Вильгельмины».

— Ищем, — спокойно ответил Сен-Сир. — Обыскиваем одну усыпальницу за другой, но Луиса, похоже, прячут. Видимо, кто-то заплатил хозяину усыпальницы за молчание.

— Девчонка получает приказы из могилы! — с возмущением произнес Харви. — Луис впал в маразм, но она все равно его слушается. Это противоестественно.

— Согласен, — сказал Сен-Сир. — От старикашки нигде не скроешься. Нынче утром за бритьем включаю телевизор — а он маячит на экране и бубнит. — Его передернуло.

— Сегодня начинается съезд, — заметил Харви, глядя в окно на оживленную улицу. — Луис увяз в политике с головой, он и Джонни убедил рабо-

тать на Гэма. Может, стоит еще раз потолковать с Кэти? Как ты считаешь? Вдруг он о ней позабыл? Нельзя же уследить за всем сразу.

— Но Кэти нет в офисе «Экимидиэн».

— Где же она, в таком случае? В Делавэре? Или в «Вильгельмина Секьюритиз»? Разыщем в два счета.

— Фил, она больна, — сказал Сен-Сир. — Легла в больницу. Вчера вечером. Снова наркотики, надо полагать.

— Тебе многое известно, — сказал Харви, нарушив молчание. — Какие источники?

— Телефон и телевизор. Но где она, в какой больнице, я не знаю. Может быть, на Луне или на Марсе, или вернулась на Каллисто. У меня впечатление, будто она очень серьезно больна. — Он хмуро посмотрел на своего шефа. — Возможно, сказался разрыв с Джонни.

— Думаешь, Джонни знает, где она?

— Вряд ли.

— Бьюсь об заклад, она попытается с ним связаться, — задумчиво произнес Харви. — Либо он уже знает, в какой она больнице, либо скоро узнает. Вот бы подключиться к его телефону…

— Не имеет смысла, — устало сказал Сен-Сир. — На всех телефонных линиях — Луис.

«Страшно представить, что ждет “Экимидиэн Энтерпрайзиз”, если Кэти признают недееспособной, — подумал он. — Впрочем, не так-то просто ее отстранить, все зависит от того, на какой она планете. По земным законам…»

Голос Харви оторвал его от раздумий.

— Нам не удастся ее найти. И труп Сараписа тоже. А съезд уже начался, и Гэм, этот недоумок, лезет в Президенты. Глазом не успеем моргнуть, как его изберут. — Его взгляд стал неприязненным. — Клод, пока что от тебя мало пользы.

— Мы проверим все больницы. Но их десятки тысяч, проще иголку найти в стоге сена.

«Так и будем искать до второго пришествия, — с отчаянием подумал он. — Можно, правда, дежурить у телевизора. Хоть какой-то шанс».

— Я лечу на съезд, — заявил Харви. — До встречи, Клод. Если что-нибудь выяснишь — в чем я сомневаюсь — найди меня там.

Он направился к двери, и через несколько секунд Сен-Сир остался в одиночестве.

«Черт побери, — подумал адвокат, — что же теперь делать? Может, и мне махнуть на съезд? Пожалуй. Но напоследок проверю-ка я еще одну усыпальницу». — В той усыпальнице уже побывали его люди, но у Сен-Сира возникло желание

лично поговорить с владельцем. Заведение было как раз из тех, что нравились Луису, а принадлежало оно слащавому типу по имени Герберт Шенхайт фон Фогельзанг. В переводе — Герберт Красота Птичьего Пения. Ничего не скажешь, подходящее имечко для владельца «Усыпальницы Возлюбленной Братии», расположенной в деловой части Лос-Анджелеса, имеющей филиалы в Чикаго, Нью-Йорке и Кливленде…

В усыпальнице Сен-Сир потребовал, чтобы Шенхайт фон Фогельзанг лично принял его.

В приемной было довольно людно — близилось Воскресение, и мелкие буржуа, большие любители подобных празднеств, ждали, когда им выдадут тела родственников.

Сен-Сир устроился в кресле и стал ждать. Вскоре за конторкой появился фон Фогельзанг.

— Да, сэр? — обратился он к Сен-Сиру. — Вы меня вызывали?

Сен-Сир положил на конторку визитную карточку юрисконсульта «Экимидиэн».

— Я — Клод Сен-Сир, — заявил он. — Возможно, вы слышали обо мне.

Взглянув на визитку, Шенхайт фон Фогельзанг потупился и забормотал:

— Мистер Сен-Сир, клянусь честью, мы тру-

дились не жалея сил. Выписали из Японии уникальную аппаратуру, истратили больше тысячи долларов, и все без толку… — Он отступил на шаг от конторки. — Да вы сами можете убедиться. Знаете, мне кажется, это не просто авария. Такое само по себе не случается.

— Проводите меня к нему, — потребовал Сен-Сир.

— Пожалуйста. — Бледный, расстроенный владелец усыпальницы отвел его в холодный «склеп», и Сен-Сир наконец-то увидел гроб с телом Сараписа. — Вы собираетесь подать на нас в суд? Уверяю вас…

— Я пришел за телом, — сказал Сен-Сир. — Распорядитесь, чтобы его погрузили в машину.

— Да-да, мистер Сен-Сир, как вам угодно, — кротко произнес фон Фогельзанг. Подозвав жестом двух рабочих, он объяснил им, что делать. — Мистер Сен-Сир, у вас грузовик или вертолет?

— Предложите свой транспорт — не откажусь, — дрогнувшим голосом ответил Сен-Сир.

Вскоре гроб оказался в кузове грузовика. Сен-Сир дал водителю адрес Харви.

— Так как насчет суда? — пролепетал фон Фогельзанг, когда Сен-Сир усаживался в кабину. — Мистер Сен-Сир, вы же не станете утверждать,

что авария случилась по нашей вине? Ведь мы…

— Считайте, что дело закрыто, — бросил Сен-Сир и велел водителю трогать.

Отъехав от усыпальницы на несколько десятков метров, он вдруг захохотал.

— Что вас так рассмешило? — удивился шофер.

— Ничего, — давясь смехом, ответил Сен-Сир.

Как только гроб с замороженным Луисом Сараписом был перенесен в дом Харви и грузовик уехал, Сен-Сир снял трубку и набрал номер. Но дозвониться до Фила не удалось — в трубке, как обычно, звучало монотонное бормотание Луиса. Сен-Сир с отвращением, но и с мрачной решимостью повесил трубку.

«Все, довольно, — сказал он себе. — Обойдусь без одобрения Фила».

Обыскав гостиную, он обнаружил в ящике письменного стола тепловой пистолет. Прицелился в труп Сараписа и нажал на спуск. Зашипела, испаряясь, расплавленная пластмасса. Тело почернело, съежилось и вскоре превратилось в бесформенную груду спекшегося черного пепла.

Удовлетворенный, Сен-Сир положил пистолет на стол. И снова набрал номер здания, где проходил съезд.

— …кроме Гэма, никто не сможет этого сде-

лать, — забубнил в ухо старческий голос. — Гэм — человек, нужный всем. Хороший лозунг, Джонни, запомни: Гэм — человек, нужный всем. Впрочем, лучше я сам скажу, дай, Джонни, микрофон, я им скажу: Гэм — человек, нужный всем. Гэм…

Клод Сен-Сир обрушил трубку на аппарат и с ненавистью уставился на останки Луиса Сараписа. Затем включил телевизор. Тот же голос, те же слова. Все по-прежнему.

«Голос Луиса исходит не из мозга, — подумал Сен-Сир. — Потому что мозга больше нет. Голос существует отдельно от тела».

Клод Сен-Сир сидел в кресле, держа в трясущихся пальцах сигарету, и пытался понять, что все это значит. Многому он находил объяснение. Многому, но не всему.

5

До здания, где проходил съезд демократо-республиканцев, Сен-Сиру пришлось добираться по монорельсовой дороге, так как вертолет он оставил возле «Усыпальницы Возлюбленной Братии». Вестибюль был битком набит народом, стоял страшный шум. Все же Сен-Сиру удалось протолкаться к роботу-служителю, и тот объявил

по внутренней связи, что Фила Харви ждут в одном из боковых кабинетов, предназначенных для совещания делегатов. Вскоре Харви — взъерошенный, растрепанный — выбрался из плотной толпы делегатов и зрителей и вошел в кабинет.

— В чем дело, Клод? — недовольно спросил он, но, едва посмотрев в лицо адвокату, смягчился. — Что стряслось?

— Голос, который мы слышим — не Луиса! — выпалил Сен-Сир. — Кто-то его имитирует.

— С чего ты взял?

Сен-Сир объяснил. Выслушав, Харви кивнул и произнес:

— А ты уверен, что сжег именно Луиса, что в усыпальнице тебя не обманули?

— Не уверен, — буркнул Сен-Сир. — Но думаю, это был все-таки он. — Проверить, Луиса он сжег или нет, было уже невозможно — от тела почти ничего не осталось.

— Но если в эфире не Луис, то кто же? — спросил Харви. — Боже мой! Ведь источник — за пределами Солнечной системы! Может, инопланетяне? Или кто-то нас разыгрывает? Или неизученное явление природы? Какой-нибудь самостоятельный, нейтральный процесс?

Сен-Сир рассмеялся.

— Фил, ты бредишь. Прекрати.

Харви кивнул.

— Ладно, Клод. Ты думаешь, кто-то отправился в космос и оттуда…

— Честно говоря, не знаю, что и думать, — признался Сен-Сир. — Но мне кажется, здесь, на Земле, находится некто, достаточно хорошо знающий повадки Луиса, чтобы успешно ему подражать. — Он умолк. Предположение только на первый взгляд казалось логичным — оно граничило с абсурдом. Даже не с абсурдом — с жуткой пустотой за пределами постижимого.

«В том, что сейчас происходит, есть элемент безумия. Распад личности Луиса больше напоминает прогрессирующее сумасшествие, чем дегенерацию. Или безумие и есть дегенерация?» — Этого Сен-Сир не знал, он не разбирался в психиатрии. Вернее, разбирался, но только в судебной, которая была тут ни при чем.

— Гэма уже выдвинули? — спросил он.

— Нет. Наверное, сегодня выдвинут. Говорят, это сделает делегат от штата Монтана.

— Джонни Бэфут здесь?

— Да, занят по горло, агитирует делегатов. Гэма, конечно, не видать, он появится в самом конце, чтобы выступить с предвыборной речью. А по-

том — вот увидишь — все как с цепи сорвутся. Овации, шествие с флагами… Сторонники Гэма во всеоружии.

— Скажи, а Луис… Тот, кого мы зовем Луисом, слышен? Есть признаки его присутствия?

— Никаких, — ответил Харви.

— Думаю, сегодня мы его еще услышим.

Харви кивнул.

— Боишься его? — спросил Сен-Сир.

— Еще бы! В тысячу раз против прежнего, поскольку теперь не знаю, с кем имею дело.

— Правильно делаешь, что боишься.

— Наверное, надо рассказать обо всем Джонни, — сказал Фил.

— Не надо, пусть сам докопается.

— Ладно, Клод. Как скажешь. Все-таки ты молодец, раз нашел старика. Я тебе полностью доверяю.

«Лучше бы я его не нашел, — подумал Сен-Сир. — И не узнал бы того, что узнал. Так бы и жил, не сомневаясь, что из всех телефонных трубок, со всех телеэкранов и газетных полос к нам обращается старый Луис.

Тогда все было плохо — сейчас куда хуже. И все-таки, мне кажется, ответ есть. Он где-то поблизости, ждет, когда я на него наткнусь.

Я должен найти ответ, — сказал себе Сен-Сир. — По крайней мере, попытаться».

Уединившись в кабинете, Джонни сидел у экрана монитора и напряженно следил за ходом съезда. Помехи и смутные очертания существа, вторгшегося в эфир, ненадолго исчезли; Джонни отчетливо видел и слышал делегата от штата Монтана, призывавшего поддержать кандидатуру Альфонса Гэма.

Джонни порядком утомили торжественные церемонии и напыщенные речи. Нервы были взвинчены, на взволнованные лица делегатов он смотрел с отвращением. «Для чего нужен этот дурацкий спектакль? — с раздражением думал он. — Раз Гэм захотел выиграть, он выиграет, незачем тратить время на говорильню».

Затем в голову полезли мысли о Кэти Эгмонт Шарп.

Они не виделись с тех пор, как Кэти легла в больницу Калифорнийского университета. В каком она состоянии и помогает ли ей лечение, Джонни не знал. Интуитивно он догадывался, что Кэти очень серьезно больна. Наркотики тому причиной, или что-нибудь еще, но вполне возможно, что она никогда не выйдет из больницы. С другой стороны, если Кэти захочет на свободу,

ее никто не сможет удержать. В этом Джонни не сомневался.

Что ж, ей решать. Она по собственной воле легла в больницу и выйдет оттуда — если выйдет — точно так же. По собственной воле. Кэти никому не подчиняется. Возможно, эта черта характера — один из симптомов ее болезни.

Скрипнула дверь. Он оторвал глаза от экрана и увидел на пороге Клода Сен-Сира. В руке адвокат держал тепловой пистолет.

— Где Кэти? — спросил Сен-Сир.

— Не знаю. — Джонни устало поднялся на ноги.

— Знаешь. Если не скажешь — убью.

— За что? — спросил Джонни, не понимая, что толкнуло Сен-Сира на столь отчаянный шаг.

Не опуская пистолета, Сен-Сир приблизился к нему и спросил:

— Она на Земле?

— Да, — неохотно признался Джонни.

— В каком городе?

— Что ты задумал? — с тревогой спросил Джонни. — Клод, на тебя это не похоже. Ты всегда действовал в рамках закона.

— Я думаю, голосом Луиса говорит Кэти. То, что это не Луис, я знаю наверняка. Из всех, кого я

знаю, Кэти — единственный человек, достаточно ненормальный и испорченный, чтобы задумать все это. Говори, где она, в какой больнице?

— У тебя был только один способ узнать, что Луис тут ни при чем, — сказал Джонни.

— Верно, — кивнул Сен-Сир.

«Значит, ты сделал это, — подумал Джонни. — Нашел ту самую усыпальницу, встретился с Гербертом Шенхайтом фон Фогельзангом.

Вот оно что!»

Дверь снова распахнулась, в кабинет строем, дуя в горны, размахивая транспарантами и огромными самодельными плакатами, вошла группа возбужденных сторонников Гэма. Сен-Сир повернулся к ним и замахал пистолетом, а Джонни, не теряя времени, вклинился в толпу, выскочил за дверь, пронесся по коридору и через секунду оказался в огромном вестибюле, где полным ходом шел митинг в поддержку Гэма. Громкоговорители, установленные под потолком, снова и снова выкрикивали:

— Голосуйте за Гэма! Голосуйте за Гэма! Гэм — человек, который нужен всем! Голосуйте за Гэма, голосуйте за Гэма, голосуйте за Гэма! Гэм — замечательный парень! Гэм — что надо! Гэм, Гэм, Гэм — нужен всем!

«Кэти! — подумал Джонни. — Нет, не может быть. Это не ты».

Растолкав пляшущих, полуобезумевших мужчин и женщин в клоунских колпаках, он выбежал из вестибюля на стоянку вертолетов и автомобилей, где бушевала, безуспешно пытаясь ворваться в здание, толпа зевак.

«А если это все-таки ты, — подумал он, — то это значит, что ты больна неизлечимо. Даже если страстно желаешь выздороветь. Выходит, ты дожидалась смерти Луиса. Ты ненавидишь нас? Или боишься? Чем объяснить твои поступки? В чем причина?»

Он сел в вертолет-такси и сказал пилоту:

— В Сан-Франциско.

«Может быть, ты сама не ведаешь, что творишь? Может быть, безумный мозг руководит тобой против твоей воли? Расколотое надвое сознание — одна половина на поверхности, на виду у нас, а другая…

Другую мы слышим.

Можно ли тебя жалеть? — подумал он. — Или тебя следует бояться, ненавидеть? Какое зло способна ты принести?

Я люблю тебя, — подумал он. — Мне небезразлична твоя судьба, а это — одна из разновидно-

стей любви. Не такая, как к жене или к детям, но все же — любовь… Черт возьми, мне страшно. А может, Сен-Сир все-таки ошибся и ты здесь совершенно ни при чем?»

Вертолет взмыл над крышами и полетел на запад. Лопасти винта вращались с предельной скоростью.

Стоя у парадного, Сен-Сир и Харви провожали вертолет глазами.

— Надо же, получилось, — произнес Сен-Сир. — Интересно, куда он полетел? В Лос-Анджелес или в Сан-Франциско?

Фил Харви помахал рукой, и к ним подкатил вертолет. Они уселись на сиденья, и Харви сказал пилоту:

— Видите такси, которое только что взлетело? Следуйте за ним, но по возможности незаметно.

— Незаметно не получится, — проворчал пилот, но все-таки включил счетчик и поднял машину. — Не нравится мне ваша затея. Должно быть, это опасно.

— Включите радио, — предложил Сен-Сир. — То, что услышите, — действительно опасно.

— Черта с два по нему что-нибудь услышишь. Все время помехи, будто солнечные выбросы или радист-олух… С диспетчером не связаться,

выручка — кот наплакал… Куда только полиция смотрит!

Сен-Сир промолчал. Харви пристально глядел на летящий впереди вертолет.

Высадившись на крышу главного корпуса университетской больницы, Джонни увидел в небе вертолет. Когда тот описал круг, Джонни понял, что его преследовали всю дорогу. Но это не имело значения.

Он спустился по лестнице на третий этаж и обратился к первой встречной медсестре.

— Скажите, где миссис Шарп?

— Справьтесь у дежурной по отделению, — ответила сестра. — Между прочим, посещение больных…

Джонни не дослушал и отправился на поиски дежурной по отделению.

— Миссис Шарп в триста девятой палате, — сообщила пожилая женщина в очках. — Но без разрешения доктора Гросса к ней нельзя, а он сейчас обедает и вернется не раньше двух. Если хотите, можете подождать. — Она указала на дверь комнаты для посетителей.

— Спасибо, — сказал он. — Я подожду.

Он прошел через комнату для посетителей в длинный коридор и вскоре оказался у двери с

табличкой «309». Войдя в палату, он затворил дверь и огляделся.

У окна спиной к нему стояла молодая женщина в халате.

— Кэти! — позвал он.

Женщина обернулась, и Джонни вздрогнул, увидя кривящиеся губы, полные ненависти глаза. Кэти с отвращением произнесла:

— Гэм — человек, нужный всем. — И с угрожающим видом, вытянув перед собой руки и шевеля согнутыми и растопыренными пальцами, двинулась к Джонни. — Гэм — настоящий парень, — шептала она, и Джонни видел, как в ее глазах тают остатки разума. — Гэм, Гэм, Гэм! — И схватила его за плечи.

Джонни отшатнулся.

— Так и есть, — сказал он. — Сен-Сир не ошибся. Что ж; я ухожу. — Он попытался нашарить дверную ручку. Кэти не отпускала.

Словно порывом ветра, его захлестнуло страхом — ведь он в самом деле хотел уйти.

— Кэти, отпусти! — взмолился он.

Ногти больно впились в плечи. Кэти повисла на нем, заглядывая снизу в глаза и улыбаясь.

— Ты мертвец, — сказала она. — Уходи. Я чувствую запах, у тебя внутри мертвечина.

— Ухожу. — Джонни наконец-то нашарил за спиной дверную ручку.

Кэти разжала пальцы. В следующий миг он увидел, как вскинулась ее правая рука, как ногти метнулись к лицу, быть может, в глаза. Он едва успел увернуться.

— Я хочу уйти, — пробормотал он, закрывая лицо руками.

— Я — Гэм, я — Гэм, я — Гэм, — зашептала Кэти. — Я — один в целом мире. Я живой. Гэм живой. — Она засмеялась. — Ухожу, — удивительно похоже передразнила она Джонни. — Так и есть. Сен-Сир не ошибся. Что ж, я ухожу. Ухожу. Ухожу. — Внезапно она вклинилась между ним и дверью. — В окно! Сделай то, что я не дала тебе сделать тогда! Ну! — Кэти пошла на него, и он пятился шаг за шагом, пока не уперся в стену.

— Кэти, ты больна, — сказал Джонни. — Тебе только мерещится, что кругом одни враги. Кэти, тебя все любят. Я люблю, Гэм любит и Харви с Сен-Сиром. Чего ты добиваешься?

— Разве ты еще не догадался? Я хочу, чтобы вы поняли, кто вы такие на самом деле.

— Зачем тебе понадобилось имитировать Луиса?

— А я и есть Луис, — ответила Кэти. — После

смерти он не перешел в послежизнь, потому что я его съела. Он стал мной. Я ждала этого. Мы с Альфонсом очень тщательно все продумали. Отправили в космос передатчик с записью… Здорово мы тебя напугали, правда? Все вы трусы, куда вам тягаться с ним. Его обязательно выдвинут. Уже выдвинули, я чувствую, знаю.

— Еще нет, — сказал Джонни.

— Ну так ждать уже недолго, — заверила Кэти. — И он возьмет меня в жены. — Она улыбнулась. — А ты умрешь. И все остальные умрут. — Она двинулась к нему, говоря нараспев: — Я — Гэм, я — Луис, а когда ты умрешь, я стану тобой, Джонни Бэфутом, и всеми остальными. Я всех вас съем. — Она широко раскрыла рот, и Джонни увидел острые и белые зубы.

— И будешь властвовать над мертвыми! — Джонни изо всех сил ударил ее в скулу. Кэти упала навзничь, но сразу вскочила и бросилась к нему. Джонни отпрыгнул; перед глазами мелькнуло злобное, перекошенное лицо — и тут распахнулась дверь. За ней стояли Сен-Сир, Харви и две медсестры.

Кэти застыла; Джонни тоже замер.

Сен-Сир мотнул головой.

— Пошли, Бэфут.

Джонни пересек комнату и шагнул за порог.

Кэти, завязывая поясок халата, деловито произнесла:

— Так и было задумано. Он должен был убить меня. Джонни то есть. А вы — стоять в сторонке и любоваться.

— Они отправили в космос огромный передатчик, — сказал Джонни. — Причем давно, несколько лет назад, наверное. И терпеливо ждали, пока умрет Луис. Возможно, помогли ему умереть. Идея заключается в том, чтобы добиться выдвижения и избрания Гэма, терроризируя народ. Мы даже не представляем себе, насколько Кэти больна.

— Врачебная комиссия поставит диагноз, — спокойно произнес Сен-Сир. — Согласно завещанию, я — доверенный представитель концерна и имею право защищать интересы совладельцев. Кэти будет отстранена от управления «Экимидиэн».

— Я потребую малого жюри, — сказала Кэти, — и сумею убедить присяжных в своей вменяемости. Это проще простого, да и не впервой.

— Возможно, — сказал Сен-Сир. — Но тем временем вы с Гэмом лишитесь передатчика — до него доберется полиция.

— На это потребуется не один месяц, — возра-

зила Кэти. — А выборы очень скоро закончатся, и Альфонс станет Президентом.

— Может быть, — прошептал Сен-Сир, взглянув на Джонни.

— Потому-то мы и отправили передатчик в такую даль, — продолжала Кэти. — Деньги Альфонса, мой талант. Талант я унаследовала от Луиса. Благодаря ему я могу все на свете. Надо только как следует захотеть.

— Не все, — возразил Джонни. — Ты хотела, чтобы я выпрыгнул из окна, а я не выпрыгнул.

— Еще минута — и выпрыгнул бы, — уверенно произнесла Кэти. Она успокоилась; казалось, к ней полностью вернулся рассудок. — Ничего, придет время, и ты покончишь с собой. Я позабочусь об этом. От меня не спрячешься. И вы не спрячетесь, — добавила она, обращаясь к Харви и Сен-Сиру.

— Между прочим, я тоже располагаю средствами и некоторым влиянием, — заметил Харви. — Думаю, мы сумеем одолеть Гэма, даже если его выдвинут на съезде.

— Чтобы тягаться с ним, одного влияния мало, — усмехнулась Кэти. — Нужно еще воображение.

— Ладно, пошли отсюда, — сказал Джонни и

двинулся по коридору прочь от палаты триста девять.

Джонни Бэфут бесцельно бродил по горбатым улицам Сан-Франциско. Незаметно подступил вечер, зажглись городские огни. Джонни не замечал ни огней, ни прохожих, ни зданий — шагал сутулясь, руки в карманах, минуя квартал за кварталом, пока не дали о себе знать боль в ногах и голод. Вспомнив, что не ел с десяти утра, он остановился и огляделся.

Поблизости стоял газетный киоск. В глаза бросился отпечатанный огромными буквами заголовок: ГЭМ ВЫДВИНУТ КАНДИДАТОМ В ПРЕЗИДЕНТЫ И НАМЕРЕН ПОБЕДИТЬ НА НОЯБРЬСКИХ ВЫБОРАХ.

«Все-таки они добились своего, — подумал Джонни. — Именно того, чего добивались. Остался сущий пустяк — победить Кента Маргрэйва.

А передатчик по-прежнему несет вздор. И будет нести еще несколько месяцев».

«Они победят», — подумал Джонни.

В ближайшей аптеке он прошел в кабину таксофона, опустил монеты в щель и набрал номер Сары Белле. Собственный номер.

Монеты провалились, и знакомый голос забубнил:

— …Гэма в ноябре, побеждай вместе с Гэмом. Президент Альфонс Гэм — наш человек. Я за Гэма. Я за Гэма. За Гэма!

Джонни повесил трубку и вышел из кабины. Подойдя к буфетной стойке, он попросил сэндвич и кофе. Потом машинально жевал, глотая и запивая, не ощущая вкуса, не получая удовольствия от еды. Просто утоляя голод.

«Что мне делать? — думал он. — Что делать всем нам? Связь нарушена, средства массовой информации у противника. Радио, телевидение, газеты, телефонные и телеграфные линии… Все, на что способно влиять ультракоротковолновое излучение и прямое подключение к цепи. Они все прибрали к рукам, полностью обезоружив оппозицию.

Разгром, — мысленно произнес он. — Вот что нас ждет в ближайшем будущем. А потом, когда они утвердятся во власти — смерть».

— С вас доллар десять, — сказала буфетчица.

Он заплатил и вышел на улицу.

Над головой кружил вертолет-такси. Джонни помахал рукой. Когда вертолет опустился, Джонни забрался в кабину и сказал пилоту:

— Отвезите меня домой.

— Запросто, приятель, — отозвался добродуш-

ный пилот. — А где твой дом?

Джонни назвал свой чикагский адрес и откинулся на спинку сиденья. Он решил сдаться. Выйти из игры. Дома его ждали Сара Белле и дети. Борьба была проиграна. Во всяком случае, для него.

— Господи, Джонни, что с тобой?! — воскликнула Сара, увидев его на пороге. — На тебе лица нет. — Она взяла его за руку и повела за собой в знакомую темную гостиную. — Я думала, ты на торжественном банкете.

— На банкете? — хрипло переспросил он.

— Твой босс прошел выдвижение. — Сара скрылась в кухне и вернулась с кофейником.

— Ах да, — кивнул он. — Верно. Я же его доверенное лицо. Совсем из головы вылетело.

— Лег бы отдохнуть. Впервые вижу тебя таким измочаленным. Что стряслось?

Он сел на диван и закурил сигарету.

— Могу я чем-нибудь помочь? — с тревогой спросила Сара.

— Нет.

— Скажи, правда, что по телевизору и телефону говорит Луис Сарапис? Очень похоже. Нельсоны уверены, что это он.

— Нет, не он, — сказал Джонни. — Луис мертв.

— Но его период послежизни…

— Нет, — перебил он. — Луис умер. Забудь о нем.

— Ты знаком с Нельсонами? Это наши новые соседи, поселились на…

— Я не хочу говорить! И слышать ничего не хочу!

Через минуту Сара не выдержала:

— Знаешь, Джонни, они говорят… Наверное, тебя это огорчит, но я скажу. Нельсоны — простые, самые обыкновенные люди. Они говорят, что не отдадут голос за Альфонса Гэма. Он им не нравится.

Джонни проворчал что-то неразборчивое.

— Ты не из-за этого расстроился? — спросила Сара. — Знаешь, по-моему, это реакция на чрезмерное давление. Нельсоны даже не отдают себе отчета. Видимо, вы хватили через край. — Сара выжидающе посмотрела на мужа. — Прости, что я завела этот разговор, но лучше горькая правда…

Джонни резко поднялся с дивана и произнес:

— Мне надо увидеться с Филом Харви. Скоро вернусь.

Глазами, потемневшими от тревоги, Сара Белле смотрела ему вслед.

Получив разрешение войти, Джонни прошел

в гостиную. Там сидели с бокалами в руках хозяин дома, его жена и Клод Сен-Сир. Все молчали. Обернувшись к Джонни, Харви отвел глаза.

— Мы сдаемся? — спросил Джонни.

— Нет, — ответил Харви. — Мы попытаемся уничтожить передатчик. Но попасть в него с такого расстояния — один шанс на миллион. Кроме того, самая быстрая ракета будет там через месяц, не раньше.

— Уже кое-что. — Джонни приободрился — до выборов больше месяца, за оставшиеся дни можно что-то предпринять. — Маргрэйв в курсе?

— Да, мы подробно обрисовали ему ситуацию, — ответил Сен-Сир.

— Недостаточно ликвидировать передатчик, — сказал Харви. — Необходимо сделать еще одно дело. Хочешь взять его на себя? Для этого надо вытащить короткую спичку. — Перед ним на кофейном столике лежали две целые спички и половинка. Харви добавил еще одну целую.

— Сначала — ее, — сказал Сен-Сир. — Как можно скорее. А потом, если понадобится — Альфонса Гэма.

У Джонни застыла в жилах кровь.

Харви протянул ему кулак, из которого торчали четыре спичечные головки.

— Давай, Джонни. Пришел последним, вот и тяни первым.

— Не буду, — пробормотал Джонни.

— Тогда обойдемся без тебя. — Гертруда выдернула целую спичку. Фил протянул Сен-Сиру оставшиеся. Тому тоже досталась целая.

— Я любил ее, — сказал Джонни. — И все еще люблю.

Харви кивнул:

— Знаю.

— Ладно, — скрепя сердце согласился Джонни. — Давай.

Он протянул руку и вытащил спичку. Сломанную.

— Так и есть, — произнес он. — Моя.

— Сможешь? — спросил Сен-Сир.

Джонни пожал плечами.

— Конечно, смогу. Что тут такого?

«Действительно, что тут такого? — подумал он. — Чего проще: убить женщину, которую любишь. Тем более, что это необходимо».

— Возможно, наше положение — не такое тяжелое, как кажется, — сказал Сен-Сир. — Мы посоветовались с инженерами Фила, у них есть неплохие идеи. В большинстве случаев мы слышали не тот передатчик, что находится в дальнем

космосе, а вспомогательную станцию. Помнишь, о том, что ты собираешься покончить с собой в гостинице «Энтлер», мы узнали сразу, а не через неделю.

— Как видишь, ничего сверхъестественного тут нет, — вставила Гертруда.

— Поэтому прежде всего необходимо найти их базу, — продолжал Сен-Сир. — Если она не на земле, то где-нибудь в пределах Солнечной системы. Может быть, на ферме, где Гэм разводит индюков. Так что, если не найдешь Кэти в больнице, лети прямиком на Ио.

Джонни еле заметно кивнул.

Сидя за кофейным столиком, все молчали и потягивали коктейль.

— У тебя есть пистолет? — нарушил тишину Сен-Сир.

— Да. — Джонни поднялся и поставил бокал на стол.

— Удачи, — сказала Гертруда ему вслед.

Джонни отворил дверь и шагнул в холодную тьму.

Плата за услуги[26]

Пепел, черный, без единого признака жизни пепел по обеим сторонам дороги, а дальше, насколько видит глаз — смутные неровные силуэты, развалины зданий и городов, развалины цивилизации; изъеденная, опустошенная планета руин и обломков. Планета черных крупиц кости и стали, цемента и кирпича, взбитых ветром в бессмысленное месиво.

Аллен Фергессон зевнул, закурил «Лаки Страйк» и сонно откинулся на кожаном сиденье «Бьюика» модели пятьдесят седьмого года.

— Ну до чего же унылый пейзаж, — пожаловался он. — Сплошное однообразие, ничего, кроме покореженного хлама. В тоску вгоняет.

— А ты не смотри, — равнодушно пожала плечами сидящая рядом девушка.

Мощная, сверкающая машина бесшумно скользила по дороге — собственно, по полосе плотно укатанного мусора. Еле прикасаясь пальцами к послушному, с силовой передачей рулю, Фергес-

---

[26] Примечания: 26

Оригинальный рассказ *Pay for the Printer* (1956), также известный в переводе как «Плата за копирование».

сон блаженно расслабился под убаюкивающие звуки фортепьянного квинтета Брамса — передача шла из Детройтского поселка. По окнам хлестал пепел — за какие-то несколько миль пути на них успела налипнуть толстая черная пленка. Ничего страшного, у Шарлотты в подвале есть садовый шланг из зеленого пластика, оцинкованное ведро и дюпоновская трубка.

— А кроме того, у тебя полный холодильник отличного скотча, — добавил он вслух. — Насколько я помню. Если только эта шустрая компания не выглотала все подчистую.

Шарлотта пошевелилась и открыла глаза; негромкое урчание мотора, жара в кабине — все это погружало в сон.

— Скотч? — пробормотала девушка. — Ну да, у меня есть бутылка «Лорда Калверта».

Выпрямившись, она откинула назад пряди светлых пушистых волос.

— Только он малость скиселенный.

— Сильно скиселенный? — спросил с заднего сиденья напряженный голос; они подобрали на дороге пассажира — костлявого, сухопарого человека с худым лицом, одетого в брюки из грубой серой ткани и такую же рубашку.

— Да примерно как и все остальное. — Шарлот-

та не слушала музыку, ее глаза рассеянно следили сквозь помутневшее от пепла окно за пробегающими мимо сценами. Словно гнилые зубы торчат на фоне грязно-серого полуденного неба останки какого-то городка. Чудом уцелевшая эмалированная ванна, пара телефонных столбов, кости, какие-то белесые обломки, миля за милей мусора и развалин. Жуть и запустение. А где-то там, в обросших плесенью, похожих на пещеры подвалах — немногие выжившие собаки; жалкие, покрытые струпьями, они тесно жмутся друг к другу, спасаясь от холода. Солнечный свет еле сочится сквозь густую пелену взбитого ветром пепла.

— Вот, поглядите, — не оборачиваясь, бросил Фергессон пассажиру и притормозил: кособокими, неуверенными прыжками дорогу пересекал кролик-мутант. Еще один прыжок, и слепой, до неузнаваемости деформированный зверек врезался в зазубренный обломок бетона, отскочил от него, словно плохо надутый мяч, и упал. Еле живой, он прополз несколько шагов, но тут появился тощий, облезлый пес, тошнотворно хрустнули кости, и все было кончено.

— Уф-ф!

Передернувшись от омерзения, Шарлотта прибавила обогрев машины. Миниатюрная и хруп-

кая, девушка сидела, поджав под себя стройные ноги; в розовом шерстяном свитере и вышитой юбке она выглядела очень привлекательно.

— Жду не дождусь, когда же будет наш поселок. Здесь нехорошо.

— А они ждут не дождутся получить вот это. — Фергессон стукнул по стоявшему на сиденье стальному ящику; прикоснуться к прочному, надежному металлу было приятно. — Если там у вас действительно настолько худо.

— Уж в этом-то не сомневайся, — кивнула Шарлотта. — Хуже просто некуда. Не знаю даже, поможет ли все это — он ведь, считай, ни на что больше не способен. — На ее лбу появились озабоченные морщинки. — Попробовать, конечно, стоит, но я не очень-то надеюсь.

— Не бойся, — заверил ее Фергессон, — разберемся мы с вашим поселком, наведем порядок.

Голос его звучал легко, почти беззаботно; самое первое сейчас — успокоить девушку. Такая вот паника может выйти из-под контроля — выходила уже, и не раз.

— Но не сразу, не в один момент, — добавил он, искоса взглянув на соседку. — Раньше нужно было сообщить.

— Мы думали, это просто лень, но ведь он и

вправду умирает. — В ее голубых глазах мелькнул страх. — От него не получить теперь ничего толкового. Сидит, словно здоровенный ком, — и все. Не разберешь, то ли заболел, то ли вообще умер.

— Просто он очень старый. — Фергессон говорил негромко и вразумительно, словно успокаивал перепуганного ребенка. — Насколько я помню, вашему билтонгу уже сто пятьдесят.

— Но ведь они живут многие столетия, так всегда говорили!

— У них невыносимая нагрузка. — Сидевший сзади пассажир провел кончиком языка по пересохшим губам и напряженно подался вперед; кожа его сжатых в кулаки рук потрескалась, в нее глубоко въелась несмываемая грязь. — Вы забываете про непривычность условий. На Проксиме билтонги работали все вместе, а здесь разбились поодиночке — да и тяготение у нас сильнее.

Шарлотта кивнула, однако убежденности на ее лице не было.

— Господи! — пожаловалась она. — Это ужасно, вы только посмотрите! — После небольших поисков из кармана розового свитера появился круглый предмет размером с десятицентовую монету. — Теперь все, что он печатает, получается вроде этого или еще хуже.

Фергессон взял часы и осмотрел их, краем глаза продолжая следить за дорогой. Непрочный, как пересохший лист, ремешок сразу сломался, оставляя на пальцах хрупкие темные волоконца. Циферблат выглядел как надо, но стрелки не двигались.

— Не идут, — объяснила Шарлотта, забирая часы назад. — Видишь, что там? — Она открыла их и показала Аллену, недовольно поджав ярко-красные губы. — Полчаса в очереди стояла, а в результате — какая-то размазня.

Вместо механизма под крышкой крошечных швейцарских часов была сплавленная неструктурированная стальная масса; никаких отделенных друг от друга шестеренок, пружин, камней — только поблескивающий кисель.

— А с чего он работал? — спросил пассажир. — С оригинала?

— С оттиска, но это был хороший оттиск. Он сам его и делал тридцать пять лет назад, для моей мамы. Можете себе представить, что я почувствовала, когда увидела такое. Я же не могу ими пользоваться. — Шарлотта вернула скиселенные часы в карман свитера. — Я так взбесилась, что… — Она замолчала и выпрямилась. — Ну вот и приехали. Видите красную неоновую вывеску?

Там как раз и начинается наш поселок.

Вывеска с надписью СТАНДАРД СТЕЙШНЗ ИНК. А под ней, на обочине дороги, безукоризненно чистое сине-красно-белое здание. Безукоризненно? Подъехав к бензоколонке, Фергессон притормозил; и он и его пассажиры напряженно глядели в окна машины, заранее готовя себя к неизбежному потрясению.

— Видите? — высоким, срывающимся голосом спросила Шарлотта.

Бензоколонка буквально рассыпалась, выглядела очень старой — старой и обветшалой. Ее здание покоробилось и просело, словно под тяжестью многих веков; ярко-красная неоновая вывеска неровно мигала, ежесекундно грозя потухнуть совсем. Насосы проржавели и тоже деформировались. Все это сооружение начинало вновь обращаться в пепел, в черные, бесцельно гоняемые ветром пылинки, возвращалось к праху, из которого когда-то восстало.

Глядя на готовую исчезнуть с лица земли бензоколонку, Фергессон ощутил холодное дуновение смерти. В его собственном поселке распада не было — пока. Оттиски, конечно же, изнашивались, но питтсбургский билтонг сразу же их заменял; новые оттиски делались по оригиналам, пред-

метам, сохранившимся с довоенного времени. В этом поселке оттиски, из которых он, собственно, и состоял, не заменялись.

И нет смысла говорить о чьей-то там вине, билтонги ограничены в своих возможностях, как и любые другие существа. Они работали на пределе, а к тому же — в чуждой для себя среде.

Зародилась эта раса, судя по всему, в системе Центавра; привлеченные вспышками водородных бомб, они прилетели в последние дни войны и увидели черный радиоактивный пепел, среди которого жалко копошились, пытаясь сохранить хоть какие остатки разрушенной цивилизации, немногие пережившие катастрофу люди.

Разобравшись в ситуации, на что ушло некоторое время, пришельцы разделились поодиночке и взялись за работу, начали дублировать приносимые людьми вещи; именно таким образом удавалось билтонгам выжить на родной их планете — создав в малопригодном для обитания мире закрытую область с удовлетворительной средой.

У одного из насосов бензоколонки какой-то человек пытался заправить бак своего «Форда» шестьдесят шестого года. Бессильно чертыхаясь, он рванул прогнивший шланг; хлынула туск-

ло-янтарная жидкость, грязная, промасленная щебенка быстро ее впитывала. Корпус этого насоса протекал чуть не в десятке мест; другой, соседний с ним, вдруг покачнулся и прямо на глазах рассыпался грудой мусора.

Шарлотта опустила в машине стекло.

— Шелловская бензозаправка держится лучше, Бен! — крикнула она. — На другом конце поселка.

Плотно сложенный мужчина, побагровевший и мокрый от пота, неуклюже, по-медвежьи подошел к бьюику.

— Черт бы ее! — пробормотал он. — Здесь вообще ни шиша не получается. Подбросьте меня через поселок, наберу там ведро.

Фергессон открыл заднюю дверцу, руки его тряслись.

— У вас тут что, все так?

— Еще хуже. — Бен Унтермейер благодарно опустился на сиденье рядом с прежним пассажиром, и бьюик тронулся с места. — Посмотрите хоть на это.

Бакалейная лавка обрушилась, превратилась в груду искореженной стали и бетона. Витринные окна вылетели, везде разбросаны мешки с товарами. Среди всего этого разгрома бродят

люди, охапками подбирают продукты, пытаются разобрать завалы. Лица у всех озлобленные и мрачные.

Улица в жутком состоянии — трещины, глубокие колдобины, рассыпающийся поребрик. Из лопнувшей трубы течет мутная, слизкая вода, лужа все растет и растет. И магазины, и стоящие по обочинам автомобили выглядят грязно, запущенно. На всем отпечаток дряхлости, изношенности. Обувная мастерская заколочена, разбитые окна заткнуты грязными тряпками, с поблекшей вывески шелушится краска. Рядом — грязное кафе, клиентов всего двое — жалкого, несчастного вида люди в перемятых деловых костюмах, они пытаются читать газеты и пьют из потрескавшихся чашек похожий на помои кофе; когда кто-нибудь из них поднимает чашку, капли отвратительной жидкости дробно падают на изъеденную червями стойку.

— Долго так продолжаться не может. — Унтермейер обтер покрытый потом лоб. — Слишком уж быстро все обваливается. Люди даже в кино теперь боятся ходить. Да и чего туда ходить. Пленка все время рвется, а половину времени фильм идет вверх ногами. — Он окинул любопытным взглядом худое, с твердым подбородком лицо молча

сидящего соседа. — Моя фамилия Унтермейер.

— Джон Доз. — Они обменялись рукопожатием. Представившись, одетый в серое человек смолк, с того времени, как Фергессон и Шарлотта его подобрали, он не произнес и полусотни слов.

Вытащив из кармана свернутую в трубку газету, Унтермейер бросил ее на переднее сиденье, рядом с Фергессоном.

— Вот, полюбуйтесь, что доставили мне сегодня утром.

Газета представляла собой мешанину бессмысленных слов. Неразборчивый оттиск стертого, поломанного шрифта; бледная, водянистая краска, так и не успевшая высохнуть, наложена неровными полосами. Фергессон бегло пробежал текст, с таким же успехом он мог бы этого и не делать. Путаные статьи, нить повествования вьется бесцельно и никуда не приводит. Крупный шрифт заголовков объявляет какую-то несуразицу.

— Аллен привез нам кое-какие оригиналы, — сказала Шарлотта. — Они здесь, в этом ящике.

— Без толку, — обреченно вздохнул Унтермейер. — За все сегодняшнее утро он ни разу не пошевелился. Я стоял в очереди со своим тостером, хотел его отпечатать. С чем пришел, с тем

и ушел. Поехал домой, а тут еще машина начала барахлить — ломается, наверное. Посмотрел под капот, так кто же в них понимает, в этих моторах? Ведь это не наше дело. Потыкал туда, сюда, как-то заставил ее дотащиться до бензоколонки… Проклятый металл настолько ослаб, что пальцем проткнуть можно.

Фергессон остановил бьюик перед большим белым домом, в одной из квартир которого жила Шарлотта. Потребовалось усилие, чтобы узнать это место — за месяц дом разительно изменился. Теперь его окружали деревянные леса, сколоченные грубо и неумело. Около фундамента неуверенно возятся рабочие, здание заметно завалилось набок. По стенам бегут устрашающей ширины трещины, все вокруг усеяно обломками штукатурки. Прилегающий к дому участок тротуара завален мусором и огорожен веревками.

— Сами мы не можем сделать ровно ничего, — яростно посетовал Унтермейер. — Только сидеть и смотреть, как все разваливается. Если он не оживет в самое ближайшее время…

— Все, что он печатал для нас раньше, начинает изнашиваться. — Шарлотта открыла дверцу и выскользнула из машины. — А все, что он печатает теперь, — сплошной кисель. Ну и что же теперь

делать? — Она зябко поежилась от промозглого полуденного холода. — Думаю, с нами будет то же самое, что и в Чикагском поселении.

Всех четвертых пробрал леденящий ужас. Чикаго, поселок, которого больше нет! Печатавший для них билтонг состарился и умер. Утратив последние силы, он превратился в безмолвную, неподвижную груду пассивного материала, а все улицы и дома, все вещи, которые он когда-то печатал, постепенно износились и снова стали черным пеплом, прах к праху.

— Он не оставил потомства, — прошептала Шарлотта, ее голос дрожал от страха. — Растратил всего себя на работу, на печатанье, а затем просто взял — и умер.

— Но ведь другие узнали, — хриплым голосом нарушил молчание Фергессон. — Узнали и прислали замену, когда смогли.

— Поздно было, — проворчал Унтермейер. — Поселок уже рассыпался. Только и осталось от него, что пара случайно выживших людей — совершенно голых, умирающих от холода и голода, да собаки, которые на них охотились. Проклятые твари набежали со всех сторон, для них-то там был настоящий пир.

Они стояли на рассыпающемся под ногами

тротуаре, тесно сбившись в кучу, полные страха и напряженного ожидания. Ужас отразился даже на худощавом лице Джона Доза, холодный, до костей пробирающий ужас. Фергессону очень захотелось оказаться вдруг десятком миль восточнее, у себя дома Поселок оживленный, процветающий, никакого сравнения с этим. Питтсбургский билтонг молод, в самом расцвете присущих его расе творческих сил.

Здания в Питтсбургском поселке прочные, без единого пятнышка, тротуары безупречно чистые, нога чувствует ровную, крепкую опору. Выставленные в магазинах телевизоры и миксеры, тостеры и автомобили, рояли и одежда, и виски, и замороженные персики — всё идеальные отпечатки оригиналов. Точные, подробные воспроизведения, их не отличишь от настоящих предметов, переживших войну в герметически закупоренных подземных убежищах.

— Если этот поселок рассыплется, — неловко сказал Фергессон, — кто-то из вас сможет переселиться к нам.

— А ваш билтонг сможет печатать больше, чем для сотни людей? — негромко спросил Джон Доз.

— Сейчас сможет. Вы ехали в этой машине, — Фергессон гордо указал на свой бьюик, — и сами

видели, как здорово она сделана. Почти не хуже, чем оригинал, их и отличить-то можно, только если поставить рядом и долго сравнивать. Не знаю, — он заранее улыбнулся бородатой шутке, — может, мне оригинал и достался.

— Сейчас еще рано принимать какие-то решения. — Шарлотта взяла с сиденья стальной ящик и направилась к дверям дома. — Какое-то время у нас еще есть. Идемте с нами, Бен. И вы тоже, — кивнула она Дозу, — выпейте по глотку. Он не такой уж и плохой, этот виски, — отдает малость антифризом и надпись на этике не прочитать, но в остальном — не слишком скиселенный.

Но стоило Шарлотте поставить ногу на нижнюю ступеньку, рядом возник один из рабочих.

— Туда нельзя, мисс.

— Но ведь там моя квартира! — Шарлотта яростно рванулась, ее лицо побледнело от ужаса. — И все мои вещи — я же там живу.

— Это здание опасно, — настаивал рабочий — не рабочий, собственно, а один из жителей поселка, разрушающиеся дома охранялись добровольцами. — Вы посмотрите на трещины.

— Вижу их не первую неделю. Идемте, — нетерпеливо повернулась она к Фергессону, а затем легко поднялась по ступенькам и потянулась к

входной двери.

Внушительная — стекло и хромированный металл — дверь сорвалась с петель и разлетелась вдребезги; острые как бритва осколки стекла сотнями брызнули во все стороны. Громко вскрикнув, Шарлотта попятилась, и тут же, прямо у нее под ногами, бетонное крыльцо стало рассыпаться; издав звук, похожий на громкий вздох, оно осело кучей белого порошка, бесформенной грудой легких, пересыпающихся пылинок.

Фергессон и рабочие подхватили беспомощную, барахтающуюся девушку, а Унтермейер бросился тем временем во взметнувшуюся облаком бетонную пыль и начал лихорадочно искать стальной ящик; в конце концов он нащупал его и облегченно вытащил на тротуар.

Придерживая Шарлотту, Фергессон и рабочие с трудом пробирались через останки крыльца; Шарлотта пыталась что-то сказать, но не могла, ее лицо судорожно подергивалось.

— Мои вещи! — прошептала она наконец.

— Ты ничего не повредила? — Фергессон неловко отряхивал одежду девушки. — У тебя все цело?

— В порядке я. — Шарлотта вытерла лицо, измазанное белой пылью и кровью. На ее щеке

виднелась глубокая царапина, белокурые волосы слиплись плотной массой. Розовый свитер, юбка — вся одежда разодрана, превратилась в грязные тряпки. — Ящик, его вытащили?

— Здесь он, — бесстрастным голосом сказал Джон Доз. За все это время он даже не пошевелился.

Всем телом дрожа от страха и отчаяния, Шарлотта крепко вцепилась в Фергессона, прижалась к нему.

— Посмотри, — прошептала она, показывая испещренные белыми пятнами руки. — Чернеет.

Толстый слой пыли, лежавший на ее руках, начал темнеть. Быстро, прямо у них на глазах пыль стала сперва серой, а затем угольно-черной. Изодранная одежда девушки потускнела, сморщилась, а затем, словно высохшая шелуха, потрескалась, посыпалась на землю.

— В машину ее, — скомандовал Фергессон. — Там есть одеяло, из нашего поселка.

Они с Унтермейером завернули дрожащую девушку в толстое шерстяное полотнище и усадили ее в бьюик. Шарлотта сжалась, в широко раскрытых глазах стоял ужас, ярко-красные капли крови медленно соскальзывали по измазанной черным пеплом щеке то на синюю полоску одеяла, то на

желтую…

Фергессон поднес к ее судорожно подергивающимся губам раскуренную сигарету.

— Спасибо, — сказала, а скорее, всхлипнула Шарлотта. Трясущаяся рука с трудом нащупала сигарету. — Что же нам теперь делать, Аллен? Фергессон осторожно стряхнул с белокурых волос девушки почерневшую пыль.

— Сейчас поедем, и я покажу ему привезенные оригиналы. Может, он сумеет что-нибудь сделать. Новые вещи, которые надо печатать, всегда повышают их тонус. Как знать, может, он и оживет немного.

— Ведь он не спит, Аллен. — Голос Шарлотты дрожал от ужаса. — Он умер, я это знаю.

— Жив он еще, — хрипло возразил Унтермейер, однако все они понимали безнадежность положения.

— Он отложил яйца? — негромко поинтересовался Доз.

— Пытался, — выражение лица Шарлотты говорило все и без слов. — Несколько штук проклюнулось, но не выжил ни один. Там есть еще яйца, я видела, но…

Она замолчала. Все всё понимали: отчаянная, напряженная борьба за сохранение человеческой

расы сделала билтонгов бесплодными. Мертвые яйца, погибающее потомство…

Фергессон скользнул за руль и резко захлопнул дверцу; она закрылась плохо — покоробился металл, а может — просто какая-нибудь случайность. У него волосы встали дыбом от ужаса. И здесь неидеальный оттиск — при печатании искажен какой-то элемент, крохотный, микроскопически малый, но — искажен. Скиселен даже этот шедевр, этот роскошный сверкающий бьюик. Значит, билтонг их поселка тоже начинает уставать. Рано или поздно то, что произошло с Чикагским поселком, произойдет и со всеми…

Вокруг парка рядами выстроились неподвижные, ни звука не издающие автомобили. Сам парк полон людей, у каждого — вещь, которую нужно отпечатать, отчаянно нужно. Фергессон заглушил двигатель и спрятал ключи в карман.

— А ты выдержишь? — спросил он Шарлотту. — Может, останешься лучше здесь?

— Ничего со мной не случится, — попыталась улыбнуться Шарлотта.

Теперь на ней были брюки и спортивная рубашка, подобранные Фергессоном среди остатков рассыпавшегося магазина одежды. Никаких угрызений совести он не ощущал — товар усеивал

всю мостовую; какие-то мужчины и женщины апатично его ворошили, выбирая что-нибудь подходящее. Эти вещи прослужат не больше нескольких дней.

Фергессон не стал торопиться с одеждой для Шарлотты; в одной из дальних кладовых он обнаружил целую кучу крепких, надежных рубашек и брюк, их материал явно не собирался в ближайшее время обратиться в черный порошок. Недавние оттиски? Или — удача почти невероятная, хотя и возможная — оригиналы, с которых владельцы магазина печатали свой товар? Обувной магазин еще функционировал, там Фергессон купил туфли на низком каблуке. Пояс, подобранный среди развалин первого магазина, рассыпался при первой же попытке застегнуть его на Шарлотте, так что теперь она щеголяла в собственном его ремне. Они продвигались к центру парка, впереди — Унтермейер со стальным ящиком, за ним — остальные трое. Вокруг молча стояли мрачные, нахмуренные люди, у всех в руках самые разнообразные вещи — бережно пронесенные через столетия оригиналы либо хорошие, с малыми лишь искажениями оттиски. Смесь страха и надежды превратила лица этих людей в напряженные маски.

— Вон они, — послышался сзади голос чуть отставшего Доза. — Мертвые яйца.

На краю парка под деревьями небольшую круглую площадку устилали тускло-коричневые шарообразные предметы размером с баскетбольный мяч. Все — твердые, закоченевшие. Некоторые из них были разбиты, везде валялись осколки скорлупы.

Унтермейер ударил одно из яиц ногой; хрупкое и пустое, оно развалилось на части.

— Какая-то тварь высосала его начисто, — уверенно сказал он. — Это конец, Фергессон. Думаю, тут собаки поработали, они пролезают сюда ночью и добираются до яиц. А он слишком слаб, чтобы помешать.

Толпа молчала, но от нее исходили почти осязаемые волны слепого, нерассуждающего протеста; чувствовалось, еще немного — и люди взорвутся. С покрасневшими от ярости глазами, мужчины и женщины судорожно сжимали свои вещи; плотно стиснутые в одну сплошную массу, они окружали центр парка нетерпеливым, возмущенным кольцом. Они ждали слишком долго. Они устали ждать.

— А это еще что за хрень? — Унтермейер присел на корточки перед странным, неопределенных

очертаний предметом. Его пальцы пробежали по тускло поблескивающему металлу. Очертания совершенно неопределенные, как у оплывшей восковой фигурки. — Понять не могу.

— Газонокосилка с мотором, — угрюмо объяснил стоящий рядом мужчина.

— И когда он ее отпечатал? — поднял голову Фергессон.

— Четыре дня назад. — Мужчина с ненавистью пнул предмет ногой. — Тут даже и не поймешь, что это такое, то ли газонокосилка, то ли что угодно другое. Моя старая износилась. Я выкатил из сейфа принадлежащий поселку оригинал, проторчал целый день в очереди, а в результате — вон что. — Он презрительно сплюнул. — Эта хреновина ни на что не годится, я прямо здесь ее и бросил — чего барахло домой таскать.

— Ну и что же нам теперь делать? — вмешался резкий, пронзительный голос его жены. — Старой пользоваться нельзя, на глазах рассыпается, как и все здесь. Если от новых оттисков нет толку, тогда какого же…

— Заткнись! — рявкнул мужчина; его лицо исказилось яростью, длинные пальцы судорожно сжимали обрезок стальной трубы. — Подождем еще немного. Может, он и очухается.

Словно рябь по воде, по толпе прокатился негромкий шепот вспыхнувшей надежды. Зябко передернув плечами, Шарлотта двинулась дальше.

— Лично я ни в чем его не обвиняю, только… — Она оглянулась на Фергессона и обреченно покачала головой. — Какой от всего этого будет толк? Если он не сможет печатать для нас маломальски пристойные копии.

— Он не сможет, — сказал Джон Доз. — Вы посмотрите на него! — Доз замер сам и придержал остальных. — Посмотрите и подумайте — как может он работать лучше.

Билтонг был еще жив. Старый и огромный, он расположился в самом центре парка, словно бугор мутной, пожелтевшей от старости, смолисто-густой протоплазмы. Усохшие, сморщенные псевдоподии черными змейками лежали на коричневой осенней траве. Верхушка этого бугра осела, стала почти плоской — неяркий солнечный свет постепенно выжигал из вен билтонга остатки влаги, и тот, съеживаясь, опадал, словно продырявленный пузырь.

— Господи, — одними губами прошептала Шарлотта. — До чего же жутко он выглядит!

Центральное возвышение билтонга еле замет-

но вздымалось и опадало — жалкие, бессильные движения, тщетная борьба за ускользающую жизнь. Над умирающим существом висели плотные рои мух, черных, с синим металлическим отливом. И запах, густая невыносимая вонь гниения и распада. Откуда-то снизу сочилась, образовывая лужицу, темная жидкость.

Сквозь мутную желтизну протоплазмы еле проглядывало бьющееся в агонии плотное ядро нервной ткани; в ответ на эти судорожные движения по вялой слизистой плоти расходились волны. Нервные волокна почти на глазах известковались, превращались в цепочки гранул. Дряхлость и распад; И — страдание.

Прямо перед умирающим билтонгом располагалась низкая бетонная платформа с оригиналами, вещами, которые надо скопировать; рядом с ним лежали начатые, но не завершенные оттиски — неровные комки черного пепла, замешанного на влаге его тела, — именно из такого материала и создавались оттиски. Судя по всему, какое-то время назад билтонг прервал работу и втянул внутрь себя немногие все еще функционирующие псевдоподии. Он отдыхал — и пытался не умереть.

— Несчастная тварь! — сказал Фергессон и сам

удивился своему голосу. — Ему не продержаться.

— Он сидит вот так уже битых шесть часов, — истерически взвизгнул у него над ухом женский голос. — Сидит как пень, и все тут. Может быть, он хочет, чтобы мы встали на колени и умоляли его?

— Вы не видите, что он умирает? — яростно повернулся к ней Доз. — Оставьте его, ради бога, в покое.

Ропот, прокатившийся по людскому кольцу, не сулил ничего хорошего; на Доза оборачивались, но тот хранил холодное безразличие. Стоявшая рядом с ним Шарлотта закаменела, не могла пошевелиться. Ее глаза побелели от ужаса.

— Ты поосторожнее, — негромко сказал Унтермейер. — Кое-кому из этих ребят вещи нужны буквально позарез. Некоторые пришли сюда за пищей.

Времени на раздумья не оставалось; выхватив из рук Унтермейера стальной ящик, Фергессон торопливо его раскрыл. Затем он нагнулся, вынул из ящика оригиналы и разложил их на траве, у своих ног.

По толпе снова прокатился ропот, но на этот раз — ропот пораженный и благоговейный. Фергессон почувствовал мрачное удовлетворение

— поселку недоставало именно этих оригиналов. Здесь имелись только оттиски, и далеко не лучшего качества — оттиски с оттисков, и притом дефектных. Один за другим, он собрал с земли бесценные оригиналы и направился к бетонной платформе. Полные злобы люди преграждали ему путь, но тут же, увидев оригиналы, расступались.

Фергессон положил на платформу серебряную зажигалку «Ронсон». Затем — бинокулярный микроскоп «Бош и Ломб», новенький, в черном кожаном футляре. Звукоснимающую головку для проигрывателя, тоже высококлассную, фирмы «Пикеринг», и чашу из сверкающего стойбеновского хрусталя.

— Отличные оригиналы, — завистливо произнес стоявший неподалеку мужчина. — Где это ты их добыл?

Фергессон не ответил, он не отрывал глаз от умирающего билтонга.

Билтонг не пошевелился, однако было понятно, что он заметил появление новых оригиналов.

Где-то в глубине желтой слизистой массы забегали, стали сплетаться в пучки тугие волокна. Переднее устье вздрогнуло и раскрылось. По всему этому кому волной прокатилась страшная

судорога. Затем из отверстия потекла, пузырясь, жидкость. Псевдоподия вздрогнула, доползла по устланной слизью траве до платформы, помедлила в нерешительности, тронула хрустальную чашу.

Затем билтонг собрал кучку черного пепла, смочил ее жидкостью из переднего устья. И вот возник тусклый шар, гротескная пародия на стойбеновскую чашу. Немного поколебавшись, билтонг втянул псевдоподию, чтобы набраться сил. Через какое-то время он сделал еще одну попытку, но вдруг, без всякого предупреждения, все его тело содрогнулось, псевдоподия бессильно упала, помедлила в жалкой нерешительности и наконец уползла, спряталась в массе тела.

— Без толку все, — хрипло сказал Унтермейер. — Не может он ничего, слишком поздно.

Непослушными, оцепеневшими пальцами Фергессон собрал оригиналы и засунул их в стальной ящик.

— Я, пожалуй, ошибся, — пробормотал он, с трудом поднимаясь на ноги. — Надеялся, это поможет. Мне и в голову не приходило, насколько он плох.

Убитая отчаянием, не способная вымолвить ни слова Шарлотта пошла прочь — куда попало,

ничего не видя на своем пути. Унтермейер последовал за ней, пробираясь сквозь сбившуюся вокруг платформы толпу разъяренных людей.

— Подождите секунду, — остановил их Доз. — У меня тут есть пара вещей, пусть он на них попробует.

Собравшийся уже уходить Фергессон устало ждал, а Доз сунул руку за пазуху своей грубой серой рубашки, немного там покопался и извлек какой-то предмет, завернутый в клочок старой газеты. Это была чашка, деревянная чашка для питья, грубо обработанная и неправильной формы. Со странной косой усмешкой на лице он присел на корточки и поставил чашку перед билтонгом.

— А какой смысл? — Шарлотта наблюдала за его действиями с легким недоумением. — Ну, скажем, он даже и сделает сейчас оттиск. — Она безразлично потрогала деревяшку носком туфли. — Это же такая простая штука, что ее самому можно скопировать.

Фергессон вздрогнул. Доз поймал его взгляд и несколько мгновений двое мужчин смотрели друг на друга, Доз — с легкой улыбкой, а Фергессон — напряженно замерший, начинающий понимать.

— Верно, — сказал Доз, — я сделал ее сам. Фергессон схватил чашку. Дрожа от возбуждения, он осматривал неказистую посудину снова и снова.

— Чем вы ее сделали? Я ничего не понимаю. И из чего вы ее сделали?

— Мы повалили несколько деревьев. — Доз снял что-то со своего ремня; в слабых лучах солнца тускло блеснул металл. — Вот — только осторожнее, можно порезаться.

Нож, такой же грубый, как и чашка, — кованый, неровный, ручка обмотана проволокой.

— Вы сделали этот нож? — потрясенно спросил Фергессон. — Я не верю. С чего вы начали? Чтобы сделать такую вещь, нужны инструменты. Это парадокс! — Его голос поднялся до истерических нот. — Это просто невозможно! Разочарованная Шарлотта отвернулась, безнадежно махнув рукой.

— Им же ничего не разрежешь. Вот у меня на кухне был целый набор ножей, — добавила она жалким, тоскливым голосом. — Нержавеющие, самая лучшая шведская сталь. А теперь от них остался один черный пепел.

Голова Фергессона разрывалась от миллиона бушующих в ней вопросов.

— Эта чашка, этот нож — вас что там, целая

группа? И этот материал, из которого сшита ваша одежда, — вы сами его соткали?

— Идемте, — резко бросил Доз. Прихватив нож и чашку, он быстро двинулся прочь. — Лучше убраться отсюда. Тут, похоже, дело идет к концу.

Люди начали расходиться. Бросив бессмысленное теперь ожидание, они уныло плелись к выходу из парка в надежде подобрать среди обломков рассыпающихся магазинов хоть какую-то пищу. Ожили и медленно, словно в нерешительности, куда-то укатили некоторые из машин, окружавших парк.

Унтермейер нервно провел кончиком языка по своим вялым, отвисшим губам. Толстое, мучнистое лицо пошло от страха пятнами.

— Теперь они сорвутся с цепи, — пробормотал он Фергессону. — Весь наш поселок рушится, через несколько часов не останется ничего. Ни пищи, ни жилья. — Его глаза стрельнули в сторону автомобиля, но тут же утратили блеск, поскучнели.

Такая мысль пришла в голову не одному Унтермейеру. Вокруг массивного, покрытого пылью бьюика постепенно образовалось кольцо мужчин с темными, не предвещающими ничего хорошего лицами. Словно жадные, враждебно

настроенные дети они тыкали его со всех сторон, внимательно изучали капот, бамперы, щупали фары и туго накаченные шины. Во многих руках мелькали обрезки труб, камни, куски искореженной арматуры, вырванные из обломков рассыпавшихся зданий.

— Они знают, что машина из другого поселка, — сказал Доз. — И знают, что она поедет обратно.

— Я могу взять тебя в Питтсбургский поселок, — сказал Фергессон Шарлотте. Он направился к автомобилю. — Запишу тебя своей женой. А потом уж решишь, стоит ли доводить оформление бумаг до конца.

— А как же Бен? — еле слышно пробормотала Шарлотта.

— Я не могу записать его второй женой. — Фергессон ускорил шаг. — Отвезти его я могу, но все равно ему не позволят остаться. У них ведь там система квот. Позднее, когда все поймут чрезвычайность ситуации…

— С дороги.

Унтермейер угрожающе надвигался на окруживших машину людей; они неуверенно попятились, немного помедлили, а затем расступились. Унтермейер встал рядом с дверцей, в нем откуда-то появилась быстрота, огромное тело

подтянулось, не казалось больше обвисшей тушей. — Проводите ее сюда — и следите в оба, — сказал он Фергессону.

Держа Шарлотту между собой, Фергессон и Доз протиснулись к машине. Фергессон передал толстяку ключи, тот рывком открыл переднюю дверь, втолкнул Шарлотту внутрь и сделал Фергессону знак зайти с другой стороны.

И тут окружавшие их люди ожили.

Ударом огромного кулака Унтермейер отшвырнул лидера в самую гущу следовавшей за ним толпы, а затем нырнул в дверцу, перевалился через Шарлотту и с трудом втиснулся на водительское сиденье. Взвыл, оживая, двигатель; Унтермейер включил самую малую передачу и резко нажал педаль газа. Машина сдвинулась с места. Бешеные, одичавшие люди цеплялись за нее, через открытую дверцу пытались схватить сидящих внутри.

Унтермейер захлопнул и запер дверцу. В последний момент, когда машина уже набрала скорость, Фергессон успел разглядеть взмокшее от пота, искаженное страхом лицо толстяка.

Все старания людей удержаться на гладких, скользких боках машины были тщетны; один за другим они соскальзывали, оставались по-

зади. Какой-то огромный рыжеволосый парень оседлал капот, через вдребезги разбитое лобовое стекло он остервенело тянулся к лицу сидящего за рулем Унтермейера. Унтермейер резко повернул машину; какое-то мгновение рыжеволосый еле держался, но затем руки его соскользнули, и он полетел, так и не проронив ни звука, на мостовую, лицом вниз. Яростно визжа покрышками, машина виляла, наклонялась из стороны в сторону и наконец пропала из виду, заслоненная цепочкой осевших, утративших свои очертания зданий; визг стал тише, а потом и совсем стих. Унтермейер и Шарлотта уехали; скоро они будут в спасительной безопасности Питтсбургского поселка.

На плечо Фергессона, тупо смотревшего вслед исчезавшему бьюику, опустилась тонкая рука Доза.

— Ну что ж, — пробормотал он, стряхивая с себя оцепенение, — была машина и нету. Во всяком случае, слава богу, что Шарлотта отсюда уехала. — Пошли. — В голосе Доза звучала нетерпеливость. — Надеюсь, у вас хорошая обувь — прогулка будет довольно длинная.

— Прогулка? — недоуменно моргнул Фергессон. — А куда?

— До ближайшего из наших лагерей миль тридцать. Думаю, дойдем.

Секунду помедлив, Фергессон догнал двинувшегося прочь Доза.

— Я ходил раньше, сумею и сегодня.

А за их спинами вновь собралась толпа, теперь все внимание переключилось на инертную, неподвижную кучу протоплазмы, на умирающего билтонга. Поднимался негодующий гул; бессилие этих людей, крушение надежд на захват автомобиля мгновенно превратил негромкий сперва гул в визгливую, отвратительную какофонию. Накопленная толпой злоба искала выхода в насилии; словно жидкость, без всяких рассуждений переливающаяся с высокого места в низкое, зловещая, кипящая, утратившая все человеческое, масса накатывалась на бетонную платформу.

Дряхлый, беспомощный, умирающий билтонг осознавал их присутствие, ждал их. Его псевдоподии сплелись в последней, невыносимой работе, в дрожи последнего усилия.

То, что увидел Фергессон, было страшно, чудовищно; волна душного, нестерпимого стыда заставила его забыть обо всем, стальной ящик выпал из бесчувственных, бессильно разжавшихся пальцев и с грохотом ударился о землю. Фергессон

нагнулся, тупо, словно по какой-то обязанности подобрал ящик и сжал его, не понимая, что же делать дальше. Ему хотелось убежать, убежать куда попало, куда глаза глядят, оказаться где угодно, только не здесь. В темноте и тишине, среди теней, блуждающих за границей поселка. На мертвой, усыпанной черным пеплом равнине.

В тот момент, когда разъяренная толпа бросилась на него, билтонг пытался отпечатать себе укрытие, защитную стену из пепла.

После двух часов пути Доз остановился и с размаху бросился на все вокруг устилавший пепел.

— Отдохнем немного, — буркнул он. — Приготовим еду, у меня есть кое-какие запасы. Вот как раз и пригодится этот ваш «Ронсон», если только он заправлен. Фергессон вынул зажигалку из ящика и передал ее Дозу. Холодный, полный отвратительных запахов ветер срывал с поверхности земли пепел, взбивал его в страшные, мертвые облака, носил эти облака над бесплодной планетой. Обломками костей торчали неровные, зазубренные стены, остатки каких-то зданий. Здесь и там сквозь пепел пробивались темные, зловещие стебли сорной травы.

— Все это не настолько мертво, как могло бы показаться, — заметил Доз, выбирая из окру-

жавшего их пепла маленькие обломки дерева и клочки бумаги. — Собаки и кролики — это вы знаете. Кроме того, сохранилось довольно много семян растений — только и надо, что полить пепел хорошенько, и они сразу прорастут.

— Полить? Чем? Ведь дождя больше не бывает. Что бы там ни означало это слово в прошлом.

— Нужно копать колодцы. Вода есть, но до нее нужно докопаться. — Доз разжег крохотный костерок — зажигалка оказалась заправленной. Он кинул ее подставившему руки Фергессону и занялся поддержанием огня.

Поймав зажигалку, Фергессон начал рассматривать ее так, словно увидел впервые.

— А вот такую вещь, как вы можете ее сделать?

— А мы и не можем. — Доз вытащил из-за пазухи завернутую в тряпку пищу — сушеное подсоленное мясо и обжаренную кукурузу. — Невозможно начинать с изготовления всяких сложных штук. Начинают с простого, а потом медленно, постепенно — вверх. Здоровый билтонг смог бы печатать с таких оригиналов. Наш, Питтсбургский, изготовил бы великолепный оттиск этой зажигалки.

— Знаю, — кивнул Доз. — Вот это-то как раз

нас и задержало. Пришлось ждать, пока у них опустятся руки. А ведь так оно и будет, им придется вернуться в свою систему, оставаться здесь — верная для них смерть.

Рука Фергессона судорожно сжала зажигалку.

— С их уходом уйдет и наша цивилизация.

— Эта зажигалка? — ухмыльнулся Доз. — Если вы про нее — то да, уйдет, во всяком случае — на долгое время. Но вы смотрите на ситуацию не с той стороны. Нам придется перестроиться, выкинуть из головы разную чушь и набраться новых знаний — каждому из нас. Это нелегко, по себе знаю.

— Откуда вы взялись?

— Я — один из переживших чикагский коллапс, — негромко сказал Доз. — После гибели поселка я бродил в одиночку — убивал животных камнями, спал в подвалах, руками и ногами отбивался от собак. Потом набрел на один из лагерей. Они ведь давно уже существуют — вы, друг, не знаете, но Чикаго — не первый погибший поселок.

— И вы печатаете инструменты? Вроде этого ножа?

Доз расхохотался, он смеялся долго и громко.

— Не печатаем, это называется совсем иначе,

это называется изготавливать. Мы изготавливаем инструменты, делаем вещи. — Вытащив знакомую деревянную чашку, он поставил ее на покрытую пеплом землю. — Печатать — значит попросту копировать. Не могу объяснить вам, что такое изготавливать, чтобы понять, нужно попробовать самому. Но печатать и изготавливать — две совершенно разные вещи.

Доз выстроил в ряд три предмета. Великолепный стойбеновский хрусталь, собственную свою грубую деревянную чашку и кривой пузырь — дефектный, так и не удавшийся умирающему билтонгу оттиск.

— Вот так было когда-то. — Он указал на стойбеновскую чашу. — Когда-нибудь так будет снова, но для этого нужно идти в нужную сторону — трудным путем, шаг за шагом — и только тогда все вернется.

Доз бережно спрятал хрустальную чашу в стальной ящик.

— Ее надо сохранить — не для копирования, а как образец, как цель, к которой нужно стремиться. Вы, наверное, не совсем понимаете разницу, но ничего, потом поймете.

Он указал на грубую деревянную чашку.

— А вот где мы сейчас. И не смейтесь над ней,

не говорите, что это — не цивилизация. Как раз наоборот — она простая, она грубая, но она настоящая. Отсюда мы будем двигаться вверх.

Подняв с земли дефектный оттиск, плод усилий умирающего билтонга, он мгновение помедлил, затем откинул руку назад и отшвырнул уродливый пузырь прочь. Тот ударился о землю, подпрыгнул и разлетелся вдребезги.

— А это — ничто. — Теперь в голосе Доза дрожала ярость. — Лучше уж такая чашка. Эта деревянная чашка ближе к стойбеновскому хрусталю, чем любой оттиск.

— Я вижу, вы очень горды своей деревянной посудиной, — заметил Фергессон.

— Уж не сомневайтесь. — Доз положил чашку в стальной ящик, рядом со стойбеновской. — Когда-нибудь вы и сами это поймете. Потребуется время, но в конце концов — поймете.

Он начал было закрывать ящик, но остановился и тронул пальцем зажигалку.

— Не при нашей жизни, — вздохнул Доз, опуская крышку ящика. — Слишком много промежуточных этапов. — И тут его худое лицо вспыхнуло гордостью, радостным предвкушением. — Но ей же богу, мы к тому идем.